

A black and white portrait of Nikita Khrushchev, the former Premier of the Soviet Union. He is shown from the chest up, wearing a dark suit, white shirt, and dark tie. His right hand is raised to his face, with his fingers resting near his ear. He has a serious, contemplative expression, looking slightly to the left. The background is dark and out of focus.

НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ
ХРУЩЕВ

Воспоминания

Книга 1

Никита Хрущев

**Воспоминания. Время.
Люди. Власть. Книга 1**

«ВЕЧЕ»

2016

Хрущев Н. С.

Воспоминания. Время. Люди. Власть. Книга 1 / Н. С. Хрущев — «ВЕЧЕ», 2016

Никита Сергеевич Хрущев (1894–1971) возглавлял Советскую державу в 1953–1964 гг. Свои воспоминания он начал диктовать в 1965 г., почти сразу после отставки, и продолжал работу над ними до своей смерти в 1971 г. В предлагаемой читателю книге автор ведет хронологический рассказ о своей жизни, начиная с окончания Гражданской войны (1921) и завершая XX съездом КПСС. Воспоминания писались в условиях сильнейшего противодействия властей, а потому автор не имел доступа к архивам и другим источникам информации. На него оказывалось психологическое давление, ему угрожали, но он устоял и продолжал работать до последних своих дней. Фотографии для книги предоставлены Сергеем Никитичем Хрущевым.

© Хрущев Н. С., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Предисловие редактора к первому изданию 1999 года	7
Предисловие редактора ко второму изданию	10
Краткая биография Н.С. Хрущева	11
Откуда идет род Хрущевых	13
Самый лысый и смелый. The baldest and boldest	15
Пролог	18
Часть I. Начало пути	21
Немного о себе	21
XIV партконференция	24
Несколько слов о НЭПе	26
XIV съезд партии	31
Переезд в Харьков	34
Переезд в Киев	37
В промакадемии	39
Личное знакомство со Сталиным	47
Московские будни	57
Убийство Кирова	72
Некоторые последствия убийства Кирова	84
Снова на Украине	106
Украина – Москва	126
Вторая мировая война приближается	148
Начало Второй мировой войны	160
Дела предвоенные	181
Часть II. Великая Отечественная война	201
Тяжелое лето 1941 года	201
Люди и события летом – осенью 1941 года	216
Конец ознакомительного фрагмента.	221

Никита Сергеевич Хрущев

Воспоминания. Время.

Люди. Власть. Книга 1

© Хрущев Н.С., наследники, 2016

© Хрущев С.Н., иллюстрации, 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

Предисловие редактора к первому изданию 1999 года

Завершилась почти тридцатилетняя работа по подготовке издания полного текста воспоминаний моего отца Никиты Сергеевича Хрущева. Когда он начинал диктовать их, то не раз повторял: «Они этого не допустят, я их знаю...» Отец, конечно, имел в виду тогдашних правителей страны: Брежнева, Суслова, Подгорного и других. Действительно, в июле 1970 года рукописи и магнитофонные ленты изъят КГБ. Работа остановилась. Но одновременно этот шаг власти дал толчок к публикации воспоминаний на Западе, в США. Там уже хранилась «резервная» копия воспоминаний.

В 1970 году вышел первый том «Хрущев вспоминает», а в 1974 году – «Хрущев вспоминает. Последнее завещание». Книги произвели большое впечатление на читателя. Советский лидер откровенно делился своими взглядами на мир, обсуждал пути его переустройства, рассказывал, как делалась политика во времена Сталина и в период реформ 1953–1964 годов. Двухтомник переведен с английского на 15 языков и был издан практически во всех цивилизованных странах. Кроме Советского Союза...

От всех предыдущих изданий 70-х годов в США и других странах, а также журнальных публикаций начала 90-х у нас дома нынешнее издание отличается отсутствием каких бы то ни было купюр. В американских изданиях по понятным причинам редактирование происходило без участия автора, без его консультаций. И многое из надиктованного, что, по мнению американских издателей, не представляло интереса для массового западного читателя, редакторы из окончательного текста исключили. В 1990 году в США вышел третий том воспоминаний «Хрущев вспоминает. Магнитофонные ленты гласности». В него вошли отрывки, которые, по соображениям личной безопасности, не были включены в первые две книги: кое-какие секреты, касающиеся ракет, свидетельства работы супругов Розенберг на советскую разведку и другие факты, разглашение которых могло дать властям повод для «принятия мер». Не получили тогда американцы и последние три кассеты диктовок отца. По чисто техническим причинам их не удалось передать.

Публикация воспоминаний отца у нас дома стала возможной лишь в конце горбачевской перестройки. Журналы «Огонек» и «Вопросы истории» первыми стали печатать мемуары Никиты Сергеевича Хрущева. Начав публикацию воспоминаний с февраля 1990 года, журнал «Вопросы истории» завершил ее спустя пять лет. В этом поступке проявились настойчивость и мужество главного редактора журнала А.А. Искендерова. Вскоре после журнальной публикации издательство «Вагриус» выпустило однотомник воспоминаний. В него вошли отдельные главы из «Вопросов истории». В нашей стране также стала известной пиратская публикация воспоминаний на русском языке Валерия Чалидзе. Это были маленькие желтые книжечки с распечатками отрывков с хранившихся в США в Колумбийском университете магнитофонных лент. И вот теперь, благодаря «Московским новостям», преодолев нелегкий и долгий путь к читателю, выходит первое полное издание воспоминаний в 4 книгах. Страдания и переживания позади... Все пережитое отцом, перипетии создания и публикации его воспоминаний перекликаются, как ни странно, с историей мемуаров другого российского государственного деятеля, реформатора из другой эпохи, тоже председателя правительства – Сергея Юльевича Витте. Оба в своих реформах замахнулись на многое, и обоим далеко не все удалось. Оба покинули свой пост отнюдь не добровольно, но мирно. Оба оказались как бы в тени следовавших за ними куда как менее ярких политиков. Оба писали свои воспоминания приватно, при прямом противодействии властей. Даже изданы воспоминания обоих государственных деятелей были сначала за границей, а уж потом, с большим опозданием, на Родине...

Редактировать магнитофонные записи отца оказалось нелегко. При жизни Никиты Сергеевича я успел обработать около полутора тысяч страниц. По выходным дням мы обсуждали

с отцом проделанную мной за неделю работу, вносили поправки и дополнения, и только после этого обретший окончательный вид текст шел в перепечатку.

Когда отец диктовал, ему порой не хватало собеседника, к которому он мог бы обратиться. С участием собеседника, как он говорил, у него появлялся больший интерес к этой работе и воспоминания становились живее. Но не всегда собеседник оставался молчаливым, особенно если это был Петр Михайлович Кримерман, большой друг нашей семьи, экономист, журналист и фотохудожник. Монолог нередко превращался в диалог. По просьбе отца я убирал все, что касалось второго голоса. Впоследствии, пересматривая исходные тексты, я пришел к заключению, что превращение диалога в монолог несколько обедняет текст. Но такова была воля автора, и мы не стали ничего менять в публикации, тем более что это было лишь эпизодически.

После смерти отца работа несказанно усложнилась. Требовалось не только сохранить стиль, но и не упустить ни одного нюанса, ненароком не исказить мысль. Мне кажется, что мы справились с задачей.

Настоящая публикация полного текста мемуаров завершает целый этап и моей собственной жизни, связанной с кропотливой расшифровкой и редактированием почти 4000 машинописных страниц, с работой первоначально по сохранению этих ценных для истории воспоминаний, а затем их публикации.

Вряд ли можно было это сделать успешно одному, без помощников. Одним из первых была Леонора Никифоровна Финогенова. Она одна распечатала все магнитофонные ленты – труд сам по себе гигантский. Если же вспомнить условия тех лет, в том числе и технические, то ее труд воистину можно назвать подвигом. Не сломили Леонору ни запугивания КГБ, ни угрозы лишить ее свободы. К счастью, до ареста дело не дошло.

У истоков этой работы стоял муж моей племянницы Юли, журналист Лев Петров. Его убежденность в чрезвычайной важности мемуаров оказала определенное влияние на решение отца в момент колебаний: «Начинать? Не начинать?» К сожалению, Лева не смог активно участвовать в дальнейшей работе. Вскоре он тяжело заболел, дни его были сочтены. И, конечно, мама, Нина Петровна, – хранитель семейного очага. Она оберегала нашу работу как могла. В самом начале, пока на нашем горизонте не появилась профессиональная машинистка Леонора Никифоровна, мама печатала сама.

Большую работу проделал редактор журнала «Вопросы истории» Анатолий Яковлевич Шевеленко. Он редактировал весь журнальный вариант воспоминаний, сверял все имена и даты, ряд фактов и т. д.

Огромное спасибо тем, кто в те годы рисковал, помогая нам уберечь воспоминания от конфискации, в первую очередь моему другу профессору Московского технического университета (МВТУ им. Баумана) Игорю Михайловичу Шумилову, сохранившему копии магнитофонных лент и распечатки. Часть пленок находилась на хранении у мужа моей покойной сестры Елены профессора Виктора Викторовича Евреинова.

И отец, и я понимали, что все наши усилия могут пойти прахом, если не переправить воспоминания в одну из западных стран. Отправка десятков магнитофонных лент и тысяч страниц рукописи по ту сторону границы – дело непростое. Браться за него самим, без помощников, нечего было и думать. Хорошо, что помощники нашлись. Не все действовали бескорыстно, но не это главное. Они оказались людьми надежными. Я не знаю всех имен. Тогда, в условиях строжайшей конспирации, любое знание таило в себе опасность. Поэтому я назову только некоторых из них. Луи Виталий Евгеньевич взялся «дирижировать» эту опасную затею. Ему это блестяще удалось. На начальной стадии помогал ему Лев Петров. Конечно, все участники этой операции были обыкновенными гражданами, вступившими в игру с профессионалами. И могли «погореть» немедленно. Но в КГБ нашлись люди, которые в силу различных

причин решили помочь нам, сделали вид, что ничего не происходит. Одним из них, кажется, был и Юрий Владимирович Андропов. Скорее всего, он уберег нас от неизбежного провала.

С американской стороны судьбой рукописей занимался Джеролд Шехтер, в то время представитель журнала «Тайм» в Москве. Со своей миссией он справился превосходно, а уж как он все это проделывал, кто ему помогал, знает лишь он один. Переводил тексты на английский язык и редактировал их Струб Тэлботт, человек прекрасной души, высокой научной порядочности. Он донес до читателя не только содержание, но и дух, образ автора, сохранив неизменную благожелательность даже в тех случаях, когда отец весьма резко отзывался о его родине, Соединенных Штатах Америки.

Мой сын, Никита Сергеевич Хрущев-младший, приложил немало сил к тому, чтобы наша общая мечта реализовалась, чтобы книга на русском языке стала реальностью. Осуществить это решили издательский дом «Московские новости» и его президент Вайнштейн А.Л. Редактирование, составление, подготовку к изданию четырехтомника взял на себя Резниченко Г.И., опытный редактор и публицист, в недалеком прошлом ответственный секретарь журнала «Новый мир». Издание включает в себя как сами воспоминания с вариантами магнитофонных записей Н.С. Хрущева, так и сопутствующие тому периоду документы и материалы, которые даются в «Приложении», а также богатый справочный аппарат. Такой подход делает мемуары Н.С. Хрущева доступными более широкому кругу читателей, не только ровесникам описываемых событий, но и тем, кто строит новую Россию. Я сердечно благодарю «Московские новости» и всех его сотрудников, прямо или косвенно причастных к этому изданию.

Сергей ХРУЩЕВ

Предисловие редактора ко второму изданию

В 2014 году исполнилось 120 лет со дня рождения Н.С. Хрущева. Он стоял у руководства Советским Союзом с 1953 по 1964 год, в непростое время становления страны в статусе сверхдержавы и одновременно реформирования политической и экономической структур государства и общества, сравнимых разве что только с реформами Александра II. После отставки Никита Сергеевич выговорился: надиктовал более 200 часов воспоминаний, очень личных и откровенных. В них он рассказывает правду об эпохе, о себе, о людях, которые творили историю, о достижениях и поражениях, радостных событиях и весьма горестных.

Четырехтомник «Воспоминаний» был издан в России «Московскими новостями» в 1999 году и давно разошелся по читателям. Сознвая ценность этого документа для нашей истории, ее понимания новым поколением россиян, и не только их одних, мы намеревались переиздать этот труд к юбилею, но не получилось. Но ничего страшного, главное, сделать дело, хоть и с запозданием.

Нынешняя публикация отличается от предыдущей, она планируется в двух, а не четырех томах, включающих полный текст мемуаров и набор уникальных фотографий из семейного архива, сопровождаемых подробными комментариями и краткими биографиями многочисленных участников событий тех лет.

Мы решили не включать в новый текст усложнявшие чтение варианты диктовок и документы, часто имевшие отношение к эпохе, а не напрямую к Н.С. Хрущеву. Оставили лишь самую малость, без которой оказалось не обойтись. Не обошлось и без добавок. Читатели найдут в приложении хронологию, отражающую публичную активность Н.С. Хрущева: встречи, поездки, совещания и, еще, библиографию публикаций самого автора и о нем, все, что удалось разыскать составителю, Ирине Леандровне Линден, заместителю директора Государственной публичной библиотеки в Санкт-Петербурге. Огромная ей за это благодарность. Нам кажется, что и хронология, и библиография окажутся полезными не только исследователям, но и просто читателям. Решили мы обойтись и без наукообразного предисловия, его место заняло изящное эссе, написанное Андреем Битовым в самолете, по пути из Берлина в Москву.

Сергей ХРУЩЕВ

Краткая биография Н.С. Хрущева

Никита Сергеевич Хрущев родился 15 апреля 1894 г. (по старому стилю – 3-го) в селе Калиновка Курской губернии в крестьянской семье. Работал там по найму пастухом, в зимние месяцы учился в начальной школе.

В 1908 г., когда Никите исполнилось 14 лет, его семья переехала в Донбасс на Успенский рудник, недалеко от Юзовки. Здесь Никита снова нанялся пасти коров, чистил котлы на шахтах. Вскоре его взяли на завод учеником слесаря. Он учился и помогал ремонтировать оборудование окрестных рудников.

В 1912 г. 18-летний Никита Хрущев участвовал в сборе денежных пожертвований на заводе в пользу семей рабочих, убитых на Ленских приисках. Известие о Ленском расстреле вызвало забастовки и в Юзовке. По требованию пристава Хрущева в числе других активистов стачки уволили с завода. Он стал работать слесарем на крупной по тому времени шахте № 31.

В 1917–1919 гг. Н.С. Хрущев был избран председателем комитета бедноты села Калиновка. Участвовал в Гражданской войне. В 1925 году он окончил рабочий факультет Донецкого индустриального института, в 1929 году учился в Промышленной академии в Москве. Затем была государственная и партийная работа:

1924–1930 гг. – на партийной работе в Донбассе, Харькове и Киеве.

1931–1932 гг. – секретарь Бауманского, Краснопресненского райкомов партии г. Москвы.

1932–1934 гг. – второй секретарь Московского городского комитета партии.

1934–1935 гг. – первый секретарь МГК и второй секретарь МК партии.

1935–1938 гг. – первый секретарь МК и МГК партии.

1938–1949 гг. – первый секретарь ЦК КП(б) Украины, Киевского обкома и горкома партии.

1944–1947 гг. – одновременно Председатель СНК (с 1946 г. Совета Министров) Украинской ССР.

1941–1945 гг. – член военных советов юго-западного направления, Юго-Западного, Сталинградского, Южного, Воронежского, 1-го Украинского фронтов, вел большую работу по организации партизанского движения на Украине.

В 1943 г. присвоено воинское звание генерал-лейтенанта.

1949–1953 гг. – секретарь ЦК ВКП(б) (КПСС), одновременно первый секретарь Московского областного комитета партии.

1953–1964 гг. – первый секретарь ЦК КПСС.

1958–1964 гг. – одновременно Председатель Совмина СССР.

1956–1964 гг. – одновременно председатель Бюро ЦК КПСС по РСФСР.

С 1964 г. – на пенсии. 14 октября 1964 г. освобожден пленумом ЦК КПСС от обязанностей первого секретаря ЦК КПСС, члена Президиума ЦК КПСС и Председателя Совмина СССР.

Депутат Верховного Совета СССР 1–6-го созывов, депутат Верховного Совета РСФСР 2–5-го созывов.

Член партии с 1918 г. С 1934 г. – член ЦК партии; в 1938–1939 гг. – кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б); 1939–1952 гг. – член Политбюро ЦК КПСС; 1952–1964 гг. – член Президиума ЦК КПСС.

Трижды Герой Социалистического Труда. Герой Советского Союза. Лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». Награжден орденами и медалями Советского Союза.

Жена, Нина Петровна, преподаватель, умерла в 1984 г. Сын, Сергей Никитич, доктор технических наук, инженер по электронике и системам управления. Дочери Юлия, Рада, Елена. Сын Леонид погиб на войне.

Откуда идет род Хрущевых (Историческая справка)

За основу поиска взяты «Воспоминания Н.С. Хрущева», биографические справки из второго и третьего изданий Большой советской энциклопедии и вышедшая в 1990 году книга публициста Ф. Бурлацкого «Вожди и советники», где приведены факты, относящиеся к курскому периоду жизни Н.С. Хрущева.

Во втором издании Большой советской энциклопедии (1957 год) сказано: «Хрущев Никита Сергеевич родился 17 апреля 1894 года в семье рабочего-шахтера в с. Калиновка Курской губернии». Дата рождения указана по новому стилю. В третьем издании БСЭ (1978 год) дата рождения указана уже по старому и новому стилю – 5 и 17 апреля 1894 года и сказано, что Н.С. Хрущев родился в семье шахтера. Ф. Бурлацкий в книге «Вожди и советники» называет дату рождения (по старому стилю) 4 апреля, допуская, таким образом, ошибку при пересчете с нового стиля (17 апреля) на старый. Пересчитывая даты прошлого века, прибавляют 12 дней, а с XX века – 13.

В архивном фонде «Церкви Курской губернии» удалось разыскать метрические книги Архангельской церкви за 1894 год с указанием дня и года рождения Н.С. Хрущева. Эта церковь находилась в родном селе Никиты Сергеевича – Калиновке Дмитриевского (Дмитросванского) уезда Курской губернии, и там должна была быть запись о рождении в семье Хрущевых младенца. И вот эта метрическая запись. Она гласит о том, что 3 апреля (по старому стилю, а по новому – это 15 апреля) у крестьянина села Калиновка Сергея Никаноровича сына Хрущева и законной жены его Аксины дочери Ивановой родился сын. В тот же день был крещен и наречен Никитой. Его крестными родителями стали «того же села крестьяне Стефан Николаев сын Зуев и Варвара Васильева дочь Худякова».

Таким образом, архивные документы свидетельствуют: Никита Сергеевич Хрущев родился не в семье шахтера, а в семье крестьянина и не 4 или 5 апреля, как указывают официальные издания, а 3 (по новому стилю – 15) апреля 1894 года.

Выявив эту первую метрическую запись, решено было проследить генеалогию крестьянского рода Хрущевых.

Основным источником при поиске этих сведений стали хранящиеся в архивном фонде Курской казенной палаты ревизские сказки – документы переписи населения дореволюционной России. Использовались и частично сохранившиеся за несколько лет документы уже упоминавшейся Архангельской церкви. Сложность заключалась в том, что последняя, 10-я ревизия проводилась в 1858 году, а это означает, что в лучшем случае можно было рассчитывать на выявление сведений, имевших отношение к деду Н.С. Хрущева. В исповедной ведомости Архангельской церкви за 1866 год была найдена запись лишь об одной семье Хрущевых, глава которой – Сергей Федорович Хрущов (так в тексте) – 70 лет; его жена Ульяна Ермолаева – 54 лет; их дети Иван, Николай, Мария и 14-летний Никанор. Следовательно, Никанор – это дед Никиты Сергеевича. Можно считать это достоверным, так как отца Н.С. Хрущева звали Сергей Никанорович.

Следующий шаг – в глубь времен. В ревизских сказках за 1858 год (10-я ревизия) среди крестьян села Калиновка (крепостные помещицы тайной советницы Елизаветы Федоровны Левшиной) сведения есть также лишь об одной семье Хрущевых, глава которой Андрей Фомич Хрущев умер в 1851 году в возрасте 72 лет. Детей, по-видимому, у него не было, но упомянут племянник – Сергей Федорович, жена племянника – Ульяна Ермолаева и их дети – Иван, Николай, Мария и Никифор. Значит, в ревизской сказке и в исповедной ведомости речь идет об одной и той же семье. Есть, однако, одно расхождение: значащийся в исповедной ведомости

14-летний Никанор в ревизской сказке записан как Никифор. Это явная описка. Нет сомнений, что речь идет об одной и той же семье.

В ревизских сказках 9-й ревизии (1850 год), а затем и 8-й (1834 год) выяснились два интересных момента. Первый: оказывается, семья Андрея Фомича Хрущева была перевезена в Калиновку в 1834 году из соседнего села Хомутовка того же Дмитриевского уезда, очевидно, по распоряжению помещицы. И второй: Сергей Федорович и Федор Фомич Хрущевы, по переписи 1834 года, «показаны в бегах» с 1816 года. Правда, затем отдельно в ревизской сказке о «лицах, явившихся из бегов» указан Федор Фомич Хрущев – 53 лет. О сыне же его Сергее не упоминается. Видимо, он вернулся в родное село позже 1834 года.

Сведения о Федоре Фомиче и Сергее Федоровиче Хрущевых прослеживаются до 1811 года включительно, когда проходила 6-я ревизия.

В Калиновке Хрущевы прожили до 1908 года.

Как и во многих селах России, в Калиновке, как уже говорилось, была церковь, построенная еще в 1760 году. К числу местных достопримечательностей можно было отнести и помещичий дом. О нем вспоминал впоследствии Никита Сергеевич как о единственно уцелевшем строении – «дворце» – из всего разрушенного во время революции, «разобранного по кирпичам помещичьего хозяйства».

В 1906 году в Калиновке была открыта земская школа, здесь учился маленький подпасок Хрущев. Никита Сергеевич вспоминает Калиновскую школу и своих одноклассников Алюскина и Слободчикова. А в своих выступлениях не раз упоминал свою первую учительницу Лидию Михайловну Шевченко, есть даже кадры кинохроники 50-х годов – Лидия Михайловна и Н.С. Хрущев на студенческой новогодней елке в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца.

На курской земле побывал Никита Сергеевич в 1919 году. Он воевал в рядах Красной Армии в составе частей 9-й стрелковой дивизии и в родную Калиновку приехал навестить жену и детей, которые жили у его родителей. Свидание оказалось трагическим – молодую свою жену Евфросинью он увидел в гробу, она умерла от тифа.

В 1943 году, накануне Курской битвы, член Военного совета Воронежского фронта Н.С. Хрущев своими глазами видел разоренную войной, испепеленную курскую землю. Послевоенные посещения Хрущевым Курского края носили как официальный, так и частный характер. В архиве сохранились фотографии его приездов в Калиновку, на Михайловский горно-обогатительный комбинат и Курское производственное объединение «Химволокно».

Л. ЛАСОЧКО, сотрудник Государственного архива Курской области

Самый лысый и смелый. The baldest and boldest

С этого начинается портрет Хрущева: самый лысый и самый смелый (что неплохо звучит по-английски).

То есть портрет его и начинается с портрета: лысый, круглый, нос картошкой, оттопыренные уши, живот и косоворотка. Над ним смеялись, никто до сих пор не заметил, что смех этот уже был свободой. Что это был отдых от того портрета. Смелость же скрылась за внешностью. Он за нею прятался еще при Сталине. Косоворотка, живот... это все для того гопака и арбуза, которыми он усатого развлекал. Он надолго запомнил свое унижение: он усвоил сталинский урок.

Природа помогла ему, создав его лицо. Она слепила его наспех, из катышков теста. Так детям дают слепить пирожок из остатков от настоящего пирога. И Никите пришлось учиться всему. Когда говорят о его недостаточной образованности, забывают, сколь многому он научился. Получив от природы то, что он получил: самое открытое, самое непосредственное, можно сказать, глупое лицо, – он закрыл на него, как на замок, свое сокровище: не только смелость, но и гордость, но и силу, но и волю, но и ум. То есть стал цельным человеком. Характером. Большие политики как раз и делаются из цельных людей. Обратите внимание.

Такой подход помогает нам уточнить расхожие понятия народности и народного характера. Сталинское искусство много работало над этим, порождая своих народных артистов. Все они были как бы выдвиженцы из масс и оттого пользовались несравненной, надо сказать, в народе популярностью. К искусству это, может быть, имело и мало отношения, но Сталин недаром любил кино. Ему нравились режиссеры. Отчасти он сам им был – на съемочной площадке в одну шестую часть света. Взгляните на его коллекцию членов политбюро: один в пенсне, другой с пашкой на боку, у третьего усы шире плеч, четвертый – достаточно, что армянин или еврей...

Все они смеялись в обязательном порядке над одной и той же сталинской кинокомедией в сталинском просмотрном зале – «Волга-Волга». Хрущев подсел в зал последним: этакий завхоз с парусиновым портфелем – сошел прямо с экрана, в роли народного артиста Игоря Ильинского. Только уж до того народный, что уже и не артист, слишком народный, слишком из масс – никакого почтения.

Таким же он вышел, отодвинув сталинских соколов, к нам. Мы облегченно смеялись. Над тем, как он в Англии провозглашал тосты за Шерри-Бренди. Над тем, как он в хронике катился шариком вперед маршала Тито с красавицей Йованкой-Броз. Над тем, как он догонял Америку по мясу и молоку, заставляя всех отведать кукурузный початок вместо рукопожатия.

И мы не заметили, что все это происходило впервые в истории. Впервые наш генсек выехал в Англию и был там принят с почестями. Впервые он встретился в Югославии с «собакапалачом Тито». Впервые наш премьер попал в Америку, где был принят с восторгом, откуда и вернулся с кукурузным початком. Что впервые нам угрожают початком, а не дулом.

Всему этому предшествовала невиданная историческая смелость – смелость доклада на XX съезде. Заслуги Хрущева в деле разоблачения культа чаще всего бывают отмечены. Но вот эта головокружительная смелость... Ведь там был момент, когда он был один! Не один как тиран, а один как исторический деятель. ДЕЯТЕЛЬ. То есть делающий дело. То есть для всех. С риском для жизни, а не только для карьеры. Ей-богу, легче его было тогда пристрелить...

Все это было многократно описано, а у меня недостаточно точная память, чтобы воспроизвести. Хотя надо бы. Это была, во-первых, великолепная многоходовка заговора против заговора. И в этом ему помог маршал Жуков. Эти сонные, чуть ли не в кальсонах, чуть ли не с автоматчиками, посаженные в военные самолеты члены Пленума ЦК со всех концов Союза, по привычке, наверно, подумавшие, что их сейчас расстреляют и не надо было, не надо было

трогать Берию... и вот они же, уже не расстрелянные, а в зале заседаний, готовые поддержать любую смену власти, любой поворот, лишь бы... И вот Никита Сергеевич (значит, пока все еще «наш») откладывает в сторону листы «согласованного» доклада и впервые в партийной практике зачитывает страницы доклада, ни с кем не согласованного...

С грифом «секретно» «закрытый» доклад был зачитан вслух всем на общих собраниях. Первый случай гласности был облачен в форму секретности для всех. Своеобразный случай самиздата, основоположенного при Хрущеве.

Из музыки же любил песню «Рушничок»... Дав добро Солженицыну, обзывал педерастами художников в Манеже. Зато какую славу породила его ругань! Мировую! Евтушенко, Вознесенский, Неизвестный, Хуциев, Аксенов, Ахмадулина... Все эти и другие имена. Это после него перестали критиковать, расправляться с неизвестными по одиночке, – били сквозь вату без синяков.

Что сделал сам Хрущев и что сделано при Хрущеве?

Вызвал он Карибский кризис или предотвратил вместе с Кеннеди?

ГДР, Польша, Венгрия – 1956...

Берлинская стена!

Зато туфлю в ООН он стучал сам.

Кто же этот кузнец, туфлю ковавший металл, кто же этот сапожник, кузнечным молотом пытавшийся заколачивать сапожные гвоздики?

«Он хотел перепрыгнуть пропасть в два прыжка» (Черчилль).

Все это ИСТОРИЯ. А не одна лишь наша с вами неожиданная радость свободы. Все это ИСТОРИЯ потому, что Никита впервые позволил ей сделать самостоятельный шаг, отпустив ЕЕ на свободу.

Вот с тех пор и бродит она по Руси, как пьяная.

И это уже космос. С человеком на борту.

Реабилитация. Как быстро мы оттаяли! Наш неокрепший либерализм посмеивался уже над ее качеством: над казенщиной полубумажек, даривших свободу убиенным, над мизерностью компенсаций семьям и пенсий выжившим, над убожеством хрущоб, где им предоставили... Но забывают, что бумажек-то гнусеньких этих надо было выдать, как и квартир, как и компенсаций, МНОГИЕ-МНОГИЕ МИЛЛИОНЫ! А тут еще кукурузу насаждать, в космос запускать, съезды созывать, догонять Америку по мясу и молоку. Звезды раздавать и получать, плотины в Африке строить, Белка, Стрелка, Гагарин... Вот что трудно теперь вспомнить, а тогда понять: он работал среди тех же людей, в том же сталинском окружении, где не могли и подумать, где не сомневались в системе и всякое сомнение продолжали считать преступлением. Свято верили. Суслов всегда под боком... Он работал с НИМИ и сам был из НИХ.

Критики не могло быть – могли быть только отдельные ошибки. Но и возможность признания ошибки была впервые осуществлена Хрущевым. Зато какую же он выбрал ошибку для начала! ОШИБКУ. ОШИБИЦУ. Самого Сталина.

Роль Хрущева нельзя преуменьшить, потому что невозможно преуменьшить Сталина, хотя бы как злодея. Сталин – не ошибка, это Хрущев был ошибкой. Ошибкой было появление у власти человека.

«Микоян рвет трубку...» Как искренне он радовался поговорить то с Кеннеди, то с космосом! Трубку вырвали. Ошибку устранили. С нечеловеком проще.

Рассказывают также, что когда это случилось, Хрущев не мог поверить, но зато тут же ПОНЯЛ. Он хорошо все это знал, и вот – размялся, почил на лаврах, потерял бдительность... Оказавшись запертым на даче, где те же охранники уже не его, а от него охраняли, он все бегал по дорожкам сада своей стремительной легкой походкой, время от времени хватаясь за голову. Да, у него была именно такая – легкая и стремительная походка, которая как раз бывает у весьма толстых людей... Этого мы тоже не заметили, смеясь над его толщиной. Он

бегал по саду и хлопал себя по лбу с возгласом: «Дурак! Не успел!» Что же он такое не успел? Предотвратить заговор?.. Поскольку метался он так ритмично и так непрерывно, как зверь в клетке, обеспокоенные родные попробовали его утешить. В том смысле, что многое все-таки успел... «Дуры! Бухарина реабилитировать не успел!»

Остается гадать, почему же именно Бухарина. Это для историка и политолога. Не думаю, что потому, что он хоть как-нибудь его жалел или ценил. Думаю, что Бухарин мог быть нужен для того, чтобы, не изменяя внешне идею коммунизма, свернуть шею и ленинско-сталинской догме о деревне.

Это была бы следующая по масштабам ОШИБКА. Но двух таких ошибок слишком много для одной исторической фигуры. И он затеял пробную: отменять ПАЙКИ, то есть спецобслуживание. А вот это уже была не просто ошибка, а – НЕПРОСТИТЕЛЬНАЯ. Все еще терпевший его, под гипнозом все еще сталинской власти генсека, аппарат именно этого ему не простил. То есть он за это ВСЕ ему не простил.

Впрочем, и это уже Высшая Справедливость, остался Хрущев жив, не объявленный врагом народа и не расстрелянный лишь потому, что сам же это подготовил разоблачением культа и реабилитацией. Такое было уже невозможно.

Оставалось выращивать помидоры.

Всем нам памятно, сколько Хрущев намудрил с сельским хозяйством. Но – талант не отнимешь. Был у него мужицкий талант, и выросли у него в огороде самые большие помидоры в округе, которыми он так гордился, что все не мог их собрать, ловя осеннее солнышко, все выбегал каждое утро смотреть, не стали ли они еще больше и краснее... Ладно, завтра соберу, думал каждый раз он, пусть еще повисят... И вот выходит старик в одно такое утро – а они уже черные: ночью случился заморозок. Рассказывают, что это горе он пережил гораздо сильнее своего снятия. Чуть ли не инфаркт, чуть не умер.

Умер он немногим позже.

Я видел его последнюю фотографию. Он очень исхудал. Он странно, я бы сказал, элегантно одет. На нем мягкая шляпа «борсолино» и пальто с пелериной. Он опирается на трость. Все это на нем вполне сидит. Уши у него практически не торчат. Черты лица сильные. И он смотрит на вас человеческим взглядом. Таким ясным, горьким, понимающим именно вас и прощающим.

И еще вышла Высшая Справедливость: его похоронили как человека. Не набальзамировали, не замуровали. Не сожгли. В землю. В Новодевичьем монастыре.

Андрей БИТОВ

Москва – Берлин, апрель 1994

Пролог

Ко мне давно обращаются мои товарищи и спрашивают (и не только спрашивают, но и рекомендуют), собираюсь ли я писать свои воспоминания, потому что я и вообще мое поколение жили в очень интересное время: революция, Гражданская война и все, что связано с переходом от капитализма к социализму, развитием и укреплением социализма. Это целая эпоха. Мне выпало на долю принимать активное участие в политической борьбе с первых дней моего вступления в партию. Я все время занимал какие-то выборные должности. Войны, Гражданская и Отечественная, внутренние события широко освещены в печати. Но есть и «белые пятна», которые многим непонятны. Да и мне они были долгое время непонятными. После смерти Сталина, когда мы получили возможность приобщиться к тем архивным материалам, которые нам были неизвестны, многое предстало в ином свете. Раньше было только слепое доверие, которое мы питали к Сталину, и поэтому все, что делалось под его руководством, освещалось как необходимое и единственно правильное. Когда же мы сами начали несколько критически мыслить, то стали проверять факты, насколько это возможно, по архивным данным.

Многие люди, которые со мной встречаются, спрашивают, пишу ли я свои воспоминания о периоде, в котором я живу. Все мне доказывают, да я и сам понимаю, что это очень ответственный и важный период истории, и поэтому люди хотели бы знать о нем от человека, непосредственно жившего в это время и занимавшего высокое положение, которое выпало на мою долю. Я хотел бы, чтобы будущее поколение получило возможность самому оценивать явления, которые протекали в период, в который я жил. Этот период очень ответственен и велик величием дел, которые совершались партией по перестройке промышленности, сельского хозяйства, культуры и управления государством. Одновременно с этим много было сделано такого, что мешало нашему развитию, и если бы это не было допущено, то достижения были бы еще более грандиозными.

Я понимаю заботу моих товарищей, настоятельно рекомендовавших мне взяться за перо. Пройдет время, и буквально каждое слово людей, живших в наше время, станет «на вес золота». Тем более тех людей, кому выпала доля близко стоять у руля, который направлял весь огромный корабль на перестройку общественно-политической жизни нашей страны и тем самым оказывал огромное влияние на мировое развитие. Однако я должен буду работать, не пользуясь фактически архивным материалом. Это слишком сложно, да и в моем положении сейчас, вероятно, невозможно.

Я хочу быть очень правдивым и буду ссылаться на факты так, чтобы будущее поколение (а я пишу для него) могло их проверить. Я буду указывать источники, к которым надо прибегнуть, чтобы более детально узнать, проверить и понять факты. По вопросам, которые я считаю особенно интересными для будущего поколения, факты были записаны протокольно. С ними можно будет детально ознакомиться. Сейчас эти архивные материалы недоступны, но они станут достоянием всех. Да и сейчас я считаю, что большинство материалов не являются закрытыми.

Я хотел бы высказать свое мнение по ряду вопросов, зная по опыту, как будущее наше поколение будет охотиться за каждым словом об этом важнейшем и ответственнейшем периоде, в котором мы жили, творили и создали мощное государство. Это делалось нашими усилиями, усилиями народа, партии и руководителей того времени, которые были организаторами масс. Мне повезло: я тоже был в их числе, в разное время и на разных этапах, от самого маленького звена нашей партии – первичной партийной организации и вплоть до высшего руководящего органа – ЦК партии, его Политбюро и Президиума, постов Председателя Совета Министров и первого секретаря Центрального Комитета. Мне приходилось присутствовать

при решении многих вопросов, быть участником претворения в жизнь принятых решений, участником событий этого ответственного периода. Считаю поэтому своим долгом высказать свое мнение.

Заранее знаю, что нет такого мнения, которое бы всех удовлетворяло, да я и не преследую этой цели. Но хотел бы, чтобы среди тех мнений, которые будут в той или иной форме записаны и останутся как наследство для будущих поколений, и мое мнение было известно. Такие мнения были по отдельным вопросам и общими, и разными. Это естественно. Ничего противоречивого тут нет. Да, собственно, так и в дальнейшем будет. Истина рождается в спорах. Даже в одной партии, стоящей на одной, принципиальной марксистско-ленинской позиции, у людей могут быть разные понимания, разные оттенки при решении того или другого вопроса. Живя во время, которое требует гибкого подхода к решению тех или иных вопросов, я знаю, что возникнут разные точки зрения и, возможно, даже противоположные, но это меня не смущает.

Я полагаюсь на тех людей, которые будут как бы судьями. Судить же будет народ, который станет знакомиться с этими материалами и делать свои выводы. Не думаю, что то, что я скажу, — обязательно истина. Нет, истину будет находить каждый, сопоставляя разные точки зрения по тому или другому вопросу в то или другое время. Только этого я и хочу. Глуп тот, кто хотел бы все подстричь под одну гребенку, а все, что не подходит под нее, все это объявить ересью, глупостью, а может быть, даже преступлением. Пусть судит сама история, пусть судит народ.

Поэтому заранее прошу извинить за то неправильное, что читатель может найти в моих записях. Это моя точка зрения, я так сейчас смотрю, так понимаю, так и пишу. Не хочу приспособливаться и поэтому не хочу умалчивать, не хочу замазывать, не хочу приглаживать, не хочу лакировать нашу действительность. Она не требует этой лакировки, потому что она сама по себе грандиозна. Ведь мне посчастливилось жить в такое переломное время, когда старый, сложившийся уклад жизни на буржуазно-помещичьей основе мы сломали, сбросили его и строим новую жизнь на основе новых и теории, и практики.

Теория без практики — это мертвая теория. Нам пришлось на основе самой прогрессивной, марксистско-ленинской теории прокладывать путь практике. Это очень сложно, поэтому тот период не исключает ошибок и промахов, вольных или невольных. Как говорится, да простят нас потомки, учитывая, что это был первый опыт. Поэтому он единственный, а уж второй — какое-то его повторение. Пусть и судят нас с учетом условий, в которых мы жили и творили. Мы поработали и только потом начали заниматься воспоминаниями, чтобы не упустить того хорошего, что в нашей истории создано нами, партией, рабочим классом и трудовым крестьянством, и не повторить тех ошибок и, я бы сказал, преступлений, которые были совершены якобы во имя партии и якобы для партии. Сейчас ясно, что это было злоупотребление властью. Причина происхождения этого злоупотребления освещалась в докладах на XX съезде партии и повторно в какой-то степени на XXII съезде партии. Я считаю, что все, что было по этому поводу сказано, было правильным. Я и сейчас стою на этих же позициях и именно с них буду рассказывать об ответственном времени кануна Великой Отечественной войны и военного периода и потом последовательно стану излагать ход событий, насколько у меня хватит сил, так, как я его видел, понимал и оцениваю сейчас.

С чего же начать? Думаю, что надо начинать с фигуры Сталина. Почему? Потом, дальше (если мне удастся довести дело до конца) это будет ясно. А если тут же дать в какой-то степени объяснение, то можно сказать, что до смерти Сталина мы считали, что все, что делалось при его жизни, было безупречно правильным и единственно возможным для того, чтобы выжила революция, чтобы она укрепилась и развивалась. Правда, в последний период жизни Сталина, до XIX съезда партии и особенно сразу же после него, у нас, людей из его близкого окружения (имею в виду себя, Булганина, Маленкова и в какой-то мере Берию), зародились уже какие-то сомнения. Проверить их мы тогда не имели возможности. Только после смерти Сталина, и то

не сразу, у нас хватило партийного и гражданского мужества открыть занавес и заглянуть за кулисы истории. Тогда я и узнал некоторые факты, которые хочу осветить.

Часть I. Начало пути

Немного о себе

В детстве я сначала жил в деревне и любил крестьянский быт. Но в основном детские годы я провел на рудниках с отцом, который работал на угольных копях. Особенно в моей памяти сохранилась его работа на шахте Успенской, в четырех верстах южнее Юзовки¹. Сам я трудился в юности на машиностроительном заводе, потом на руднике, потом служил в Красной Армии.

В нашей деревне Калиновка Курской губернии хозяйства были небольшими, скорее маленькими. У крестьян не было техники, только соха и плужок. Правда, соха встречалась уже редко. Одноконный плужок был рассчитан на слабую крестьянскую лошадь. Плуг, позволяющий пахать глубоко, крестьянская лошадь не потянула бы. Как правило, крестьянин пахал землю плужком в упряжке одной лошадей, в одну лошадиную силу. Минеральных удобрений совсем не было, даже понятия о них не имели.

На моей родине главным образом производились пшеница на продажу и овес для соседнего конного завода. Там был прекрасный конный завод. Хозяйство велось на очень высоком уровне, хотя тракторов у помещиков в то время не было. Пахали глубоко, навоза вносили много. Видимо, у них имелся селекционный семенной материал, хороший, отборный, поэтому урожай получали по тому времени для крестьянина совершенно немыслимый: 30–35 центнеров пшеницы с десятины.

В 1908 году отец и мать нанялись в богатое имение помещика Васильченко. Я уже был подростком, мне исполнилось четырнадцать лет, и я там работал на пахоте погонщиком волов. Труд для моего возраста был тяжелым, надо было поднимать ярмо, запрягая волов в плуг. Это входило в обязанность погонщика, а не плугаря.

Затем началась работа на шахте и заводах, забастовки, революция, Гражданская война. Обо всем этом я не буду рассказывать, может быть, лишь упомяну кое-где по ходу повествования. В начале 1922 года я из Красной Армии вернулся в Донбасс и по партийной мобилизации выезжал в село, на проведение посевной кампании. Я ездил в марьинские села, раньше там жили богато, а в голод после 1921 года люди умирали, были даже случаи людоедства. Вся наша работа заключалась в том, что мы собирали крестьян и призывали их сеять хорошо и вовремя, а еще лучше – провести сверххранний сев. То, что мы говорили, сами очень плохо понимали. Речь моя была довольно примитивной, как и речи других товарищей. Я ведь никогда по-настоящему не занимался сельским хозяйством, и все мои познания основывались на том, что я видел в детстве у своего дедушки в Курской губернии.

В том же 1922 году я пошел учиться на рабфак, проучился три года. Секретарем уездного комитета партии у нас был Завенягин². Когда я кончал рабфак, то секретарем окружкома (тогда от уездов перешли к округам) стал уже Моисеенко³.

---

¹ ЮЗОВКА – название, которое носил этот город до 1924 г. В 1924–1961 гг. назывался Сталино, потом – Донецк. Упоминутые ниже в тексте уезды охватывали в основном западную часть Донбасса. В составе этих районных организаций РКП(б) преобладали горняки и шахтеры, хотя имелось также немало металлистов. Шахты Петрово-Марьинского уезда находились преимущественно в бассейне реки Волчья.

² ЗАВЕНЯГИН Авраамий Павлович (1901–1956) – член КПСС с 1917 г., директор Магнитогорского металлургического комбината, с 1933 г. первый заместитель наркома тяжелой промышленности, с 1938 г. начальник строительства и директор Норильского горно-металлургического комбината, в 1941–1950 гг. заместитель наркома (министра) внутренних дел, с 1953 г. заместитель министра и с 1955 г. министр среднего машиностроения, одновременно заместитель Председателя Совета Министров СССР.

После окончания рабфака в 1925 году мне не дали возможности поступить в высшее учебное заведение. Я хотел учиться, получить специальность. Имея склонность к инженерным вопросам, я мечтал поступить на факультет машиностроения. Как слесарь, я любил свою техническую профессию, любил машины, но в Юзовке мне сказали:

– Нет! Надо идти на партийную работу, потому что это сейчас главное.

Так я стал секретарем партийного комитета в Петрово-Марьинском уезде, смешанном по профилю. Это выражалось в том, что собственно Марьинский уезд был сельскохозяйственным, а угольные копи назывались Петровскими рудниками (бывшие Карповские), в честь Григория Ивановича Петровского⁴, который, еще будучи депутатом IV Государственной думы, как-то приезжал туда. Я не могу сказать, выступал ли он, но к выступлению готовился. Меня пригласили на это собрание рабочих, которое созывалось нелегально. Потом его отменили. Подробностей я не знаю, поскольку не входил в число организаторов. Мне просто сказали, что полиция прониюхала о месте собрания, и Григорий Иванович сообщил, что раз так, то оно не состоится. Я уже шел к месту сбора, а там специально выставленные люди предупреждали, что собрания не будет. Приехал же туда Петровский потому, что был избран в Думу от Екатеринославской губернии, в состав которой входили эти рудники.

Когда я принял дела первого секретаря укома партии, мне пришлось заниматься всем, включая сельское хозяйство. Уком располагался в поселке на шахте Трудовская № 5. Она и сейчас действует. Тогда это была маленькая шахта с поселком, расположенным в степи, рядом с большим и богатым селом Марьинка. Неподалеку находилось село Григорьевка, а еще ближе к рудникам – большое село Кременная. Назвался груздем – полезай в кузов! Раз избрали секретарем укома, я должен был давать универсальные руководящие указания. Так я стал человеком, облеченным ответственностью и за состояние сельского хозяйства в уезде, и за добычу угля рудниками, и за деятельность Красногоровского завода керамических изделий. В Донбассе это был тогда единственный завод, вырабатывавший огнеупорный кирпич для облицовки доменных и мартеновских печей. Мои функции заключались не в обеспечении производства сельскохозяйственных продуктов, а в выколачивании этих продуктов из крестьянских дворов.

В 1926 году на партийной окружной конференции меня избрали заведующим орготделом Окружного партийного комитета. Организационная структура была такой: заведующий орготделом являлся заместителем первого секретаря. Единственным секретарем в окружкоме был тогда Моисеенко. Позже мы с ним разошлись, не сработались. Он трагически кончил свою жизнь, будучи расстрелян в результате произвола 30-х годов. Я убежден, что он был честным человеком. В окружкоме мы тоже занимались сельским хозяйством. Оно тогда поднималось как на дрожжах. Стимулятором послужила ленинская политика нэпа, ставшая двигателем частной инициативы. В результате сельское хозяйство быстро восстановилось до дореволюционного уровня, а кое в чем его превзошло. Продуктов в 1925 году у нас было сколько угодно и по дешевке. После 1922 года с его голодом и людоедством теперь настало изобилие продуктов. Сельское хозяйство поднималось прямо на глазах. Это было просто чудо. В селе Марьинка в начале весенней кампании 1922 года я проводил собрания и видел, в каком состоянии находились тогда крестьяне. Они буквально шатались от ветра, не приходили, а приползали на собрания. Когда же я приехал туда секретарем укома, их было трудно узнать. Просто чудо, как поднялись люди.

---

³ МОИСЕЕНКО Константин Васильевич – член РСДРП с 1917 г. Один из ответственных партработников на Украине.

⁴ ПЕТРОВСКИЙ Григорий Иванович (1878–1958) – ремесленник, участник революционного движения с 1897 г., член РСДРП с 1898 г., депутат IV Государственной думы. С 1917 г. нарком внутренних дел Советской России, в 1919 г. председатель Всеукраинского ревкома, в 1919–1938 гг. председатель Всеукраинского ЦИК, с 1922 г. один из председателей ЦИК СССР, член ЦК партии в 1921–1939 гг. и кандидат в члены Политбюро ЦК партии в 1926–1939 гг. В 1937–1946 гг. депутат Верховного Совета СССР, с 1940 г. зам. директора Музея революции СССР. Позднее пенсионер.

Зажиточным людям дали возможность применять наемную силу. Кулаки этим воспользовались, они получили в аренду сельскохозяйственные предприятия, мельницы.

Одним словом, была предоставлена довольно широкая инициатива экономического порядка, и сельское хозяйство очень быстро восстановилось, оно полностью обеспечивало все потребности рынка. Главная наша задача теперь заключалась в соревновании с частником. Надо было обеспечить Марьинский кооператив⁵ продуктами и добиться того, чтобы он лучше обслуживал население, больше продавал.

---

⁵ Марьино – угольно-добывающий поселок на юго-востоке от Донецка. В настоящее время это Марьинский район г. Донецка.

XIV партконференция

В апреле 1925 года открылась XIV партийная конференция. Меня избрали на нее от Юзовской парторганизации. Во главе ее стоял Моисеенко («Костян», как мы его называли), о котором я уже упоминал. Это был студент, не окончивший медицинского института, прекрасный оратор и хороший организатор. Его отличал сильный мелкобуржуазный налет, а его связи и окружение были чуть ли не нэпманскими. Поэтому мы его выставили потом из секретарей. Это скандальное дело дошло до ЦК КП(б) Украины, и к нам приезжала комиссия. Она разби-рала наши споры, признала наши доводы основательными, и он был освобожден от должности секретаря.

А тогда, когда шла конференция, Моисеенко буквально завоевал умы коммунистов Юзовского округа. По подготовке он был на голову выше других членов нашего актива. Не помню, сколько тогда от нашей Юзовской организации было избрано делегатов. Человек восемь, что ли, с решающим голосом и человека четыре с совещательным, в том числе я. Деле-гаты тогда избирались демократично. Я возглавлял Петрово-Марьинскую районную партий-ную организацию, а по количеству членов партии она занимала шестое или седьмое место. На первом месте стоял Юзовский район, потом Макеевский, затем, кажется, шли Буденновский, шахты Рутченково и т. д., наконец Петрово-Марьинский. Поэтому меня избрали с совещатель-ным голосом.

Это для меня было большой радостью. Главное – возможность побывать в Москве, посмотреть столицу, побывать на всесоюзной конференции, послушать и увидеть вождей. Украинской организации на конференции было отведено центральное место в зале. (Сейчас там заседает Верховный Совет СССР. А тогда это, кажется, был Владимирский зал, он не был еще перестроен, имел колонны и был неудобен для таких больших заседаний. Другого под-ходящего зала в Кремле не было, и именно в этом помещении проходили партийные съезды и конференции.) Слева от нас сидела Московская делегация, а справа – Ленинградская. Мы занимали центр зала, а в этом центре у Юзовской делегации были первые места. Вообще пролетарской Донбасской организации принадлежало боевое положение в партийной орга-низации Украины. Секретарем ЦК КП(б) Украины являлся тогда Каганович⁶, председателем Совнаркома – Чубарь⁷, Григорий Иванович Петровский был председателем ВУЦИК, Скрып-ник⁸ – членом Политбюро; Шлихтер⁹ тоже занимал видное положение в партийной организа-ции Украины.

---

⁶ КАГАНОВИЧ Лазарь Моисеевич (1893–1991) – рабочий-кожевник, член РСДРП с 1911 до 1962 г. До 1917 г. участник подпольной ее деятельности как член партийных комитетов Екатеринослава, Киева, Мелитополя, Юзовки, председатель неле-гального профсоюза кожевников. В 1918–1921 гг. на партийной и советской работе в Москве, Нижнем Новгороде, Воронеже, Ташкенте. С 1924 г. секретарь ЦК РКП(б), в 1925–1928 гг. генеральный секретарь ЦК КП(б) Украины, затем вновь работал в ЦК ВКП(б). В 1930 г. избран первым секретарем МК и МГК ВКП(б) и членом Политбюро ЦК партии, в 1933 г. заведо-вал сельхозотделом ЦК партии, в 1934 г. – транспортным, в 1935–1937 гг. нарком путей сообщения, затем нарком тяжелой промышленности, в 1938 г. заместитель Председателя Совнаркома СССР, в 1939–1949 гг. нарком нефтяной и топливной промышленности. С 1942 г. член Государственного Комитета Обороны. После Великой Отечественной войны занимал ряд руководящих партийных и государственных должностей на Украине, в Совете Министров СССР и союзных министерствах. Член ЦК партии в 1924–1957 гг. В 1957 г. входил в так называемую антипартийную группу внутри ЦК КПСС. В дальнейшем – пенсионер.

⁷ ЧУБАРЬ Влас Яковлевич (1891–1939) – крестьянин, член РСДРП с 1907 г. С 1911 г. рабочий, участник трех россий-ских революций, в 1918–1922 гг. сотрудник ведущих хозяйственных ведомств, с 1923 г. Председатель Совнаркома УССР и заместитель Председателя Совнаркома СССР. С 1934 г. заместитель председателя Совета Труда и Обороны СССР, с 1937 г. народный комиссар финансов СССР, с 1938 г. 1-й заместитель Председателя Совнаркома СССР, член ЦК партии с 1922 г., член Политбюро ЦК ВКП(б) с 1935 г. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

⁸ СКРЫПНИК Николай Алексеевич (1872–1933) – служащий, участник революционного движения с 1897 г., член РСДРП с 1898 г., в 1917–1933 гг. занимал ряд руководящих государственных постов на Украине, перед кончиной заместитель Пред-седателя Совнаркома УССР, член ЦК ВКП(б) с 1927 года. окончил жизнь самоубийством.

На меня работа конференции произвела исключительно сильное впечатление. Я увидел руководителей государства и партии. Они были тут же, близко. А жили мы тогда в Каретном Ряду, в Доме Советов (так, что ли, он назывался). Жили довольно просто, нары там были, и мы, как говорится, впокат на них спали. Я помню, что тогда Постышев¹⁰, кажется, секретарь Харьковской парторганизации, приехал с женой и тоже так, в ряду, спал вместе с нами, и там же, рядом, спала его жена. Это вызывало шутки в отношении Постышева. Мы тогда были все молодые. Постышев пользовался уважением в партийной организации, и моим в том числе.

Я рано вставал и пешком шел в Кремль, чтобы прийти раньше других делегатов и занять выгодное место. Каждая делегация имела отведенные ей места, а уж внутри делегации каждый делегат занимал то место, которое было свободно. Вот мы и хотели сохранить за собой первые места перед трибуной. Поэтому надо было вставать пораньше и бежать туда без завтрака. Однажды я вышел и сел на трамвай, не зная маршрутных номеров, а трамвай, оказывается, не туда шел, куда мне нужно, и он меня завез неизвестно куда. Тогда я отказался от услуг транспорта и стал ходить пешком. Приходилось рано вставать и бежать, но зато я заметил путь, как добраться безошибочно в Кремль с тем, чтобы занять в зале место поближе.

Потом начали делегации фотографироваться. Уже тут, на конференции, выделялся Сталин. Он был признан первой персоной не только нами, рядовыми руководителями партийных организаций. Руководитель нашей областной партийной организации Моисеенко обратился с просьбой к Сталину от Юзовской делегации сфотографироваться с нами. Нам сказали, что Сталин согласился и что он потом передаст, когда у него будет такая возможность. Мы ждали. Наконец в одном из перерывов нам сказали, чтобы мы собрались в Екатерининском зале, там будем фотографироваться всей делегацией. Мы все, конечно, собрались. Пришел Сталин. Стали рассаживаться, расселись. Сталин сел, как мы его и просили, посередине.

Почему я об этом фотографировании вспоминаю? Фотограф возился у своего аппарата. Это был Петров¹¹, крупный специалист своего дела, много лет работавший в Кремле. Его знали все партийные работники, которые бывали на съездах и на конференциях. Петров, как фотограф, начал указывать, как кому нужно голову повернуть, куда кому смотреть. Вдруг – реплика Сталина: «Товарищ Петров командовать любит, а у нас командовать нельзя, нельзя командовать!» Этот инцидент на меня и на моих друзей произвел (мы потом обменивались мнениями) хорошее впечатление. Нам казалось, что Сталин действительно является демократичным человеком, что его такое замечание было не случайным и что эта шутка органично присуща натуре Сталина. Потом, во время работы конференции, выступление Сталина, его реплики тоже говорили в его пользу. Я все больше и больше проникался глубоким уважением к этой личности.

---

⁹ ШЛИХТЕР Александр Григорьевич (1868–1940) – рабочий, участник революционного движения с 1891 г., член РСДРП с 1898 г., участник трех российских революций, с 1917 г. занимал ответственные государственные должности, с 1921 г. – высокие дипломатические должности, в 1927–1929 гг. нарком земледелия УССР, в 1931–1938 гг. – вице-президент Академии наук УССР, кандидат в члены Политбюро ЦК КП(б)У в 1926–1937 гг.

¹⁰ ПОСТЫШЕВ Павел Петрович (1887–1939) – рабочий, член РСДРП с 1904 г., участник трех российских революций, в 1917–1922 гг. занимал ряд военных, партийных и государственных должностей на Дальнем Востоке, а с 1923 г. – на Украине, секретарь ЦК и член Политбюро ЦК КП(б)У в 1926–1930 гг., секретарь ЦК ВКП(б) в 1930–1933 гг., затем 2-й секретарь ЦК КП(б)У, с 1937 г. секретарь Куйбышевского обкома ВКП(б), в 1934–1938 гг. кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), член ЦК ВКП(б). Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

¹¹ ПЕТРОВ Г.Г. (ум. 1962) – один из наиболее популярных правительственных фотографов той поры, однако какие-то еще сведения о нем разыскать не удалось.

Несколько слов о НЭПе

Скажу несколько слов о нэпе. Я помню то время, когда после разрухи и голода вдруг ожили города, появились продукты, начали падать цены. Это было, конечно, отступление. Но оно помогло нам оправиться от последствий Гражданской войны, набраться сил. В этом проявилась мудрость В.И. Ленина, когда он в 1921 году пошел на такой опасный, но неизбежный, необходимый, смелый, решительный и прозорливый шаг – переход к новой экономической политике. Новая экономическая политика – это, так сказать, общая формулировка, а по существу открывалась возможность для оживления частной собственности и оживления кулака, я уж не говорю о середняке. Поднялся торговый элемент и даже крепко стал на ноги.

В 1925 году я столкнулся с нэпманами. Тогда были арендаторы, которые держали мельницы. Произошел такой анекдотичный случай: арендатором мельницы оказался человек, который отличился во времена Гражданской войны, был награжден орденом Красного Знамени...

На тему о нэпе, я помню, бывали частые споры среди партийных руководящих кадров и в волости, и в уезде. В уезд нас часто вызывали и обязательно, как говорили тогда (да и сейчас говорят), для накачки за то, что мало мы продаем хлеба через кооперацию, мало продаем мяса и других продуктов питания. Я, как секретарь райкома, почти каждый день ходил на базар и присматривался. Тогда лозунги были «Учиться торговать!» и «Кто кого?». Мы через кооперацию должны были победить торговцев и торговлю взять в свои, государственные руки, но не путем административных мер, а путем лучшей кооперативной торговли. Мы стремились дешевле продавать, лучше обслуживать, иметь более качественный товар. Вот рычаги, которыми мы должны были овладеть.

Бывало, иду по базару, смотрю – наши кооперативные лотки торгуют, и частник рядом сидит. Мне всегда было больно смотреть, потому что больше толпилось людей у частных магазинов, а ведь это были рабочие и служащие, других на руднике не было. Почему так получалось? Мясо у нас было не хуже. Частник брал за счет лучшей расфасовки, более внимательного отношения. К тому же хозяйка хочет выбрать, хочет немножко поковыряться, посмотреть то и другое, пощупать руками, вот торговец ее и обхаживал. Кроме того, частник уже имел своих постоянных покупателей, которым он давал в кредит, а это имело большое значение. Кооперативы этого не делали.

Бывало, я, обойдя базар, сейчас же направлял свои стопы в кооператив, в главный магазин, и там встречался со своим другом Ваней Косвинским. Он был председателем рабочего кооператива. Очень хороший товарищ, коммунист, отличился во время Гражданской войны, воевал в тылу у белых, командовал бронепоездом. Бронепоезд был примитивный, рабочие сами сделали его в своих мастерских. Вот, помню, как только дверь открываю, он сразу: «Ну, что, идешь опять ругать?» – «Да, иду ругать». – «Я сам уже ходил, сам смотрел. Что я могу сделать? Мы все делаем, что, казалось бы, нужно, а все-таки больше привлекают покупателя частные торговцы».

Осенью буквально был уже завал товаров и сельскохозяйственных продуктов – овощей, арбузов, дынь и птицы. Дело в том, что Петрово-Марьинский район по тому времени был крайним юго-западным районом промышленной Юзовки. Это был уже, как говорится, край света угольных шахт. Дальше шахт тогда не было (теперь они и дальше шагнули, к Днепропетровску). Поэтому там жили крестьяне. Села были богатые, степные, хорошо обеспеченные землей. Там имелись села и с греческим населением, очень крупные. Греки были скотоводами. Они любили и помногу держали овец. Поэтому у них были баранина и брынза, крестьяне привозили на продажу гусей, уток и индеек. И все это задешево. Стандарт на цены у нас тогда сохранялся довоенный. До войны фунт мяса стоил в Юзовке и в окрестностях 15 копеек. 15 копеек стоило мясо и в 1925 году, и в 1926 году. До 1928 года имелся избыток мяса.

Тут я несколько отклонился от темы, но это отклонение имеет к ней отношение. В Петрово-Марьинском районе тогда существовали две коммуны. Особенно хорошо работала коммуна в Максимилиановке, большом красивом селе. Там была и партийная организация, как тогда называли – ячейка. Председателем правления коммуны являлся Колос¹², человек огромного роста, просто великан, своей комплекцией как бы соответствовавший фамилии. Он давно уже умер, да и тогда это был человек в летах. Очень порядочный, хороший коммунист, по профессии портной. Заместителем у него был замечательный крестьянин Емельян Гомля, или, как его тогда называли украинцы, Емелька Гомля. Этот умный человек обладал исключительным чувством юмора. Бывало, когда он выступал и критиковал бюрократические налеты советских учреждений, так люди, как говорится, животы от смеха надрывали. Он часто бывал на партконференциях, на окружных съездах. Помню, однажды выступал он и критиковал руководителей округа за то, что они редко бывают на селе: «Что же вы? Вот мы просим, просим, чтобы к нам приезжали из округа, но им, видно, плохо село видно, потому что здесь много дыма (металлургический завод и шахты), и за этим дымом они нас не видят». И другие тому подобные примеры он приводил.

Их коммуна хорошо жила. А это было не так часто в то время среди коммунаров. Большинство коммун имело потребительский характер, и жили они за счет подачек от государства, сами себя не прокармливали. А эта коммуна как раз жила на собственные средства. Там подбирались хорошие люди и хорошие организаторы. Они хорошо обрабатывали землю, честно работали. Трактора у них не было, да и я сам тогда о тракторе только слышал, что он есть на свете, а, как говорится, в глаза его не видел. Работали тогда главным образом на волах и лошадях. Обстановка политическая тогда была хорошая. Рабочие понимали лозунги партии, усвоили их, а ведь это болезненно было – новую экономическую политику проводить, и они правильно ее понимали.

Сталина же широкая публика, выражаясь языком обывателя, узнала тогда, когда развернулась жестокая борьба внутри партии, борьба с троцкистской оппозицией в 1923–1924 годах. Тогда Сталин и всплыл как организатор, как генеральный секретарь Центрального Комитета. Впрочем, тогда особая роль Сталина слабо воспринималась в широких партийных кругах, я уж и не говорю о беспартийных. В борьбе того времени особенно выделялся Зиновьев¹³, председатель Исполкома Коминтерна. Коминтерн тогда приобрел большой авторитет: это была международная коммунистическая организация, которая держала курс на мировую революцию. Зиновьев возглавил ее, следовательно, он и являлся как бы главным в этом движении. Бухарин¹⁴ в то время тоже был очень популярен и очень уважаем. По-моему, уже к тому времени

¹² КОЛОС (Колосов) Григорий Авксентьевич (1892–1937) – из крестьян. Участник Гражданской войны 1918–1920 гг. До революции работал корректором столичной типографии, получил высшее образование, служил на железной дороге. В 1917 г. председатель профсоюза железнодорожных служащих Екатерининской ж/д, вступил в большевистскую партию. В феврале – мае 1920 г. нарком внутренних дел УССР. В 1921 г. заведующий подотделом по борьбе с бандитизмом Запорожской ГубЧК. В 1922 г. – председатель Запорожского губернского исполнительного комитета Совета рабочих и крестьянских депутатов, затем на советской и хозяйственной работе. В 1927–1929 гг. председатель Днепропетровского окружного исполкома Советов депутатов трудящихся. Избирался членом ВУЦИК и ЦИК СССР. В 1936 г. работал управляющим трестом «Мосстройдеталь». Арестован 2 ноября 1936 г. и расстрелян 26.05.1937.

¹³ ЗИНОВЬЕВ (Радомысльский) Григорий Ефимович (1883–1936) – член Коммунистической партии с 1901 г., активный участник революционного движения, с декабря 1917 г. председатель Петроградского совета, в 1919–1926 гг. председатель Исполкома Коминтерна, член ЦК партии в 1907–1927 гг., член Политбюро ЦК в 1921–1926 гг., член ВЦИК и ЦИК СССР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

¹⁴ БУХАРИН Николай Иванович (1888–1938) – сын учителя, член РСДРП с 1906 г., один из сподвижников В.И. Ленина, с 1917 г. (и до 1934 г.) член ЦК партии, в 1918–1929 гг. редактор газеты «Правда», один из лидеров Октябрьского вооруженного восстания в Москве, с 1919 г. кандидат в члены Политбюро и в 1924–1929 гг. член Политбюро ЦК партии, член ЦК партии в 1917–1934 гг., с 1926 г. один из лидеров Коммунистического Интернационала, с 1929 г. академик, далее неоднократно преследовался по партийной и государственной линии, с 1929 г. член Президиума ВСНХ, с 1932 г. член коллегии Наркомтяжпрома, с 1934 г. ответственный редактор газеты «Известия», с 1935 г. член ЦИК СССР и Конституционной комиссии СССР. Автор многочисленных трудов по экономике, социологии, политике, литературоведению, теории науки и пр. Необоснованно

была написана его книга, которая называлась «Азбука коммунизма»¹⁵. Молодые коммунисты учились коммунистическому миропониманию прежде всего по этой «Азбуке коммунизма». Отсюда выросла и популярность Бухарина. Лично я Бухарина видел и слышал, еще когда служил в Красной Армии в 1919 году. Тогда наша часть стояла в Курске, и я не знаю, по какой причине, но в это же время Бухарин с большой группой коммунистов приехал в Курск. Он выступал на партийном активе губернии. Я тоже был приглашен, как секретарь партийной ячейки своей воинской части. Там-то я видел и слышал Бухарина. Бухарин очень всем нравился своим характером, своим демократизмом, а в то время это имело большое значение (хотя это и сейчас имеет значение). Да, он очень нравился всем, а меня он буквально очаровал. Потом я встретился и с товарищами, которые входили в его группу. Это были простые коммунисты из Москвы, моего же уровня и политического развития. Они тоже говорили о демократичности Бухарина, и это особенно подкупало тогда. Они говорили, что он с ними вместе живет в общежитии, в столовой питается с ними из одного котелка и прочее. Это имело, конечно, большое значение.

Вспоминается еще такой случай. У меня был приятель Лев Абрамович Римский. С ним я много лет работал в Донбассе и потом встречался в Москве. Он был приятелем Тевосяна¹⁶: они вместе учились в Горной академии, оба окончили ее и сохраняли дружеские отношения. Он работал в отделе кадров в Наркомате черной металлургии, а начинал свою деятельность комсомольцем в Одессе. Потом работал в Киевском губкоме и в Сталино (Юзовка была переименована и названа именем Сталина).

Мне пришлось с Римским работать, когда после Петрово-Марьинского района, кажется в 1926 году, я был избран заворгом окружного партийного комитета. Заворг в те времена, собственно, являлся вторым секретарем окружного комитета. Секретарем был Моисеенко, тогда имелся лишь один секретарь. Потом шел заведующий орготделом, который считался заместителем секретаря окружного комитета. Потом шел заведующий агитпропом. В мое время заведовал агитпропом Сергеев¹⁷. Я не помню его настоящую фамилию, он был еврей. Это был замечательный коммунист, преданный делу партии, и хороший работник. К сожалению, он, как и многие тысячи ему подобных, погиб во время террора, который ввел в партии Сталин. Римский же был начальником окружной партийной школы. Я не помню, в каком году, в 1926-м, а может быть, в 1927-м, слушатели партийной школы¹⁸ поехали в Москву во время зимнего

репрессирован, реабилитирован посмертно.

¹⁵ «Азбука коммунизма» написана в соавторстве Николая Бухарина и Емельяна Ярославского, известного в то время экономиста и писателя. Опубликованная в 1919 г., она в популярной форме излагала основные положения коммунистической доктрины.

¹⁶ ТЕВОСЯН Иван Федорович (1902–1958) – сын портного, член РКП(б) с 1918 г., участник Гражданской войны в Советской России и Азербайджане, инженер, в дальнейшем занимал ответственные инженерные и административные должности, с 1936 г. первый заместитель наркома оборонной промышленности, в 1939–1940 гг. нарком судостроения, в 1940–1953 гг. нарком (министр) черной металлургии СССР, с 1949 г. заместитель Председателя Совета Министров СССР, с 1956 г. посол в Японии, член ЦК ВКП(б) с 1939 г.

¹⁷ СЕРГЕЕВ К.М. – член РСДРП с 1917 г. В дальнейшем занимал ряд партийных должностей. Такой комментарий помещен в первом издании воспоминаний, но он вызывает сомнения. Единственный обнаруженный нами СЕРГЕЕВ Константин Максимович (1893–1938) – партийный деятель. Родился в селе Кузнецово Тверской губернии. Окончил Тверское реальное училище (1912) и Московский коммерческий институт (1917). Член РСДРП(б) с 1917 г. В 1917–1923 гг. председатель Кузнецовского комитета РСДРП(б) (Тверская губерния) и далее занимал различные должности в партийных, советских и хозяйственных учреждениях Тверской губ. В 1923–1925 гг. помощник заведующего Организационно-распределительным отделом ЦК РКП(б). В 1925–1928 гг. помощник генерального секретаря ЦК РКП(б) – ВКП(б) (И.В. Сталина). В 1928–1930 гг. ответственный секретарь Сызранского окружкома ВКП(б). В 1930–1932 гг. заместитель секретаря редакции газеты «Правда», заместитель заведующего Отделом культуры и пропаганды ЦК ВКП(б). В 1932–1934 гг. начальник Политического сектора машинно-тракторных станций Западно-Сибирского края. В 1934–1937 гг. 2-й секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б). В 1937–1938 гг. 1-й секретарь Орджоникидзевского крайкома ВКП(б). Арестован 9 мая 1938 г. Расстрелян. Как видим, он к Донбассу отношения не имел. Обнаружить, кто скрыт под упомянутым в тексте псевдонимом СЕРГЕЕВ, не представлялось возможным.

¹⁸ Партийные школы составляли одно из звеньев системы партийного просвещения, предназначенной для повышения

перерыва в занятиях набраться ума-разума, посмотреть столицу, познакомиться с ее достопримечательностями. Это – естественное желание всех людей Советского Союза, да и не только Советского Союза, побывать в Москве.

Римский, как он потом рассказывал, решил позвонить Сталину и попросить, чтобы тот принял их делегацию. Думаю, что, наверное, не весь состав партийной школы туда ездил, а какая-то группа, но большая, видимо, человек 60. Впрочем, это не столь важно для данного вопроса. Римский рассказывал: «Я позвонил по телефону, меня соединили со Сталиным (это на меня произвело впечатление – доступность Сталина), и я попросил, чтобы он принял меня вместе со слушателями партийной школы. Сталин согласился и сказал, что Римскому передадут (он записал адрес), когда он сможет это сделать. Вот позвонили, и они поехали в Кремль (тогда, до 1937 года, Кремль еще был доступен людям), они прошли туда через Никольские ворота. Я сейчас не помню, какими вопросами заинтересовался Сталин. А привожу этот эпизод потому, что мне запомнилось характерное высказывание Сталина, которое мне импонировало и на меня произвело сильное впечатление».

Далее Римский рассказывал, как он обратился к Сталину: «Товарищ Сталин, мы вот с бывшей Юзовки. Сейчас Юзовка переименована и носит Ваше имя. Поэтому мы хотели, чтобы Вы письмо написали юзовским, Сталинским рабочим. Это произвело бы хорошее впечатление на население Сталинского округа». Сталин ему так ответил: «Я не помещик, а рабочие завода не мои крепостные. Я им писать не буду и не люблю, когда это делают другие». Лев Абрамович Римский был сугубо партийный человек, исключительной чистоты и честности. Коммунистическая щепетильность до мелочей пронизывала его сознание, все его поведение, деятельность и всю его жизнь. Вот почему он был приятно поражен случившимся. Приехав домой, он рассказал все в окружном комитете партии, и это стало достоянием всей округи. Такая фраза Сталина произвела очень сильное впечатление. Этот случай говорил о демократичности, доступности и правильном понимании Сталиным своего места.

Помню еще и такой эпизод, относящийся тоже к тем временам. Тогда разгорелась острая борьба с троцкистами, а потом с зиновьевцами. Я все время находился на партийной работе, заведовал орготделом в окружном комитете, участвовал в работе XIV партийной конференции и XIV партийного съезда, XV партийной конференции и XV партийного съезда. По годам я не сделал сейчас выборок, да это и не столь существенно: я ведь говорю не об этом, а о личности Сталина. Тогда практиковались заседания Политбюро с ведением стенограммы. Все стенографировалось, и эти стенограммы рассылались партийным организациям. До района, по-моему, они тоже доходили, там привлекался партактив, и их зачитывали. И вот, помню, читали мы одну стенограмму. Читали усердно, хотели разобраться в сути споров и определить свое отношение к ним.

Кажется, Сталин спорил не то с Троцким¹⁹, не то с Зиновьевым. А я запомнил его выражение, которое мне понравилось: что-то Сталин доказывал, те с ним не соглашались и не уступали, дискуссия была очень острой, и Сталин, когда они с ним не согласились, выразился так: «Ну что же вы? Я все сделаю, чтобы сохранить единство партии, чтобы обеспечить ее монолитность. Это необходимо для победы. Но раз вы так себя ведете, Бог с вами». На это его выра-

образовательного уровня, теоретической подготовки, служебной квалификации членов ВКП(б) в рамках обязательной политической учебы. В 1920-е гг. эта система включала в себя серию ступенек от начальных школ политграмоты до коммунистических университетов. Окружная партшкола была средним звеном данной системы.

¹⁹ ТРОЦКИЙ (Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940) – участник социал-демократического движения с 1897 г., с 1903 г. примыкал к меньшевикам, в 1905 г. председатель Петербургского совета, в 1917–1927 гг. член Коммунистической партии, в 1917 г. председатель Петроградского совета и один из лидеров Октябрьского вооруженного восстания, затем нарком иностранных дел РСФСР, в 1918–1925 гг. нарком по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета Республики, с 1920 г. нарком путей сообщения, член ЦК партии в 1917–1927 гг., член Политбюро ЦК в октябре 1917 и 1919–1926 гг., член Президиума ВСНХ в 1925–1926 гг., член ВЦИК и ЦИК СССР. Один из организаторов оппозиции. В 1929 г. выслан за границу, в 1932 г. лишен советского гражданства. В 1938 г. создал IV Интернационал. Убит агентом НКВД в Мексике.

жение я и обратил внимание. Конечно, я религиозным человеком ни тогда, ни даже в раннем своем возрасте уже не был и, конечно, это выражение не характеризовало Сталина как религиозного человека, хотя он и учился в духовной семинарии. Оно значило: что же я с вами сделать могу, зла я не желаю, Бог с вами, одумаетесь и сами поймете ошибочность своей позиции. Такая терпимость мне понравилась, в моем понимании это говорило в пользу Сталина.

Позднее, когда я узнал Сталина, то вспомнил об этом и понял, что это – его ловкость, его иезуитство. Он играл на чувствах людей, желая показать свою терпимость, свою волю к единству партии и если не уважение, так хотя бы терпимость к мнениям других членов коллектива, в котором он работал. Это был обман, это был расчет, он хотел забросить удочку, грубо говоря, и на крючок ловить людей, которые искренне хотели правильно его понимать. И я в том числе тоже явился жертвой сталинской уловки.

XIV съезд партии

На XIV партсъезде развернулась очень острая борьба с зиновьевцами. Ленинградская делегация выступила с письмом в президиум съезда и потребовала на основе Устава ВКП(б), чтобы от этой делегации выступил содокладчик. Они выдвинули Зиновьева и хотели, чтобы он сделал содоклад к докладу Сталина. Я сейчас точно не могу вспомнить, но, по-моему, на XIII съезде партии доклад делал еще Зиновьев, а Сталин выступал с содокладом по оргвопросу. А на XIV съезде Сталин уже делал доклад. Это было для нас, делегатов съезда, вполне понятным, выявились разные точки зрения, разная политика, в ЦК партии наметились большинство и меньшинство. Поэтому должен делать доклад не Зиновьев, как было раньше, после смерти Ленина, а Сталин. Помню, когда мы приехали на съезд, уже, как говорится, воробьи обо всем чирикали, и довольно громко был слышен в народе глас, даже и для обывателей, что в партии наметился глубокий раскол.

Мы и во время XIV съезда тоже разместились в Каретном Ряду, в Третьем Доме Советов. Нам сказали, что к нам приедет Яковлев²⁰ и проинформирует нас по вопросам, которые наметились в партии и которые будут подняты и обнажены на съезде. Пришел Яков Аркадьевич Яковлев. Он тогда работал в РКИ. Серго тогда, по-моему, был председателем РКИ, а он – одним из его заместителей. Это было собрание, на которое мы никого не допускали, кроме членов украинской делегации. Возглавлял тогда украинскую делегацию Каганович, в ее руководство входили Петровский, Чубарь, Шлихтер и Скрыпник, основные члены Политбюро ЦК КП(б)У. Яковлев рассказал, по каким вопросам имеются разногласия с зиновьевцами и что проблема стоит очень остро. Таким образом, нас уже как бы подготовили. В этом смысле то было фракционное собрание, но оно велось с согласия Сталина и, я думаю, по его поручению. Мне неизвестно, кто знал об этом из других членов Политбюро ЦК ВКП(б).

Когда открылся съезд и только что создали его руководящие органы, зиновьевцы сейчас же выставили своего содокладчика по докладу от Центрального Комитета. Так было принято. Потом Сталин сделал доклад. Зиновьев выступил с содокладом. Мы опять занимали места в центре, справа от нас находилась Ленинградская делегация, а слева – Московская. С Московской делегацией мы по всем вопросам контактировали и ополчились против ленинградской оппозиции, как тогда ее называли. Вот тогда мне и пришлось встретиться не как с другом, а как с врагом с моим хорошим товарищем, которого я очень уважал.

Когда я пришел из армии в 1922 году, редактором газеты «Диктатура труда»²¹ в Юзовке был Абрамсон. Я не помню его имени. Тогда он работал в Ленинграде секретарем одного из райкомов партии. Очень хороший коммунист. И вот теперь он – зиновьевец, как и все ленинградцы. Из известных в партии людей к зиновьевцам примыкал, в частности, Бадаев²². Он работал тогда в Ленинграде, и зиновьевцы выставляли его как щит. Для увеличения веса своей

---

²⁰ ЯКОВЛЕВ Яков Аркадьевич (1896–1938) – сын учителя, член РСДРП с 1913 г., участник борьбы за Советскую власть на Украине, с 1921 г. на ответственной партийной работе в Москве, с 1926 г. заместитель наркома рабоче-крестьянской инспекции, в 1929–1934 гг. нарком земледелия СССР и председатель «Колхозцентра», далее работал в аппарате ЦК ВКП(б), член ЦК партии с 1930 года. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

²¹ Эта газета выходила в свет с 1918 г. В 1922 г. она являлась органом Юзовского уездного комитета РКП(б) и уездного исполкома.

²² БАДАЕВ Алексей Егорович (1883–1951) – крестьянин, член РСДРП с 1904 г., работал слесарем в Петербурге, депутат IV Государственной думы, с 1913 г. официальный издатель газеты «Правда», с 1917 года занимал ответственные должности в продовольственно-снабженческих и кооперативных учреждениях, с 1930 г. председатель Центросоюза и с 1931 г. Московского союза потребительских обществ, заместитель председателя Моссовета, член ЦИК СССР, с 1935 г. зам. наркома пищевой промышленности СССР, в 1937–1938 гг. нарком пищевой промышленности РСФСР, в 1938–1943 гг. председатель Президиума Верховного Совета РСФСР, затем член коллегии Наркомата (Министерства) пищевой промышленности СССР, член ЦК ВКП(б) с 1925 г.

делегации зиновьевцы привлекли и Николаеву²³. Она тоже была хорошим, активным членом партии, очень страстно выступала, будучи хорошим оратором. Дискуссия эта продолжалась затем по группам и индивидуально, при личных схватках во время перерывов между заседаниями съезда, в Георгиевском зале и в коридорах. Одним словом, везде, где встречались двое, уже шла дискуссия, если эти люди принадлежали к разным лагерям.

Сталин, Бухарин и Рыков²⁴ выступали за линию ЦК, то есть за линию Сталина. Это грубовато, но так говорили – вот линия ЦК, а там – линия оппозиции. Не помню, от какой организации приехала одна делегация, которая передала в президиум съезда стальную метлу²⁵. Председательствовал Рыков. Рыков взял эту метлу и сказал: «Я передаю эту метлу товарищу Сталину, пусть он выметает ею наших врагов». Это было воспринято тогда дружными аплодисментами, смехом, да и сам Рыков при этом улыбался. Уже позднее, когда Рыков сам стал жертвой этой метлы, я вспомнил эти слова и как они были тогда сказаны. Тогда, видимо, Рыков доверял Сталину и считал, что эта метла не будет направлена во вред партии, а будет направлена только против антипартийных отщепенцев, оппозиции, которая сворачивала с генеральной линии.

А тогда у нас не было сомнений, что Сталин и те, кто был вокруг него и поддерживал Сталина, правы. Я и сейчас считаю, что тогда наша идейная борьба была в основе правильной. При другом характере Сталина эти разногласия, которые были доведены до такого накала, может быть, не стали бы столь трагическими и роковыми. Но это я сейчас так говорю, а тогда этих вопросов не возникало; тогда, как говорится, рассуждали по-дровосецки: лес рубят, щепки летят. Велась, я бы сказал, беспощадная борьба с оппозицией.

Если оглянуться на путь, пройденный нашей партией и народом, и в свете этого пройденного пути оценить тогдашнюю роль Сталина, то она на фоне тех событий и соотношения сил в партии окажется в основе положительной. Я имею в виду такие оппозиции, как троцкистская, зиновьевская, праволевацкий блок Сырцова – Ломинадзе²⁶. Если же оценивать персонально роль Сталина, то он резко выделялся: его роль и его деятельность по сплочению партии, по мобилизации ее сил на преодоление трудностей, восстановление промышленности, сельского хозяйства, на индустриализацию и строительство Красной Армии были решающими. Поэтому не случайно Сталин занял ведущее место в партии, и партия его поддержала. Надо принять во внимание и то, что в первые годы революции его фамилия была недостаточно популярна среди широких масс и даже в самой партии. Более популярными были Зиновьев, Каменев и особенно Бухарин. Ленин правильно сказал: «Бухарчик – это любимец партии». По «Азбуке коммунизма», написанной Бухариным, наши кадры учились марксизму-ленинизму. Популярность его в широких массах была очень большой. Но как организатору предпочтение все-таки отдавалось Сталину, а Бухарин занимал видное положение в партии как пропагандист, как аги-

²³ НИКОЛАЕВА Клавдия Ивановна (1893–1944) – рабочая, член РСДРП с 1909 г., с 1917 г. одна из руководящих деятельниц советского женского движения, в 1924–1926 гг. заведующая отделом работниц в ЦК ВКП(б), затем на ответственной партийной работе на Кавказе, в Москве, Сибири и Иванове, с 1936 г. секретарь ВЦСПС; с 1924 г. кандидат в члены и член ЦК ВКП(б), с 1937 г. член Президиума Верховного Совета СССР.

²⁴ РЫКОВ Алексей Иванович (1881–1938) – член Коммунистической партии с 1898 г., активный участник революционного движения, нарком внутренних дел РСФСР с ноября 1917 г., председатель ВСНХ в 1918–1921 и 1923–1924 гг., зам. председателя Совнаркома и СТО с 1921 г., председатель Совнаркома СССР в 1924–1930 гг. и председатель СТО в 1926–1930 гг., нарком почт и телеграфов (нарком связи) СССР в 1931–1936 гг. Многие годы был членом ЦК партии, Политбюро и Оргбюро ЦК, ВЦИК и ЦИК СССР. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

²⁵ Это была делегация от 6 тысяч металлистов Сталинграда.

²⁶ СЫРЦОВ Сергей Иванович (1893–1937) – служащий, член РСДРП с 1913 г., участник Гражданской войны в Советской России, видный партийный деятель в Донбассе, с 1921 г. работник аппарата ЦК РКП(б) и с 1924 г. редактор журнала «Коммунистическая революция», с 1926 г. секретарь Сибирского крайкома ВКП(б), с 1929 г. председатель Совнаркома РСФСР, после 1931 г. – на различных руководящих административных и партийных постах, кандидат в члены Политбюро в 1929–1930 гг. Репрессирован, реабилитирован посмертно. ЛОМИНАДЗЕ Виссарион Виссарионович (1897–1935) – сын учителя, член РСДРП с 1917 г., до 1924 г. находился на ответственных партийных постах, в 1925–1929 гг. видный работник Коммунистического Интернационала, затем занимал различные партийные должности, перед репрессированием был секретарем Магнитогорского горкома ВКП(б), член ЦК партии с 1930 г.

татор. Он был редактором «Правды», и это действительно был редактор, который требовался для «Правды». Он явился организатором пропаганды марксистского учения. Хотя, как Ленин сказал, и сам он допускал ошибки.

Переезд в Харьков

В 1928 году меня перевели на работу в Харьков. Там тогда размещались правительство Украины и Центральный Комитет КП(б)У. Я был утвержден заместителем заведующего орготделом ЦК партии, а заведовал отделом Николай Несторович Демченко²⁷, которого я очень уважал. Он заслуживал этого. Он тоже погиб безвременно, и погиб от руки Сталина, хотя и был очень предан генеральной линии партии, Центральному Комитету и лично Сталину.

Почему я был переведен в Харьков? После освобождения по нашему требованию Моисеенко от поста секретаря к нам приехал секретарем окружного комитета Строганов²⁸. Сам он был из Нижегородской организации, членом партии числился с 1905 года. Неплохой человек, но довольно-таки ограниченный. Он не соответствовал тем требованиям, которые предъявлялись к Сталинской организации, крупной, боевой, промышленной и разносторонней. Тут и угольная промышленность, и металлургия, и химия, и строительная индустрия, и сельское хозяйство. Одним словом, Сталино – крупнейший центр, прежде всего промышленный, но в немалой степени и сельскохозяйственный. А этот человек оказался мелким. Мы очень любезно его приняли и, так сказать, ощупывали со всех сторон и обнюхивали как старого большевика. Уже позднее о нем злословили, что хотя он и старый большевик, но и старая калоша, хотя был он не так уж стар. Любил он выпивать, и довольно-таки изрядно. Потом он стал заниматься интриганством. Одним словом, не прижился, и сложилась такая обстановка, что актив стал его игнорировать и тем самым поставил меня в довольно тяжелое положение: я лишь его заместитель, а по всем важнейшим вопросам идут ко мне и не идут к нему.

Мне это было понятно, но для него это было тяжело, принижало его роль. Ко мне шли, потому что я вырос в этом районе, отец мой работал на шахте Успенской, в четырех верстах южнее Юзовки. Я и детство провел там, и юность, там учился слесарному ремеслу на заводе Боссе²⁹. У меня был очень широкий круг друзей, с которыми я провел детство и юность, работая в шахтах. По тому времени я неплохо разбирался в вопросах производства – угольной промышленности, химической, металлургической и строительном деле. Тогда это было главным. По тем временам руководитель, который не разбирался в добыче угля или в металлургии, химии и строительстве, считался, грубо говоря, дураком. Как раз в такое положение попал Строганов, хотя человек он был неглупый. Он тоже позднее погиб, бедняга, и я очень тогда его жалел, да и сейчас жалею: он не заслуживал ни ареста, ни расстрела, а был расстрелян.

Меня вызвал в ЦК КП(б) Украины Каганович, первый секретарь ЦК, и предложил переехать на работу в Харьков, в орготдел ЦК. Он мотивировал это тем, что в аппарате ЦК очень мало рабочих. Он был прав, там было много разношерстной публики в смысле рабочего стажа, а тогда придавалось очень большое значение социальному происхождению работников, занимавших партийные и советские посты. «Надо нам аппарат орабочить», – сказал он. Я говорю: «Считаю, что это правильно, но я хотел бы, чтобы это орабочивание было не за мой счет. Я очень не хотел бы уезжать из Сталино, там я сросся со всей обстановкой, с людьми. Поэтому мне очень трудно будет, я не знаю новой обстановки и не смогу, видимо, ужиться в орготделе Центрального Комитета».

---

²⁷ ДЕМЧЕНКО Николай Несторович (1896–1937) – из мещан, член РСДРП с 1916 г., занимал ряд партийных и государственных постов в УССР. В 1929–1932 гг. нарком земледелия Украины, с 1932 г. – секретарь Киевского, потом Харьковского обкомов КП(б)У, в 1936 г. первый заместитель наркома земледелия СССР, в 1937 г. нарком зерновых и животноводческих совхозов СССР, член Политбюро ЦК КП(б)У с 1931 г. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

²⁸ СТРОГАНОВ Василий Андреевич (1888–1938) – крестьянин, член РСДРП с 1905 г. С 1917 г. на ответственной советской и партийной работе, секретарь Сталинского, потом Харьковского окружкомов КП(б)У в 1927–1930 гг., до 1932 г. второй секретарь ЦК КП(б)У, секретарь Днепропетровского обкома КП(б)У, член Политбюро ЦК КП(б)У в 1930–1933 гг. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

²⁹ Металлозавод с начальным французским капиталом.

Но я знал обстановку. Я же заведовал орготделом в окружке и поэтому бывал в орготделе ЦК КП(б)У на совещаниях; инструктора приезжали к нам для обследования и прочих дел. Я многих из них знал и был согласен с Кагановичем, что некоторые люди там не заслуживали доверия, а многие и уважения, даже если и не было оснований не доверять им. Поэтому я считал, что меня там встретят плохо. В ЦК КП(б)У ревниво относились к Сталино, да и парт-организация Сталино тоже знала свое место в партии и поэтому, может быть, давала некоторый повод к этому: мы, дескать, пролетарии, мы шахтеры, металлурги, химики, соль земли, соль партии.

И я попросил тогда, что если мне нужно будет уехать из Сталино (чтобы дать возможность Строганову развернуться и не мешать ему сделаться центральной фигурой, чтобы люди его признавали, шли к нему как к первому руководителю окружной партийной организации), то просил бы послать меня в Луганск. Я сейчас не помню фамилию секретаря Луганского окружкома, но он мне нравился. У меня были с ним очень хорошие отношения, поэтому я с радостью хотел туда поехать, поэтому и просил послать меня в Луганск. А там я хотел бы опять пойти работать секретарем районного партийного комитета. Видимо, там такая работа нашлась бы. Каганович говорит мне: «Если Вы так ставите вопрос, то у нас в ЦК нет никакой необходимости, чтобы Вы уходили из Юзовки. Поэтому оставайтесь на месте». Я попрощался, ушел, стал думать и пришел к выводу, что если Центральный Комитет делает мне такое предложение – работать заместителем заведующего орготделом ЦК КП(б)У, то это ведь высокий пост и, видимо, есть веские соображения, которые побудили к тому Кагановича.

Каганович ко мне очень хорошо относился. Мы с ним познакомились буквально в первые дни Февральской революции. Он тоже работал в Юзовке и выступал на первом же митинге, который проводили тогда в Юзовке, а я на нем присутствовал. Я участвовал в митинге как представитель рабочих депутатов Рутченковских копей на первом совещании в Бахмуте (это был уездный наш город). Потом вторично, через неделю-две, мы собрались в Юзовке, там же был Каганович. Он прибыл от Юзовской организации и довольно активно вел себя на этих совещаниях. Тогда он носил фамилию Кошерович³⁰. Я не знал, что он Каганович, я его знал как Кошеровича. Кагановичу я не только доверял и уважал его, но, как говорится, и стоял горой за него.

Тогда Каганович еще не был признанным партийным руководителем (я уж и не говорю о партийном вожде). В ЦК КП(б)У у него были очень сложные отношения с коллективом. Против него вели борьбу «старики» – Петровский, Чубарь и другие, не признавала его Екатеринославская группа, где было сильным влияние Григория Ивановича Петровского. Опорой Кагановича, собственно, был Донбасс, главным образом Сталино, Луганск и Артемовск (бывший Бахмут). В Бахмуте Кагановичу доверие оказывалось больше через Радченко³¹, чем непосредственно. Там был секретарем Никитенко, а он являлся близким человеком Радченко, Радченко же был председателем Совета профсоюзов Украины. Сам рабочий, очень авторитетный человек, член партии, кажется, с 1912 года, он тоже безвременно погиб. Хотя сам Радченко был интриганистым руководителем, но человеком честным, и сомнений в его преданности делу партии не могло быть. А его интриганство проявлялось в отношении к определенным лицам, но не к партии, не к ее генеральной линии.

Итак, после разговора с Кагановичем я, все взвесив, уже сам не хотел оставаться в Сталино, потому что видел, что у меня могут сложиться плохие отношения со Строгановым, а я

³⁰ Под псевдонимом Борис КОШЕРОВИЧ он работал на обувной фабрике «Новороссийского общества», участвуя в деятельности местной большевистской организации.

³¹ РАДЧЕНКО Андрей Федорович (1887–1938) – крестьянин, член РСДРП с 1912 г. После 1917 г. находился на советской и профсоюзной работе. В 1924–1925 гг. секретарь Сталинского губкома КП(б)У, в 1925–1928 гг. председатель Всеукраинского совета профсоюзов и член Политбюро ЦК КП(б)У, с 1929 г. занимал различные партийные должности. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

не хотел какой-то борьбы с ним. Его только что прислали, он не знал пока производства, но мог узнать, это не мотив для неуважения. Я считал, что лучше мне уйти и пусть он укореняется. Тогда я сказал Кагановичу, что согласен пойти в орготдел ЦК КП(б)У, но с условием, чтобы послали меня работать при первой возможности в какой-либо округ, а в какой, мне было безразлично, хотя желательно, чтобы в промышленный. Я считал, что сельского хозяйства я все же не знаю, никогда в сельскохозяйственных районах не работал, а все время был связан с промышленностью и чувствовал себя здесь в своей тарелке.

Начал работать на новом месте. В Харькове мне не понравилось, как я и ожидал. Канцелярская работа: через бумаги живого дела не видишь. Это специфическая работа, а я человек земли, конкретного дела, угля, металла, химии и в какой-то степени сельского хозяйства. В Сталино сельское хозяйство не было главным, главным у нас был уголь. Уголь – это хлеб промышленности, и ему мы уделяли большое внимание. У меня сложились хорошие отношения с руководством угольной промышленности. Тогда ею руководил Рухимович³². Я его очень уважал. Он тоже безвременно погиб, был расстрелян. У меня были хорошие отношения и с руководителем Югостали³³ (это, собственно говоря, Министерство черной металлургии Юга), которая находилась в Харькове. Возглавлял ее, кажется, Иванов³⁴. Я меньше его знал, чем Рухимовича, потому что Рухимович ни одного совещания угольщиков и хозяйственников не проводил без меня: он всегда приглашал меня, и я присутствовал от окружного комитета партии. И вдруг у меня все это оборвалось, и я стал заниматься бумагами, а это пища не для меня, меня сразу отвернуло от нее. Я раз или два ходил по этому вопросу к Кагановичу и стал напоминать ему, что он мне обещал помочь уйти.

---

³² РУХИМОВИЧ Моисей Львович (1889–1938) – рабочий, член РСДРП с 1913 года, активный участник Гражданской войны и борьбы за Советскую власть на Украине. В 1921–1922 гг. председатель Юзовского губисполкома, в 1923–1925 гг. управляющий трестом «Донуголь», затем председатель ВСНХ УССР и заместитель председателя ВСНХ СССР. В 1930–1934 гг. нарком путей сообщения РСФСР, управляющий трестом «Кузбассуголь». Перед репрессированием был наркомом оборонной промышленности СССР. Реабилитирован посмертно.

³³ Комбинат «ЮГОСТАЛЬ» был создан в 1921 г. как ведущая государственно-хозяйственная организация металлургических заводов и угольных шахт Юга страны.

³⁴ Речь идет об ИВАНОВЕ Николае Гавриловиче, который руководил «Югосталью» в 1925 г. В 1926 г. его на этом посту сменил И.В. Косиор. Хрущев, избранный заворгом окружкома в 1926 г., мог встречаться с Ивановым в этот период времени. В первом издании, по всей вероятности по ошибке, дается ссылка на ИВАНОВА С.Н. – члена РКП(б) с 1920 г., инженерно-хозяйственного и партийного работника.

Переезд в Киев

Однажды Каганович мне позвонил и говорит: «Вы просили меня перевести вас в какой-либо округ на партийную работу. Если вы не возражаете, то я бы вам предложил Киев. Состоялось решение, в Киев идет секретарем окружного комитета товарищ Демченко, а Демченко просит, чтобы вас отпустили с ним заведовать орготделом Киевского окружкома. Если вы согласны, то можете буквально сейчас же (это было воскресенье) брать билет и выезжать в Киев. Там все известно, Демченко знает, и он с удовольствием вас встретит».

Я, не раздумывая, дал согласие. Киевская организация тогда у нас не считалась пролетарской, боевой. Шла такая слава, что в Киеве сильна украинская националистическая тенденция. Так оно действительно и было. Пролетариат там был слабый, а интеллигенция группировалась вокруг украинской Академии наук. Возглавлял эту интеллигенцию тогда Грушевский³⁵. Там была сильна и троцкистская организация. Считалось, что там сложно работать, особенно русским: к ним не особенно хорошее было отношение. Поэтому я полагал, что, так как националисты считали меня безнадежным русаком, мне будет там трудно.

Тем не менее я сейчас же приобрел билет и вечером выехал в Киев. Утром уже был там. Первый раз в жизни попал я в Киев, в этот большой город. До этого я, собственно говоря, видел, не считая Москвы, Харьков, Екатеринослав и Мариуполь. Я не называю здесь Бахмут, а Юзовка еще не считалась даже городом. Киев на меня произвел сильное впечатление. Как только я приехал, то с чемоданом в руке пошел прямо на берег Днепра. Меня тянуло взглянуть на Днепр, потому что я много слышал и кое-что читал о нем. Мне хотелось увидеть эту мощную реку.

Начал я свою партийную и трудовую деятельность в Киеве вместе с Демченко. Председателем облисполкома был Войцеховский. Он тоже безвременно погиб, его расстреляли. Это был человек с некоторым налетом украинского национализма. Раньше он состоял в подпольной социал-демократической украинской организации, но был честный и уважаемый человек. Мягкий по характеру, лощеный интеллигент, но приятный человек и старательный работник. В Киеве он был «на своем месте». Демченко учился на медицинском факультете, но не окончил его. Член партии с 1916 года, он к рабочим не особенно тяготел, а больше тянулся к интеллигенции и занимался вопросами Академии наук. Потом ему от ЦК КП(б)У было поручено заниматься Западной (или, как украинцы говорили, Захидной) КПУ, то есть Львовщиной, Тернополем (с 1944 года Тернополь. – С. Х.) и прочим. Это была большая политическая работа, и я считал, что он хорошо ее делал.

Вот таким образом я попал в Киев. На меня была взвалена текущая местная внутренняя работа – рабочие и село. Нужно признаться, что сейчас мне очень приятно вспоминать о том времени. Мне работалось там хорошо и легко. Киевляне ко мне относились с большим доверием и, я бы сказал, с уважением. Имелись и трудности, было много безработных, чего в Донбассе мы не встречали. Шел 1928 год, а в Киеве с Красным знаменем ходили по улицам, демонстрируя, безработные. Мы их потом собрали в старом помещении Киевской городской думы³⁶, там был зал человек на 400–500, и там они митинговали. Имелись там еще и меньшевики, и эсеры, и украинских националистов оставалось много, сильное было и троцкистское влияние. Троцкисты использовали трудности, которые имелись в Киеве.

---

³⁵ ГРУШЕВСКИЙ Михаил Сергеевич (1866–1934) – крупный украинский историк и литературовед, участник украинского национального движения, в 1917–1918 гг. председатель Центральной рады, академик АН УССР с 1924 г. и АН СССР с 1929 г., автор многочисленных научных трудов.

³⁶ Позже там помещался Киевский городской Дом учителя.

Эти безработные тоже были довольно характерными, потому что безработицы тогда на Украине вообще-то не было, даже имелся недостаток в рабочих, а вот там было много безработных, даже коммунистов. Годами ходили они без работы. Когда я предложил: «Пожалуйста, я вам могу сейчас же работу найти», – они вроде бы обрадовались. Спрашивают: «Куда?» Я говорю: «В Донбасс». – «Нет, мы, – говорят, – еще походим». И вот целый год ходят они и еще готовы, видимо, год-два ходить. Но в Донбасс ехать не хотят: это провинция. Там шахтеры, а они не приспособлены к такому труду. Меня это возмущало, потому что я детство там провел и для меня Донбасс, Юзовка – родная стихия, я скучал по шахтерам, сжился с ними...

Проработал я в Киеве весь 1928 год. В 1929 году мне уже стукнуло 35 лет. Это был последний год, когда я мог еще думать о поступлении в высшее учебное заведение, а я окончил только рабфак, и меня все время тянуло получить высшее образование. Поэтому я стал добиваться посылки меня на учебу.

В промакадемии

Тут я встретил сопротивление. К тому времени Каганович уже уехал в Москву, работать в ЦК, а вместо него был прислан Косиор³⁷. В Киеве считали, что я – близкий к Кагановичу человек (а это так действительно и было) и поэтому ухажу еще и потому, что не хочу с Косиором иметь дело, не хочу с ним работать и поддерживать его. Это было не так. Я Косиора мало знал, но с уважением относился к нему. Косиор по характеру довольно мягкий, приятный человек и разумный. Я бы сказал, что в смысле отношений с людьми он стоял выше, чем Каганович, но как организатор он, конечно, уступал ему. Каганович – более четкий и более деятельный человек: это действительно буря. Он может даже наломать дров, но решит задачу, которая ставится Центральным Комитетом. Он был более пробивной человек, чем Косиор.

Я посчитал необходимым поехать в Харьков и объясниться с Косиором. Я сказал ему: «Мне уже 35 лет. Я хочу учиться. Поймите меня. Я прошу ЦК КП(б)У понять и поддержать меня и прошу, чтобы ЦК рекомендовал меня в Промышленную академию. Я хочу быть металлургом». Косиор с пониманием отнесся к моей просьбе и согласился. Когда встал вопрос о том, что я ухажу, Демченко очень огорчился и долго уговаривал меня остаться, хотя и с пониманием относился к тому, что человек хочет учиться. Вот тогда-то я увидел и почувствовал истинное отношение людей к себе.

Когда я поставил вопрос об уходе на учебу и попросил отпустить меня, то даже решение не сразу было принято. После заседания Бюро некоторые товарищи зашли ко мне и говорят: «Ты действительно хочешь учиться или у тебя, может быть, с Демченко не выходит? Ты скажи нам открыто». Говорили с намеком, что поддержат меня, если у меня с Демченко не выходит дело и плохо складываются отношения. Я отвечал: «Нет, прошу правильно понять меня. У меня с Демченко наилучшие отношения. С таким человеком, как Демченко, я готов бы работать и дальше, но хочу учиться». – «Ну тогда другое дело, мы тебя поддержим». И на следующем заседании было принято нужное решение.

Я уехал в Москву. Там тоже встретил трудности, потому что у меня не было достаточного руководящего хозяйственного стажа. В Промышленной академии товарищи говорили, что я не подойду им, и рекомендовали идти на курсы марксизма-ленинизма при ЦК партии. «А здесь, – говорят, – создано учебное заведение для управляющих, для директоров». Пришлось мне побеспокоить Лазаря Моисеевича Кагановича (он был секретарем ЦК) и попросить, чтобы ЦК поддержал меня. Я добился своего: меня поддержал Каганович, и таким образом я стал слушателем Промышленной академии.

Поселился я тогда в общежитии на Покровке, в доме № 40. Он и сейчас там стоит. Не знаю только, что в этом здании находится. По тому времени это было хорошее общежитие: коридорная система, отдельные комнаты. Одним словом, идеальные условия. Учебное здание Промышленной академии помещалось на Ново-Басманной, это тоже недалеко. Я не пользовался трамваем, ходил пешком через Земляной вал и прямо через переулок, где был, кажется, Дом старых большевиков, потом сворачивал на Ново-Басманную налево. Дорога занимала всего несколько минут: такой ежедневный небольшой моцион.

Начал я учиться. В академии люди были очень разные и по партийности, и по общей подготовке. Многие окончили сельскую школу и знали только четыре действия арифметики, а с другой стороны, там были люди, которые имели среднее образование. А я пришел, окончив

---

³⁷ КОСИОР Станислав Викентьевич (1889–1939) – рабочий, член РСДРП с 1907 г. После 1917 г. видный партработник, один из организаторов КП(б)У, секретарь ее ЦК с 1920 г., Сибирского бюро ЦК РКП(б) с 1922 г., далее генеральный секретарь ЦК КП(б)У до 1938 г., перед репрессированием – заместитель председателя Совнаркома СССР и председатель Комиссии советского контроля, член Политбюро ЦК ВКП(б) с 1930 г., член ЦК партии с 1924 г. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

рабфак: это считалось – имею среднее образование. Наша группа была подобрана довольно-таки сильной. Но у нас имелись один-два таких товарища, которые отставали по математике, и они нас тянули назад. Народ взрослый, упорный, поэтому не преподаватель требовал, чтобы человек учился, а человек сам требовал от преподавателя, чтобы тот его учил. Но на все требуется время. Бывало, не его вызывали к доске, а он сам идет к ней, мучает преподавателя, потому что ему непонятны те или другие математические формулы. Мы же сидим и возмущаемся, что и нас держат, потому что для нас это уже пройденный этап.

Так было и в 1929 году. А когда я пришел в академию осенью 1930 года, то столкнулся с таким явлением. В академию попало очень много людей, которые, собственно, не особенно-то хотели учиться, но в силу сложившихся политических условий вынуждены были оставить хозяйственную, партийную или профсоюзную деятельность. Вот они и расплзались по учебным заведениям. Промышленная академия стала буквально уютным уголком, где могли отсиживаться такие люди, потому что стипендия приличная, столовая неплохая и общежитие хорошее: у каждого – комната, а некоторые маститые хозяйственники имели возможность получить две комнаты и устроиться там с семьей.

Шефствовал тогда над Промышленной академией Куйбышев³⁸, председатель Госплана. Ну что могло быть выше? Уважаемый и влиятельный человек, который действительно поддерживал Промышленную академию. То был как раз период острой борьбы с «правыми». «Правые» развернули свою деятельность: Рыков, Бухарин, Угланов³⁹. Они повели борьбу, и очень сильную. Руководство партийной ячейкой академии было в руках «правых». Секретарем ячейки был Хахареv⁴⁰, довольно влиятельный человек, с дореволюционным партстажем, кажется, с 1906 или 1907 года. Сам он из Нижнего Новгорода, известный человек, прошел подполье. Вокруг него группировалась эта, так сказать, старая гвардия. Но она была пораженной: ведь она выступала против генеральной линии партии. Она группировалась вокруг Бухарина и поддерживала его, поддерживала Угланова, поддерживала Рыкова против Сталина и против Центрального Комитета партии.

Мы пришли с Юга. У нас было довольно большое землячество (донбассовцы, днепропетровцы, луганчане, артемовчане, харьковчане). Мы стояли на позициях Центрального Комитета. Завязалась борьба, и я тоже довольно активно втянулся в эту борьбу. Главным образом меня тогда поддерживал Табаков. Он тоже позднее безвинно погиб, его расстреляли. По национальности он был еврей, очень хороший коммунист. Я его узнал, когда он был директором треста, а потом – объединения по производству керамики для металлургии. В Донбассе находился Красногоровский завод огнеупоров для облицовки доменных и мартеновских печей, и Табаков занимался этим делом. У меня с ним установился хороший контакт, он опирался на Юзовскую организацию, и тут-то, в академии, мы сошлись с ним. У нас существовало единое партийное мнение, и другие товарищи нас поддерживали, например Аллилуев с Дальнего Востока. Он и сейчас, кажется, жив, пенсионер. (Этот Аллилуев ничего общего с Аллилуевым, тестем Сталина, не имеет, просто однофамилец.) Были у нас и другие товарищи, и довольно-таки боль-

³⁸ КУЙБЫШЕВ Валериан Владимирович (1888–1935) – сын офицера, член РСДРП с 1904 г., участник трех российских революций, после 1917 г. видный военно-политический работник, с 1921 г. член Президиума ВСНХ, с 1922 г. секретарь ЦК РКП(б), с 1923 г. нарком рабоче-крестьянской инспекции и заместитель председателя Совнаркома СССР и СТО, с 1926 г. председатель ВСНХ, с 1930 г. председатель Госплана СССР и заместитель, а с 1934 г. – 1-й заместитель председателя Совнаркома СССР, в 1934–1935 гг. председатель Комиссии советского контроля, член ЦК партии в 1922 г. и с 1927 г., в 1923–1926 гг. председатель ЦКК РКИ, с 1927 г. член Политбюро ЦК ВКП(б).

³⁹ УГЛАНОВ Николай Александрович (1886–1937) – член Коммунистической партии с 1907 г., активный участник революционного движения и Гражданской войны, секретарь Петроградского губкома в 1921–1922 гг. и Нижегородского губкома партии в 1922–1924 гг., секретарь ЦК партии в 1924–1929 гг. и Московского областного и городского комитетов партии в 1924–1928 гг., нарком труда СССР в 1928–1930 гг., член ЦК партии в 1923–1930 гг. и кандидат в члены Политбюро ЦК в 1926–1929 гг., член Оргбюро ЦК в 1924–1929 гг., ВЦИК и ЦИК СССР. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

⁴⁰ ХАХАРЕВ Константин Григорьевич – член РСДРП с 1905 г., после 1917 г. активный деятель Коммунистической партии, занимал ряд ответственных должностей.

шая группа, но все же мы оставались в меньшинстве. Может показаться, что я отвлекаюсь. Казалось бы, какое это имеет отношение к теме? Я ведь хотел говорить о Сталине, о его роли. Но это как раз имеет прямое отношение к теме.

В Промышленной академии развернулась борьба за генеральную линию Центрального Комитета против «правых» и зиновьевцев, а потом праволевацкого блока Сырцова – Ломинадзе. В этой борьбе моя роль резко выделялась в том коллективе, и все это было на виду у Центрального Комитета. Поэтому всплыла и моя фамилия как активного члена партии, который возглавляет группу коммунистов и ведет борьбу с углановцами, рыковцами, зиновьевцами и троцкистами в Промышленной академии. Политическая борьба шла очень острая. Ведь там большинство составляли члены партии с дореволюционным стажем, и нужно сказать, что эта группа была очень солидной: в ней имелись влиятельные люди. Например, помню нашего донбасского товарища Макарова⁴¹. Он был в Юзовке директором Юзовского завода, сам же он – нижегородец, член партии с 1905 года, очень умный и уважаемый человек. Он официально не объявлял, что он заодно с «правыми», но поддерживал «правых» и против «правых» нигде даже не заикался. Видимо, он договорился с «правыми», что будет вести себя несколько скрытно, не выявлять себя сторонником оппозиции. Считалось, что он вроде бы стоит на позиции генеральной линии партии, а на самом деле он своей деятельностью способствовал усилению группы Углонова, Бухарина, Рыкова.

Остроту борьбы можно показать на таком примере. Выборы президиума общего собрания нашей партийной организации заняли однажды целое заседание, и оно открылось только на следующий день. Помню, как мои товарищи выставляли мою кандидатуру в президиум, но я два или три проваливался и не был избран. Когда шли выборы в президиум, то все кандидаты должны были выйти на трибуну и рассказать свою биографию. Кандидат с послереволюционным стажем члена партии уже был как бы обречен. Вот такая имела место борьба. А уж в бюро ячейки выбирали вообще особо. Меня несколько раз выдвигали, и моя кандидатура никак не проходила. В конце концов меня выбрали в Ревизионную комиссию, правда, потом опять провалили. Вообще, тогда часто переизбирали бюро ячейки, потому что развернулась острая борьба, так что люди менялись.

«Правда» часто выступала против «правых», и, как правило, после каждого ее выступления созывалось общее партсобрание, а оно уже переизбирало бюро. Но «правые» так приладились, что, когда Хахареву уже нельзя было оставаться секретарем партийной организации Промышленной академии, выдвинули Левочкина. Левочкин, из Брянска, был менее заметной фигурой, но, по существу, тоже «правый». Поэтому линия бюро в поддержку «правых» продолжалась и после перевыборов. Еще раз состоялось выступление «Правды». Опять прошло очень бурное собрание, долго выбирали президиум, в конце концов меня избрали в него, и я стал председателем собрания партийной организации Промышленной академии, фактически же общего собрания Промакадемии в целом, поскольку там все были членами ВКП(б). Заседание проходило бурно. Толчком к нему стали события, о которых я расскажу для характеристики обстановки, которая сложилась в то время.

Это было в 1930 году. Партия готовилась к своему XVI съезду. На местах шли отчетные собрания. Опять разгорелась широкая и глубокая дискуссия. Тогда «правые», чтобы устранить меня от участия в дискуссии перед выборами делегатов на районную партийную конференцию, придумали такой ход. Мы, шефствуя над колхозом имени Сталина в Самарской области, собирали отчисления на покупку этим колхозом сельскохозяйственного инвентаря. И вот бюро партийной ячейки решило послать делегатов вручить колхозникам инвентарь. Конечно, «вручение инвентаря» было условным, потому что мы не возили с собой машины, а просто знали

⁴¹ МАКАРОВ Иван Гаврилович – член РСДРП с 1905 г., директор Юзовского (Сталинского) завода в 1922–1924 гг. и затем в 1932–1936 гг.

их цену и сказали, что вот для покупки такого-то инвентаря (сеялки, комбайны и пр.) собрали такую-то сумму денег и вручаем ее партийной организации колхоза имени Сталина. Выбрали для поездки делегацию. Она состояла из двух человек: включили меня и Сашу Здобнова⁴². Здобнов – тоже слушатель Промышленной академии, с Урала, хороший товарищ. Он тоже, видимо, погиб потом в «мясорубке» 1937 года.

В дороге я читал брошюру о том, что такое комбайн. Приехали мы, провели собрание и прожили там несколько дней. Тогда-то и узнал я о действительном положении на селе. Раньше я себе его практически не представлял, потому что жили мы в Промышленной академии изолированно и, чем дышала деревня, не знали. Приехали мы туда и встретили буквально голод. Люди от недоедания передвигались, как осенние мухи. Помню общее собрание колхозников, мы выступали все время с переводчиком, потому что колхоз оказался по составу населения чувашским, и они все в один голос просили нас, чтобы мы им дали хлеба, а машины произвели на них мало впечатления: люди буквально голодали, я такое впервые увидел. Нас поместили к какой-то вдовушке. Она настолько была бедна, что у нее и хлеба не было. Что мы с собой в дорогу взяли, только этим и жили, да еще делились с этой вдовушкой.

Закончили мы свои дела, вернулись в Москву, а в это время уже шли районные партийные конференции в столице. Наша партийная организация тоже избрала человек 10 или больше – не помню сколько. Состав слушателей Промышленной академии был велик, норма же представительства была тогда небольшой, потому что Московская партийная организация по сравнению с теперешним составом тоже была сравнительно невелика. От Промышленной академии на районную конференцию были избраны Сталин, Рыков и Бухарин. Не помню, были ли избран Угланов. Кажется, нет, потому что его кандидатура была более одиозной. Бухарин же и Рыков были избраны как члены Политбюро. Мы считали, что «правыми» был сделан обдуманный и ловкий ход, с тем чтобы провести на конференцию Рыкова и Бухарина именно от нашей организации: они выступили с предложением, не объявляя, конечно, что выступают от «правых», избрать от нашей партийной организации на районную конференцию вождей партии и назвали такие кандидатуры: Сталин, Рыков, Бухарин. В то время Бухарин и Рыков еще находились на таком уровне, что их кандидатуры прямо не отводили, ведь они являлись членами Политбюро. Поэтому выступать, поддерживая Сталина и отводя Рыкова и Бухарина, было нельзя, да это, видимо, и не встретило бы тогда поддержки в Политбюро. Были избраны также некоторые слушатели академии, которые поддерживали «правых».

Мне об этом рассказал Табаков, наиболее близкий мой товарищ, и мы с ним откровенно обменивались мнениями по всем политическим вопросам. Он был довольно развитым и подготовленным в политическом отношении человеком. Поздно вечером раздался звонок. Меня вызывают к телефону. Это было редкостью, потому что в Москве я ни с кем никакого знакомства не имел. Подошел я к телефону: «Говорит Мехлис⁴³, редактор “Правды”. Вы можете ко мне приехать в редакцию?» Я сказал, что могу. «Тогда сейчас подготовьтесь, я пришлю свою машину. Срочно приезжайте, у меня есть к вам дело». Отвечаю: «Хорошо».

⁴² ЗДОБНОВ Александр Зиновьевич (1894–1937). Родился в Оренбурге. Слесарь. Член Компартии с апреля 1918 г. В 1917–1918 гг. зам. пред. стачечного комитета, член Оренбургского военно-революционного комитета. В 1918 г. зав. отделом труда Оренбургского губисполкома. С 1919-го на политработе в РККА. В 1926 – марте 1928 г. – 1-й секретарь Ташкентского обкома (окружкома) партии. В конце 1920-го – начале 1930-х гг. учился в Промышленной академии (вместе с Н.С. Хрущевым). В 1937 г. – председатель ЦК Профсоюза автомобильной промышленности СССР. Делегат 9, 11 и 15-го съездов ВКП(б). 13 ноября 1937 г. Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов утвердили представленный НКВД СССР «Список лиц, подлежащих суду ВК ВС СССР по Москва-центр» по 1-й категории, т. е. с применением расстрела. Расстрелян 15.11.1937.

⁴³ МЕХЛИС Лев Захарович (1889–1953) – служащий, член РКП(б) с 1918 г., занимал ответственные партийные и советские посты, включая работу в секретариате И.В. Сталина, с 1930 г. заведовал Отделом печати ЦК ВКП(б) и одновременно руководил газетой «Правда», в 1937–1941 гг. (с перерывом) начальник Главного политического управления РККА, в 1941–1942 гг. заместитель наркома обороны СССР, с 1940 г. заместитель председателя Совнаркома СССР, в 1942–1945 гг. член ряда военных советов на фронтах Великой Отечественной войны, в 1940–1950 гг. нарком (министр) Государственного контроля СССР; с 1938 г. член Оргбюро ЦК ВКП(б) и с 1937 г. – Президиума Верховного Совета СССР, член ЦК ВКП(б) с 1939 г.

Через несколько минут автомашина была уже около общежития Промышленной академии. Я сел в нее и поехал в «Правду». Это было первое мое знакомство с Мехлисом. Он зачитал мне письмо из Промышленной академии, где рассказывалось о политической махинации, которая была подстроена для избрания делегации «правых» от партийной организации академии. Все знали, что в Москве в Промышленной академии учатся в абсолютном большинстве старые большевики, бывшие директора заводов, фабрик, объединений. Они проходили там подготовку и переподготовку по повышению своих технических знаний. Мехлис зачитал текст и спрашивает: «Вы согласны с содержанием этой корреспонденции?» Говорю: «Меня тогда там не было». – «Знаю, что вас не было, но заметка верна?» – «Полностью согласен, она отражает действительность». – «А вы можете ее подписать?» – «Как же я могу подписать? Не я же писал и автора не знаю». – «Нет, нет, – говорит, – ваша фамилия не будет фигурировать и даже автора не будет. Я верю вам, я слышал о вас и вашей позиции. Если вы подпишете, то, значит, в заметке действительно правдиво отражается обстановка, которая сложилась в партийной организации Промышленной академии». Я сказал: «Хорошо» – и подписал. Он сейчас же на своей машине отвез меня в общежитие Промышленной академии.

А назавтра вышла «Правда» с этой корреспонденцией. Это был гром среди ясного неба. Забурлила Промышленная академия, были сорваны занятия, все партгруппы требовали собрания. Секретарь партийной организации Левочкин вынужден был созвать его.

Партийная ячейка раскололась. Хозяйственники в академии были аполитичные люди, а некоторые – просто сомнительные лица. Кое-кого из них я знал: наши были, донецкие. Приходили они ко мне и говорили: «Что ты склоку заводишь? Что тебе нужно?» Я отвечал: «Слушай, ты же ничего не понимаешь, это же “правые”, куда они тебя тянут?» А они ни черта не понимали, кто такие «правые» и кто такие «левые».

Это собрание было самым бурным. На нем-то меня и избрали в президиум, и я стал председателем собрания. Тут и активизировалась группа, которая стояла на позициях Центрального Комитета и вела борьбу с «правыми», то есть с руководством нашей организации, так как оно в основном было «правым». Не помню, сколько времени шло заседание. Закончилось оно тем, что были отозваны все делегаты, кроме Сталина, – и Рыков, и Бухарин, и представители нашей партийной организации, после чего избрали новых делегатов, в том числе меня, на районную партийную конференцию.

Меня избрали (не помню, каким большинством) в бюро и секретарем партийной организации. Тогда мы развернули активную деятельность по борьбе с правыми. Шум пошел по Москве, что идет в Промакадемии борьба.

Да, была борьба, острейшая борьба, но мы навели порядок. Партийная ячейка твердо стала на позиции Центрального Комитета, а это означало поддержку Сталина, секретаря ЦК и вождя страны.

Через эту мою деятельность в Промакадемии меня, видимо, и узнал Сталин. Сталину, конечно, импонировало, что наша партийная организация поддерживает его. Мы тогда так прямо не говорили, а выступали в защиту генеральной линии партии. Я и сейчас считаю, что поддержка линии, выразителем которой в то время являлся Сталин, была правильной.

Как я уже упоминал, Сталин обо мне узнал, именно когда я учился в Промышленной академии. Тогда как раз прошел разгром московских и горьковских «правых», и они все пошли в Промышленную академию. Поэтому это был как бы инкубатор «правых», рассадник микробов правого толка, правого направления. Там они занимали довольно прочные позиции. Вот, например, Пахаров, старый нижегородец, член партии с 1903 года, кажется. Очень порядочный человек. Я его знал как директора, потому что он был директором Юзовского завода, когда я

возвратился из Красной Армии. Потом Коршунов. Между прочим, Коршунов был хорошим приятелем Молотова⁴⁴ и встречался с ним в выходные дни.

Итак, провалилась затея «правого» бюро, отправив меня представителем от партийной организации академии в колхоз, устранить возможность избрания меня на районную партконференцию и лишиться возможности там выступить. Наоборот, эта группа потерпела катастрофу, все ее представители были отозваны, а на Бауманскую районную конференцию избраны сторонники генеральной линии Центрального Комитета ВКП(б). Это случилось настолько поспешно, что мандаты на районную конференцию, которые мы получили и распределили между вновь избранными делегатами, были выписаны еще на прежних делегатов. Я тоже пошел на конференцию с мандатом, принадлежащим кому-то другому. Стали проверять документы и говорят, что ведь это же мандат на такого-то человека. Отвечаю: «Да, выписан на него, а я вот такой-то». Прошло, потому что партийная организация Бауманского района все уже знала. А инцидент с мандатом, с которым я пришел на конференцию, кончился шуткой.

В Бауманском райкоме тоже не все занимали достаточно четкую позицию. Секретарем его являлся Ширин⁴⁵. Я затрудняюсь сейчас сказать, был ли он «правым» или просто пассивным человеком, недостаточно политически зрелым и недостаточно политически активным. Когда он приходил к нам в академию, то он там никаким уважением не пользовался, и ему даже говорить не давали. Цихон⁴⁶ пришел, авторитетный человек, нарком труда, а до того бывший секретарь Бауманского райкома (позднее он тоже погиб, расстреляли его), и ему не дали выступить. Он говорил: «Послушайте, я имел дело со строителями, и даже там больше порядка придерживались, чем у вас, а ведь вы – слушатели академии». Одним словом, Бауманская организация не была боевой, но и не считалась оппозиционной, поддерживающей «правых». Мы договорились среди делегатов, что я должен буду выступить там и изложить нашу позицию, чтобы никто не считал, что мы выбрали «правых». Добавлю, что когда я выступил, то конференция встретила меня довольно прохладно. Я уже был избран тогда секретарем партийной организации академии. Поэтому именно мне пришлось выступать, чтобы районная партийная конференция знала, что парторганизация Промышленной академии твердо стоит на позициях генеральной линии партии и что избрание «правых» – уловка бывшего партийного руководства академии, которое сочувствовало «правым», а теперь лишено доверия и переизбрано.

Во время моего выступления раздавались неодобрительные голоса, мол, знаем мы, дескать, Промышленную академию. Слава о ней шла плохая в смысле ее партийной линии. Поэтому мне пришлось доказывать, что те делегаты, которые подали реплику, имеют, конечно, основания не доверять, но что делегация, которая сейчас присутствует на районной партийной конференции, отражает другую точку зрения, нежели делегаты, которые были избраны раньше, и что мы твердо стоим на партийных позициях (за генеральную линию партии, как тогда обычно заявляли). Партийная конференция нам поверила.

После этого моя фамилия стала еще более известна в Московской партийной организации и в Центральном Комитете. Это, собственно говоря, и предредило мою дальнейшую

---

⁴⁴ МОЛОТОВ (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986) – член КПСС с 1906 г., участник революционного движения, с 1919 г. председатель Нижегородского губисполкома, секретарь Донецкого губкома РКП(б), в 1921–1930 гг. секретарь ЦК партии, в 1930–1941 гг. председатель Совнаркома СССР, в 1942–1957 гг. первый зам. председателя СНК (Совмина) СССР, в 1941–1945 гг. зам. председателя Государственного комитета обороны, в 1939–1949 гг. и 1953–1956 гг. нарком иностранных дел СССР, с 1957 г. посол в Монголии, в 1960–1962 гг. постоянный представитель СССР при Международном агентстве по атомной энергии, в разные годы – член ЦК, Оргбюро ЦК и Политбюро ЦК, ВЦИК и ЦИК СССР, депутат Верховного Совета СССР в 1937–1958 гг. В июне 1957 г. снят с партийных постов за фракционную деятельность.

⁴⁵ ШИРИН А.П. – член РКП(б) с 1919 г., занимал ряд партийных должностей. Более подробной информации не обнаружено.

⁴⁶ ЦИХОН Антон Михайлович (1887–1939) – член КПСС с 1906 г., участник революционного движения, государственный и партийный деятель, в 1928–1930 гг. председатель ЦК союза строителей, в 1930–1933 гг. нарком труда СССР, член Центральной ревизионной комиссии в 1925–1927 гг. и ЦК партии в 1930–1934 гг., член ВЦИК и ЦИК СССР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

судьбу как партийного работника. Как я позже узнал, она была предрешена также и тем, что в Промышленной академии со мной вместе училась Надя Аллилуева, жена Сталина. Я не знал до моего избрания секретарем, что она училась с нами. Но она всю эту борьбу наглядно видела и, вероятно, приходя домой, информировала Сталина. Рассказывала, конечно, и о других. Вот Воробьев⁴⁷, braveй такой парень из комсомольцев, так он Сталина только что «Николаем Палкиным» не называл, а вообще-то ругал по-всякому. В нашем понимании это тогда было преступлением. Мы считали, что это – покушение на партию. И лишь потом, через десятки лет, поняли, что такая характеристика была правильной и что такое прозвище очень подошло бы Сталину.

В целом Бауманская конференция проходила очень бурно. На первых ее заседаниях я не присутствовал, тогда я еще не имел мандата, но потом мне рассказывали. Выступала Надежда Константиновна Крупская⁴⁸, и ее выступление партконференция приняла плохо. Ее речи тогда шли не в такт генеральной линии партии, и многие говорили тогда, особенно в кулуарах, что осуждают ее выступление. Тогда, конечно, и я тоже стоял на такой позиции. И у меня, и у других было двойственное чувство: с одной стороны, уважение к Надежде Константиновне как соратнику и ближайшему к Ленину человеку; с другой стороны, она выступала, не поддерживая Сталина. Потом-то я уже по-другому стал оценивать это, главным образом после смерти Сталина, когда я стал иначе рассматривать и деятельность Сталина, оценивать его как вождя и как личность. Видимо, Надежда Константиновна была по-своему в те времена, безусловно, права. Но партийная конференция ее не понимала, не принимала и осуждала ее выступление.

Так началась моя деятельность партийного работника. Вскоре я был избран в Бауманский районный партийный комитет. Это произошло в январе 1931 года, а конференция проходила, по-моему, в июле 1930 года. В то время я познакомился с Булганиным⁴⁹. Он был в Бауманском районе директором Электrozавода. В Москве проводилась партийная конференция, и я входил в комиссию, которая проверяла парторганизацию Электrozавода. Тогда к проверкам привлекали людей, которые имели большой партстаж (у меня он – с 1918 года), поэтому на всю Москву не хватало таких людей. Не особенно-то охотно шли мы на это, нас отрывали от занятий. Сам Булганин не проходил проверку, он находился за границей, и лишь после того, как он приехал, мы с ним беседовали. Он произвел на меня тогда очень хорошее впечатление, а потом получил за свою работу высокую награду – орден Ленина.

Вернусь к Аллилуевой: она была парторгом академической группы. Как-то приходит она ко мне и говорит: «Я хотела бы с вами согласовать нашу линию, сейчас партийная группа обсуждает такой-то вопрос, как нам правильно записать политическую характеристику момента?» Обсуждение было связано с борьбой с «правыми». Я ответил ей, а сам потом, когда она ушла, думаю: «Она, придя домой, расскажет Сталину, и что он скажет?» Но на следующий день она ничего не сказала, а я ее не спрашивал. Видимо, моя оценка оказалась правильной.

⁴⁷ ВОРОБЬЕВ В.Н. – член РСДРП с 1917 г., участник и организатор комсомольского и общемолодежного движения. Более подробной информации не обнаружено.

⁴⁸ КРУПСКАЯ Надежда Константиновна (1869–1939) – дочь чиновника, член РСДРП с 1898 г., супруга и ближайший соратник В.И. Ленина, активный деятель Коммунистической партии, организатор женского движения, ответственный работник политпросвещения и органов народного образования, почетный член АН СССР с 1931 г., автор многочисленных трудов по истории ВКП(б), политработе, педагогике.

⁴⁹ БУЛГАНИН Николай Александрович (1895–1975) – служащий, член РСДРП с 1917 г., с 1918 г. сотрудник ВЧК, с 1922 г. работник Высшего совета народного хозяйства СССР, с 1927 г. директор Московского электrozавода, с 1931 г. председатель Моссовета, с 1937 г. Председатель Совнаркома РСФСР, с 1938 г. заместитель Председателя Совнаркома СССР, в 1941–1943 гг. член ряда военных советов в действующей армии, с 1944 г. заместитель наркома обороны СССР и член Государственного Комитета Обороны, с 1947 г. министр вооруженных сил СССР и заместитель, с 1953 г. – 1-й заместитель Председателя Совета Министров СССР, с 1955 по 1958 г. Председатель Совета Министров СССР. В 1947–1958 гг. носил звание Маршала Советского Союза. В 1957 г. примкнул к так называемой антипартийной группе сталинистов в Президиуме ЦК КПСС и в 1958 г. был разжалован в генерал-полковники, работал до 1960 г. председателем Ставропольского краевого Совнархоза, потом пенсионер. В 1948–1958 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК партии; член ЦК партии в 1939–1959 гг.

Когда я стал встречаться со Сталиным, то сначала ничего не понимал, почему он упоминал какие-то факты из моей деятельности в Промышленной академии. Я молчал и не отвечал: не знал, радоваться мне или ежиться из-за этого. А сам думал: «Откуда он знает?» Потом смотрю, вроде он улыбается. Тогда я сообразил: видимо, Надежда Сергеевна подробно информировала его о жизни нашей партийной организации и о моей роли как ее секретаря, представив меня в хорошем свете.

Вероятно, Сталин и сказал после этого Кагановичу: «Возьмите Хрущева на работу в МК». Перспектива работы с Кагановичем мне импонировала, потому что я к нему относился с большим доверием и уважением. Лишь потом я узнал его характер, и его грубость сразу вызвала у меня антипатию. Так я был приобщен к Московской общегородской партийной организации, это была большая честь. Ведь Московская организация – столичная. Но никогда я не забуду, как мне было здесь нелегко. Как-то Каганович спросил меня: «Как вы себя чувствуете?» Говорю: «Очень плохо». Он удивился: «Почему?» Отвечаю: «Я не знаю городского хозяйства, а все эти вопросы надо здесь решать». – «Какие у вас с Булганиным отношения?» (Булганин тогда стал председателем Моссовета.) «Формально отношения очень даже хорошие, но я думаю, что он меня не признает как настоящего руководителя городским хозяйством, а для города это первое дело». Он говорит: «Вы переоцениваете его и недооцениваете себя. А он к вам ходит?» – «Ходить-то он ходит, согласовывает. Но мне кажется, что он лучше знает дело, и если и приходит ко мне, то просто как к секретарю МК. А вообще у нас очень хорошие отношения, и я с уважением к нему отношусь».

Позднее, когда мы поработали вместе, я увидел, что Булганин – очень поверхностный, легковесный человек. Он не влезал глубоко в хозяйство, а в вопросах политики мог считаться даже аполитичным, никогда не жил бурной политической жизнью. Я не знал его биографии, хотя мне было известно, что он работал в железнодорожной ЧК по борьбе с мешочниками, а потом его выдвинули директором завода. Директором он был, видимо, по тем временам неплохим. Он ведь имел среднее образование, что тогда было редким явлением. Директорами, как правило, становились рабочие. Каганович его называл бухгалтером. Верно, по стилю работы он был бухгалтер.

В то время я считал, что просто придан в поддержку Булганину. Сталин, бывало, нас всегда вместе вызывал или приглашал на семейные обеды и всегда шутил: «Приходите обедать, отцы города». Каганович с нами не ходил. Он хоть и оставался секретарем МК, но, видимо, Сталин уже в этой роли его не признавал, а считал секретарем ЦК. А мы, «отцы города», представляли Москву. По существу, так оно и было, потому что Каганович просто физически не имел возможности заниматься делами столицы, по уши был загружен делами ЦК. Он работал очень добросовестно: как говорится, ни дня, ни ночи не видел.

Личное знакомство со Сталиным

Посещение домашних обедов у Сталина было особенно приятным, пока была жива Надежда Сергеевна. Она была принципиальным, партийным человеком и в то же время чуткой и хлебосольной хозяйкой. Я очень сожалел, когда она умерла. Накануне ее кончины проходили октябрьские торжества... Шла демонстрация, и я стоял возле Мавзолея Ленина в группе актива. Аллилуева была рядом со мной, мы разговаривали. Было прохладно, и Сталин стоял на Мавзолее в шинели (он, как всегда в ту пору, ходил в шинели). Крючки у него были расстегнуты и полы распахнулись. Дул ветер, Аллилуева глянула и говорит: «Вот мой не взял шарф, простудится и опять будет болеть». Все это было очень по-домашнему и никак не вязалось с вросшими в наше сознание представлениями о Сталине как о вожде.

Потом кончилась демонстрация, все разошлись. А на следующий день Каганович собирает секретарей московских райкомов партии и говорит, что скорострительно скончалась Надежда Сергеевна. Я тогда подумал: «Как же так? Я же с ней вчера разговаривал. Цветущая, красивая такая женщина была». Искренне пожалел: «Ну, что же, всякое бывает, умирают люди...» Через день или два Каганович опять собирает тот же состав и говорит: «Я передаю поручение Сталина. Сталин велел сказать, что Аллилуева не умерла, а застрелилась». Вот и все. Причин, конечно, нам не излагали. Застрелилась, и все тут. Ее похоронили. Сталин ходил провожать ее на кладбище. По его лицу было видно, что он очень переживал, оплакивал ее.

Уже после смерти Сталина я узнал причину смерти Надежды Сергеевны. На это есть документы. А мы спросили Власика⁵⁰, начальника охраны Сталина: «Какие причины побудили Надежду Сергеевну к самоубийству?» Вот что он рассказал: «После парада, как всегда, все пошли обедать к Ворошилову⁵¹. (В Кремле у него большая квартира была. Я тоже там обедал несколько раз. Приходил туда узкий круг лиц: командующий парадом, в тот раз, по-моему, Корт⁵², принимавший парад нарком Ворошилов и некоторые члены Политбюро, самые близкие к Сталину. Шли туда прямо с Красной площади. Тогда демонстрации надолго затягивались.) Там они пообедали, выпили, как полагается и что полагается в таких случаях. Надежды Сергеевны там не было. Все разъехались, уехал и Сталин. Уехал, но домой не приехал. Было уже поздно. Надежда Сергеевна стала проявлять беспокойство – где же Сталин? Начала его искать по телефону. Прежде всего она позвонила на дачу.

Они жили тогда в Зубалове, но не там, где жил последнее время Микоян⁵³, а через овраг. На звонок ответил дежурный. Надежда Сергеевна спросила: «Где товарищ Сталин?» – «Това-

---

⁵⁰ ВЛАСИК Николай Сидорович (1896–1967) – в Главном управлении госбезопасности НКВД (МВД) СССР возглавлял отдел охраны правительства до 1952 г., генерал-лейтенант, отвечал за личную охрану Сталина.

⁵¹ ВОРОШИЛОВ Климент Ефремович (1881–1969) – рабочий, член РСДРП с 1903 г., участник трех российских революций и борьбы за Советскую власть в годы Гражданской войны, с 1921 г. командовал войсками Северо-Кавказского, затем Московского военных округов, с 1925 г. нарком по военным и морским делам (нарком обороны с 1934 г.) СССР, с 1940 г. заместитель Председателя Совнаркома СССР, во время Великой Отечественной войны занимал ряд руководящих должностей, с 1946 г. заместитель Председателя Совета Министров СССР, с 1953 г. Председатель Президиума Верховного Совета СССР, с 1935 г. Маршал Советского Союза, с 1926 по 1960 г. член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС, с 1960 г. член Президиума Верховного Совета СССР.

⁵² КОРТ Август Иванович (1887–1937) – крестьянин, служил офицером в царской армии, член ВКП(б) с 1927 г., на командных должностях в Красной Армии с 1918 г., руководил войсками ряда военных округов, перед репрессированием был начальником Военной академии им М.В. Фрунзе. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

⁵³ МИКОЯН Анастас Иванович (1895–1978) – из рабочих, член РСДРП с 1915 года, в годы Гражданской войны участник борьбы за Советскую власть в Закавказье, с 1920 г. занимал ответственные партийные посты, в 1926–1949 гг. нарком (министр) внешней и внутренней торговли, снабжения, пищевой промышленности, торговли, с 1937 г. заместитель Председателя Совнаркома СССР, во время Великой Отечественной войны член Государственного Комитета Обороны, с 1946 г. заместитель Председателя Совета Министров СССР, с 1955 г. – первый его заместитель, в 1964–1965 гг. Председатель (с 1965 г. член) Президиума Верховного Совета СССР, с 1974 г. на пенсии; член ЦК партии в 1923–1975 гг., член Политбюро (Президиума) ЦК партии в 1935–1966 гг.

рищ Сталин здесь». – «Кто с ним?» Тот назвал: «С ним жена Гусева». Утром, когда Сталин приехал, жена уже была мертва. Гусев – это военный, и он тоже присутствовал на обеде у Ворошилова. Когда Сталин уезжал, он взял жену Гусева с собой. Я Гусеву никогда не видел, но Микоян говорил, что она очень красивая женщина. Когда Власик рассказывал эту историю, он так прокомментировал: «Черт его знает. Дурак неопытный этот дежурный: она спросила, а он так прямо и сказал ей»».

Тогда еще ходили глухие сплетни, что Сталин сам убил ее. Были такие слухи, и я лично их слышал. Видимо, и Сталин об этом знал. Раз слухи ходили, то, конечно, чекисты записывали и докладывали. Потом люди говорили, что Сталин пришел в спальню, где он и обнаружил мертвую Надежду Сергеевну; не один пришел, а с Ворошиловым. Так ли это было, трудно сказать. Почему это вдруг в спальню нужно ходить с Ворошиловым? А если человек хочет взять свидетеля, то, значит, он знал, что ее уже нет? Одним словом, эта сторона дела до сих пор темна.

Вообще-то я мало знал о семейной жизни Сталина. Судить об этом я могу только по обедам, где мы бывали, и по отдельным репликам. Случалось, Сталин, когда он был под хмельком, вспоминал иной раз: «Вот я, бывало, запрешь в своей спальне, а она стучит и кричит: “Невозможный ты человек. Жить с тобой невозможно”». Он рассказывал также, что когда маленькая Светланка сердилась, то повторяла слова матери: «Ты невозможный человек. – И добавляла: – Я на тебя жаловаться буду». – «Кому же ты жаловаться будешь?» – «Повару». Повар был у нее самым большим авторитетом.

После смерти Надежды Сергеевны я некоторое время встречал у Сталина молодую красивую женщину, типичную кавказку. Она старалась нам не встречаться на пути. Только глаза сверкнут, и сразу она пропадает. Потом мне сказали, что эта женщина – воспитательница Светланки. Но это продолжалось недолго, и она исчезла. По некоторым замечаниям Берии⁵⁴ я понял, что это была его протеже. Ну, Берия, тот умел подбирать «воспитательниц».

Аллилуеву же я жалел еще и чисто по-человечески. Славным она была человеком. Когда она училась в Промакадемии на текстильном факультете, овладевая специальностью химика по искусственному волокну, то была избрана партгруппоргом и приходила согласовывать со мной всякие формулировки. Я при этом всегда как бы оглядывался: вот придет она домой и расскажет Сталину о моих словах... У Винниченко⁵⁵ есть рассказ «Пиня». Этот Пиня был выбран старостой в тюремной камере, поэтому он за всех принимал решения. Избрали меня в Промакадемии секретарем парткома, и почувствовал я себя Пиней. Но ни разу не пожалел, что сказал Надежде Сергеевне то или что-то другое. Да и скромница она была в жизни. В академию приезжала только на трамвае, уходила вместе со всеми и никогда не вылезала как «жена большого человека». Есть старая истина: судьба нередко лишает нас лучших.

Я уже рассказывал, что Сталин часто вспоминал факты моей работы в академии, а я смотрел и недоумевал: откуда он знает? Потом понял, откуда он знает некоторые эпизоды из моей жизни. Видимо, Надежда Сергеевна информировала его о жизни партийной организации Промышленной академии в то время, когда я там учился, а потом и возглавлял партийную организацию. По-видимому, она представляла меня в хорошем свете как политического

⁵⁴ БЕРИЯ Лаврентий Павлович (1899–1953) – из крестьян, член РСДРП с 1917 г., в 1918–1920 гг. техник и служащий таможни, с 1921 г. до 1931 г. работал в органах ЧК и ГПУ Закавказья, с 1931 г. 2-й секретарь Закавказского крайкома ВКП(б) и 1-й секретарь ЦК КП(б) Грузии, с 1932 г. 1-й секретарь Закрайкома ВКП(б), с 1938 г. 1-й заместитель наркома и затем нарком (министр по 1953 г. с перерывом) внутренних дел СССР, с 1941 г. заместитель Председателя Совнаркома СССР и Генеральный комиссар государственной безопасности, член и заместитель Председателя Государственного Комитета Обороны, с 1945 г. Маршал Советского Союза, с 1953 г. 1-й заместитель Предсовмина СССР и министр внутренних дел СССР; член ЦК ВКП(б) с 1934 г., кандидат в члены (с 1939 г.) и член (с 1946 г.) Политбюро ЦК ВКП(б), с 1952 г. член Президиума ЦК КПСС. Расстрелян в декабре 1953 г.

⁵⁵ ВИННИЧЕНКО Владимир Кириллович (1880–1951) – писатель, идеолог украинского национального движения, в 1918–1919 гг. председатель украинской Директории, в 1920 г. заместитель председателя Совнаркома УССР, впоследствии эмигрант.

деятеля. Поэтому Сталин и узнал меня через нее. А сначала я приписывал свое выдвижение на партийную работу в Москве Кагановичу, потому что Каганович меня очень хорошо знал по Украине, где мы с ним были знакомы буквально с первых же дней Февральской революции. Потом уж я сделал вывод, что, видимо, мое выдвижение было предпринято не Кагановичем, а скорее всего исходило от Сталина. Это, конечно, импонировало Кагановичу. Наверное, Надежда Сергеевна меня, грубо говоря, расхваливала Сталину.

Сталин нравился мне и в быту. Иной раз при встрече в домашней обстановке я слышал, как он шутил. Шутки у него были для меня довольно необычными. Я обоготворял его личность и шуток поэтому от него не ждал, так что любая шутка мне казалась необычной: шутит «человек не от мира сего».

Мне нравилась семья Сталина. У Сталина я встречал старика Аллилуева⁵⁶ и его жену, тоже пожилую женщину. Приглашался туда и Реденс⁵⁷ со своей женой, старшей сестрой Надежды Сергеевны Анной Сергеевной, и ее брат. Он мне тоже очень нравился – молодой и красивый человек в командирском звании, не то артиллерист, не то из танковых войск... Это были такие непринужденные семейные обеды, с шутками и прочим. Сталин на этих обедах был очень человечным, и мне это импонировало. Я еще больше проникался уважением к Сталину и как к политическому деятелю, равного которому не было в его окружении, и как к простому человеку. Но я тогда ошибался. Теперь я вижу, что не все понимал. Сталин действительно велик, я и сейчас это подтверждаю, и в своем окружении он был выше всех на много голов. Но он был еще и артист, и иезуит. Он способен был на игру, чтобы показать себя в определенном качестве.

Хочу описать еще одну встречу со Сталиным, которая произвела на меня сильное впечатление. Это произошло, когда я учился в Промакадемии. Первый выпуск ее слушателей состоялся в 1930 году. Тогда директором у нас был Каминский⁵⁸, старый большевик, хороший товарищ. Я к нему относился с уважением. Мы его попросили, чтобы он обратился к Сталину с просьбой принять представителей партийной организации Промышленной академии в связи с первым выпуском слушателей. Мы хотели услышать напутственное слово от товарища Сталина. У нас был запланирован вечер в Колонном зале Дома союзов⁵⁹, посвященный выпуску слушателей, и мы просили, чтобы Сталин выступил на этом торжественном заседании. Нам сообщили, чтобы мы выделили своих представителей, и Сталин примет человек шесть или семь. В их числе был и я, как секретарь партийной организации. Остальные участники этой встречи уже окончили Промышленную академию, а я попал именно как представитель партийной организации.

Пришли к Сталину. Он сейчас же принял нас, и началась беседа. Сталин развивал такую тему: надо учиться, надо овладевать знаниями, но не разбрасываться, а знать свое конкретное дело глубоко и в деталях. Нужно, чтобы из вас получились подготовленные руководители, не вообще какие-то специалисты по общему руководству делом, а с глубоким знанием именно своего дела. Тут он привел такой пример: если взять нашего специалиста, русского инженера,

---

⁵⁶ АЛЛИЛУЕВ Сергей Яковлевич (1866–1945). Рабочий на заводах Тифлиса (Тбилиси), Грузия. С 1896 г. член партии социал-демократов, участник революционного движения в Грузии и Азербайджане. В 1907–1918 гг. в Санкт-Петербурге, в 1917 г. на его квартире скрывался В.И. Ленин от ареста Временным правительством. Его мемуары «Пройденный путь» опубликованы в 1956 г.

⁵⁷ РЕДЕНС Станислав Францевич (1892–1940) – член РСДРП с 1914 г., видный сотрудник ОГПУ и НКВД, с 1935 г. комиссар государственной безопасности 1-го ранга. Был репрессирован.

⁵⁸ КАМИНСКИЙ Григорий Наумович (1895–1938) – из рабочих, член РСДРП с 1913 г., в 1917–1921 гг. занимал ответственные партийные и советские посты, в 1922–1929 гг. на руководящей работе в профсоюзах, кооперации и «Колхозцентре», с 1930 г. секретарь Московского горкома ВКП(б), с 1932 г. председатель Московского областного исполкома, с 1934 г. нарком здравоохранения РСФСР, с 1936 г. нарком здравоохранения СССР; кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1925–1927 гг. и с 1934 г. член ВЦИК и ЦИК СССР. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

⁵⁹ Колонный зал Дома союзов, бывшего Дворянского собрания, использовался для проведения собраний, а также различных праздничных и похоронных мероприятий.

то это специалист очень образованный и всесторонне развитый. Он может поддерживать разговор на любую тему и в обществе дам, и в своем кругу, он сведущ в вопросах литературы, искусства и других. Но когда потребуются его конкретные знания, например машина остановилась, то он сейчас же пошлет других людей, которые бы ее исправили. А вот немецкий инженер будет в обществе более скупен. Но если ему сказать, что остановилась машина, он снимет пиджак, засучит рукава, возьмет ключ, сам разберет, исправит и пустит машину. Вот такие люди нужны нам: не с общими широкими знаниями, это тоже очень хорошо, но, главное, чтобы они знали свою специальность и знали ее глубоко, умели учить людей.

Нам это понравилось. Я такую точку зрения слышал и раньше, еще когда учился на рабфаке. Тогда проводилась в жизнь такая идея, что нам, конечно, нужны и институты, но главным образом нужно побольше техникумов, чтобы иметь у нас не столько просто образованных людей, знающих ту или другую отрасль, сколько специалистов, окончивших техникумы, если проще говорить – ремесленников, которые знали бы дело уже, но зато глубже, чем инженер той же специальности. У нас тогда и споров не было, мы всецело придерживались такой точки зрения. Поэтому слова Сталина, при личном знакомстве с ним, произвели тогда на меня хорошее впечатление: вот человек, который знает суть и правильно направляет наши умы, нашу энергию на решение коренной задачи индустриализации страны, подъема промышленности и создания на этой основе неприступности границ нашей Родины со стороны капиталистического мира. На этой же базе основывался и подъем благосостояния народа.

Закончили беседу. Сталин сказал: «Я не смогу быть у вас, а придет к вам Михаил Иванович Калинин⁶⁰. Он вас поприветствует». Когда завершилась беседа со Сталиным, мы увидели, что уже началось заседание в Колонном зале и нам надо туда бежать. Пришли мы из Кремля в Колонный зал, когда доклад уже кончился. С докладом, по-моему, выступал Каминский. Потом говорили слушатели, и, наконец, выступил Михаил Иванович. Мы все уважали его и внимательно слушали. Но он говорил как раз обратное тому, о чем только что сказал Сталин. Правда, он тоже утверждал, что надо учиться, овладевать знаниями и быть квалифицированными руководителями нашей промышленности: «Вы кадровые командиры и должны знать не только свою специальность, но должны читать литературу, должны быть всесторонне развитыми. Надо быть не только знатоками своей специальности, своих машин и приборов, вы должны быть знатоками нашей литературы, искусства, истории и прочего». Те, кто был у Сталина, переглядывались. Ведь мы только что пришли от него, а Калинин по этому вопросу говорил как раз противоположное услышанному от Сталина. Я был на стороне Сталина, считая, что он конкретнее ставит задачи, ибо прежде всего мы должны быть специалистами, мастерами своего дела и не разбрасываться, иначе мы не будем иметь настоящей цены. Тот, кто глубже знает свой предмет, более полезен для своей Родины и для дела.

Когда началась моя партийная деятельность в Москве, то в январе 1931 г. состоялась районная партийная конференция. Тогда районные партконференции проводились или через шесть месяцев, или через год. На этой-то конференции я был избран в январе секретарем Бауманского районного партийного комитета, а Коротченко⁶¹ – председателем районного Совета.

⁶⁰ КАЛИНИН Михаил Иванович (1875–1946) – крестьянин, затем рабочий, член РСДРП с 1898 г., активный участник пролетарского движения и трех российских революций, в 1917 г. городской голова Петрограда, в 1918 г. комиссар городского хозяйства Петрограда, с 1919 г. Председатель ВЦИК, с 1922 г. Председатель ЦИК СССР, с 1938 г. Председатель Президиума Верховного Совета СССР; член ЦК партии с 1919 г., с 1926 г. член Политбюро ЦК партии.

⁶¹ КОРОТЧЕНКО Демьян Сергеевич (1894–1969) – крестьянин, потом солдат, член РКП(б) с 1918 г., находился с 1918 г. на различных партийных постах на Украине, в 1931–1934 гг. председатель Бауманского райисполкома в Москве, затем секретарь Бауманского и Первомайского райкомов партии в Москве, с 1936 г. секретарь Московского обкома ВКП(б), в 1937–1938 гг. первый секретарь Западного, затем Днепропетровского обкомов партии и председатель Совнаркома УССР, в 1939–1947 гг. секретарь ЦК КП(б)У, в 1947–1954 гг. председатель Совета Министров УССР, далее председатель Президиума Верховного Совета УССР, член ЦК ВКП(б) с 1939 г., член Президиума (в 1952–1953 гг.) и затем кандидат в члены Президиума ЦК КПСС.

Заворгом в райкоме стал товарищ Трейвас⁶², очень хороший товарищ. Агитмассовым отделом заведовал, по-моему, товарищ Розов, тоже очень хороший, деятельный человек. Потом еще Шуров⁶³. У него так кончилась карьера: не помню, либо его арестовали, либо он покончил жизнь самоубийством в Сибири в 1937 году.

Трейвас в 20-е годы был широко известен как комсомольский деятель. Это был дружок Саши Безыменского⁶⁴. Они вместе являлись активными деятелями Московской комсомольской организации. Трейвас – очень дельный, хороший и умный человек. Но меня еще тогда Каганович предупредил, что, мол, у него имеется политический изъян: он в свое время, когда шла острая борьба с троцкистами, подписал так называемую декларацию 93 комсомольцев в поддержку Троцкого. Безыменский ее тоже подписал. «Поэтому, – сказал Каганович, – требуется настороженность, хотя сейчас Трейвас полностью стоит на партийных позициях, не вызывает никаких сомнений и рекомендуется от Центрального Комитета заворгом».

Сейчас, когда прошло столько лет, я должен сказать, что Трейвас работал очень хорошо, преданно, активно. Это был умный человек, и я им был очень доволен. Но с ним я проработал только полгода, а потом меня избрали секретарем Краснопресненского райкома партии. Это считалось повышением на партийной лестнице, потому что Красная Пресня занимала более высокие политические позиции, чем Бауманский район, ввиду ее славного исторического прошлого – Декабрьского восстания 1905 года. Краснопресненская парторганизация была ведущей партийной районной организацией в Москве. Трейвас же остался в Бауманском районе. А секретарем Бауманского райкома избрали, по-моему, Марголина⁶⁵.

Трейвас кончил свою жизнь трагично. Он был избран секретарем Калужского горкома партии и хорошо там работал. Гремел, если так можно сказать, этот Калужский горком. Но когда началась «мясорубка» 1937 года, то и он не избежал ее. Я опять встретился с Трейвасом, когда он уже сидел в тюрьме. Сталин тогда выдвинул идею, что секретари обкомов партии должны ходить в тюрьмы и проверять правильность действий чекистских органов. Поэтому я тоже ходил. Помню, Реденс был тогда начальником управления ОГПУ Московской области. Это тоже интересная фигура. Реденс, бедняга, тоже кончил жизнь трагически. Он был арестован и расстрелян, несмотря на то, что был женат на сестре Надежды Сергеевны Аллилуевой, то есть являлся свояком Сталина. Я много раз встречал Реденса на квартире у Сталина, на семейных обедах, на которые я тоже приглашался, как секретарь Московской партийной организации, да и Булганин, как председатель Моссовета.

Вот с этим-то Реденсом ходили мы и проверяли тюрьмы. Это была ужасная картина. Помню, зашел я в женское отделение одной тюрьмы. Жарища, дело было летом, камера переполнена... Реденс предупредил меня, что там можно встретиться с такой-то и такой-то, там

---

⁶² ТРЕЙВАС Борис Ефимович – член РКП(б) с 1918 г., партийно-политический работник. Более подробной информации обнаружить не удалось.

⁶³ ШУРОВ (Шелехес) Владимир Яковлевич (1900–1937). В 1922–1926 гг. учился на рабфаке и в Московском высшем техническом училище. В 1926–1931 гг. на партийной работе в Московских райкомах. В 1931–1932 гг. секретарь Исполнительного комитета Московского городского Совета. В 1932–1935 гг. 1-й секретарь Орехово-Зуевского городского комитета ВКП(б) (Московская область). В 1935–1937 гг. 2-й секретарь Челябинского областного комитета ВКП(б). Арестован и расстрелян.

⁶⁴ БЕЗЫМЕНСКИЙ Александр Ильич (1898–1973) – член РСДРП с 1916 г., поэт, активный участник коммунистического молодежного движения, автор сборников стихотворений, поэм и пьес.

⁶⁵ МАРГОЛИН Натан Вениаминович (1895–1938). Член РСДРП(б) с 1914 г. В 1915–1917 гг. в русской армии, затем на подпольной работе в Екатеринославе. В 1918–1922 гг. военный организатор Киевского комитета КП(б) Украины, командир отряда Демеевского революционного комитета (Киев), в Наркомате по военным делам Украинской ССР, начальник Особого отдела частей РККА (Самара, Ташкент, Ашхабад), начальник отдела Киевской губернской ЧК. С 1922 г. на партийной работе. В 1927–1930 гг. член Центральной Контрольной Комиссии КП(б) Украины. В 1928–1929 гг. ответственный секретарь Мелитопольского окружкома КП(б) Украины. В 1930–1932 гг. член ЦК КП(б) Украины. В 1931 г. окончил Промышленную академию имени И.В. Сталина. В 1931–1935 гг. 1-й секретарь Бауманского, Сталинского райкомов ВКП(б) (Москва). В 1935–1937 гг. 2-й секретарь Московского обкома ВКП(б). В марте – ноябре 1937 г. и.о., а затем 1-й секретарь Днепропетровского обкома КП(б) Украины. С июня 1937 г. член ЦК КП(б) Украины. С июня 1937 г. кандидат, с июля член Политбюро ЦК КП(б) Украины. Арестован 3 ноября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован посмертно.

попадают знакомые. Действительно, сидела там одна очень активная и умная женщина – Бетти Глан⁶⁶. Она и сейчас, кажется, еще жива и здорова. Была она вторым по счету директором Центрального парка культуры и отдыха имени Горького в Москве. Но она была не только директором, а фактически одним из его создателей. Я тогда не бывал на дипломатических приемах, а она, как выходец из буржуазной семьи, знала этикет высшего общества, и Литвинов⁶⁷ ее всегда туда приглашал, так что она как бы представляла наше государство на этих приемах. Теперь я встретил ее в тюрьме. Она была полуголая, как и другие, потому что стояла жарища. Говорит: «Товарищ Хрущев, ну какой же я враг народа? Я честный человек, я преданный партии человек». Вышли мы оттуда, зашли в мужское отделение. Тут я встретил Трейваса. Трейвас тоже говорит мне: «Товарищ Хрущев, разве я такой-сякой?» Я тут же обратился к Реденсу, а он отвечает: «Товарищ Хрущев, они все так. Они все отрицают. Они просто врут».

Тогда я понял, что наше положение секретарей обкомов очень тяжелое: фактические материалы следствия находятся в руках чекистов, которые и формируют мнение: они допрашивают, пишут протоколы дознания, а мы являемся, собственно говоря, как бы «жертвами» этих чекистских органов и сами начинаем смотреть их глазами. Таким образом, это получался не контроль, а фикция, ширма, которая прикрывала их деятельность. Позднее я подумал: а почему Сталин так сделал? Теперь ясно, что Сталин это сделал сознательно, он продумал это дело, чтобы, когда понадобится, мог бы сказать: «Там же партийная организация. Они ведь следят, они обязаны следить». А что такое «следить»? Как именно следить? Чекистские органы не подчинены нашей партийной организации. Следовательно, кто за кем следит? Фактически не партийная организация следила за чекистскими органами, а чекистские органы следили за партийной организацией, за всеми партийными руководителями.

В то время мне приходилось очень часто встречаться со Сталиным и слушать его: на заседаниях, на совещаниях, на конференциях, слушать и видеть его деятельность при встречах с ним у него на квартире и в обстановке работы руководящего коллектива – Политбюро Центрального Комитета. На этом фоне Сталин резко выделялся, особенно четкостью своих формулировок. Меня это очень подкупало. Я всей душой был предан ЦК партии во главе со Сталиным и самому Сталину в первую очередь.

Раз присутствовал я на совещании узкого круга хозяйственников. Это было тогда, когда Сталин сформулировал свои знаменитые «шесть условий» успешного функционирования экономики⁶⁸. Я тогда работал секретарем Бауманского райкома партии. Мне позвонили, чтобы я явился на Политбюро, выступит Сталин. Я сейчас же приехал в ЦК, там было уже полно людей. Зал, в котором мы заседали, небольшой, вмещавший максимум человек 300, был битком набит. Слушая Сталина, я старался не пропустить ни одного слова и, насколько мог, записал его выступление. Потом оно было опубликовано. Повторяю, краткость выражений и четкость формулирования задач, которые были поставлены, подкупали меня, и я все больше и больше проникался уважением к Сталину, признавая за ним особые качества руководителя.

Я встречал и наблюдал Сталина также при непринужденных беседах. Это случалось иной раз в театре. Когда Сталин шел в театр, он порой поручал позвонить мне, и я приезжал туда или один, или вместе с Булганиным. Обычно он приглашал нас, когда у него

⁶⁶ ГЛАН Бетти Николаевна (Наумовна) (1903–1992) – из служащих, член РКП(б) с 1924 г., в 20-е годы сотрудник Коминтерна и Коминтерна молодежи, в 1929–1937 гг. директор Центрального парка культуры и отдыха в Москве, после реабилитации в 1955 г. работник Союза композиторов СССР, Всероссийского театрального общества и Союза театральных деятелей РСФСР.

⁶⁷ ЛИТВИНОВ Максим Максимович (Валлах Макс) (1876–1951) – из служащих, член РСДРП с 1898 г., участник первой и третьей российских революций, активный деятель большевистского движения, с 1918 г. на различных дипломатических постах, с 1921 г. заместитель наркома иностранных дел, в 1930–1939 гг. нарком (в 1941–1946 гг. зам. наркома) иностранных дел СССР, в 1941–1943 гг. посол СССР в США, с 1946 г. на пенсии; член ЦК ВКП(б) с 1934 г., член ЦИК СССР.

⁶⁸ В речи И.В. Сталина «Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства» от 23 июня 1931 г. на совещании хозяйственников, состоявшемся при ЦК ВКП(б).

возникали какие-то вопросы и он хотел, находясь в театре, там же обменяться мнениями по вопросам, которые чаще всего касались города Москвы. Мы же всегда с большим вниманием слушали его и старались сделать именно так, как он нам советовал. А в ту пору советовал он чаще в хорошей, товарищеской форме пожеланий.

Однажды (по-моему, перед XVII партийным съездом) мне позвонили и сказали, чтобы я сам позвонил по такому-то номеру телефона. Я знал, что это номер телефона на квартире Сталина. Звоню. Он мне говорит: «Товарищ Хрущев, до меня дошли слухи, что у вас в Москве неблагополучно дело обстоит с туалетами. Даже “по-маленькому” люди бегают и не знают, где бы найти такое место, чтобы освободиться. Создается нехорошее, неловкое положение. Вы подумайте с Булганиным о том, чтобы создать в городе подходящие условия». Казалось бы, такая мелочь. Но это меня еще больше подкупило: вот, даже о таких вопросах Сталин заботится и советует нам. Мы, конечно, развили бешеную деятельность с Булганиным и другими ответственными лицами, поручили обследовать все дома и дворы, хотя это касалось в основном дворов, поставили на ноги милицию. Потом Сталин уточнил задачу: надо создать культурные платные туалеты. И это тоже было сделано. Были построены отдельные туалеты. И все это придумал тоже Сталин.

Помню, как тогда не то на совещание, не то на конференцию съехались товарищи из провинции. Эйхе⁶⁹ (он тогда, кажется, в Новосибирске был секретарем парторганизации) с такой латышской простотой спрашивал меня: «Товарищ Хрущев, правильно ли люди говорят, что вы занимаетесь уборными в городе Москве и что это – по поручению товарища Сталина?» – «Да, верно, – отвечаю, – я занимаюсь туалетами и считаю, что в этом проявляется забота о людях, потому что туалеты в таком большом городе – это заведения, без которых люди не могут обходиться даже в таких городах, как Москва». Вот такой эпизод, казалось бы, мелочевый, свидетельствует, что Сталин и мелочам уделяет внимание. Вождь мирового рабочего класса, как тогда говорили, вождь партии, а ведь не упускает из виду такую жизненно необходимую мелочь для человека, как городские туалеты. И это нас подкупало.

Еще отдельные эпизоды, которые связаны с деятельностью Сталина и характеризуют его. Помню, однажды на заседании Политбюро встал несколько необычный вопрос об одном лице, командированном Внешторгом в какую-то латиноамериканскую страну. Подошла очередь данного вопроса. Вызвали этого человека. Пришел он, очень растерянный с виду, лет тридцати пяти. Начинается обсуждение. К нему обращается Сталин: «Расскажите нам все, как было, ничего не утаивая». Тот рассказывает, что приехал в эту страну делать какие-то заказы. Сейчас я точно уже не помню, от какой организации и куда он ездил. Но не это главное. Тут интересно, как реагировал Сталин. А человек продолжает: «Я зашел в ресторан поесть. Сел за стол, заказал обед. Ко мне подсел какой-то молодой человек и спрашивает: “Вы из России?” – “Да, из России”. – “А как вы относитесь к музыке?” – “Люблю послушать, если хорошо играют на скрипке”. – “А что вы приехали закупать?” – “Я приехал закупать оборудование”. – “А вы в России служили в армии?” – “Да, служил”. – “В каких частях?” – “В кавалерии, я кавалерист, люблю лошадей и сейчас, хотя уже не служу”. – “А как вы стреляете? Вы же были военным”. – “Неплохо стреляю»». А назавтра мне перевели, что было обо мне написано в газетах. Я просто за голову взялся. Оказывается, это был журналист, представитель какой-то газеты, но он не представился мне, а я по своей неопытности стал с ним разговаривать и отвечать на его вопросы. Он написал, что приехал такой-то, что будет размещать заказы на такую-то сумму (все это был вымысел), что любит ездить верхом, настоящий джигит, хороший стрелок

---

⁶⁹ ЭЙХЕ Роберт Индрикович (1890–1940) – из крестьян, потом рабочий, член РСДРП с 1905 г., член социал-демократии Латышского края и участник борьбы за Советскую власть в Прибалтике, в 1919 г. нарком продовольствия Советской Латвии, до 1924 г. работал в Наркомпрод РСФСР, в 1925–1937 гг. председатель Сибирского краевого исполкома и 1-й секретарь Сибирского и Западно-Сибирского крайкомов ВКП(б), с 1937 г. нарком земледелия СССР; член ЦК ВКП(б) с 1930 г., кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) с 1935 г., член ЦИК СССР. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

и спортсменов, стреляет вот так-то и попадает туда-то на таком-то расстоянии, к тому же скрипач и т. д. Одним словом, столько было написано чепухи, что я ужаснулся, но сделать уже ничего не мог. Через некоторое время посольство предложило мне, чтобы я возвратился на Родину. Вот я приехал и докладываю вам, как это было. Очень прошу учесть, что было сделано без какого-либо злого умысла».

Пока он рассказывал, все хихикали и подшучивали над ним, особенно лица, приглашенные со стороны. Но члены ЦК и Ревизионной комиссии⁷⁰, которые всегда присутствовали на заседаниях, вели себя сдержанно, ожидая, что же теперь будет. Когда я посмотрел на этого человека, мне его стало жалко: он оказался жертвой собственной простоты, наивности, а как скажется на нем разбор дела на заседании Политбюро? Человек этот говорил очень чисто-сердечно, но смущался. Сталин же приободрял его: «Рассказывайте, рассказывайте», причем спокойным, дружелюбным тоном. Вдруг Сталин говорит: «Ну что же, доверился человек и стал жертвой этих разбойников пера, пиратов... А больше ничего не было?» – «Ничего». – «Давайте считать, что вопрос исчерпан. Смотрите, в дальнейшем будьте поосторожнее». Мне очень понравился такой исход обсуждения.

После этого объявили перерыв. Тогда Политбюро заседало долго, и час, и два, и больше, делали перерыв, после чего все уходили в другой зал, где стояли столы со стульями и подавался чай с бутербродами. Тогда было голодное время даже для таких людей, как я, занимавших довольно высокое положение, жили мы более чем скромно, даже не всегда можно было вдоволь поесть у себя дома. Поэтому, приходя в Кремль, наедались там досыта бутербродами с колбасой и ветчиной, пили сладкий чай и пользовались всеми благами, как люди, не избалованные яствами изысканной кухни. Так вот, когда был объявлен перерыв и все пошли в «обжорку», как мы между собой в шутку ее называли, он, бедняга, продолжал сидеть, настолько, видимо, потрясенный неожиданным для него исходом дела, что, пока ему кто-то не сказал об окончании заседания, он не двигался с места.

Мне очень понравились такая человечность и простота Сталина, понимание им души человека. Казалось ведь, что человек уже обречен, раз поставлен на обсуждение этот вопрос. Думаю, что, наверное, пришло какое-то донесение Сталину, после чего Сталин сам поставил этот вопрос на Политбюро, чтобы показать, каков он и как решает такие дела.

Еще один эпизод. Это произошло, наверное, в 1932 или 1933 году. Тогда возникло в обществе движение, как мы тогда их называли, отличников. Лыжники, рабочие Московского электрозавода, который занимал тогда передовое место в столице, решили совершить лыжный поход из Москвы в Сибирь или на Дальний Восток. Они благополучно его завершили, возвратились и были представлены к наградам. Их наградили какими-то значками или даже орденами. И, конечно, было вокруг этого много шума. Потом туркмены решили на конях прискакать из Ашхабада в Москву и тоже совершили свой переход. Их тоже встретили с почетом, одарили подарками и опять же наградили. Потом и в других городах и областях развернулось «движение отличников».

Вдруг Сталин сказал, что надо это прекратить, иначе конца не будет: если мы начнем поощрять, а мы уже начали, так все станут ходить, скакать, чем-то «отличаться» и отрываться от производства. «Мы, – сказал он, – превратимся в бродяг, будем публично поощрять такое бродяжничество и даже награждать за него. Нужно прекратить!» И тут же положил конец «движению отличников». Мне это тоже очень понравилось: во-первых, ненужная была шумиха; во-вторых, действительно неверное направление дела поощрения к бродяжничеству, каким-то бесконечным походам и переходам. Сталин же по-хозяйски подошел к вопросу: нужно нацеливать усилия людей в другом направлении, к тому, что поднимает производство, способствует

---

⁷⁰ Ревизионная комиссия ЦК, созданная в 1922 г., проверяла финансовую и иную деятельность Центрального Комитета и нижестоящих партийных комитетов. Ее члены выбирались на съездах партии.

сплочению народа, удовлетворению его потребностей и т. п. Хорошо разок совершить спортивный поход на лыжах, но это в принципе никакого особого значения не имеет, потому что по-настоящему спорт надо развивать все же на другой основе.

Зато неприятно поразил меня такой случай. Кажется, шел 1932 год. В Москве была голода, и я, как второй секретарь горкома партии, затрачивал много усилий на изыскание возможностей прокормить рабочий класс. Занялись мы кроликами. Сталин сам выдвинул эту идею, и я увлекся этим делом: с большим рвением проводил в жизнь указание Сталина разводить кролиководство. Каждая фабрика и каждый завод там, где только возможно и даже, к сожалению, где невозможно, разводили кроликов. Потом занялись шампиньонами: строили погреба, закладывали траншеи. Некоторые заводы хорошо поддерживали продуктами свои столовые, но всякое массовое движение, даже хорошее, часто ведет к извращениям. Поэтому случалось много неприятных казусов. Не всегда такие хозяйства окупались, были и убыточные, и не все директора поддерживали их. Гуляло в обиходе прозвание этих грибниц гробницами.

При распределении карточек с талонами на продукты и товары было много жульничества. Ведь всегда так: раз карточки, значит, недостаток, а недостаток толкает людей, особенно неустойчивых, на обход законов. При таких условиях воры просто плодятся. Каганович сказал мне: «Вы приготовьтесь к докладу на Политбюро насчет борьбы в Москве за упорядочение карточной системы. Надо лишить карточек тех людей, которые добыли их незаконно, воровским способом». Карточки были разные – для работающих и для неработающих. Для работающих – тоже разные, и это тоже один из рычагов, который двигал людей на всяческие ухищрения и даже злоупотребления. Мы провели тогда большую работу со всеми организациями, включая профсоюзы, милицию и чекистов. Сотни тысяч карточек просто сэкономили или отобрали, лишив их тех людей, которые были недостойны. Ведь тогда шла острая борьба за хлеб, за продукты питания, за выполнение первой пятилетки. Надо было обеспечить в первую очередь питанием тех, кто сам способствовал успеху пятилетки.

Настал день, когда нас должны были слушать по этому вопросу на Политбюро. Каганович сказал, что докладывать буду я. Это меня очень обеспокоило и даже напугало: выступать на таком авторитетном заседании, где Сталин будет оценивать мой доклад. Председательствовал тогда на заседаниях Молотов, Сталин никогда в то время не председательствовал. Только после войны Сталин уже чаще, чем раньше, сам вел заседания. В 40-е годы на заседаниях Политбюро обычно царила сдержанность. Но в 30-е годы обсуждение некоторых вопросов проходило довольно бурно, особенно если кто-нибудь позволял себе выразить свои эмоции. Тогда это еще допускалось. Раз, например, вспылел Серго Орджоникидзе, вообще очень горячий человек, налетел на наркома внешней торговли Розенгольца⁷¹ и чуть не ударил его...

Итак, сделал я доклад, рассказывая, каких больших мы добились успехов. А Сталин подал реплику: «Не хвастайте, не хвастайте, товарищ Хрущев. Много, очень много осталось воров, а вы думаете, что всех выловили». На меня это сильно подействовало: действительно, я посчитал, что мы буквально всех воров разоблачили, а вот Сталин, хоть и не выходил за пределы Кремля, а видит, что жуликов еще очень много. По существу, так и было. Но то, как именно подал он реплику, понравилось мне очень: в этаким родительском тоне. Это тоже поднимало Сталина в моих глазах.

А теперь перейду к упомянутому мною неприятному эпизоду. Через какое-то время я узнал, что такой же доклад будут делать ленинградцы. Меня заинтересовало, какую же работу провели они? У нас было соцсоревнование с ленинградцами по всем вопросам, и гласное, и

---

⁷¹ РОЗЕНГОЛЬЦ Аркадий Павлович (1889–1938) – из купцов, член РСДРП с 1905 г., один из лидеров Октябрьского вооруженного восстания 1917 г. в Москве, в 1918–1927 гг. занимал ряд ответственных военных и государственных постов, с 1928 г. заместитель наркома рабоче-крестьянской инспекции, в 1930–1937 гг. нарком внешней торговли СССР, перед репрессированием был начальником Управления государственных резервов при Совнаркоме СССР; кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1934 г. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

негласное. Настал день, когда этот вопрос был поставлен в повестку дня на Политбюро. Пришел я на заседание и сижу себе на своем месте (места были не нумерованные, но за постоянными посетителями заседаний они как-то закрепились). Доклад делал секретарь городского партийного комитета. Первым секретарем был Сергей Миронович Киров, но не он делал доклад, а другой секретарь, с латышской фамилией. Я его мало знал. Но ведь он секретарь Ленинградского горкома; уже поэтому я относился к нему с должным уважением. Доклад он, с моей точки зрения, сделал хороший: ленинградцы тоже много поработали, обеспечили экономию и сократили много карточек к выдаче.

Был объявлен перерыв, народ повалил в «обжорку», а я как-то задержался. Сталин, видимо, ожидал, пока пройдут те, кто занимал задние места. И тут я стал невольным свидетелем, как Сталин перебрасывался фразами об этом секретаре с Кировым. Он спросил его, что это за человек. Сергей Миронович что-то ответил ему, вероятно, положительно. Сталин же бросил реплику, унижавшую и оскорблявшую этого секретаря. Для меня это было просто страшным моральным ударом. Я даже в мыслях не допускал, что Сталин, вождь партии, вождь рабочего класса, может так неуважительно относиться к члену партии.

Помню, наступали мы и заняли у белых город Малоархангельск⁷²; пришел ко мне местный учитель, человек небольшого ума, и спросил, какой пост ему дадут, если он вступит в партию. Меня это возмутило, но я сдержался и сказал: «Самый ответственный пост». – «А какой?» – «Дадут винтовку в руки и пошлют бить белогвардейцев. Это сейчас самый ответственный пост. Решается вопрос, быть или не быть Советской власти. Что может быть более ответственным?» – «Ну если так, то я не пойду в партию». Говорю: «Самое лучшее. Вы не ходите!»

Я отвлекся. А вот Сталин, вождь, у которого, казалось, я должен брать уроки доброго отношения к людям и понимания их, пускает такую реплику. Вот уже столько лет прошло, а его слова все еще сидят осколком у меня в памяти. Они оставили отрицательное мнение о Сталине. В его словах прозвучало пренебрежение к людям. Латыш, о котором шла речь, был простой человек, видимо, из рабочих. Тогда латышей вообще среди нашего актива было очень много. Вот встречался я, например, с одним латышом, он командовал 72-м полком 9-й стрелковой дивизии. И на партийных постах, и в хозяйстве, и в Красной Армии было много латышей, и я всегда относился к ним с большим уважением. Да и вообще не было тогда у нас деления людей по национальностям. Деление было по преданности делу: за революцию или против? Это было главным. Потом уже стало нас разъедать мелкобуржуазное отношение к людям: а какой нации? А раньше имело значение только социальное положение: из рабочих он, из крестьян или из интеллигенции? Интеллигенция была тогда, как говорится, на подозрении. Ведь в первые годы революции сравнительно мало людей интеллигентного труда состояло в рядах Коммунистической партии.

---

⁷² Малоархангельск – город в Орловской области.

Московские будни

В 1930 году летом проходил XVI партийный съезд. На этот съезд я не был избран делегатом, ибо учился в Промышленной академии. Промышленная академия занимала нетвердую политическую позицию, и при выборах на съезд моя кандидатура не была выдвинута: во-первых, я был новый человек, неизвестный Московской парторганизации; во-вторых, я в Промышленной академии представлял новое руководство, которое стояло на позициях генеральной линии партии. Бауманский райком партии возглавлял тогда Ширин, а он был политически недостаточно зрелым и, видимо, имелись у него еще какие-то свои соображения. Одним словом, я не был избран, но в ЦК ВКП(б) дали мне постоянный гостевой билет на съезд. Поэтому я присутствовал на отчетном докладе Сталина и на выступлениях, хотя и не на всех, так как было очень много людей, которые обращались ко мне с просьбой дать им гостевой билет, и я не мог отказать. Хотя и запрещалось передавать гостевой билет другим товарищам, но, каюсь, мы это делали. Правда, некоторых поймали и даже наказали, однако мне сошло. Товарищей, которые ходили с моим гостевым билетом, пропускали туда, и мы были довольны, что не только я, а и другие побывали на съезде по гостевому билету, который был выписан Центральным Комитетом персонально для меня.

Кончились летние каникулы, и осенью мы опять приступили к учебе. Она протекала бурно. Мы много сделали для перестройки учебного процесса. В Промышленной академии училось немало бездельников, которые пришли туда не учиться, а отсидеться в период острой политической борьбы. Это был как бы политический отстойник. «Правые» свили там себе гнездо, окопались там... У нас было два выходных – воскресенье, как обычно, для всех, и еще один день для проработки пройденного. Я жил в общежитии и наглядно видел эту «проработку». Все уходило куда-нибудь с утра, а приходили – не знаю когда, просто бездельничали. И мы тогда поставили вопрос о том, что надо учиться: ведь мы прибыли сюда не для того, чтобы просто проводить время в Москве, а чтобы получить знания и вернуться в промышленность теоретически и практически подкованными и с большей пользой работать для партии, для блага народа в деле строительства социализма. И вот провели мы и это мероприятие, и многие отбросили то, что мешало лучшему использованию учебного времени.

Наша партийная организация вскоре приобрела большой авторитет в Московском партийном комитете и в ЦК. Тогда возникало очень много политических ситуаций в ходе борьбы с оппозицией, когда нам надо было реагировать, и реагировать немедленно. Промышленная академия занимала тут как бы ведущее положение. Мы собирались по группам, проводили общие собрания, и наши резолюции о текущем моменте сейчас же публиковались в «Правде». Таким образом, они становились общим достоянием.

Одним из острейших был вопрос о коллективизации сельского хозяйства. Мы считали, что известное выступление Сталина с письмом «Головокружение от успехов»⁷³ – это шедевр. Мы понимали его как смелость руководителя партии, который не боится признать ошибки. Правда, он не взял эти ошибки на себя лично, а взвалил их на партийный актив. Хотя местный актив с азартом, грубо говоря, со звериным азартом проводил коллективизацию, но он все же находился под бичом «Правды». Если взять «Правду» за тот период, то она пестрела изо дня в день цифрами (у кого в районе какой процент крестьян уже объединен в колхозы), подхлестывавшими местные партийные организации. В 1929–1930 гг. у меня не было никакого прямого соприкосновения ни с деревней, ни даже с партактивом, который проводил эту кампанию. Я

---

⁷³ «Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения» – письмо И.В. Сталина в газету «Правда», опубликованное в ней 2 марта 1930 г. На его основе 15 марта 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении».

питался данными лишь со страниц «Правды» и радовался. Я стоял за колхозы всей душой и телом, поэтому меня радовали публикуемые цифры.

А когда разразился гром – письмо «Головокружение от успехов», я был несколько смущен: как же так, все было хорошо, а потом вдруг такое письмо? Но стало ясно, что это было необходимо, потому что угроза назревала или даже уже назрела. Уже вспыхивали отдельные восстания крестьян и назревали еще более крупные. Обстановка коллективизации хорошо отражена Шолоховым⁷⁴ в «Поднятой целине». Правда, в «Поднятой целине» дело нашло отражение именно так, как оно толковалось Сталиным. Иначе и быть не могло, Шолохов иначе не мог написать. Теперь же, когда выявились злоупотребления Сталиным властью, то при анализе пройденного нами пути требуется более аналитический, более глубокий подход. Надо, все проанализировав, сделать правильный вывод из ошибок, прежде всего из ошибок, допущенных Сталиным, когда он лбом ударился о стену и не смог прошибить ее, из-за чего вынужден был отступить. Но, отступая, свалил свою вину на других, и это очень дорого обошлось тем людям.

Помню, как Московская организация тоже обвинялась в том, что она допустила перегибы. Тогда Московскую парторганизацию возглавлял товарищ Бауман⁷⁵. Я мало знал его, но он считался крупным руководителем. Потом, когда его освободили, на пост руководителя Московской организации был выдвинут Молотов. Однако Молотов мало проработал на этом посту, а на это место был выдвинут Каганович.

Тогда к нам уже стали проникать сведения, что на селе неблагополучно, что с колхозами не все обстоит гладко. Разгорелась острая борьба с «правыми». Потом Рыков и Бухарин сконтактировали свою оппозиционную деятельность с зиновьевцами и даже с троцкистами. Одним словом, разгорелась очень сильная борьба. Вот тогда-то, насколько сейчас помню, Угланова, который был противником такой коллективизации, и сменил Бауман, затем Баумана сменил Молотов, а Молотова сменил Каганович. Таким образом, шло «по возрастающей» выдвижение людей в Московской организации, которая сама выдвигалась на передний план и должна была послужить примером для других, поскольку одновременно шло и нарастание коллективизации.

Когда я уже работал секретарем Московского городского комитета партии (это было в 1932 г.), вдруг Каганович однажды говорит мне, что он собирается в командировку в Краснодар. Он не вполне откровенно сказал, какие причины вызвали эту поездку. Не знаю, сколько он отсутствовал, наверное, с неделю или с две, однако когда приехал, то, как руководитель Московской парторганизации, проинформировал нас о положении дел. Оказывается, он выезжал в Краснодар потому, что там началась забастовка (как тогда говорили – саботаж). Кубанские казаки не хотели обрабатывать землю в колхозах, и в результате этой поездки были выселены в Сибирь целые станицы.

Мы смотрели тогда на все эти события глазами Сталина и обвиняли кулаков, «правых», троцкистов, зиновьевцев и всех, кого нужно было обвинить и с кем велась тогда борьба в партии. Просто не допускалось мысли, что могут быть допущены ошибки Центральным Комитетом, в первую голову Сталиным. Он формулировал в то время политические задачи совершенно бесконтрольно. К тому времени, по-моему, уже были фактически отстранены от

---

⁷⁴ ШОЛОХОВ Михаил Александрович (1905–1984) – писатель и общественный деятель, академик АН СССР с 1939 г., дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской, Нобелевской и Государственных премий, автор «Донских рассказов» (1926), романов «Тихий Дон» (1928–1940) и «Поднятая целина» (1932–1960), неоконченного произведения «Они сражались за Родину» и мн. др.

⁷⁵ БАУМАН Карл Янович (1892–1937) – крестьянин, член РСДРП с 1907 г., активный участник Октябрьской революции 1917 г., с 1920 г. секретарь Курского губкома РКП(б), с 1923 г. работник аппарата ЦК партии, с 1928 г. член Оргбюро ЦК ВКП(б) и второй секретарь Московского горкома партии, с 1929 г. секретарь ЦК и первый секретарь Московского горкома ВКП(б), с 1931 г. первый секретарь Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б), с 1934 г. заведующий отделом науки, научно-технических открытий и изобретений ЦК ВКП(б), кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) в 1929–1930 гг.; с 1925 г. член ЦК ВКП(б), член ЦИК СССР. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

руководства Рыков, Бухарин, Зиновьев и Каменев⁷⁶, а Троцкого уже и в нашей стране не было, он был выслан за границу. Таким образом, предвидеть эти ошибки или как-то допустить их наличие зависело от ЦК, от Политбюро, а в Политбюро руководящую и решающую роль играл Сталин. Значит, если искать виновных, то главная вина лежала на нем.

Но тогда мы этого не видели, мы смотрели на все глазами Сталина: коллективизация идет, Сталин вовремя повернул руль, все увидел и опубликовал письмо «Головокружение от успехов». Мне неизвестно даже сейчас, какие реальные были у нас успехи. Тогда же, собственно, мы об этом и не задумывались: раз Сталин сказал, значит, так и есть, мы просто не понимали, не замечали фактов. А «успехи» были такие, что в стране возник голод.

У меня имелись приятели среди военных. Одним из них был Векличев⁷⁷, начальник Политуправления Московского военного округа, очень хороший товарищ. Он был ближайшим, преданнейшим другом Якира. Он когда-то работал на Украине и сам происходил из шахтеров. Ходил он тогда с тремя или четырьмя ромбами в петлицах. Он-то и рассказал мне, что на Украине дело обстоит плохо: крестьяне не работают, не хотят пахать, повсюду забастовки, саботаж. Вдруг я узнаю, что мобилизованные красноармейцы посылаются на прополку сахарной свеклы на Украину. В те времена Украина была главным поставщиком сахара, наверное, процентов 70 сахара, если не больше, давала она стране.

Когда я работал на Украине, то несколько соприкасался с сельским хозяйством и получил представление об уходе за сахарной свеклой. Поэтому меня такое известие страшно поразило: если, думаю, красноармейцы будут полоть и убирать сахарную свеклу, то сахара ожидать нельзя. Эта культура довольно трудоемкая, деликатная, и ее нужно обрабатывать со знанием дела, своевременно ухаживая за ней. Конечно, от людей, не заинтересованных в результатах труда, сложно что-либо требовать. К тому же красноармейцы в большинстве своем были из разных районов страны, а не только из свеклосеющих, и они плохо знали конкретное дело. И, конечно, это сказалось на результатах: сахара не было.

Позже просачивались в Москву сведения, что на Украине царит голод. Я же просто не представлял себе, как может быть в 1932 г. голодно на Украине. Когда я уезжал в 1929 г., Украина находилась в приличном состоянии по обеспеченности продуктами питания. А в 1926 г. мы вообще жили по стандарту довоенного времени, то есть 1913 г., а тогда продуктов питания на Украине имелось много, и все продукты были дешевые: фунт мяса стоил 14 коп., у овощей была буквально копеечная цена. В 1926 г. мы достигли довоенного уровня, и после упадка хозяйства в результате войны и разрухи мы гордились этим успехом. И вдруг – голод!

Уже значительно позже я узнал о действительном положении дел. Когда я приехал на Украину в 1938 г., то мне рассказывали, какие раньше были тяжелые времена, но никто не говорил, в чем же заключались эти тяжелые обстоятельства. Оказывается, вот что было, как рассказал мне потом товарищ Микоян. Он говорил: «Приехал однажды товарищ Демченко в Москву, зашел ко мне: “Анастас Иванович, знает ли Сталин, знает ли Политбюро, какое сложилось сейчас положение на Украине?” (Демченко был тогда секретарем Киевского обкома партии, причем области были очень большими.) Пришли в Киев вагоны, а когда раскрыли их, то оказалось, что вагоны загружены человеческими трупами. Поезд шел из Харькова в Киев через Полтаву, и вот на промежутке от Полтавы до Киева кто-то погрузил трупы, они прибыли

---

⁷⁶ КАМЕНЕВ (Розенфельд) Лев Борисович (1883–1936) – член Коммунистической партии с 1901 г., активный участник революционного движения, председатель ВЦИК в ноябре 1917 г., председатель Моссовета в 1918–1926 гг., заместитель председателя Совнаркома СССР в 1923–1926 гг., председатель СТО в 1924–1926 гг., директор Института Ленина в 1923–1926 гг.; член ЦК партии в 1917–1927 гг. и Политбюро ЦК в 1919–1926 гг., ВЦИК и ЦИК СССР. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

⁷⁷ ВЕКЛИЧЕВ Георгий Иванович (1898–1938) – рабочий, член РКП(б) с 1918 г., репрессированный и посмертно реабилитированный видный военно-политический работник, армейский комиссар 2-го ранга, член Военного совета при народном комиссаре обороны СССР с 1934 г. Перед массовыми репрессиями в этот совет входили 85 человек. Из них 76 были репрессированы, в том числе 68 расстреляны, реабилитирован посмертно.

в Киев. «Положение очень тяжелое, – говорил Демченко, – а Сталин об этом, наверное, не знает. Я хотел бы, чтобы вы, узнав об этом, довели до сведения товарища Сталина»».

Вот тоже характерная черта того периода, когда даже такой человек, как Демченко, член Политбюро ЦК КП(б) Украины, видный работник и член ЦК, не мог сам прийти, проинформировать и высказать свое мнение по существу. Уже складывалось ненормальное положение: один человек подавлял коллектив, другие перед ним трепетали. Демченко хорошо все понимал, но он все-таки решил рассказать Микояну, зная, что Микоян был в то время очень близким человеком к Сталину. Да и вообще тогда в партии, в партактиве нередко говорили, что существует «кавказская группа» в руководстве. К кавказской группе относились, в частности, Сталин, Орджоникидзе⁷⁸, Енукидзе⁷⁹ и Микоян.

Сколько же тогда погибло людей? Сейчас я не могу сказать. Сведения об этом просочились в буржуазную печать, и в ней вплоть до последнего времени моей деятельности иной раз проскальзывали статьи насчет коллективизации и цене этой коллективизации в жизнях советских людей. Но это сейчас я так говорю, а тогда я ничего этого, во-первых, не знал, а во-вторых, если бы и знал о чем-то, то нашлись бы свои объяснения: саботаж, контрреволюция, кулацкие проделки, с которыми надо бороться, и т. п. Это ведь нельзя было отрицать, потому что Октябрьская революция породила острую классовую борьбу, которая потрясла весь общественный строй и экономический уклад страны, ее политические основы аж до пупа Земли. Все было... Только теперь видно, что нельзя было все объяснять лишь этим: нужно было еще и разумно руководить страной.

Я регулярно встречался со Сталиным, когда уже работал в Москве секретарем горкома партии и отвечал за вопросы реконструкции города. Первый план реконструкции Москвы разрабатывался при мне, когда я работал вторым секретарем горкома ВКП(б), а Булганин был председателем Моссовета. По-моему, главным архитектором города был тогда Чернышев⁸⁰, очень умный человек. Он автор здания Института В.И. Ленина. Этот архитектор производил на меня впечатление человека очень скромного и застенчивого. Произошел однажды неприятный эпизод. Пришли мы на площадь у Моссовета и стали осматривать здания, которые окружают Моссовет. Каганович взглянул на здание Института Маркса – Энгельса – Ленина (новое название, позднее – Центральный партийный архив) и говорит: «Черт его знает, и кто это построил такое уродливое здание?» Дом имел форму куба и окрашен был в серый цвет, под бетон. Действительно, здание выглядело мрачноватым. Архитекторы несколько смутились, и очень-очень смутился Чернышев. Он ответил: «Лазарь Моисеевич, это я проектировал». Тот улыбнулся, извинился и начал несколько смягчать свое оскорбительное замечание в адрес архитектора.

Мы докладывали тогда о ходе реконструкции Москвы в Политбюро. Доклад сделал, кажется, Каганович, хотя, может быть, и Чернышев, как главный архитектор города. Мне понравились указания Сталина по соответствующим вопросам. Я сейчас уже не помню, что конкретно он говорил, слова не были настолько яркими, чтобы сохраниться в моей памяти, но общее впечатление осталось хорошее. Это произошло, кажется, в 1934 году. В то время

⁷⁸ ОРДЖОНИКИДЗЕ Георгий Константинович (1886–1937) – из дворян, член РСДРП с 1903 г., участник трех российских революций и Иранской революции (в 1909–1911 гг.), после 1917 г. занимал ряд ответственных партийно-политических и военно-государственных постов, в 1922–1926 гг. 1-й секретарь Закавказского и Северо-Кавказского крайкомов партии, в 1926–1930 гг. председатель ЦКК ВКП(б), нарком РКИ и заместитель Председателя Совнаркома СССР и СТО, с 1930 г. председатель ВСНХ, с 1932 г. нарком тяжелой промышленности СССР; в 1920-м и с 1921 г. член ЦК партии (с перерывом), с 1930 г. член Политбюро ЦК ВКП(б).

⁷⁹ ЕНУКИДЗЕ Авель Софронович (1877–1937) – из крестьян, член РСДРП с 1898 г., активный участник рабочего движения и Октябрьской революции 1917 г., затем находился на ответственных должностях во ВЦИК, в 1922–1935 гг. секретарь Президиума ЦИК СССР, в 1924–1930 гг. член ЦКК, с 1934 г. член ЦК ВКП(б). Репрессирован, реабилитирован посмертно.

⁸⁰ ЧЕРНЫШЕВ Сергей Егорович (1881–1963) – архитектор, после 1917 г. преподавал до 1930 г. во Вхутемасе, до 1950 г. в Московском архитектурном институте, главный архитектор города Москвы в 1934–1941 гг., председатель управления по делам архитектуры Мосгорисполкома в 1944–1948 гг., 1-й секретарь Союза архитекторов СССР в 1950–1955 гг. Участвовал в создании Генерального плана реконструкции Москвы после 1931 г.

уже началось строительство метрополитена. Когда решался вопрос об этом, мы очень слабо представляли себе, что это за строительство, были довольно наивны и смотрели на это как на нечто чуть ли не сверхъестественное. Сейчас гораздо проще смотрят на полеты в космос, чем мы тогда – на строительство в Москве метрополитена. Но ведь тогда было другое время, и с этим надо считаться.

Лучшим строителем считался Павел Павлович Ротерт⁸¹, немец российского происхождения. Он считался крупнейшим среди строителей. В принципе тогда самое крупное гражданское строительство было осуществлено в Харькове, где возвели Дом промышленности на площади Дзержинского. По тем временам это действительно было грандиозное сооружение. После войны Дом промышленности был реконструирован и расширен. Раньше он не был таким огромным, как сейчас, но по тем временам являлся крупнейшим зданием в стране. Строил его как раз Ротерт, потому и предложили назначить его начальником строительства метро.

Вначале я к этому строительству не имел отношения. Это было как бы специальное строительство, хотя и в самом городе. Но спустя какое-то время Каганович вдруг говорит мне: «Со строительством метро дело обстоит плохо, и вам придется, как бывшему шахтеру, заниматься детальным наблюдением за ним. На первых порах, чтобы ознакомиться с ходом строительства, предлагаю вам бросить свою работу в горкоме партии, сходите на какие-то метрошахты, а Булганин пойдет на другие. Побудьте там несколько дней и ночей, посмотрите на все, изучайте с тем, чтобы можно было руководить по существу и знать само дело».

Каганович в ту пору являлся первым секретарем горкома ВКП(б) и первым секретарем Московского обкома партии, а одновременно – секретарем ЦК партии. Главные его силы поглощала работа в ЦК, где он был фактически вторым секретарем ЦК, замещающая Сталина. Поэтому на мои плечи постепенно перекладывались и большая работа по Москве, и большая ответственность. Это требовало огромного напряжения сил, если учесть, что соответствующих знаний и опыта у меня не было. Приходилось брать усердием и старанием, затрачивая массу усилий. Московская парторганизация была сложным организмом. Я считал, и не без оснований, что мне придется трудно, и прямо сказал об этом Кагановичу. Тем не менее я стал вторым секретарем Московского горкома ВКП(б), а через год – вторым секретарем обкома (после Рындина⁸²). Наконец, в 1935 году я был избран первым секретарем, превратившись в профессионального московского партработника. То была большая честь, влекая за собой и большую ответственность.

Вернусь к метрополитену. Предложение Кагановича мы приняли с восторгом. Я тогда относился к Кагановичу с большим уважением, а он действительно был человеком, преданным партии и практическому делу. В работе, которую он проводил, он, как говорится, наломал немало дров, но не жалел при этом ни сил, ни здоровья. Трудился преданно и упорно. Пошел я в метрошахты. Спустился, осмотрел все и стал более конкретно представлять себе, что такое метрополитен. Раньше это слово ничего для меня конкретно не означало. Когда же глянул, то увидел, что это простые штольни, такие же, с какими я встречался, работая в угольных шахтах. Правда, здесь картина была более впечатляющей. В угольных шахтах все делалось

⁸¹ РОТЕРТ (РОТТЕРТ) Павел Павлович (1880–1954) – доктор технических наук, профессор. Окончил Петербургский институт гражданских инженеров (1911). Участник студенческого движения в Революцию 1905–1907 гг. После Февральской революции 1917 г. председатель Совета депутатов Южных железных дорог. В 1925–1927 гг. – руководитель строительства одного из крупнейших в то время зданий в СССР – дома Госпромышленности в Харькове. В 1927 г. заместитель главного инженера, позже главный инженер Днепростроя. Почти завершил строительство (Днепрогэс был пущен в октябре 1932-го). С 1931 г. начальник и главный инженер Московского метростроя, возглавлял строительство 1-й и 2-й очереди Московского метрополитена. С 1938 г. на научной и преподавательской работе. Избирался членом ВЦИК.

⁸² РЫНДИН Кузьма Васильевич (1893–1938) – сын портного, рабочий, член РСДРП с 1915 г., после 1917 г. занимал ответственные советские, партийные и военные должности, в 1924–1926 гг. секретарь Нижнетагильского, затем Пермского окружкомов ВКП(б), в 1927 г. – Уральского обкома ВКП(б), с 1928 г. работал в аппарате ЦК ВКП(б), в 1929–1932 гг. председатель Московской контрольной комиссии ВКП(б), заведующий Московской областной РКИ, 2-й секретарь МК и МГК ВКП(б), с 1934 г. секретарь Челябинского обкома ВКП(б), член ЦК ВКП(б) с 1930 г. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

вручную, зато по сравнению с метро было больше порядка, и, видимо, работали там более квалифицированные люди.

Булганин простудился в метрошахтах и заболел ишиасом, после чего долго лежал в постели. Потом его послали лечиться в Мацесту. Одним словом, он вышел из строя на долгое время, не помню, на какое, может быть, на месяц, может быть, даже более того. Таким образом, руководство строительством метрополитена как бы закрепилось за мною, и я стал отвечать за него. Я регулярно докладывал Кагановичу о ходе работ и принимал во всем самое деятельное участие. Прежде всего предложил Кагановичу: чтобы построить метрополитен, нужны настоящие кадры.

Там кадры были очень слабенькие. Конечно, люди и работали, и учились, и это похвально. Но только люди эти не знали горного дела. А тут надо было вести горные работы в условиях подземной Москвы, в условиях московских грунтов, часто плавунных, очень насыщенных водой. Кроме того, на поверхности города имелись сооружения, которые легко могли быть разрушены в результате обвалов и т. п. Все это требовало особой ответственности. Поэтому я предложил пригласить горных инженеров. Тут – горные работы, поэтому горный инженер будет вести работу значительно лучше тех, кто возглавлял здесь шахты. Начали мы искать инженеров. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Произошла заминка с добычей угля в Донбассе. Там оказалось дело плохо в том смысле, что росли потребности, которые опережали наши возможности. Подготовительные работы и закладка новых шахт отставали от потребностей в угле. Послали в Донбасс Молотова. Он приехал туда, но не разобрался в сути дела, потому что совершенно не знал горной специфики.

Возглавлял тогда работы в Донбассе Егор Трофимович Абакумов, старый шахтер, широко известный как человек, хорошо знающий шахтное дело. Он был моим другом. Я с ним познакомился, когда вместе работали в 1912–1914 годах на одной шахте, а в 1917 году, опять вместе, встречали революцию и стали общественными деятелями на нашей шахте. Потом, после Гражданской войны, с ним вместе мы восстанавливали шахты. Я вернулся из Красной Армии, а он был управляющим рудниками. Меня партийная организация назначила заместителем к нему (тогда парторганизация назначала руководителей). Я просто восхищался его знанием дела. Человек же он был простой, истинно рабочий. То было отличное сочетание: он прекрасно знал горное дело и оказался толковым администратором.

На Политбюро, когда слушали доклад Молотова, то, видимо (я в деталях не знаю эту историю), он предложил снять Абакумова. Таким вот ветром повеяло. Вдруг у меня – звонок. Это звонит мне Каганович: «Вы знаете Абакумова?» – «Да, я хорошо знаю Абакумова». – «Я из Политбюро. Абакумов, видимо, будет снят со своего поста, и сейчас решается вопрос, где его использовать. Как вы смотрите на то, если взять Абакумова заместителем начальника строительства метрополитена к Ротерту? Каково ваше мнение?» Говорю: «Если Абакумов будет снят со своего поста и нам отдадут его на должность заместителя, то лучшего заместителя и искать не нужно. Он будет и замечательным начальником». – «Нет, – отвечает, – тут должность Ротерта».

За Ротертом шла слава крупного инженера, а Абакумов не был ни инженером, ни строителем, а просто выходцем из рабочих, хотя экстерном окончил штейгерское училище. Штейгер-практик: были такие люди в капиталистическое время, знающие свое дело, хотя и не прошедшие классической штейгерской школы... Так был к нам назначен Абакумов. Когда он приехал, мне стало полегче, потому что мы с ним были друзья и вообще друг друга знали, друг другу верили. Сейчас же стали мы приглашать горных инженеров. Пригласили нашего хорошего знакомого и уважаемого товарища, инженера копей Вишневецких⁸³ Александра Ивано-

⁸³ Разработки каменного угля в 18 км от бывшей станицы Каменской, где возникли копи при Вишневецком буераке у р. Донец.

вича Шолохова, очень солидного специалиста. Таким способом подобрали кадры, после чего работы в метрополитене двинулись у нас увереннее.

Еще до приезда Абакумова Каганович предложил мне: «Как вы смотрите, если мы вас утвердим начальником строительства метрополитена?». Говорю: «Я бы не хотел». – «Но ведь вы показали свои знания, свое умение. Собственно говоря, сейчас мы уже рассматриваем вас именно как руководителя строительством метрополитена. Поэтому для вас нового тут было бы мало». – «Если состоится такое решение, – отвечаю, – то я буду делать все, что в моих силах, но тогда попросил бы освободить меня от должности секретаря горкома партии, потому что совмещать должность секретаря горкома и начальника строительства метрополитена нельзя». – «Нет, – говорит Каганович, – это невозможно».

Позднее я узнал, что это было предложение Сталина. Каганович мне об этом не сказал, Сталин же указал Кагановичу назначить меня по совместительству, а когда я заявил, что по совместительству работать нельзя, то все было оставлено так, как прежде. Собственно говоря, я 80 % своего времени отдавал тогда метрополитену. И на работу в горком, и с работы ходил через шахты метро. Какой у нас реально был рабочий день, сказать просто трудно. Я вообще не знаю, сколько мы спали. Просто тратили минимум времени на сон, а все остальные часы отдавали работе, делу.

Строительство продолжалось. Помню такой случай. Пришел ко мне молодой инженер. Он мне очень понравился. До этого я его не знал, он работал раньше в проектно-монтажном отделе. Молодой, красивый парень, нарождавшийся специалист нашего, советского времени. Маковский⁸⁴, по-моему, была его фамилия. Говорит он мне:

– Товарищ Хрущев, мы строим метрополитен немецким способом, то есть открытым, траншеями. Для города это очень неудобно. Есть и другие методы строительства, например, закрытый способ, с применением щитов, английский. Там надо глубже копать, это будет немного дороже, но если принимать во внимание возможность войны, то метро сможет служить и убежищем. К тому же в этом случае строительство можно будет вести, уже не придерживаясь транспортных магистралей, и проводить под домами. И для транспорта этот метод тоже был бы лучше. Прошу вас подумать, и если мне будет дано поручение, то я мог бы сделать доклад по этому поводу. Кроме того, сейчас решается вопрос о способе эвакуации пассажиров. Павел Павлович Ротерт готовит заказы на лифты. Это тоже немецкий способ. А почему бы не сделать эскалаторы?

Я, признаться, впервые услышал тогда это слово и не знал, с чем его едят. Спросил, что это значит. Он объяснил мне, насколько я мог его понять. Мне это не показалось какой-то замысловатой сверхсложностью. Говорю ему: «Хорошо, я доложу товарищу Кагановичу, мы обменяемся мнениями, и тогда я вам отвечу». Он попросил меня ничего не говорить, однако, Ротерту, потому что тот весьма строг и ревнив: «Я и так пошел к вам без его ведома, не сообщив ему. Я знаю, что ему докладывать бесполезно, он осудит меня, не выслушав, потому что он очень самоуверенный человек». Доложил я Кагановичу. Каганович отвечает: «Вы заслушайте его более подробно насчет эскалаторов, а уж тогда станем или не станем заказывать лифты».

Ротерт доказывал нам, что эти лифты мы в своей стране построить не сможем, а можно их заказать только в Англии или в Германии. Но для этого нужно иметь золото. Золото же тогда у нас было на вес золота. Его было мало, и поэтому расходовалось оно очень скупно, и я

---

⁸⁴ МАКОВСКИЙ Вениамин Львович (1905–1985), инженер-строитель. Доктор технических наук, профессор. Окончил Ленинградский институт инженеров путей сообщения (1928). Работал на стройках прорабом и инженером. В 1931 г. инженер управления Метростроя, инженер-проектировщик Метропроекта. В 1954–1979 гг. заведующий лабораторией отдела тоннелей и метрополитенов ЦНИИ транспортного строительства в Москве. Автор первых в СССР работ по технологии подземного строительства, разработчик проектов линий Московского метрополитена. Руководил проведением комплекса научно-исследовательских работ по технологии метро- и тоннелестроения. Участвовал в совершенствовании щитового метода проходки тоннелей.

считаю, что это было весьма разумно. Добиться, чтобы нам дали золото на строительство метрополитена, долгое время оставалось нашей мечтой, которую мы считали просто несбыточной: во-первых, нам не дадут, во-вторых, и сами мы знали, что золота-то нет. Его расходовали на более важные нужды, чем метрополитен. Но мы все-таки готовились поставить данный вопрос.

Когда Маковский доложил мне более подробно, я сказал, что теперь должен послушать Ротерта. Пригласил Павла Павловича, пригласил и других людей и сказал, что вот товарищ Маковский выдвигает такие-то предложения. Надо было видеть эту картину: Маковский – молодой человек, изящный, хрупкий, красавец рекламной внешности, а Ротерт – уже старый человек, огромного роста. Он как глянул на него из-под своих нависших бровей, так, знаете, будто крокодил на кролика. Тот смутился, однако не растерялся: молодой был, но зубастый. Он начал высказывать Павлу Павловичу с очень большим уважением и корректно свою точку зрения: говорил, что она более прогрессивная; что мы используем устаревший метод; начал ссылаться на Англию: тоннели глубокого заложения уже проложены в Лондоне, и станция Пикадилли сделана с помощью эскалаторов. Это лучшая станция в аристократическом районе Лондона. Поэтому и нам бы сейчас не худо взять такое же направление работы. Ротерт с презрением посмотрел на него, назвал мальчишкой, заявил, что он говорит необдуманно, безответственно и пр. Но тот уже посеял свои семена. Я стоял на стороне Маковского, но когда мы начали готовить доклад в ЦК, то о строительстве с глубоким залеганием станций и об эскалаторах пока не говорили, так как считали, что рано ставить вопрос о золоте, а без него тут не обойтись.

Встал также вопрос, что при работе новым способом могут быть несколько растянуты сроки в сравнении с утвержденными сроками окончания строительства метрополитена. К тому же надо было предусмотреть некоторое удорожание строительства. Все это требовалось решать в правительстве и в Политбюро. Поставили прежде вопрос в Политбюро. Но сначала Каганович собрал заседание в МК партии с докладом Ротерта. Ротерт был довольно упрямый человек. Для инженера это похвально. Он имел свою точку зрения и отстаивал ее до конца. Так он и не согласился с нами.

Каганович был очень смущен: надо идти в Политбюро, к Сталину, а Ротерт против. Сталин может нас не поддержать. Но иного выхода не было, потому что Сталин был уже подготовлен: ему говорили о разногласиях, да и заседание было назначено. Пошли. Ротерт доложил свое, потом начали выступать мы. Выступал ли я, сейчас не помню. Но спор разгорелся. Ротерт сказал: «Дорого». Тут Сталин ответил ему резко: «Товарищ Ротерт, вопрос о том, что – дорого, а что – дешево, решает правительство. Я ставлю вопрос о технике. Можно ли технически сделать то, что предлагает этот молодой инженер Маковский?» – «Технически это можно сделать, но будет дорого». – «За это отвечает правительство. Мы принимаем глубокое заложение». Так и постановили. Мне это очень понравилось. Сталин решал смело: да, будет дороже, но сразу решался и вопрос обороны. Ведь это были бомбоубежища на случай будущей войны. Действительно, метрополитен сыграл свою роль не только как транспортное сооружение: во время войны его станции служили убежищами. Одно время даже узел связи и некоторые другие помещения Ставки Верховного Главнокомандования размещались на станции метро «Кировская» (сейчас «Чистые Пруды». – С. Х.). Так было дано новое направление в строительстве метрополитена.

Время реконструкции народного хозяйства до 1935 г. было периодом большого подъема в партии и в стране. Шла индустриализация, велось строительство заводов в Москве и других городах: Шарикоподшипникового, Нефтегазового, Электrozавода, «Дукс» (авиазавод номер 1), потом развернулась реконструкция Москвы. Строительство, конечно, было по сегодняшним масштабам мизерным, но тогда мы располагали другими возможностями, и поэтому все было труднее. Строили метрополитен. Начали сооружать канал Москва – Волга. Стали перестраивать мосты через Москву-реку. По тому времени такие работы считались грандиозными.

Именно на мою долю, как второго секретаря горкома партии, а фактически первого, поскольку Каганович был очень загружен по линии ЦК, приходилось все это строительство. Даже отказавшись от должности начальника метростроя, я ничего не выиграл и не проиграл, потому что фактически руководил им, и не «вообще», а очень конкретно отвечал за него. План реконструкции города Москвы слушался на Пленуме ЦК партии. Я не помню, выступал ли там Сталин по этому вопросу, однако основные направления плана были доложены ему еще до Пленума, на заседании Политбюро. Сталин высказал свою точку зрения, и она была полностью отражена затем в Генеральном плане реконструкции Москвы. Вновь скажу, что участие Сталина в решении конкретных вопросов нравилось мне, человеку молодому, который только еще приобщался к городским вопросам, тем более Москвы. Москва того времени уже была крупным городом, но с довольно отсталым городским хозяйством: улицы неблагоустроены; не было должной канализации, водопровода и водосточков; мостовая, как правило, булыжная, да и булыга лежала не везде; транспорт в основном был конным. Сейчас страшно даже вспомнить, но было именно так.

Пленум ЦК положил начало реконструкции города на новых основах. Это был шаг вперед, и большой шаг. Здесь опять мы увидели внимание и заботу товарища Сталина о Москве и москвичках. Да, так тогда говорили, особенно Лазарь Моисеевич Каганович любил подхалимские эпитеты такого рода, они тотчас подхватывались всеми, и получался гулкий отзвук, прокатывавшийся эхом по всей Москве. Это восхваление с течением времени нарастало.

Вспоминаю, как проходил XVII съезд ВКП(б), на котором я был избран членом Центрального Комитета партии. Скажу о технике голосования при выборах членов ЦК. Она произвела на меня сильное впечатление своей демократичностью. Были выдвинуты кандидаты, затем занесены в список, бюллетени розданы делегатам съезда. Правда, возможности для выбора было предоставлено делегатам мало: кандидатов занесли в список столько, сколько и необходимо было избрать в состав ЦК его членами и кандидатами, далее – членами Ревизионной комиссии, и ни на одного человека больше или меньше. Каждому делегату предоставлялась возможность выразить свое отношение к тому или другому кандидату, то есть оставить его в списке или вычеркнуть. После получения бюллетеней для голосования делегаты сейчас же разбредались, присаживались и штудировали списки: решали, кого оставить, а кого вычеркнуть. Некоторые товарищи (судя по личному наблюдению) довольно усердно занимались этим делом. Сталин же демонстративно на глазах у всех, получив списки, подошел к урне и опустил туда не глядя. Для меня этот поступок выглядел как-то по-особому. Только потом я понял, что ни одной кандидатуры без благословения Сталина не было в списки занесено, поэтому еще раз читать их ему не было никакой необходимости.

Один из эпизодов произвел на меня удручающее впечатление. Перед голосованием Каганович инструктировал нас, молодых, как относиться к спискам кандидатов, причем делал это доверительно, чтобы никто не узнал. Он порекомендовал вычеркнуть из списков тех или иных лиц, в частности Ворошилова и Молотова, а мотивировал тем, что не должно получиться, что Сталин получит меньше голосов, чем Ворошилов, Молотов или другие члены Политбюро. Говорил, что это делается из политических соображений, и мы отнеслись к такому призыву с пониманием. И все-таки это произвело на меня плохое впечатление. Как же так? Член Политбюро, секретарь ЦК и Московского комитета партии, большой авторитет для нас – и вдруг рекомендует заниматься столь недостойной для члена партии деятельностью.

При голосовании и подсчете голосов техника дела тогда была такой: объявлялось число голосующих и количество голосов, поданных за каждого кандидата. Помню, что Сталин не получил всех голосов: шесть человек, как объявили, проголосовали против. Почему я хорошо это запомнил? Потому что когда произнесли «Хрущев», то у меня тоже не хватило шести голосов. Я почувствовал себя на седьмом небе: против меня проголосовали только шесть делегатов, против Сталина – тоже шесть, а кто же такой я в сравнении со Сталиным? Я считал тогда, что

подсчет голосов реально соответствует действительности. Многие другие товарищи получили по несколько десятков или даже, по-моему, по сотне голосов против. Получивший абсолютное большинство голосов считался избранным.

В тот период я довольно часто имел возможность непосредственно общаться со Сталиным, слушать его и получать от него прямые указания по тем или другим вопросам. Я был тогда буквально очарован Сталиным, его предупредительностью, его вниманием, его осведомленностью, его заботой, его обаятельностью и честно восхищался им.

В ту пору все мы были очень увлечены работой, трудились с большим чувством, с наслаждением, лишая себя буквально всего. Мы не знали отдыха. Очень часто на выходные дни, когда еще они были (потом они исчезли), назначались либо конференции, либо совещания, либо массовки. Партийные и профсоюзные работники всегда находились с массами: на заводах, на фабриках, работали с воодушевлением, жили же довольно скромно, даже более чем скромно. Я, например, материально был обеспечен лучше, когда работал рабочим до социалистической революции, чем тогда, когда являлся секретарем Московских городского и областного комитетов партии.

Главное для нас состояло в том, чтобы наверстать упущенное, создать тяжелую индустрию и оснастить Красную Армию современным вооружением, находясь в капиталистическом окружении, превратить СССР в неприступную крепость. Мы помнили слова Ленина, что через 10 лет существования Советской власти страна станет неприступной, жили одной этой мыслью и ради нее. То время, о котором я вспоминаю, было временем революционных романтиков. Сейчас, к сожалению, не то. В ту пору никто и мысли не допускал, чтобы иметь личную дачу: мы же коммунисты! Ходили мы в скромной одежде, и я не знаю, имел ли кто-нибудь из нас две пары ботинок. А костюма, в современном его понимании, не имели: гимнастерка, брюки, пояс, кепка, косоворотка – вот, собственно, и вся наша одежда.

Сталин служил и в этом хорошим примером. Он носил летом белые брюки и белую косоворотку с расстегнутым воротником. Сапоги у него были простые. Каганович ходил в военной гимнастерке, Молотов – во френче. Внешне члены Политбюро вели себя скромно и, как это виделось, все свои силы отдавали делу партии, страны, народа. Некогда даже было читать художественную литературу. Помню, как-то Молотов спросил меня: «Товарищ Хрущев, вам удастся читать?» Я ответил: «Товарищ Молотов, очень мало». – «У меня тоже так получается. Все засасывают неотложные дела, а ведь читать надо. Понимаю, что надо, но возможности нет». И я тоже понимал его.

С каким трудом я вырвался, придя из Красной Армии в 1922 году, учиться на рабочем факультете! Не дав мне окончить рабфак, меня послали на партработу. Только позже я вымолил у ЦК КП(б)У разрешение учиться в Промышленной академии. Но и там я и работал, и учился одновременно, был активным политическим деятелем разных ступенек и рангов, активно стоял на позициях ЦК, боровшегося за генеральную линию партии. Партруководители находились тогда как бы вне обычных человеческих отношений – не могли жить для себя. Если кто-то увлекался литературой, то его даже упрекали: вместо того, чтобы работать, читаешь. А уж если он учился, чтобы получить среднее или, боже упаси, высшее образование, значит, это бездельник, который просто не хочет работать над укреплением Советского государства. Вот такая тогда была обстановка.

Помню, как-то Сталин сказал: «Как же это случилось так, что троцкисты и “правые” получили привилегию? Центральный Комитет им не доверяет, сместил их с партийных постов, и они устремились в высшие учебные заведения. Теперь многие из них уже закончили вузы и идут дальше, в науку. А люди, которые твердо стояли на позициях генеральной линии партии и занимались практической работой, не имели возможности получить высшее образование, повысить свой уровень знаний и свою квалификацию...» Он даже назвал тогда некоторых лиц в качестве примера. Но никто не считал, что приносит себя в жертву. Нет! Работали с удоволь-

ствием, с большим энтузиазмом, потому что считали его главным. Основное сейчас – укрепить наше государство. Пройдет какой-то период времени, необходимый для того, чтобы создать тяжелую промышленность, перевооружить наше сельское хозяйство, коллективизировать его, создать могучую армию и тем самым сделать советские границы неприступными для врагов.

В те годы в Москве и Московской области, как и в других областях, развернулось колоссальное строительство заводов, шла реконструкция самой Москвы, осуществлялось строительство метрополитена и мостов. Начали сразу возводить несколько мостов – Крымский, Каменный, Москворецкий и другие. Все это делалось капитально и буквально преобразило город. Одним словом, из Москвы ситцевой создавали Москву индустриальную. А политически вопрос связывался с тем, что ситцевая Москва порождает «правые» настроения, которые отражали Угланов, Уханов⁸⁵ и другие московские лидеры. Угланов возглавлял ранее московских большевиков, но принадлежал к «правым».

В 1935 году москвичи отпраздновали окончание первой очереди строительства метрополитена. Многие получили правительственные награды. Я был удостоен сразу ордена Ленина. Это был мой первый орден. Булганин получил орден Красной Звезды, поскольку он уже награждался орденом Ленина за успешное руководство работой Электростанции, директором которого он являлся. Помнится, Булганин имел орден Ленина под десятым номером. Это в ту пору очень подчеркивалось. У меня был орден Ленина с номером где-то около 110. Мы пышно отпраздновали завершение строительства первой очереди метрополитена, который был назван именем Кагановича. Тогда было модно среди членов Политбюро (да и не только Политбюро) давать свои имена заводам, фабрикам, колхозам, районам, областям и т. д. Настоящее соревнование между ними! Эта нехорошая тенденция родилась при Сталине.

В 1935 году Кагановича выдвинули на пост наркома путей сообщения и освободили от обязанностей секретаря Московского комитета партии. Меня после этого выдвинули на посты первого секретаря Московского обкома и горкома партии, а на ближайшем же Пленуме ЦК я был избран кандидатом в члены Политбюро. Конечно, мне было приятно это и лестно, но еще больше появилось страха перед огромной ответственностью. До того времени я постоянно возил с собою и хранил свой личный инструмент. Как у всякого слесаря, это были кронциркуль, литромер, метр, керн, чертилка, всякие угольники. Я еще не порвал мысленно связь со своей былой профессией, считал, что партийная работа – выборная и что в любое время могу быть неизбранным, а тогда вернуться к основной своей деятельности – слесаря. Но постепенно я превращался в профессионального общественного и партийного работника.

Как секретарь Московского комитета партии, я должен был наблюдать и за деятельностью Московского управления НКВД. Наблюдение заключалось в том, что я читал донесения о происшествиях в городе и области: страшные порою были сводки о жизни большого населенного пункта. В Москве политическое положение было прочным, партийная организация была сплоченной, хотя появлялись иной раз листовки меньшевистского содержания, случались на предприятиях «волынки» или даже забастовки. Это объяснялось очень тяжелым материальным положением рабочих. Мы много строили. Строительных рабочих вербовали в деревнях и селили в бараках. В бараках люди жили в немыслимых условиях: грязь, клопы, тараканы, всякая иная нечисть, а главное, плохое питание и плохое обеспечение производственной одеждой. Да и вообще нужную одежду трудно было тогда приобрести. Все это, естественно, вызывало недовольство.

---

⁸⁵ УХАНОВ Константин Васильевич (1891–1937) – рабочий, член РСДРП с 1917 г., занимал различные советско-административные должности в Москве, с 1921 г. директор завода «Динамо», с 1922 г. руководил электрическим трестом, с 1926 г. председатель Мосгорисполкома и с 1929 г. Мособлисполкома, с 1932 г. заместитель наркома снабжения СССР, с 1934 г. нарком местной и легкой промышленности РСФСР, член ЦК партии с 1923 г., член Президиумов ВЦИК и ЦИК СССР. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

Недовольство порождали и пересмотры коллективных договоров, связанные с изменением норм выработки и расценок. Здесь сталкивались личные интересы с интересами государства. Хотя они в целом и сливаются воедино в сознании масс, но, когда происходит столкновение конкретного человека с государством, естественно, возникает противоречие. К примеру, существовала где-то какая-то норма; а потом, после Нового года, вдруг она становится на 10–15 % выше при тех же или даже меньших расценках. Это проходило легче там, где были умный директор и толковая партийная организация, которые изыскивали технические возможности, чтобы поднять выработку, и которые разъясняли рабочим создавшееся положение. Другие же чаще всего ничего не делали и просто прикрывались авторитетом партии и интересами государства, и это вызывало «волынки» в цехах, а иной раз и завода в целом.

В таких случаях мы приходили из горкома и по-честному, в открытую разъясняли, где рабочие правы, а где – нет, поправляли и наказывали тех, кто допустил злоупотребления, или же объясняли рабочим ситуацию. Они, как правило, хорошо понимали, что мы стоим на более низком уровне по выработке на одного рабочего, чем развитые капиталистические страны. Поэтому нужно в какой-то степени подтягивать пояса, чтобы успешно соревноваться с противником и догонять его. Тогда мы еще редко употребляли слово «перегнать»: пугались его потому, что слишком большим был разрыв. Это так давило, что мы боялись произносить это слово.

В сводках по городу приводилось довольно много нелестных отзывов о партии и оскорбительных выражений в адрес ее вождей. Агенты доносили и о конкретных людях, которые были им известны, с их фамилиями, адресами и прочим. Но против них не принималось тогда еще никаких мер, кроме воспитательных. Мы знали, что там-то и там-то настроение плохое, следовательно, надо усилить общественную и особенно партийную работу, воздействовать на людей через профсоюзы, через комсомол, через лекторов и пропагандистов. Использовали все средства, кроме административных (я имею в виду аресты и суды). Если же это тогда и было, то лишь в виде исключения, в случае конкретных действий антисоветского характера. Все изменилось после убийства Кирова.

Начальником московского управления НКВД был товарищ Реденс, близкий к Сталину человек. Как я уже говорил, Реденс – член партии (кажется, с 1914 г.), по национальности поляк, рабочий-электрик, трудился в Днепродзержинске (бывшее Каменское). По-моему, он был хорошим товарищем. Однажды при встрече со мной он сказал, что получил задание «почистить» Москву. Действительно, Москва была засорена: много было неработающих и паразитических элементов, всяких спекулянтов. Их и надо было «вычистить», для этого составлялись списки людей, предназначенных к высылке из Москвы. То был первый этап репрессий, последовавших за убийством Кирова и направленных пока что против уголовных элементов. Куда их высылали, я не знаю: тогда придерживались такого правила – говорить человеку только то, что его касается. Тут дело государственное, поэтому чем меньше об этом люди знают, тем лучше. Потом уже появились жертвы политического террора.

После того как я стал секретарем парткома Промышленной академии, меня избрали секретарем Бауманского райкома партии, потом Краснопресненского райкома, а затем Московского горкома. На этой должности я проработал до 1935 года, потом я был избран первым секретарем горкома и обкома ВКП(б). Я уже был тогда членом ЦК, а когда меня избрали и первым секретарем Московского комитета, то тут же избрали кандидатом в члены Политбюро. Наконец, когда меня послали в 1938 году на Украину, то на ближайшем же Пленуме ЦК избрали членом Политбюро. Таким образом, все важнейшие события 1934–1938 годов происходили у меня на глазах. Поэтому я имею право обобщать.

К 1938 году прежняя демократия в ЦК была уже сильно подорвана. Например, я, кандидат в члены Политбюро, не получал материалов наших заседаний. После страшного 1937 года я не знал, собственно говоря, кому вообще рассылались эти материалы. Я получал только те

материалы, которые Сталин направлял по своему личному указанию. Эти материалы касались чаще всего «врагов народа»: их показания – целая кипа «признаний», уже якобы проверенных и доказанных. Материалы рассылались для того, чтобы члены Политбюро видели, как опутали нас враги, окружили со всех сторон. Я тоже читал эти материалы, и у меня тогда не возникало сомнений в правдивости документов: ведь их рассылал сам Сталин! У меня и мысли не могло появиться, будто это – ложные показания. Для чего так делать? Кому это нужно? Было полное доверие к документам. Тем более что я ведь видел Сталина и другим.

В начале 30-х годов Сталин был очень прост и доступен. Когда я работал секретарем горкома и секретарем обкома ВКП(б), то, если у меня возникал какой-нибудь вопрос, я звонил прямо Сталину. Он почти никогда не отказывал мне, сейчас же принимал или же назначал время приема. Мои вопросы к нему чаще всего касались политической и практической части резолюций наших партсобраний, потому что Московский комитет всегда служил для других организаций примером. Именно так сам Сталин нам говорил, и я понимал, что принятая нами резолюция будет повторена потом почти всеми партийными организациями, пусть в разных вариантах, но суть та же.

Бытовая сторона жизни Сталина мне тоже нравилась. Бывало, когда я работал уже на Украине, приедешь к нему (чаще всего на ближнюю дачу в Волынском, туда близко было – минут 15 езды из города), а он обедает. Если летом, то всегда обедал на открытом воздухе, на веранде. Сидел он обычно один. Подавали суп – русскую похлебку, стоял графинчик с водкой и графин с водой, рюмочка была по размерам умеренная... Входишь, поздороваешься, он говорит: «Хотите кушать? Садитесь». А «садитесь» – это значит бери тарелку (тут же стоял супник), наливай себе, сколько хочешь, и ешь. Хочешь выпить – бери графин, налей рюмочку, выпей. Если хочешь вторую, то решай сам, как говорится, душа меру знает. Не хочешь, можешь и не пить.

Уже потом мы вспоминали, каким было доброе старое время... Но наступило и такое время, когда ты не только не хочешь пить, а тебя просто воротит, тебя же накачивают, наливают тебе нарочно. Да, и это умел делать Сталин. Правда, он не раз мне говорил: «Вот, помните, когда Берии не было в Москве, у нас не случалось таких питейных дел, не было пьянства». А я видел, что Берия в этом вопросе являлся подстрекателем в угоду Сталину. Сталину это нравилось, и Берия это чувствовал. Когда никто не хотел пить, а он видел, что у Сталина есть такая потребность, то он тут же организовывал выпивку, выдумывал всякие предлоги и выступал зачинщиком. Об этом я говорю потому, что к концу жизни Сталина такое времяпрепровождение было убийственным и для работы, и просто физически. Люди буквально спаивались, и чем больше спивался человек, тем больше получал удовольствия Сталин. Могут сказать, что Хрущев перебирает грязное белье. А куда деваться? Без грязного белья не бывает и чистого. Чистое приобретает чистоту и белизну на фоне грязного. К тому же бытовая обстановка тесно переплеталась там с работой. По-видимому, это почти неизбежное явление, когда страной фактически управляет один человек и в результате личные обстоятельства трудно отделимы от государственных.

Припоминаю также еще несколько конкретных случаев довоенной жизни, когда я сталкивался со Сталиным по тем или иным конкретным хозяйственным вопросам. Я уже говорил, что во всех вопросах реконструкции города Москвы, которые мы поднимали и где сами проявляли инициативу, мы находили у Сталина поддержку. Он вообще толкал нас в спину, призывал не бояться решать острые проблемы, идти на ломку, даже если возникало сопротивление среди членов общества, включая специалистов. Архитекторы иной раз сопротивлялись сносу таких строений, которые представляли архитектурно-историческую ценность. Видимо, эти архитекторы были по-своему правы. Но ведь город рос, он требовал раздвинуть границы его улиц, появлялся новый транспорт, извозчик исчез, трамвай изживал себя в центре города, заработал

метрополитен, появились троллейбусы и новые автобусные линии. Тут не было московской специфики: через такие проблемы проходят все города земного шара.

На мою долю выпала честь помогать прокладке первых троллейбусных линий в Советском Союзе, а именно – в Москве. Я очень много потратил сил для того, чтобы внедрить их. Существовала масса противников этого способа передвижения. Когда троллейбусная линия была уже готова и надо было ее испытать, раздался вдруг телефонный звонок от Кагановича: «Не делать этого!» Я говорю: «Так ведь уже испытали». – «Ну и как?» – «Все хорошо». Оказывается, Сталин усомнился, как бы вагон троллейбуса не перевернулся при испытаниях. Почему-то многие считали, что троллейбус обязательно должен перевернуться, например на улице Горького – на спуске у здания Центрального телеграфа. И Сталин, боясь, что неудача может быть использована зарубежной пропагандой, запретил испытания, но опоздал. Они прошли удачно, и троллейбус вошел в нашу жизнь. Тут же ему доложили, что все кончилось хорошо и что этот вид транспорта даже облагораживает город: он бесшумен, работает на электричестве и не загрязняет воздуха. Получился прогрессивный вид транспорта. Сталин одобрил это, и в 1934 г. первая троллейбусная линия начала работать.

Не знаю, как стоит вопрос сейчас, а в то время говорили, что троллейбус не городской вид транспорта, а загородный. Я с этим не соглашался, и Сталин здесь тоже меня поддерживал. Мне это опять-таки импонировало: я восхищался Сталиным в связи с тем, что он вникает и в большое, и в малое и поддерживает все прогрессивное. Правда, позднее, когда мы купили двухэтажный (трехосный) троллейбус, Сталин все-таки запретил его использовать: он опять боялся, что тот перевернется. Сколько мы его ни убеждали в обратном, не помогало. Однажды, проезжая по Москве, он увидел такой двухэтажный троллейбус на пробной линии, возмутился нашим непослушанием и приказал: «Снять!» Сняли. Так нам и не удалось пустить их в эксплуатацию.

Большим противником троллейбуса был мой приятель, теперь уже давно покойный, Иван Алексеевич Лихачев⁸⁶. Это был человек, влюбленный в двигатель внутреннего сгорания. Поэтому он везде «совал» авто, а в данном случае говорил: «Автобус пройдет по любому переулку. Никакой твой троллейбус не может с ним сравниться. Это – пустая затея». Я долго и много с ним спорил. Причем все, что ему нужно было делать, когда готовили первые экземпляры троллейбуса, он аккуратно выполнял. Но выполнял, как директор завода, а сам приговаривал: «Все равно я против, потому что троллейбусы – не прогрессивное дело». Полагаю, что и сейчас, когда прошло столько времени, его можно считать неправым: троллейбус – более прогрессивный вид городского транспорта. Во Франции проложены экспериментальные линии электрических поездов на монорельсе. Это ведь тоже своеобразный троллейбус. За ним будущее, потому что его можно поднять повыше. Следовательно, улицы разгрузятся для наземного транспорта. Кроме того, необходим скоростной транспорт. Безусловно, техника создаст возможность избавиться от шума, и это будет бесшумный транспорт. Думаю, что основа для создания такого вида транспорта была заложена именно троллейбусом.

Скажу также несколько слов об обстановке на заседаниях Политбюро. Я получил возможность бывать на этих заседаниях, когда стал членом Центрального Комитета, после XVII партийного съезда, состоявшегося в 1934 году. Тогда в партии еще сохранялись хорошие традиции, заложенные Лениным. Члены ЦК имели возможность, если того желали, свободно приходить на заседания Политбюро и сидеть там, то есть слушать, но не вмешиваясь в обсуждение вопросов. Это делалось для того, чтобы члены ЦК были в курсе жизни страны и деятельности

---

⁸⁶ ЛИХАЧЕВ Иван Алексеевич (1896–1956) – из крестьян, рабочий и матрос, член РСДРП с 1917 г., затем участник Гражданской войны и профсоюзный работник, в 1926–1939 гг. и 1940–1950 гг. директор Московского автомобильного завода, в 1939–1940 гг. нарком машиностроения СССР, с 1950 г. директор Московского машиностроительного завода, с 1953 г. министр автомобильного транспорта и шоссейных дорог СССР; член ЦК ВКП(б) с 1939 года.

Политбюро. Я лично этим правом часто пользовался, но не всегда, потому что не располагал временем.

Заседания проводились в определенный час и определенный день. Бывали закрытые заседания, на которых присутствовали только члены Политбюро. Но решения, которые принимались на закрытых заседаниях, записывались в особой папке, и каждый член ЦК мог прийти в секретный отдел, попросить такую папку и ознакомиться с секретными решениями Политбюро. Правда, секретные решения изымались из протоколов, рассылаемых по партийным организациям. Этот факт доступности любых решений любому члену ЦК очень интересен. Фиксирую внимание на нем. Это осталось еще от Ленина. Председательствовал на заседаниях в 30-е годы не генеральный секретарь ЦК, а председатель Совета Народных Комиссаров. Им в мое время был Молотов.

Заседания Политбюро проводились тоже не как сейчас, когда за два часа штампуются 70–80 вопросов. Тогда вызывались люди, ставилось несколько вопросов, были докладчики, шли прения, заслушивали «за» и «против», потом принимали решения и делали перерыв. В перерыве – чаепитие. О москвичах недаром говорят, что они не могут заседать без чая. Рядом с залом была особая комната, куда заходили попить чаю. Перерыв длился примерно полчаса. Потом начиналось рассмотрение нового вопроса. В общем заседание длилось часа три-четыре.

Помню, обсуждение некоторых вопросов проходило очень бурно. Однажды Серго вспылел (а по характеру своему был человек очень вспыльчивый) и налетел на Розенгольда – наркома внешней торговли, чуть не ударил его...

Только после убийства Кирова⁸⁷ и особенно после мрачного 1937 года все постепенно изменилось, прежние порядки были ликвидированы. Когда я стал членом Политбюро после XVIII партийного съезда в 1939 г., то уже не помню случая, чтобы проводились регулярные заседания.

---

⁸⁷ КИРОВ Сергей Миронович (1886 – 1.12.1934) – из мещан, член РСДРП с 1904 г., участник революционного движения, после 1917 г. занимал ответственные военно-партийные посты, с 1921 г. секретарь ЦК КП Азербайджана, с 1926 г. первый секретарь Ленинградского губкома ВКП(б) и Северо-Западного бюро ЦК партии, с 1930 г. член Политбюро и с 1934 г. секретарь и член Оргбюро ЦК ВКП(б).

Убийство Кирова

В 1934 году собрался XVII съезд партии – съезд победителей, как его тогда называли. Никакой оппозиции уже не было ни в партии, ни на самом съезде. Это был первый съезд после смерти Ленина, где не было оппозиции. Да, при жизни Ленина всегда была оппозиция! В 30-е годы развернулись пятилетки, дела пошли хорошо, все увлеклись хозяйственной деятельностью. Тогда это было главное дело. И это правильно: ведь она конкретно служит идеологии. Если идеология не подкреплена материально, то она не укрепитя, не прорастет в сознании людей. Итак, все шло хорошо.

Мне трудно сейчас припомнить все подробности. Как-то вечером в начале декабря раздался телефонный звонок. Звонил Каганович: «Я говорю из Политбюро, прошу вас, срочно приезжайте сюда». Приезжаю в Кремль, захожу в зал. Каганович встретил меня. У него был какой-то страшный и настораживающий вид, очень взволнованный, в глазах стояли слезы. Слышу: «Произошло несчастье. В Ленинграде убили Кирова. Потом расскажу. Сейчас Политбюро обсуждает этот вопрос. Туда намечается делегация: поедут Сталин, видимо, Ворошилов, Молотов, лица от московской парторганизации и еще от московских рабочих, человек 60. Делегацию Москвы нужно возглавить вам. Вы будете стоять там в траурном почетном карауле и потом сопровождать тело из Ленинграда в Москву».

Я тут же отправился в Московский комитет. Мы составили свою делегацию и поздним вечером того же дня выехали в Ленинград. Сталина, Ворошилова и Молотова, которые тоже туда поехали, я не видел ни когда садились в поезд, ни когда мы прибыли, потому что они ехали отдельно, в специальных вагонах. Ленинград (хотя, может быть, это мои личные переживания и я переношу их на всех других) находился в глубоком трауре. Мы видели убитых горем секретарей городского и областного партийных комитетов, многих других людей. Встретился я там и со старыми знакомыми. Особенно в хороших отношениях я был с Чудовым⁸⁸, вторым секретарем Ленинградского областного комитета партии, красавцем, симпатичным, уважаемым всеми товарищем. Все мы просто разводили руками и толком не знали, что произошло. Знали только, что убил Кирова некто Николаев⁸⁹. Нам сказали, что Николаев не то был исключен из партии, не то имел взыскание за участие в троцкистской оппозиции, так что поэтому это – дело рук троцкистов. По-видимому, они организовали убийство, и в нас это вызывало искреннее возмущение и негодование.

Не помню сейчас, сколько дней мы пробыли в Ленинграде. Когда ленинградцы прощались с телом Сергея Мироновича Кирова, мы тоже стояли в карауле, по-моему, даже по нескольку раз. Потом состоялись перевоз тела в Москву и похороны. Как переживали смерть Кирова Сталин и некоторые другие члены Политбюро, не могу сказать. Каганович же, которого я видел, был потрясен и, на мой взгляд, даже напуган. Сталина я видел только, когда он стоял в карауле в Ленинграде. Но он умел владеть собой, и лицо его было совершенно непроницаемо. Да я даже думать тогда не мог, что он может быть занят иными мыслями, кроме переживаний по поводу смерти Кирова.

Я с Кировым не был близко знаком. Как-то мы вместе с ним выступали на чьих-то похоронах на Красной площади в Москве. Кого мы тогда хоронили, не помню. Каганович мне тогда сказал: «Надо, чтобы вы выступили, но имейте в виду, что там будет выступать Киров. Киров

---

⁸⁸ ЧУДОВ Михаил Семенович (1893–1937) – из крестьян, рабочий, член РСДРП с 1913 г., занимал с 1918 г. ряд ответственных советских и партийных постов, в 1928–1936 гг. 2-й секретарь Ленинградского обкома ВКП(б), член ЦК ВКП(б), с 1925 г. член ВЦИК и ЦИК СССР. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

⁸⁹ НИКОЛАЕВ Леонид Васильевич (1904–1934) – член РКП(б) с 1924 г., инструктор Ленинградского обкома партии и Ленинградского института истории ВКП(б), в апреле 1934 г. уволен оттуда, оставался безработным, в декабре был расстрелян.

очень хороший оратор, поэтому вы подумайте хорошенько, иначе впечатление о вас может быть неблагоприятным». Я ответил, что ничего не смогу большего, чем смогу, а с Кировым мне не соревноваться, поэтому, может быть, лучше, чтобы кто-нибудь другой выступил? «Нет, велели, чтобы вы выступили». И я выступил. Каганович сейчас же, как я только закончил, подошел ко мне: «Замечательно, блестяще выступили. Это отмечено Сталиным. Он сказал: «С Кировым рядом выступать тяжело, а Хрущев выступил хорошо».

Если уж говорить о себе, то я считался неплохим оратором. Выступал всегда без текста, а чаще всего даже без конспекта. Когда я готовился к докладам, то составлял цифровые конспекты, потому что держать цифры в голове тяжело, а так доклады у меня получались лучше. Я начал читать доклады, только когда стал уже большим начальником: все очень ответственно, сказанное поправить трудно. Поэтому я вынужден был поступать именно так. К тому же видел, что все так делают, все читают... Когда, например, я готовился к докладу на XIX съезде партии, Маленков⁹⁰ сказал мне: «Вот такой-то и такой-то тебе приготовят доклад. Ты не обижайся. Знаешь, что я тебе скажу? Вот сам Сталин, выступая в 1941 году на октябрьских торжествах во время войны, в докладе даже запятых не переставил. Ему дали этот доклад, и я не знаю, читал ли он его до того, но абсолютно без всяких изменений зачитал текст. Так что ты не смущайся, это у вождей бывает». Итак, приехали мы в Ленинград. Нас разместили в лучшей гостинице. Наша делегация насчитывала человек 60: рабочие, служащие. Постояли мы в почетном карауле у гроба, а потом сидели в гостинице и разговаривали. Делать-то нам было больше нечего. Все оплакивали Кирова.

Потом завертелась казенная машина. Как она вертелась, я не знаю, меня она не касалась. Этим вопросом занимался сам Сталин. Я был вне той машины, мое дело было лишь в том, чтобы, когда понесут гроб к вокзалу, мы пристроились к общей процессии, а по прибытии в Москву все вместе шли с вокзала. Потом в газетах было напечатано: «Московская организация оказала почести тов. Кирову». Желю его я видел на похоронах в первый и последний раз, сейчас я ее и не знаю.

В быту Киров был очень неразговорчивый человек, но на людях – трибун. Сам я не имел с ним непосредственных контактов и потом расспрашивал Микояна о Кирове. Микоян хорошо его знал. Он рассказывал мне: «Ну как тебе ответить? На заседаниях он ни разу ни по какому вопросу не выступал. Молчит и все. Не знаю я даже, что это означает».

Я же слышал, что Киров мог «заговорить» даже голодных людей. Так он поступал в Астрахани в 1919 году: есть было нечего, так он людям речи произносил, и люди слушали, забывая о голоде⁹¹. Он, конечно, был умным человеком и знал, что нужно сказать. Да, он был истинный трибун! Я слушал его на съезде партии. Он говорил без написанного текста и с отработанной жестикуляцией. Отличный оратор.

После XX съезда КПСС была создана комиссия для детальной проверки дел невинно осужденных лиц. Председателем комиссии был утвержден Шверник⁹². Я предложил включить в состав комиссии Шатуновскую⁹³, которая сама отсидела ни за что 16 лет и которая была

⁹⁰ Осенью 1952 г., когда состоялся XIX съезд партии, Г.М. Маленков был секретарем ее ЦК.

⁹¹ Речь идет о событиях 1919 г., когда Киров был председателем Временного военно-революционного комитета Астраханского края, где в то время существовала острая военно-политическая обстановка, а 11-я Отдельная армия, членом Реввоенсовета и начальником политотдела которой был Киров, неудачно действовала против войск А.И. Деникина на астраханском направлении.

⁹² ШВЕРНИК Николай Михайлович (1888–1970) – рабочий, член РСДРП с 1905 г., участник трех российских революций, после 1917 г. был комиссаром и чрезвычайным уполномоченным на фронтах Гражданской войны, потом на профсоюзной работе, с 1923 г. нарком рабоче-крестьянской инспекции РСФСР, с 1925 г. секретарь Ленинградского обкома ВКП(б), с 1926 г. секретарь ЦК ВКП(б), с 1927 г. секретарь Уральского обкома ВКП(б), с 1929 г. председатель ЦК профсоюза металлистов, в 1930–1944 гг. первый секретарь (в 1953–1956 гг. председатель) ВЦСПС, с 1944 г. первый заместитель Председателя и в 1946–1953 гг. Председатель Президиума Верховного Совета СССР, в 1956–1962 гг. председатель Партийной комиссии при ЦК КПСС; член ЦК партии с 1925 года, кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) в 1939–1952 гг., член Президиума ЦК КПСС в 1957–1966 гг.

⁹³ ШАТУНОВСКАЯ Ольга Григорьевна (1901–1991) – член РСДРП с 1916 г. После Февральской революции работала

в моих глазах неподкупным, вернейшим членом партии. Привлекли туда и еще одного товарища, который отсидел почти 20 лет. Получилась ответственная комиссия, которая должна была разобраться в делах и дать свое заключение: как могло случиться, что вот такое количество честных людей погибло во времена Сталина в качестве «врагов народа»?

Естественно, в первую очередь начали проверять, кто же такой Николаев, как он совершил убийство Кирова и что его к этому побудило. Когда приступили к изучению дела, то оказалось, что Николаев незадолго до убийства Кирова был задержан чекистскими органами около здания Смольного, то есть учреждения, в котором работал Киров. Николаев вызвал какие-то подозрения у охраны, был задержан и обыскан. У него обнаружили револьвер. Несмотря на эту улику (а в те времена очень строго относились к этому) и на то, что он был задержан в районе, который особо охранялся, потому что там ходили и ездили член Политбюро и все руководство Ленинградского обкома и горкома партии, Николаев, как докладывала нам комиссия, был освобожден. А спустя какое-то время Николаев убивает Кирова. Все эти обстоятельства настораживали комиссию и нас.

Ведь Николаев стрелял в Кирова не на площади. Нет! Он проник в Смольный, вошел в подъезд, которым пользовался только Киров, и убил его на лестничной клетке, когда тот поднимался по лестнице. Это сразу породило подозрения, что Николаев был подослан для совершения этого террористического акта какими-то людьми. До этого своим поведением Николаев показался подозрительным, и его задержали, однако он был отпущен по указанию сверху. Более того, Николаев получил затем доступ в Смольный, находился на лестничной клетке обкома партии, где работал Киров, там встретил и убил его. Без помощи лиц, обладавших властью, сделать это вообще было невозможно, потому что все подходы к Смольному охранялись, а особенно охранялся подъезд, которым пользовался Киров. Организовать это могли лишь те, которым был доступен вход в данный подъезд.

Мы все были потрясены. Стали разбираться дальше. Может быть, кое-кто из присутствующих и знал ранее все обстоятельства дела, но теперь молчал. Конечно, кое-что знали, несомненно, Молотов и Ворошилов, которые ездили в Ленинград со Сталиным. Комиссия доложила, что она получила сведения о допросе Николаева лично Сталиным. Об этом рассказал кто-то из старых большевиков, но, естественно, никаких документальных данных на этот счет быть не могло. Якобы дело обстояло так: когда к Сталину привели Николаева, тот бросился на колени и стал говорить, что он сделал это «по поручению», от имени партии. Следует отметить, что до разговора со Сталиным Николаев отказывался отвечать на вопросы следователей и требовал, чтобы его передали представителям центрального аппарата ОГПУ. Он утверждал, что ни в чем не виноват, а почему он так поступил, в Москве знают. Было ли дано ему «поручение» или не было, мне трудно судить. Если да, то он выполнил поручение. Но чье оно могло быть?

Конечно, не лично Сталин поручал дело Николаеву. Для этого Николаев был слишком мал. Но у меня нет сомнений, что по поручению Сталина кто-то его подготовил. Это убийство было организовано сверху. Я считаю, что оно было подготовлено руководителем ОГПУ Ягодой⁹⁴, который в свою очередь мог действовать только по секретному поручению Сталина, дан-

---

в редакции газеты «Бакинский рабочий». В дни Бакинской коммуны заведовала бюро печати Бакинского совнаркома, была секретарем руководителя Бакинского совнаркома Шаумяна. С 1920 года секретарь ЦК комсомола, секретарь райкома Компартии Азербайджана, затем на партработе в Брянской губернии. С 1925 г. снова в Азербайджане – секретарь райкома, член Бакинского комитета партии. В 1929 г. окончила курсы марксизма-ленинизма, была на партработе в Москве: заместитель заведующего и заведующий орготделом Московского комитета ВКП(б), парторг шахт Московской области. В ноябре 1937 г. была арестована и в мае 1938-го ОСО НКВД СССР осуждена по обвинению в «контрреволюционной троцкистской организации» на 8 лет ИТЛ. Срок отбывала на Колыме. В августе 1948-го ОСО МГБ СССР осуждена к ссылке на поселение в Енисейск, в начале 50-х – в Красноярске. В 1954 г. вызвана в Москву, реабилитирована 24 мая 1954 г. Комиссией по пересмотру дел осужденных и высланных на поселение, восстановлена в партии. В 1956–1962 гг. член КПК при ЦК КПСС, занималась вопросами, связанными с реабилитацией репрессированных, в 1960 г. активно работала в составе комиссии Президиума ЦК КПСС по расследованию судебных процессов 1930-х гг. С 1962 г. персональный пенсионер.

⁹⁴ ЯГОДА Генрих Григорьевич (Иегуда Енох Гершевич, 1891–1938), член РСДРП с 1907 г., после 1917 г. работал военным

ному, как говорится, с глазу на глаз. Если принять именно такую схему рассуждений, то Николаев, наверное, надеялся на какое-то снисхождение. Но по-настоящему рассчитывать на это было слишком наивно. Не такой уж большой человек этот Николаев: он выполнил поручение и думал, что ему будет дарована жизнь. Просто глупец. Как раз после исполнения такого поручения для сохранения тайны требовалось уничтожить исполнителя. И Николаев был уничтожен.

Когда заседала комиссия, еще был жив Ворошилов, а Молотов живет и сейчас. (Когда произносились эти слова, Молотов был еще жив. – С. Х.) Но мы не были настолько наивны, чтобы спрашивать их об этом. И тот и другой с возмущением отвергли бы соответствующий вопрос, потому что сознаться означает признать соучастие в заговоре и убийстве Кирова. Они не настолько были глупы.

Комиссия установила далее, что во время пребывания Сталина, Молотова и Ворошилова в Ленинграде при расследовании дела об убийстве Кирова Сталин потребовал привести к нему комиссара ОГПУ, который в тот день охранял Кирова. В те же дни было объявлено партактиву, что когда комиссара везли в автомобиле на допрос, то в результате неисправности рулевого управления машина (а везли его на грузовой машине) ударилась об угол дома, и он погиб. Мы поручили комиссии попросить людей, которые везли этого комиссара, чтобы они рассказали, при каких обстоятельствах произошла авария и как при этом погиб комиссар, начальник охраны Кирова. Стали искать этих людей. Их было трое, мне называли их фамилии. Двое сидели в кузове грузовой машины вместе с комиссаром, охраняя его, а третий находился в кабине с шофером. Всех троих не оказалось в живых: они были расстреляны. Это вызвало у нас еще больше подозрений, что все было организовано свыше и что авария автомашины оказалась не случайной.

И я предложил: «А вы поищите, не остался ли в живых шофер?» Никаких надежд я не питал, потому что видел, как было организовано дело, и считал, что шофера, как свидетеля, видимо, тоже уничтожили. Но, на счастье, шофер остался жив. Его допросили. Он подтвердил, что был шофером на той машине, и рассказал: «Ехали мы. Рядом со мной сидел чекист и все время понукал меня, чтобы я ехал быстрее, дабы скорее доставить арестованного. На такой-то улице при повороте он вдруг схватил руль и направил машину на угол дома. Но я был крепкий человек, молодой, перехватил руль. Машина вывернулась и только помяла крыло. Никакой аварии не произошло. Однако я слышал, как при нашем столкновении раздался наверху какой-то сильный стук. А потом объявили, что “при аварии” этот комиссар погиб». Таким образом, показания шофера еще больше раскрывали подробности заговора с целью убийства Кирова.

Конечно, самого Кирова нет, и тут порвались связующие нити, которые могли как-то выявиться и обнаружить, что перед нами именно заговор. Все свидетели были убиты. Правда, шофер остался. Я поражался этому. Убийцы были квалифицированными людьми, а всего не предусмотрели. Почти всегда преступление оставляет за собой след, в результате чего и раскрывается. Так случилось и с шофером: все как будто предусмотрели, троих чекистов уничтожили, комиссара убили (комиссар, конечно, мог многое сказать: видимо, он имел какие-то указания, потому что отстал от Кирова, когда они вошли в подъезд и Киров стал подниматься по лестнице), а о шофере забыли.

Потом мы стали искать Медведя⁹⁵, начальника областного ОГПУ Ленинграда. Он был, как говорят, ближайшим другом Кирова. Они вместе ходили на охоту и дружили семьями. Может быть, Медведь что-то скажет? Обнаружили, что Медведь сначала был сослан на Север,

инспектором и в коллегии Наркомвнешторга, с 1920 г. в ВЧК, с 1924 г. заместитель председателя ОГПУ, в 1934–1936 гг. нарком внутренних дел и в 1934–1937 гг. нарком связи СССР, с 1935 г. генеральный комиссар государственной безопасности 1-го ранга, член ЦК ВКП(б) с 1934 г. В 1937 г. арестован и расстрелян после «открытого» судебного процесса.

⁹⁵ МЕДВЕДЬ Филипп Демьянович (1890–1937), член РСДРП с 1907 г., после 1917 г. занимал ряд должностей в ВЧК – ОГПУ, один из организаторов трудовых лагерей на строительстве Беломорско-Балтийского канала, возглавлял Ленинградское областное управление ОГПУ. В 1937 г. расстрелян, реабилитирован посмертно.

а потом расстрелян. Это тоже прерывало след. Он, близкий к Кирову человек, мог иметь свое суждение об убийстве. Комиссия докладывала также, что нашелся какой-то человек, который утверждал, что есть женщина, врач больницы, в которой лежал Медведь и что-то ей рассказывал, чтобы она в будущем передала его рассказ в ЦК партии. «А я, – сказал он, – не доживу, буду уничтожен». Однако мы не сумели найти лица, с которым беседовал Медведь, мы нашли лишь ниточку, да и она оборвалась. Все это установил Шверник через комиссию.

Теперь я подхожу к главному: почему же «выбор» пал на Кирова? Зачем Сталину была нужна смерть Кирова? Киров был человек, близкий к Сталину. Он был послан в Ленинград после разгрома зиновьевской оппозиции и провел там большую работу, а Ленинградская организация состояла прежде в своем большинстве из сторонников Зиновьева. Киров повернул ее, и она стала опорой Центрального Комитета, проводником решений ЦК. Все это сам Сталин ставил в заслугу Кирову. Кроме того, Киров – это большой массовик. Я не стану тут касаться всех тех его качеств, которые высоко ценились в партии. Напомню лишь, что он был прекрасным оратором и, как мог, боролся за идеи партии, за идеи Ленина, был очень популярен в партии и в народе. Поэтому удар по Кирову больно отозвался и в партии, и в народе. Кирова принесли в жертву, чтобы, воспользовавшись его смертью, встряхнуть страну и расправиться с людьми, неугодными Сталину, со старыми большевиками, обвинив их в том, что они подняли руку на Кирова. О Николаеве в те дни говорили, что он когда-то был троцкистом. Возможно, это правда, но никакими документами не подтвержденная ни при жизни Сталина, ни после его смерти, хотя комиссия Шверника имела доступ ко всем материалам: она не обнаружила связи Николаева с троцкистами.

Спрашивается: зачем же была нужна Сталину расправа со старыми большевиками? Комиссия при расследовании обстоятельств убийства Кирова просмотрела горы материалов и беседовала со многими людьми. При этом выявились новые факты. В то время в партии занимал видное место секретарь Северо-Кавказского краевого партийного комитета Шеболдаев⁹⁶. Шеболдаева я знал, хотя близко с ним знаком не был. В 1917 году он находился в царской армии на турецком фронте и вел среди солдат очень активную агитационную работу. Как стало теперь известно, этот-то Шеболдаев, старый большевик с дореволюционным стажем, во время работы XVII съезда партии пришел к товарищу Кирову и сказал ему: «Мироныч (так называли Кирова близкие люди), старики поговаривают о том, чтобы возвратиться к завещанию Ленина и реализовать его, то есть передвинуть Сталина, как рекомендовал Ленин, на какой-нибудь другой пост, а на его место выдвинуть человека, который более терпимо относился бы к окружающим. Народ поговаривает, что хорошо бы выдвинуть тебя на пост Генерального секретаря Центрального Комитета партии».

Содержание этого разговора дошло до комиссии Шверника, о чем она и доложила Президиуму ЦК. Что ответил на это Киров, я не знаю. Но стало известно, что Киров пошел к Сталину и рассказал об этом разговоре с Шеболдаевым. Сталин якобы ответил Кирову: «Спасибо, я тебе этого не забуду!» Вот заявление, характерное для Сталина: в этом «спасибо» нельзя понять, благодарит ли он Кирова за сообщение или же угрожает ему. Этот эпизод приоткрывает занавес над причиной, почему была организована затем мясорубка.

Комиссия проявила интерес и к тому, как проходило голосование на XVII партийном съезде. Стали искать членов счетной комиссии. Некоторые из них остались в живых. Мы нашли товарища Андреасяна⁹⁷ и некоторых других. Андреасяна я хорошо знал, он работал секретарем

⁹⁶ ШЕБОЛДАЕВ Борис Петрович (1895–1937) – сын врача, член РСДРП с 1914 г., после 1917 г. на военной работе, с 1920 г. на партийной работе, с 1923 г. зав. отделом ЦК КП(б) Туркменистана, секретарь Царицынского губкома РКП(б), сотрудник аппарата ЦК ВКП(б), в 1928–1937 гг. секретарь Нижневолжского, Северо-Кавказского и Азово-Черноморского краевых комитетов и Курского обкома ВКП(б), член ЦК ВКП(б) с 1930 г. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

⁹⁷ АНДРЕАСЯН Наполеон Васильевич (1897–1973). Секретарь Октябрьского райкома Московской парторганизации, арестован, но выжил, вышел на свободу, реабилитирован. Впоследствии заместитель министра пищевой промышленности СССР.

райкома партии в Октябрьском районе Москвы в то время, когда я был секретарем на Красной Пресне. Андреасян был близок к Микояну: они в былые времена вместе учились в духовной семинарии. Андреасян тоже «отбыл срок», просидев не то 15, не то 16 лет. Эти члены счетной комиссии XVII партийного съезда доложили о том, что количество голосов, поданных тогда против Сталина, было не шесть, как это сообщили на съезде, а не то 260, не то 160. И та и другая цифра очень внушительна, особенно принимая во внимание положение Сталина в партии, его самолюбие и его характер. На съезде же было объявлено, что против кандидатуры Сталина проголосовали шесть человек.

Кто дал счетной комиссии директиву фальсифицировать результаты выборов? Я абсолютно убежден, что без Сталина никто бы на это не пошел. Если связать результаты голосования и беседу Шеболдаева с Кировым, о которой узнал Сталин, и учесть известное предупреждение Ленина, что Сталин способен злоупотреблять властью, то все становится на свои места. Получают логическое объяснение и убийство Кирова Николаевым, и убийство комиссара, который охранял Кирова, и убийство трех чекистов, которые везли комиссара. Сразу становится ясным, почему это произошло. Сталин – умный человек, и он понимал, что если на XVII партсъезде против него проголосовали 260 или 160 человек, то это означает, что в партии зреет недовольство. Кто мог голосовать против Сталина? Это могли быть только ленинские кадры. Нельзя было даже предположить, что Хрущев или подобные ему молодые люди, которые выдвинулись при Сталине, боготворили Сталина и смотрели ему в рот, могут проголосовать против него. Этого никак не могло быть.

А вот старые партийцы, которые общались с Лениным, работали под его руководством, хорошо знали Ленина и чье завещание всегда оставалось в их памяти, конечно, не могли мириться с тем, что Сталин после смерти Ленина набрал к XVII съезду партии такую силу и перестал считаться с ними, стал всю проявлять те черты своего характера, на которые указывал Владимир Ильич. Вот они-то, видимо, и решили поговорить с Кировым и проголосовать против Сталина. Сталин понял, что старые кадры, которые находятся в руководстве, недовольны им и хотели бы его заменить, если это удастся. Эти люди могли повлиять на делегатов очередного партсъезда и добиться изменений в руководстве. И вот Киров был убит, а затем началась массовая резня.

Были казнены многие военные. Насчет военных я не могу сказать, что здесь обязательно имелась прямая связь с беседой Шеболдаева и Кирова. Возможно, военные стали жертвой провокации Гитлера, который подбросил чехословацкому президенту Бенешу «документ» об их «связи» с фашистами. Бенеш переслал этот «документ» Сталину. Первой жертвой стал Тухачевский⁹⁸. Тухачевский – очень талантливый полководец. В 27 лет он во время Гражданской войны уже командовал войсками Западного фронта. Он вообще подавал большие надежды, и, с одной стороны, это радовало, а с другой – настораживало: не захочет ли Тухачевский воспользоваться примером Наполеона, чтобы стать диктатором?

Тухачевский пользовался тогда большим доверием Сталина. Фактически строительством Красной Армии занимался Тухачевский, а не нарком Ворошилов, потому что первый был лучше подготовлен и более организован. Ворошилов занимался представительством на парадах, на всяких маневрах и главным образом саморекламой. Поэтому Ворошилов тоже был заинтересован в устранении Тухачевского.

⁹⁸ ТУХАЧЕВСКИЙ Михаил Николаевич (1893–1937) – из дворян, член РКП(б) с 1918 г., до 1917 г. царский офицер, с 1918 г. в Красной Армии, до 1921 г. командовал 1-й, 8-й, 5-й и 7-й армиями и войсками Восточного, Кавказского и Западного фронтов, далее начальник Военной академии, ком. войсками Западного ВО, пом. начальника и начальник Штаба РККА, ком. войсками Ленинградского ВО, заместитель председателя Реввоенсовета СССР, начальник вооружений РККА, зам. и 1-й зам. наркома обороны СССР, начальник управления боевой подготовки РККА, Маршал Советского Союза с 1935 г. Перед репрессированием командовал войсками Приволжского военного округа. Реабилитирован посмертно.

Если поднять сейчас фамилии тех, кто был тогда арестован, то прежде всего это коснулось старых большевиков, людей ленинской школы, которые занимали ведущее положение в партии и были расставлены на решающих участках. Сталин правильно определил, кто голосовал против него. И вот полетели головы старых большевиков. Они объявлялись врагами народа, и все наши граждане, и партийные и беспартийные, одобряли это. Сейчас (то есть в конце 1960-х годов. – С. Х.) в Китае Мао Цзэдун делает то же самое, только называет этих людей не «врагами народа», а противниками культурной революции.

Я еще раз перечитал воспоминания Крупской о Ленине. Когда я читал, перед моими глазами как бы проходили все те люди, которые приезжали к Ленину за границу, жили у него, получали его директивы. Это были самые близкие к Ленину люди. А где они сейчас? Их нет. Как они закончили свою политическую карьеру? Они оказались в списках «врагов народа». Крупская пишет о Варейкисе⁹⁹, о Пятницком¹⁰⁰ (это человек, который занимался связями Ленина с Россией), называет Петерса¹⁰¹. Я Петерса знал очень хорошо, потому что, когда работал секретарем Московского партийного комитета, он возглавлял контрольную партийную комиссию Московской области.

Пишет Надежда Константиновна и об одном болгарине. Недавно в «Известиях» о нем была опубликована заметка. Там не сказано, как он погиб, теперь поступают просто: жил, и нет его, на небо вознесся. Я сейчас не помню его фамилии. Этот человек, когда Ленину нужно было получить нерусские документы, доставал болгарские паспорта Ильичу и Надежде Константиновне. Потом уже, после революции, Ленин пригласил его в Россию, и он тут работал. К концу своей жизни он был, кажется, директором треста хлебозаводов. Этот человек тоже погиб. Почему? Потому что начиналась чистка близких к Ленину людей не только в Центральном Комитете и среди делегатов XVII съезда, – убирались и те, кто мог быть с ними связан или мог сочувствовать им.

Сколько же людей, с кем общался Ленин, оказались «врагами народа»! Косиор, член Центрального Комитета, член Политбюро. Рудзутак¹⁰², кандидат в члены Политбюро, старый большевик, влиятельный человек, к которому Ленин относился с большим уважением. Межлаук¹⁰³, крупнейший экономист и организатор. Он возглавлял Госплан. Я считаю, что из пред-

⁹⁹ ВАРЕЙКИС Иосиф Михайлович (1894–1939) – рабочий, член РСДРП с 1913 г., после 1917 г. на ответственных советских и партийных должностях, с 1923 г. секретарь Киевского губкома КП(б)У и Среднеазиатского ЦК ВКП(б), зав. отделом печати ЦК партии, первый секретарь Саратовского губкома, Центральночерноземного и Воронежского обкомов, Сталинградского и Дальневосточного крайкомов ВКП(б), с 1930 г. член ЦК ВКП(б), член ВЦИК и ЦИК СССР. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

¹⁰⁰ ПЯТНИЦКИЙ (Таршис Иосель Ориолович) Иосиф Аронович (1882–1938) – сын столяра, член РСДРП с 1888 г., один из активнейших партработников-ленинцев, входил в руководство вооруженным восстанием 1917 г. в Москве, затем на профсоюзной и советской работе, в 1920 г. секретарь Московского комитета РКП(б), с 1921 г. занимал высокие посты в Коминтерне, с 1935 г. в аппарате ЦК ВКП(б), член ЦКК в 1924–1927 гг., член ЦК ВКП(б) с 1927 г. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

¹⁰¹ ПЕТЕРС Ян Христофорович (1886–1938) – из крестьян, рабочий, член РСДРП с 1904 г. и член Британской социалистической партии с 1909 г., после 1917 г. занимал ответственные посты в ВЧК (Петроград, Москва, Киев, Тула, Туркестан), с 1923 г. член коллегии ОГПУ, член ЦКК в 1923–1934 гг., затем член КПК при ЦК ВКП(б). Контрольную партийную комиссию Московской области он возглавлял в 1930–1934 гг. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

¹⁰² РУДЗУТАК Ян Эрнестович (1887–1938) – из крестьян, рабочий, член РСДРП с 1905 г., участник трех российских революций, с 1917 г. председатель Московского совнархоза, Центротекстиля, ЦК профсоюза транспортных рабочих, Туркестанской комиссии ВЦИК и Туркестанского бюро РКП(б), Средзбюро ЦК РКП(б), с 1923 г. секретарь ЦК партии, с 1924 г. нарком путей сообщения СССР, в 1926–1937 гг. заместитель Председателя Совнаркома и СТО СССР, с 1931 г. нарком рабоче-крестьянской инспекции СССР, с 1920 г. член ЦК партии, член Политбюро в 1926–1932 гг. и кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) в 1923–1926 гг. и с 1934 г., член ЦИК СССР. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

¹⁰³ МЕЖЛАУК Валерий Иванович (1893–1938) – сын учителя, участник революционного движения с 1907 г., член РСДРП с 1917 г., затем на различных советских, партийных и военных постах, с 1924 г. заместитель председателя ВСНХ СССР, с 1931 г. 1-й заместитель председателя Госплана СССР, с 1934 г. заместитель Председателя Совнаркома СССР и председатель Госплана, член ЦК ВКП(б) с 1934 г., член ЦИК СССР. Перед репрессированием был наркомом тяжелой промышленности СССР. Реабилитирован посмертно. Хрущев был хорошо знаком с его братом И.И. Межлауком (1891–1938), который в начале 20-х гг. возглавлял «Югосталь», а впоследствии тоже был репрессирован. Посмертно реабилитирован.

седателей Госплана он был лучшим после Куйбышева. Чубарь Влас Яковлевич, тоже очень уважаемый человек, старый большевик, близкий к Ленину. Петровский. Он умер своей смертью, но был отстранен от прежних должностей и послан на третьестепенную работу. Петровский после революции не считался активным организатором в партии. Он, так сказать, выполнял роль партийной иконы. Поэтому Петровский не был опасен для Сталина, и оказалось достаточно упрятать его в Музей революции. Постышев Павел Петрович – активный человек. Эйхе – секретарь Новосибирского крайкома, а потом нарком земледелия. Когда его арестовали, Сталин сказал: «Вот, считали Эйхе коммунистом, а когда стали его допрашивать, то он говорит: “Что вы пристали ко мне, я не коммунист и никогда коммунистом не был”». Это сочинялось Сталиным для того, чтобы через нас распространить свою версию... Варейкис. О нем тоже говорили, что он «provokator». Одним словом, всех людей, которых арестовывали, порочили и объявляли, что это были не коммунисты, а provokatory.

Вот, собственно говоря, истоки той мясорубки, которую затеял Сталин, тем самым подтердив беспокойство Владимира Ильича насчет того, что если Сталин останется на своем посту, то он будет способен злоупотреблять властью. Партия не послушалась Ленина и поплатилась за это. Но уничтожались не только партийные кадры: косили всех. Если кто-нибудь «под настроение» что-то ляпнул, то и этого было достаточно, чтобы попасть в соответствующие списки и потом быть высланным или уничтоженным.

Хочу высказать еще одну мысль. Некоторые люди в беседах со мной говорили: «Товарищ Хрущев, а как вы считаете, следовало ли рассказывать о сталинском терроре, о том, что не было оснований для того, чтобы казнить этих людей, что это были честные люди? Может быть, можно понять и простить Сталина, принять случившееся как историческую необходимость?» Я категорически против этого. Я поднял эти вопросы на XX съезде партии, я по поручению руководства партии делал доклад по этим же вопросам на XXII съезде, на различных митингах и собраниях, разоблачал и клеймил Сталина за то, что он учинил расправу над строителями партии и руководителями нашего Советского государства. И я горжусь этим, считая, что тем самым я сделал что-то полезное для партии и для своей страны.

Зло, которое было причинено Сталиным, нанесло большой вред нашей стране, а всякое зло должно быть заклеено. Нельзя уповать на то, что, мол, все уже в прошлом. Нет! История может в какой-то степени и повторяться. От разоблачения злоупотреблений наше государство не ослабло, влияние нашей партии не уменьшилось. Ее мощь, наоборот, возросла, потому что мы очистились от преступлений, которые совершил Сталин, и показали: чтобы утвердить Советскую власть и утвердить идеи марксизма-ленинизма, не требовалось такого кровопролития. Другое дело, когда совершилась революция и когда стоял вопрос о завоевании власти рабочим классом. Тогда жертвы были почти неизбежны. В Гражданскую войну четыре года сражались русский против русского, брат против брата, сын против отца. И это тогда было оправданно: шла историческая ломка, ломался и свергался капиталистический строй, утверждались новые законы, новая идеология, к власти приходили рабочий класс и трудовое крестьянство. То были оправданные жертвы: их требовала революционная целесообразность.

Но во времена Сталина в этом уже не было никакой необходимости. Гражданская война давно закончилась, вредительство – тоже. Выросли новые кадры, промышленность была на подъеме. Правда, сельское хозяйство еще не набрало силы, но не по причине вредительства, а из-за нашей отсталости: были мы слабы в вопросах сельского хозяйства. Я очень обеспокоен, что сейчас притупилась борьба с культом и проскальзывают статьи, в которых стараются замолчать его, забыть об этих фактах. Из истории ничего выбросить нельзя! Можно лишь выбросить людей, которые настаивают на продолжении разоблачений злоупотреблений Сталина, но самый факт не сможет исчезнуть. Нельзя замолчать XX и XXII съезды партии.

Я встречаюсь со многими людьми, и многие выражают мне благодарность, присылают письма и открытки, где благодарят за то, что я поднял эти вопросы. Они пишут: «Вот у меня

тот-то погиб, а я сама сидела, или я сам сидел, а теперь вернулся, восстановил свое доброе имя, раньше я был братом “врага народа” (или была женой “врага народа”), а теперь я получил права гражданства». Ну что может быть приятнее, чем такое признание? Я все это охотно принимаю, потому что да, именно я был инициатором этого процесса, именно я провел большую работу по разоблачению Сталина. Но я был тут не одинок: это сделал Центральный Комитет, это сделал XX съезд партии. Нельзя говорить: «Хрущев захотел, Хрущев сделал». Можно ведь захотеть, но не найти поддержки, и тогда ничего не выйдет. Эти вопросы созрели, и их нужно было поднять. Если бы я их не поднял, их подняли бы другие люди, и это стало бы причиной поражения партийного руководства, которое не прислушалось к велению времени.

Яркий пример тому – Чехословакия 1968 года. Я много раз советовал президенту Новотному¹⁰⁴ (он честный коммунист и преданный пролетарий): «Поднимите занавес, разоблачите злоупотребления, если они у вас были». А они были, я знаю, что они были. Я сам был свидетелем того, как Сталин давал определенные поручения чекистам, которые были посланы в Чехословакию «советниками». Эти методы уже были отработаны в 1937 г., и они применялись во всех социалистических странах. Везде были наши «советники»... Новотный сердился и говорил: «Товарищ Хрущев, у нас ничего подобного не было». Я ему отвечал: «Если это не сделаете вы, то это сделают другие, и вы окажетесь в очень незавидном положении». Новотный не послушался меня, и все знают, к чему это привело и его самого, и всю Чехословакию.

Если бы мы не разоблачили Сталина, то у нас, возможно, произошли бы более острые события, чем в Чехословакии. Мы бы не миновали этого. Надо было сказать народу и партии правду. Что же, тогда действительно были враги? Враги были и есть сейчас. Это вполне понятно. Не может историческая ломка при переходе от капитализма к социализму пройти без борьбы, без крови. И с той и с другой стороны предпринимаются острые шаги вплоть до террора и прочего. Но удар был направлен Сталиным не против врагов, с которыми тогда в СССР уже было покончено и от которых сохранялись только какие-то остатки, скупо проявлявшие себя в тех или других учреждениях, и борьба с которыми не требовала массового террора. Уничтожались члены партии, и в первую голову верхушка партии, люди, которые закладывали основы пролетарской, ленинской партии. Против них был направлен удар, и прежде всего именно они сложили головы. Эти злодеяния никак нельзя оправдать. Не было в том никакой исторической необходимости: все эти люди являлись социалистическими организаторами масс рабочих и крестьян.

Почему же тогда Сталин их уничтожил? Он их уничтожил потому, что созревала условия для замены Сталина. В жизни пролетарской партии, построенной на основах демократического централизма, используются уставные методы работы. Значит, всегда может быть поставлен вопрос на съезде партии или на Пленуме Центрального Комитета о замене одного лица другим. Если не признавать за членами партии права менять руководство, то я вообще не знаю, во что превратится партия. Такая партия не сможет привлечь к себе массы, потому что это будет уже не диктатура класса, а диктатура личности. Фактически так и было при Сталине: партия уже не могла высказывать свою волю, Центральный Комитет реально не работал, годами не созывались пленумы ЦК и съезды партии. На периферии партия еще продолжала жить прежней жизнью, но руководство уже не являлось избранным партией, Центральным Комитетом. Сталин что хотел, то и делал: хотел – казнил, хотел – миловал.

Мне запомнился еще один эпизод, который подтверждает характеристику Сталина, данную Лениным в его завещании. Много раз мы вместе со Сталиным смотрели различные кинофильмы. Однажды был просмотрен фильм из жизни колониальной Англии. Я запомнил его содержание: надо было перевезти какие-то ценности из Индии в Англию. Но путь, которым

¹⁰⁴ НОВОТНЫЙ Антонин (1904–1975) – член КП Чехословакии с 1921 г., член ее ЦК с 1946 г., первый секретарь ЦК КП Чехословакии в 1953–1968 гг., президент Чехословакии в 1957–1968 гг.

шли корабли из Индии, контролировался пиратами. Тогда обратились к одному известному пирату, который сидел в Англии в тюрьме, и предложили ему взяться за это рискованное дело, а взамен что-то было ему обещано. Он согласился, однако поставил условие, что он подберет команду по своему усмотрению из тех, кто сидит с ним в тюрьме. Английское правительство согласилось, он подобрал команду, ему дали корабль, он прибыл в Индию, погрузил ценности, отправился в обратный путь и по дороге в Англию стал уничтожать своих единомышленников. Метод был такой: намечал жертву и ставил его фотографию к себе на стол. Так постепенно он уничтожил какое-то количество этих бандитов... Закончился просмотр картины, и Сталин, как обычно, предложил поехать к нему на «ближнюю» дачу поесть. Маленков и Берия сели в одну машину со Сталиным, а мы с Булганиным в моей машине поехали следом за ними. Приехали на «ближнюю», сейчас же пошли мыть руки и, как всегда, перебрасывались словами. Берия: «Слушай, ты знаешь, что сказал Сталин, когда мы ехали: а этот капитан – неглупый парень, он соображал, что делал». И стал подбивать меня, чтобы я поднял эту тему за столом и сказал, что это сущий мерзавец. Я поколебался и согласился, а за столом сказал: «Товарищ Сталин, какой же мерзавец этот капитан, ближайших своих друзей погубил». Сталин взглянул на меня и ничего не ответил. Я тоже прекратил опасный разговор.

Тут видна параллель: Сталин, как тот пират, составил себе списки (фотографии ему были не нужны) и командовал своим подручным, чья наступила очередь. Куда до него тому бандиту! Тот «младенец» уничтожил десяток или полтора десятка человек, а Сталин-то уничтожил сотни тысяч. Я не могу сказать точно, сколько. Но, когда Сталин умер, в лагерях находилось до 10 млн человек. Там, конечно, были и уголовники, и наши военнослужащие – бывшие военнопленные. Огромное число людей, которое даже и не снилось тому английскому пирату.

Сталин называл себя марксистом-ленинцем, а допускал зверства против своих единомышленников, против своих друзей по партии, дореволюционному подполью и по славной, великой борьбе за переустройство общества на социалистических началах. Когда Сталин разоблачал «врагов», я считал, что он прозорлив, он видит врагов. А я? Вокруг меня столько было врагов, столько арестовано людей, с которыми я ежедневно общался и не замечал, что они враги... Поэтому у меня еще больше вызывают теперь гнев все эти злоупотребления Сталина. Ведь то были честнейшие, преданные люди. Сколько погибло и моих друзей, и людей, которых я очень уважал: таких, например, как Бубнов¹⁰⁵, Антонов-Овсеенко¹⁰⁶. Антонову-Овсеенко было поручено Лениным арестовать Временное правительство в Зимнем дворце. Старый большевик Бубнов был наркомом просвещения. Это был замечательный человек, доступный и простой, мне он очень нравился. И вдруг он оказался «врагом народа». Меня угнетало, что я относился к нему с уважением и не замечал, что это был враг. Так неужели я и сейчас ошибаюсь, как ошибался тогда, когда казнил себя за то, что плохо вижу врагов, а Сталин их видит и чувствует на расстоянии? Нет! Нельзя поднимать убийцу. Мертвому, конечно, все равно, но правда нужна будущему поколению, которое тоже может попасть в такое же положение, в каком оказались мы. Если мы будем прощать («победителей не судят!»), то может появиться большой соблазн для лиц, подобных Сталину, учинить расправу над народом, прикрываясь высокими идеями.

¹⁰⁵ БУБНОВ Андрей Сергеевич (1884–1938) – сын чиновника, член РСДРП с 1903 г., участник трех российских революций, один из руководителей Октябрьского вооруженного восстания 1917 г. в Петрограде, затем на ответственных советских, партийных и военных постах на Дону, Украине, в Москве, на Северном Кавказе, в 1922–1923 гг. заведовал Агитпропом ЦК РКП(б), в 1924–1929 гг. начальник Политуправления РККА, в 1925 г. секретарь ЦК РКП(б), в 1929–1937 гг. нарком просвещения РСФСР; член ЦК партии в 1917 и с 1924 гг., член ВЦИК и ЦИК СССР. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

¹⁰⁶ АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО Владимир Александрович (1883–1939) – сын офицера, член РСДРП с 1903 г., активнейший участник Октябрьского вооруженного восстания 1917 г. в Петрограде, затем член 1-го Советского правительства, руководитель боевых операций на Украине и против «антоновщины», с 1922 г. начальник Политуправления Реввоенсовета СССР, в 1924–1934 гг. на дипломатической работе, с 1934 г. прокурор РСФСР, с 1936 г. генеральный консул СССР в республиканской Испании. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

Нашей страной пройден большой путь, многое сделано. И долгое время все заслуги приписывались одному лицу – Сталину. Сам же Сталин много раз осуждал такую точку зрения: это – эсеровский лозунг, где на первый план выдвигаются герои, а масса – якобы лишь толпа. Народ – вот вечный герой. Кто был вождем, когда русский народ сражался против наполеоновского нашествия? Неужели Александр?! Нет и нет! Может быть, Кутузов? Тоже нет! Кутузов был главнокомандующим. Но если бы народ не поднялся против французского нашествия, никакой Кутузов и никто другой не смог бы спасти Россию. Это народ встал грудью, положил тысячи жизней, но отстоял свою Родину. То же и при нашествии фашистов, которые пошли против Советского Союза. Поднялся народ. И несмотря на то что Сталин уничтожил лучшие кадры, обезглавил Красную Армию, уничтожил верхушку партийного и хозяйственного руководства, несмотря на все трудности, которые СССР переживал, несмотря на то, что были допущены большие упущения в подготовке армии к войне, народ, а не Сталин разгромил врага.

Да, лучшие командные кадры были уничтожены, другие же просто не выросли, не было на это времени. Другие командиры были выдвинуты на высокие посты, не обладая опытом и умением управлять большими соединениями. Кроме того, армия не была обеспечена вооружением: буквально с первых дней войны не хватало винтовок, не было пулеметов. Это же немыслимое дело! Мы совершенно справедливо критикуем сейчас Николая II за то, что в 1915 году армия осталась без винтовок. А ведь мы начали войну без должного количества винтовок. Мне сказал тогда Маленков, когда я, находясь на Украине, просил винтовки: «Куйте штыки, куйте пики». Мы просили противотанковые гранаты и противотанковые ружья. Он ответил: «Делайте горючую смесь и обливайте вражеские танки». А потом наши бойцы нередко не вражеские танки обливали бензином, а землю поливали своей кровью, устилали ее своими трупами. Кто в этом виноват? Чьи тут упущения?

Побеждал, дескать, Сталин. А поражения чьи, народа? Действительно, есть старая поговорка: солдаты сдают города, а генералы их берут. Нет и нет! Это Сталин допустил много ошибок перед войной: ослабил армию, руководство нашей промышленностью, и это вынудило Красную Армию отступать с большими потерями, оставить противнику огромную территорию. Фашисты захватили житницу Советского Союза с плотным населением. Но, несмотря на все это, народ поднялся, воспрянул духом, перешел в наступление и разбил агрессора. Новые кадры наших полководцев выковались в процессе боев при отступлении. Но если бы были сохранены кадры, которые прошли школу Гражданской войны, кадры, которые закладывали новую индустрию, кадры, которые выковались в процессе построения хозяйства на социалистических началах (это же неприступная сила!), и если бы должным способом были использованы людские и материальные возможности страны, то, конечно, врагу нечего было и думать достичь стен Москвы, занять Северный Кавказ, дойти до Сталинграда. Сейчас кое-кто опять начинает кричать: «Ура Сталину!» Все это уже было, и слишком большой кровью заплачено нами за эти «Ура!».

Если сейчас не осудить те злоупотребления, если не проанализировать наши ошибки, то возникнет опасность, что история может повториться. Народ должен знать все и о своих победах, и о своих поражениях. Он должен знать своих героев и должен знать причины поражений. А причины – это сталинский деспотизм, злоупотребление властью, тот Сталин, который нетерпимо относился к людям, к руководителям партии, к своим же товарищам, с которыми когда-то вместе работал под руководством Ленина. А когда эти люди стали претендовать на коллективное руководство и высказывать свое мнение, он их сперва сделал политическими врагами, а потом просто начал казнить.

Я считаю, что XX и XXII съезды партии приняли абсолютно правильные решения, и как бы кто-то ни хотел приуменьшить или загладить их, ничего из этого не выйдет. Никто не сможет протащить идею, что Сталин ни в чем не повинен, а если повинен, то это не преступление, а ошибки, совершенные в процессе перехода от одной формы общественного уклада к другой.

Нет и нет! Ни один настоящий коммунист не станет на сторону убийцы своего народа. Поступить так – это значит подбадривать тех, кто мог бы это повторить, что вообще-то не исключено. Это станет возможным, если не проявить бдительности.

Некоторые последствия убийства Кирова

После гибели Кирова Сталин взвалил Ленинградскую парторганизацию на Жданова¹⁰⁷. Жданов на XVII съезде ВКП(б) был избран секретарем ЦК, а до этого работал в г. Горьком¹⁰⁸. С ним я был лучше знаком, чем с Кировым. Помню нашу первую встречу. Мы соревновались раньше с Нижегородским краем. И теперь наша делегация на съезде пригласила в гости Горьковскую делегацию. Не помню, где мы собрались. Жданов был веселым человеком. Тогда он у нас выпил и еще до этого выпил. Одним словом, вышел на подмостки и растянул двухрядную гармонию. Он неплохо играл на гармонии и на рояле. Мне это нравилось. Каганович же о нем отзывался презрительно: «Гармонист». Но я не видел в этом ничего предосудительного. Я сам когда-то в молодости пытался учиться такой игре, и у меня была гармонь. Однако я никогда не играл хорошо, а он играл хорошо. Уже после, когда Жданов стал возвращаться в среде Политбюро, было видно, что Сталин к нему относится очень внимательно. Тут брюзжание Кагановича в адрес Жданова усилилось; он часто ехидно говорил: «Здесь и не требуется большого умения работать, надо иметь хорошо подвешенный язык, уметь хорошо рассказывать анекдоты, петь частушки, и можно жить на свете».

Признаться, когда я пригляделся к Жданову поближе, в рабочей обстановке, стал соглашаться с Кагановичем. Действительно, когда мы бывали у Сталина (в это время Сталин уже стал пить и спаивать других, Жданов же страдал такой слабостью), то, бывало, он бренчит на рояле и поет, а Сталин ему подпекает. Эти песенки можно было петь только у Сталина, потому что нигде в другом месте повторить их было нельзя. Их могли лишь крючники в кабаках петь, а больше никто. Свидетелем подобного времяпрепровождения я бывал неоднократно.

Потом вдруг все перевернулось. Сталин резко отвернулся от Жданова и теперь не терпел его. В последние дни жизни Жданова мне просто жалко было его. Он был по-своему человек обаятельный, и я питал к нему определенное уважение. Уже перед смертью, когда он уезжал в отпуск, он позвонил мне: «Жалею, что мы с вами не встретились. Я так хотел вам рассказать кое-что, вот приеду и расскажу». Незадолго до его смерти я зашел к нему, и он много говорил, в частности о РСФСР: «Знаете, Российская Федерация (тут я ему вполне сочувствовал) – такая несчастная, в таком она положении! Вот на Украине вы имели ЦК, собирали совещания, заседания, пленумы. А здесь, в России, ничего этого нет¹⁰⁹. Люди в разброде, никто их не собирает, никто не обобщает их опыт. Надо создать Российское бюро ЦК ВКП(б)». Я отвечал: «Оно ведь было когда-то, Андрей Андреевич Андреев¹¹⁰ (А.А., как мы все его звали) был его председателем». Я поддерживал его тут всей душой. Потом Жданов поднял этот вопрос и перед Сталиным.

---

¹⁰⁷ ЖДАНОВ Андрей Александрович (1896–1948) – сын служащего, член РСДРП с 1915 г., после 1917 г. политработник, с 1922 г. председатель Тверского губисполкома, с 1924 г. секретарь Нижегородского губкома и Горьковского крайкома ВКП(б), в 1934–1944 гг. секретарь ЦК ВКП(б) и Ленинградского обкома и горкома партии, с 1944 г. генерал-полковник, секретарь ЦК ВКП(б); член ЦК партии с 1930 г., с 1939 г. член Политбюро ЦК ВКП(б), член ВЦИК и ЦИК СССР.

¹⁰⁸ В 1932 г. Нижний Новгород был переименован в г. Горький.

¹⁰⁹ В РСФСР, в отличие от других союзных республик, не было отдельной (республиканской) Коммунистической партии, а, следовательно, и ее руководящего органа – Центрального комитета. В связи с этим предполагалось внутри ЦК Общесоюзной Компартии создать специальное Бюро по РСФСР.

¹¹⁰ АНДРЕЕВ Андрей Андреевич (1895–1971) – рабочий, член РСДРП с 1914 г., после 1917 г. на партийных и профсоюзных постах, с 1920 г. секретарь ВЦСПС, с 1922 г. председатель ЦК Союза железнодорожников, в 1924–1925 гг. секретарь ЦК ВКП(б), с 1927 г. секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), с 1939 г. Председатель ЦК ВКП(б), нарком рабоче-крестьянской инспекции и заместитель Председателя Совнаркома СССР, с 1931 г. нарком путей сообщения СССР, в 1935–1946 гг. секретарь ЦК ВКП(б), в 1939–1952 гг. председатель КПК при ЦК ВКП(б), в 1943–1946 гг. нарком земледелия СССР. С 1946 г. заместитель Председателя Совета Министров СССР, с 1953 г. член Президиума Верховного Совета СССР, с 1962 г. – сотрудник аппарата Президиума Верховного Совета СССР; член ЦК партии в 1920-м, 1922–1959 гг., член Политбюро ЦК ВКП(б) в 1932–1952 гг.

А когда Жданов умер, это дело завертелось. Видимо, Жданов дал ему толчок. Но кончилось все расстрелом ленинградцев как «националистов». Однако никакого там национализма не было, была же действительная партийная работа, ставился вопрос о судьбе Российской Федерации, об улучшении деятельности РСФСР. И в результате погибли люди, абсолютно невинные.

Жданов был умным человеком. У него было некоторое ехидство с хитринкой. Он мог тонко подметить твой промах, подпустить иронию. С другой стороны, чисто внешне, на всех пленумах он сидел с карандашом и записывал. Люди могли подумать: как внимательно слушает Жданов все на пленуме, записывает все, чтобы ничего не пропустить. А записывал он чьи-то неудачные обороты речи, потом приходил к Сталину и повторял их. Например, много смеха у всех вызвало выступление Юсупова¹¹¹. Кроме того, Жданов действительно был музыкальным человеком. Оказывается, он когда-то учился музыке у Александрова¹¹², отца нынешнего руководителя военного ансамбля¹¹³. Тот у них в среднем учебном заведении преподавал музыку. Жданов учился в Мариуполе и там окончил среднее учебное заведение.

Много толков вызывает имя Жданова в связи с послевоенными постановлениями ЦК ВКП(б) по поводу журналов «Звезда» и «Ленинград» и оперы Мурадели¹¹⁴ «Великая дружба». Относительно них я думаю, что Жданов был просто назначенный докладчик: что ему велено было сказать, то он и сказал. Как он сам думал, трудно выяснить. Может быть, именно так, как он выступал, но я сомневаюсь в этом. Скорее всего, нет. В то время Жданов был в абсолютной опале. Отношение к нему изменилось во время войны. А почему он все-таки попал у Сталина в немилость?

«Наверху» сложилось такое впечатление (насколько оно было обоснованно, мне сейчас трудно судить), что он вроде бездельника, не рвется к делу. В какой-то степени это все отмечали. На любое заседание в ЦК партии он мог прийти спустя два или три часа, а мог и совсем не прийти. Одним словом, он был не такой, как, например, Каганович. Тот всегда найдет себе дело, ему всегда некогда. А этот спокоен: если ему поручат вопрос, он сделает, а не поручат, так и не надо. Такое впечатление сложилось и у Сталина, и у других, кто знал Жданова. Лично мне трудно высказаться по этому вопросу. Я особенно близко с ним никогда не работал, поэтому мне трудно говорить. А так в остальном он был очень обаятельный человек.

Когда меня на Украину послали, а его раньше – в Ленинград, то с 1935 года мы порой встречались, иной раз и мнениями обменивались. Однажды он меня спрашивает: «Вам удастся ездить по заводам и как часто?» Говорю: «Не так уж часто, но выезжаю». – «Да, – продолжает, – я вот тоже выезжаю. Расскажу вам, как это иногда бывает. Как-то поехал я на один завод. Мне все там показывают, рассказывают. Посмотрел я то, что мог, распрощался со всеми, кто меня сопровождал, и поехал на другой завод. Приехал. Там мне тоже все показывают и рассказывают. Я попрощался, а это – те же самые люди, которые мне на первом заводе рассказывали и показывали. Потом, для “проверки”, на третий завод поехал. И там все повторилось». Я говорю: «У меня это тоже бывало. Это “выбрасывают” охрану, и она нас окружает, а мы ее

---

¹¹¹ Речь идет о члене ВКП(б) с 1926 г. Усмане Юсуповиче Юсупове, первом секретаре ЦК Компартии Узбекистана в 1937–1950 гг., отчет которого заслушивали на очередном Пленуме ЦК ВКП(б).

¹¹² АЛЕКСАНДРОВ Александр Васильевич (1883–1946) – композитор, генерал-майор, народный артист СССР с 1937 г., организатор в 1928 г. Ансамбля песни и пляски Красной Армии.

¹¹³ АЛЕКСАНДРОВ Борис Александрович (1905–1994) – композитор, генерал-майор, народный артист СССР с 1958 г., руководитель этого ансамбля с 1946 г.

¹¹⁴ МУРАДЕЛИ (Мурадов) Вано Ильич (1908–1970) – советский композитор и дирижёр, народный артист СССР (1968). Оперы «Великая дружба» (1947; 2-я редакция 1960), «Октябрь» (1961), 2 оперетты, кантаты, 2 симфонии, песни, в том числе «Бухенвальдский набат» (1959). Государственная премия СССР (1946, 1951). В 1947 г. Сталин в постановлении ЦК ВКП(б) обрушился, через посредство А.А. Жданова, с разгромной критикой на целый ряд советских литературных и музыкальных произведений, в том числе на оперу «Великая дружба», принудив автора к ее переладке.

не знаем и жмем руки, как заводским». Жданов рассказывал это с такой, знаете, улыбкой, в своем, ждановском, стиле.

Бывало и другое. Как-то, уже после войны (меня в тот раз не было), когда все обедали у Сталина, то дообедались до такой степени, что Жданов уже не мог идти. Захотел он, как это раньше случалось, заночевать у Сталина. Не тут-то было. Сталин ему говорит: «У вас есть своя квартира». И буквально выпроводил его. Об этом мне рассказал Маленков. Но Маленков рассказывал в другом свете, считая, что Сталин прав. А мне было жалко человека. Ведь споил его Сталин. Ну пусть бы поспал человек. А он его выпроводил. В общем-то Жданов не завоевал положения очень крупного государственного деятеля. Так полагали все люди, которые его близко знали.

Через некоторое время после смерти Кирова нас потрясло очередное новое событие: раскрытие заговора, суд и казнь Тухачевского с группой военных¹¹⁵. Маршал Егоров¹¹⁶ (его самого потом судили) был тогда в составе суда. Думаю, что из состава суда сейчас остался в живых только маршал Буденный¹¹⁷. Арест Тухачевского я очень переживал. Но лучше всех из осужденных я знал Якира¹¹⁸. В Гражданскую войну мы не встречались, однако я часто имел с ним дело позднее, когда он стал помощником командующего войсками Украины и Крыма. А когда я работал в 1928 г. в Киеве, там состоялись большие военные маневры. Это были грандиозные маневры: действия войск, затем приемы, беседы, доклады. Всем руководил Ворошилов. Был там и Якир.

О Ворошилове тогда военные были очень невысокого мнения. Они его формально принимали, но все считали себя выше него. Так оно, видимо, и было. Вот и в 1928 году там была только парадность. Ворошилов, когда он уже потом узнал, что я в то время в Киеве работал заворгом, то рассказывал, как его там цветами забросали. Это, конечно, имеет большое значение для обороноспособности страны, но все же не главное.

Перед своим арестом Якир был у меня на даче. Я жил в Огарево, под Москвой, в бывшей усадьбе московского генерал-губернатора, царского дяди великого князя Сергея. Там жили тогда секретари горкома партии и председатель облисполкома. Мы скромно занимали там (Каганович все меня выгонял в основное здание) свитский дом, где жила прежде княжеская прислуга и размещалась церковь. Я занимал часть второго этажа, а внизу жил Булганин. Во второй половине наверху жил секретарь горкома Кульков¹¹⁹, а внизу – председатель облисполкома

---

¹¹⁵ Маршал Советского Союза М.Н. Тухачевский вместе с другими лицами из высшего командного состава Красной Армии был осужден и казнен в июне 1937 г.

¹¹⁶ ЕГОРОВ Александр Ильич (1883–1939) – из мещан, член партии левых эсеров с 1917 г. и РКП(б) с 1918 г., царский офицер, с 1918 г. служил в Красной Армии, командовал в Гражданскую войну 9-й и 10-й армиями, войсками Южного и Юго-Западного фронтов, с 1921 г. – войсками Киевского и Петроградского военных округов, Кавказской армией, войсками Украины и Крыма, в 1925–1926 гг. военный атташе в Китае, с 1928 г. командующий войсками Белорусского ВО, с 1931 г. начальник Штаба РККА, с 1935 г. начальник Генерального штаба, с 1937 г. 1-й заместитель наркома обороны СССР, Маршал Советского Союза с 1935 года. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

¹¹⁷ БУДЕННЫЙ Семен Михайлович (1883–1973) – из казаков, член РКП(б) с 1919 г., в Гражданскую войну командовал кавалерийской частью, корпусом и 1-й Конной армией, затем войсками военных округов, в 1924–1937 гг. инспектор кавалерии РККА, в 1939–1941 гг. заместитель и 1-й заместитель наркома обороны СССР, в 1941–1945 гг. главнокомандующий войсками юго-западного и северо-кавказского направлений, Резервного и Северо-Кавказского фронтов, представитель Ставки ВГК, член ЦК ВКП(б) в 1939–1952 гг., член ВЦИК, ЦИК и Президиума Верховного Совета СССР до 1973 г., Маршал Советского Союза с 1935 г.

¹¹⁸ ЯКИР Иона Эммануилович (1896–1937) – рабочий, член РСДРП с 1917 г., участник обеих революций 1917 г., в Гражданскую войну занимал военно-политические посты и командовал группами войск и дивизиями, с 1921 г. командовал войсками Крымского и Киевского военрайонов, Киевского военного округа, начальник Главупра военно-учебных заведений РККА, командующий войсками Украинского и Киевского ВО (до 1937 г.), в 1937 г. – Ленинградского ВО, слушатель Высшей военной академии Генштаба Германии, с 1930 г. член Реввоенсовета, затем Военного совета Наркомата обороны СССР, с 1934 г. член ЦК ВКП(б), член ЦИК СССР, командарм 1-го ранга с 1935 года. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

¹¹⁹ КУЛЬКОВ Михаил Максимович (1891–1938) – рабочий, член РСДРП с 1915 г., после 1917 г. занимал ответственные советские и партийные посты, в 1935 г. заведовал отделом парткадров в МГК ВКП(б), затем 2-й секретарь Московского комитета партии. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

Филатов¹²⁰. В доме для дворни отдыхали секретари райкомов, там было что-то типа однодневного дома отдыха. Там жил среди других и Семен Захарович Коротный¹²¹. Коротный работал секретарем одного из московских райкомов. Он был у меня заворгом, когда я был секретарем на Красной Пресне, потом он стал секретарем райкома на Красной Пресне, затем секретарем Ленинского райкома партии.

Коротный – еврей, дельный человек, хороший организатор и хороший оратор. Он был женат на сестре Якира. Сестра тоже хороший, партийный человек. Она прошла с Якиром весь путь в Гражданскую войну, была там политработником. Якир приехал в Огарево к сестре, и мы с ним долго ходили по парку, беседовали. Он был приятный человек... Потом его арестовали. Я волновался. Во-первых, мне было его жалко. Во-вторых, тут могли и меня потянуть: мол, всего за несколько часов до ареста Якир был у Хрущева, заходил к нему ночью, и они ходили и все о чем-то говорили.

С Тухачевским я не был близко знаком, но относился к нему всегда с уважением. Как-то незадолго до ареста (я не знаю, почему) он позвонил мне и говорит: «Товарищ Хрущев, разрешите мне прислать к вам скульптора?» Я спрашиваю: «Зачем?» А он очень увлекался ваянием и вообще любил искусство. «Да ведь все равно какой-нибудь скульптор с вас будет делать портрет и черт-те что сделает, а я пришлю вам хорошего». – «Я вас очень прошу, товарищ Тухачевский, чтобы вы мне больше об этом не говорили». На этом дело и кончилось. Потом, когда сообщили о судебном процессе, я думал: «Черт его знает, почему он мне это предложил? Не вербовал ли он меня?» И ругал себя: «Как хорошо я к нему относился! Какое же я г..., ничего не видел, а вот Сталин увидел».

После этого стала разматываться вся эта штука. Сначала потянули военных, а когда начали таскать секретарей и членов ЦК, тогда просто жутко стало: что же такое получается, как же это так проросли все эти чужие корни? Они опутали весь организм партии, всю страну. Это что-то такое ракообразное, страшное. А вот Сталин знал этих людей, он арестовывал и наркомов... Арестовали, в частности, Антипова¹²², наркомпочтеля; старый революционер, петербуржец, известный человек. С этим арестом у меня связаны особые воспоминания. Сталин тут пошутил надо мной, а шутка такая была, что поседеть можно. Мне позвонили от Сталина и сказали, чтобы я немедленно ехал в Кремль, там гуляет Сам, и он вызывает вас. Приехал я в Кремль и вижу: гуляет Сталин с Молотовым. Тогда в Кремле только что парк сделали, дорожки проложили. Подошел к Сталину. Он смотрит на меня и говорит: «На вас дает показания Антипов».

Я тогда еще не знал, что Антипов уже арестован, и сказал, что ни Антипов, ни кто-либо другой не могут на меня дать никаких показаний, потому что нечего давать. Сталин тут же перешел к другому вопросу, по которому он меня и вызывал... Таким образом, это была психологическая провокация. Видимо, Сталин придавал ей определенное значение. Для чего же он так спрашивал? Вероятно, следил, как поведет себя человек, и этим способом определял, является тот преступником или нет. Знаете, даже честный человек может быть сбит с толку,

---

¹²⁰ ФИЛАТОВ Николай Алексеевич (1891–1939) – член РСДРП с 1912 г., известный работник ряда органов советского аппарата, в том числе: 1932–1934 гг. председатель Московской городской контрольной комиссии, в 1934–1937 гг. – председатель Исполнительного комитета Московского областного совета, в октябре – ноябре 1937 г. – председатель Исполнительного комитета Воскресенского районного совета Горьковской области. 2 ноября 1937 г. арестован. Реабилитирован посмертно.

¹²¹ КОРОТНЫЙ Семен Захарович (1900–1939) – член РКП(б) с 1919 г., позднее был преимущественно партийным работником. В 1937 г. арестован и в 1939 г. расстрелян. Посмертно реабилитирован.

¹²² АНТИПОВ Николай Кириллович (1894–1938) – рабочий, член РСДРП с 1912 г., участник обеих революций 1917 г., затем заместитель председателя ВСНХ, председатель Петроградской ЧК, секретарь Казанского губкома РКП(б), с 1920 г. член Президиума ВЦСПС, с 1923 г. секретарь Московского комитета РКП(б), в 1925 г. секретарь Уральского обкома партии, с 1926 г. секретарь Ленинградского губкома и Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б), с 1928 г. нарком почт и телеграфов СССР, с 1931 г. заместитель наркома РКИ СССР, с 1935 г. председатель Комиссии советского контроля при Совнаркоме СССР, зам. Председателя Совнаркома и СТО СССР, с 1924 г. член ЦК партии, член ВЦИК и ЦИК СССР. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

как-то дрогнуть, когда отвечает вождю партии, и тем самым создать впечатление у того, кто добивается, будто он тоже замешан. Это – нечестная, неправильная и недопустимая форма узнавания правды, ну просто нетерпимая. Тем более среди членов Коммунистической партии.

Такая тогда сложилась обстановка. Людей буквально хватили и тащили резать. Люди тонули бесследно, как в океане. Когда начались аресты руководителей партии, профсоюзов, военных товарищей, директоров заводов и фабрик, у меня лично были арестованы два моих помощника. Один из них, Рабинович¹²³, занимался общими вопросами, а другой, Финкель¹²⁴, строительными делами. Оба – исключительно честные и порядочные люди. Я никак не мог допустить даже мысли, что эти двое, Рабинович и Финкель, которых я отлично знал, могут быть действительно «врагами народа». Но на всех, кого арестовывали, давались «фактические материалы», и я не имел возможности их опровергнуть, а только сам себя тогда ругал за то, что дал себя одурачить: близкие мне люди оказались врагами народа!

Потом начались аресты секретарей московских райкомов, городского и областного комитетов партии. Был арестован, как я уже упомянул, Корытный, которого я знал еще по Киеву. Потом он учился в Москве и, окончив курсы марксизма-ленинизма, работал со мной, а после того, как побывал секретарем райкома на Красной Пресне и Ленинского, был избран одним из секретарей городского партийного комитета. Это был человек, проверенный Гражданской войной, но и его арестовали. Как его взяли? Он заболел, и его положили в больницу. Я поехал туда навестить его, побыл там, повидал его, а на следующий день узнал, что он арестован. Его арестовали прямо в больнице, и его жену тоже, сестру Якира. В этом случае у меня нашлось еще какое-то объяснение. Хотя я и считал Корытного честнейшим, безупречным человеком, но раз Якир оказался изменником, предателем и агентом фашистов, а тот был его ближайшим другом, то Якир мог оказать на него свое влияние. Значит, возможно, я ошибался и зря доверял этому человеку.

Еще один из секретарей горкома, Кульков, московский пролетарий, член партии с 1916 года, не блиставший особыми качествами, но вполне честный и надежный человек, тоже оказался арестованным. Одним словом, почти все люди, которые работали рядом со мной, были арестованы. Надеюсь, понятно, каким было мое самочувствие. Со мной тогда работал еще Марголин, член партии с 1912 или с 1914 года. Они вместе с Кагановичем были когда-то в революционном подполье. Я его знал тоже по Киеву. Когда я работал заворгом окружного комитета, Марголин являлся одним из секретарей райкомов, после этого работал секретарем Мелитопольского окружкома, потом учился со мной в Промышленной академии. Он остался секретарем Бауманского райкома партии, когда я перешел оттуда на Красную Пресню. Когда же я стал первым секретарем Московского горкома, его избрали вторым, а затем, после арестов в Днепропетровске, его выдвинули туда секретарем окружного комитета партии. Там его и арестовали. Марголин тоже был человеком проверенным и хорошо известным, особенно Кагановичу. Он считался его другом, и они неоднократно встречались на квартире у Кагановича. Я просто не мог допустить мысли, что Марголин – враг народа.

Развернувшиеся аресты безупречных людей, известных и пользующихся общим доверием, создавали в партии очень тяжелую обстановку. Сейчас мне трудно вспомнить всех, кого тогда арестовали. Для этого нужно просмотреть архивы, изучить материалы. Наверное, историки займутся этим делом и приведут все в порядок. Считаю, что, видимо, целых три поколения партийных руководителей были арестованы; то есть то, которое было ранее в руководстве, второе, выдвинутое, и третье, тоже выдвинутое. Это огромное количество людей!

---

¹²³ РАБИНОВИЧ Давид Маркович.

¹²⁴ ФИНКЕЛЬ Иван Наумович (Иосиф Манусович) (1907–1938).

Среди других был арестован мой хороший приятель Симочкин. Я с ним учился еще на рабфаке в Донецке. Сам он енакиевский шахтер Рыковской шахты¹²⁵, участник Гражданской войны, комиссар полка, был награжден орденом Красного Знамени, после рабфака учился на курсах марксизма-ленинизма и работал секретарем райкома партии в Москве. Раз Сталин звонит мне и говорит: «Мы Симочкина у вас возьмем (Сталин его знал) и выдвинем на областную работу». И он был выдвинут в Иваново-Вознесенск, но очень скоро, не больше месяца проработав там, был арестован и расстрелян¹²⁶. Это меня потрясло: «Как же так, Симочкин – враг народа? Зачем ему нужно было становиться врагом народа, когда он сам – часть этого народа?» А спустя какое-то время Сталин сказал мне, что Симочкин погиб зря, невинно, и тут же обругал Жукова, начальника областного управления НКВД, сказав, что это тот сделал и что этого Жукова в свою очередь арестовали, осудили и расстреляли. Как это могло произойти? Симочкин занимал такое положение, пользовался доверием, а какой-то малоизвестный Жуков сумел создать на него ложное дело и арестовать его. Где же надзор, прокуратура и прочее? Это свидетельствует о том, какие порядки существовали в партии (если их можно назвать порядками): отсутствие всяких норм защиты личности члена партии.

Возвращусь к Якиру. Он работал на Украине, я встречался с ним в 20-е годы на партийных республиканских конференциях и съездах. В 1928–1929 годах, когда я работал в Киеве, наши военные уделяли Киеву большое внимание: Киев фактически являлся пограничным городом. Польские руководители не могли примириться с тем, что Киев не входит в состав Польского государства (не говоря уже о других городах Украины, лежавших западнее). Якир не раз знакомился с парторботой в Киеве, проводил окружные военные маневры, ездил по гарнизонам. Я был в то время заместителем секретаря Киевского окружного комитета партии, а помощником командующего войсками Украинского военного округа был замечательный человек – Иван Наумович Дубовой¹²⁷. Он выделялся рыжей красивой бородой. Отец его – старый большевик с подпольным стажем, рабочий Донбасса. Иван Наумович прошел Гражданскую войну, был у Щорса¹²⁸ заместителем командующего дивизией, а когда Щорса убили, командование, по-моему, принял Дубовой. Это был проверенный и уважаемый нами человек. Сотрудником Политуправления в округе был Векличев. Сам из бывших рабочих, он стал военным профессионалом, комиссаром в Украинском военном округе. Таким образом, я всегда имел возможность общаться с военными. И вдруг Якир – предатель, Якир – враг народа! Раньше Сталин очень уважал Якира. У Якира хранилась записка, где Сталин хвалил личные качества Якира, а ведь Сталин был весьма скуп на письменные похвалы.

Я относился с большим уважением и к Тухачевскому, но близок с ним не был. Иногда в служебном порядке мы с ним встречались или перезванивались. Он приглашал меня посмотреть военную технику. Именно с ним я впервые в жизни увидел ковшовый ленточный экскаватор. Я считал, что Тухачевский является душой Красной Армии. Если кто и занимался Вооруженными Силами со знанием дела, так это Тухачевский и Гамарник¹²⁹, который был тогда

¹²⁵ Енакиево называлось тогда Рыково.

¹²⁶ В 1938 г. работники Ивановского областного управления НКВД, арестовав 3-го секретаря обкома партии Шульцева, вынудили его дать показания о наличии в области некоего «запасного правотроцкистского блока» с участием в нем секретарей обкома ВКП(б) Симочкина и Короткова, председателя облисполкома Аралова, прокурора области Карасика, председателя областного суда Волкова, еще около 30 человек; параллельно было арестовано свыше 40 лиц командно-политического состава стрелкового корпуса РККА, дислоцировавшегося в этой области. Почти все они были репрессированы.

¹²⁷ ДУБОВОЙ Иван Наумович (1896–1938) – из крестьян, член РСДРП с 1917 г., в Гражданскую войну занимал командные, штабные и политические должности, начальник дивизий, с 1924 г. командовал стрелковым корпусом, с 1929 г. помощник, а с 1934 г. заместитель командующего войсками Украинского военного округа, с 1935 г. командующий войсками Харьковского военного округа, член Военного совета при Наркомате обороны СССР, командарм 2-го ранга с 1935 г. Репрессирован, реабилитирован посмертно. Что касается Щорса, то Дубовой оставил о нем книгу «Мои воспоминания о Щорсе» (Киев, 1935).

¹²⁸ ЩОРС Николай Александрович (1895–1919). Во время Гражданской войны 1918–1921 гг. командир отряда Богунского полка, бригады, 1-й Украинской Советской и 44-й стрелковой дивизии. Погиб в бою.

¹²⁹ ГАМАРНИК Ян Борисович (1894–1937) – из служащих, член РСДРП с 1916 г., участник обеих революций 1917 г.,

первым заместителем наркома и ведал хозяйственными делами и военным строительством. Рассказывали, что выбор места строительства для г. Комсомольска принадлежал Гамарнику. Он, приехав с Дальнего Востока как секретарь Дальневосточного крайкома партии, доложил Сталину, что надо создавать там базу на случай войны с Японией. Япония тогда вела себя нагло в отношении Советского Союза, провоцировала нас на драку. Председателем крайисполкома на Дальнем Востоке был Гуценко (тоже погиб от руки Сталина). К нему пришел на прием японский консул и в беседе заявил: «Что же вы – и сами просто сидите, ничего не делаете на Дальнем Востоке, и нам не даете? Пора вам и честь знать». Вот такую, знаете ли, грубость сказал. Так что Сталин с большим вниманием отнесся к предложению Гамарника, и вскоре начали строить Комсомольск, а также большие промышленные предприятия с тем, чтобы укрепить Дальний Восток и отбить охоту у японцев зариться на наши дальневосточные земли.

И вдруг Якир и вся эта группа – враги народа? Тогда еще не было сомнений насчет того, что они могут оказаться жертвами клеветы. Суд был составлен из авторитетных людей, председателем суда был маршал Егоров. Потом и Егоров пал жертвой этого же произвола. Но тогда у нас ничто не вызывало сомнений. Единственным человеком из тех, кого я знал, высказавший сомнение в виновности Якира, был академик архитектуры Щусев¹³⁰. Как мне потом доложили, он, выступив на собрании архитекторов, сказал, что хорошо знал Якира и с большим уважением относился к нему. Щусев был замечательным человеком. Мы же в то время к нему относились настороженно, считали, что это человек прошлого, что он строил только церкви, был принят царем Николаем II. Он был острым на язык, говорил всегда, что думал, а ведь не всегда это импонировало людям того времени и их настроениям. Вот и в данном случае он сказал, что он сам из Кишинева и знал дядю Якира, врача и очень уважаемого господина. Поэтому не может допустить, чтобы оказался злодеем или каким-то преступником его племянник. И он не подал своего голоса в осуждение Якира.

Все это было доложено Сталину, но Сталин сдержался, и ничего не было предпринято против Щусева. Я не говорю, конечно, что Щусев был прорицателем и видел, что обвинение несостоятельно. Это простое совпадение, но для Щусева – приятное совпадение. Я потом сблизился с Алексеем Викторовичем Щусевым, когда вновь работал на Украине. Он неоднократно приезжал в Киев, и я беседовал с ним. Помню, как-то весной, когда еще было холодно, чтобы купаться, бродил он по Киеву, а потом я беседовал с ним: «Ну как, – говорю, – Алексей Викторович, дела?» – «Да, вот, ходил, смотрел Киев. Прекрасный город, прекрасный». – «А куда же вы ходили?» – «Я поехал на Труханов остров¹³¹, взял лодочку, разделся там на песочке и грелся. Потом пошел откусать пирожков на базаре».

Тогда я, конечно, негодовал и клеймил всех этих изменников. Сейчас самое выгодное было бы сказать: «В глубине души я им сочувствовал». Нет, наоборот, я и душой им не сочувствовал, а был в глубине души раздражен и негодовал на них, потому что Сталин (тогда мы были убеждены в этом) не может ошибаться! Не помню сейчас точно, как продолжались даль-

в Гражданскую войну активно боролся за Советскую власть на Украине, занимал военно-политические посты, с 1920 г. председатель Одесского и Киевского губкомов РКП(б), Киевского губревкома и губисполкома, с 1923 г. председатель Приморского губисполкома, Дальневосточного ревкома и крайисполкома, секретарь Далькрайкома ВКП(б), член Реввоенсовета Сибирского военного округа, с 1928 г. 1-й секретарь ЦК КП(б) Белоруссии и член РВС Белорусского ВО, с 1929 г. начальник Политуправления РККА, член Реввоенсовета СССР, ответственный редактор газеты «Красная звезда», с 1930 г. заместитель председателя РВС СССР и зам. наркома по военным и морским делам, 1-й зам. наркома обороны и член Военного совета при наркомате обороны СССР. Перед самоубийством был членом Военсовета Среднеазиатского военного округа, член ЦК ВКП(б) с 1927 г., член Оргбюро ЦК ВКП(б) с 1929 г., армейский комиссар 1-го ранга с 1935 г. Покончил жизнь самоубийством.

¹³⁰ ЩУСЕВ Алексей Викторович (1873–1949) – архитектор, участник плана реконструкции Москвы 1918–1925 гг. и, позднее, Генерального плана реконструкции Москвы, директор Третьяковской галереи в 1926–1929 гг., московского Музея архитектуры в 1946–1949 гг., заслуженный архитектор СССР с 1930 г., академик с 1943 г., автор многих сооружений, градостроительных работ и научных трудов.

¹³¹ Труханов остров расположен на левом низменном берегу Днепра. В то время Киев располагался на правом, высоком берегу, а песчаные пляжи Труханова острова были местом отдыха горожан. Сейчас он застроен, но пляжи сохранились.

нейшие аресты. Они сопровождались казнями. Это нигде не объяснялось и не объявлялось, и поэтому мы многого даже не знали. Нас информировали, что такие-то люди сосланы или осуждены на такие-то сроки заключения.

Однако Московская партийная организация, областная и городская, продолжала свою деятельность, усиленно работала над сплочением людей для выполнения решений по строительству в Москве и Московской области. Когда аресты велись уже в широком плане, нас информировали иной раз об аресте каких-то крупных людей, что вот такой-то оказался врагом народа. А мы информировали районные партийные организации, первичные парторганизации, комсомол и общественные организации. Все эти данные мы принимали с искренним возмущением, осуждали арестованных. Ведь если те были арестованы, значит, они были разоблачены в своей провокаторской и подрывной деятельности? Были пущены в ход все эпитеты, осуждающие и клеймящие позором таких лиц.

У нас в Москве был секретарем обкома комсомола (не помню сейчас его фамилию) очень нравившийся мне парень, молодой, задорный, с энтузиазмом. Человек был, что называется, на своем месте и по образованию, и по подготовке, да и характер был хороший. И вдруг однажды утром, когда я пришел на работу, мне сказали, что этот секретарь обкома комсомола поехал на охоту и там застрелился. Я очень сожалел о событии и сейчас же позвонил Сталину, сообщил, что вот такое у нас случилось несчастье, такой хороший парень, секретарь обкома комсомола, застрелился. Он спокойно мне ответил: «А, застрелился. Это нам понятно. Он застрелился потому, что мы арестовали Косарева¹³² (первый секретарь ЦК ВЛКСМ), да и другие его дружки арестованы».

Я был поражен. Во-первых, Косарев был для меня человеком, который не вызывал никаких сомнений. Парень из рабочей семьи, сам рабочий, и вдруг – враг народа? Как же это может быть, как мог он стать врагом народа? И опять не возникало недоверия. Если это сделал ЦК партии, сделал Сталин, следовательно, это уже неопровержимо, это действительно так. Но все это, конечно, ложилось камнем на душу. Ведь мы считали, что корни вражеской разведки глубоко внедрились в наши ряды, проникли в партийную, комсомольскую среду и поразили даже руководящую верхушку.

События развивались очень бурно. Арестовали Рудзутака. Рудзутак был кандидатом в члены Политбюро, уважаемым человеком и очень симпатичным. Он часто выступал на заводах по просьбе Московского комитета партии. Когда его приглашали на городские, районные или заводские собрания, он всегда охотно шел. Кроме того, о Рудзутake шла хорошая партийная слава: во время дискуссии о профсоюзах в 1921 году было выдвинуто много различных платформ, дискуссия сотрясала партию, Рудзутак тоже выступил со своей платформой, и Ленин предложил взять эту платформу за основу. На базе этой платформы смогли объединиться основные силы партии, отвергнуть другие платформы и таким образом найти решение, которое было принято потом всей партией. Это тоже считалось немаловажным фактором в пользу Рудзутака. Потом Рудзутак был наркомом путей сообщения. С ростом хозяйства и перевозок железные дороги стали плохо справляться с задачами, которые предъявлялись к транспорту. Поэтому туда был послан на усиление Андреев. Но работа транспорта не улучшилась, послали Кагановича. С приходом Кагановича считалось, что транспорт начал работать лучше. Видимо, так оно и было, потому что Каганович считался крупным организатором, сильным человеком, не щадящим чужих и своих сил.

Не помню года и тем более месяца, но вот однажды позвонил мне Сталин и говорит: «Приезжайте в Кремль. Прибыли украинцы, поедете с ними по Москве, покажете город». Я

---

¹³² КОСАРЕВ Александр Васильевич (1903–1939) – из рабочих, участник Гражданской войны, член РКП(б) с 1919 г., с 1921 г. занимал ответственные посты в органах РКСМ, в 1926 г. секретарь Московского комитета ВЛКСМ, с 1927 г. секретарь и в 1929–1939 гг. генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ, с 1934 г. член ЦК ВКП(б), Оргбюро ЦК партии и ЦИК СССР. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

тотчас приехал. У Сталина были Косиор, Постышев, Любченко¹³³. Любченко был тогда Председателем Совета Народных Комиссаров Украины. Он сменил на этом посту Чубаря, а Чубарь перешел в Москву заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров СССР, то есть заместителем Молотова. «Вот они, – говорит Сталин, – хотят посмотреть Москву. Поедьте». Вышли мы, сели в машину Сталина. Поместились все в одной. Ехали и разговаривали. Это были такие, как мне казалось, самые хорошие партийные отношения между членами Политбюро (Постышев тогда еще не был кандидатом в члены Политбюро). Мы ехали по улицам, конечно, нигде не выходя из машины, весь осмотр велся из автомобиля.

Постышев поднял тогда вопрос: «Товарищ Сталин, вот была бы хорошая традиция и народу понравилась, а детям особенно принесла бы радость – рождественская елка. Мы это сейчас осуждаем. А не вернуть ли детям елку?» Сталин поддержал его: «Возьмите на себя инициативу, выступите в печати с предложением вернуть детям елку, а мы поддержим». Так это и произошло. Постышев выступил в «Правде», другие газеты подхватили идею. Этот эпизод, в частности, показывает, какие хорошие были отношения между Сталиным, Косиором, Постышевым и Любченко. Потом Постышев был переведен на работу в Москву и стал секретарем Центрального Комитета партии. Однажды я участвовал в работе одной из комиссий, где председателем был Постышев. Мы обсуждали выпуск ширпотреба. Кто-то из хозяйственников ссылаясь при этом на трудности технические, материальные и производственные. Постышев слушал, слушал (а он был человек резкий, порывистый), а потом как стукнет кулаком по столу да и говорит: «Душа из тебя вон! Что мне твои рассуждения? Давай план, и все». На меня это произвело несколько нехорошее впечатление, потому что докладчик был уважаемым человеком. Ну, с этим мирились, потому что все знали, что Постышев был добрым человеком, хотя действительно иной раз допускал повышение тона, нежелательную и, я бы сказал, недопустимую грубость. У меня с Постышевым были хорошие отношения.

Вообще же в то время я был слабо информирован о положении дел по стране в целом. Подробности до меня не доходили, хотя я был уже кандидатом в члены Политбюро. Тяжелое положение сложилось на Украине. Туда послали Кагановича, он пробыл несколько дней, и в результате этой поездки Постышева вернули на Украину. Каганович говорил, что Косиор – очень хороший политический деятель, но как организатор слаб, поэтому допущены распушенность и ослабление руководства, надо дисциплинировать, подтянуть, а для этого лучше послать туда секретарем ЦК КП(б)У Постышева в подкрепление Косиору.

Аресты тем временем продолжались. Я узнал, что арестован Варейкис. Варейкиса я знал по съездам партии как работника черноземной полосы. Он был тогда секретарем крайкома. И вот Варейкис, оказывается, был агентом царского охранного отделения! Через какое-то время опять пошли крупные аресты. И опять случилась заминка в руководстве Украины: после Пленума ЦК КП(б) Украины застрелился Любченко. Потом мне рассказывали, что Пленум проходил очень бурно, Любченко критиковали. Любченко – крупный украинский работник, но у него были большие политические грехи. Он, собственно, когда-то был петлюровцем¹³⁴. Я сам видел фотоснимок, где он снят с будущим академиком Грушевским, Винниченко и самим Петлюрой¹³⁵. Это там все знали. Поэтому на всех украинских партсъездах Донбасская делега-

¹³³ ЛЮБЧЕНКО Панас (Афанасий) Петрович (1897–1937) – из крестьян, фельдшер, член Украинской партии эсеров с 1913 г., партии боротьбистов с 1918 г. и РКП(б) с 1920 г., участник борьбы за Советскую власть на Украине, с 1921 г. занимал ответственные посты в советских и кооперативных органах, с 1927 г. секретарь ЦК КП(б)У, с 1934 г. Председатель Совнаркома УССР, член ЦИК СССР. Репрессирован, реабилитирован посмертно. Его имя (Афанасий) часто пишут по-украински (Панас).

¹³⁴ Весной 1917 г. Любченко был избран членом украинской Центральной рады, однако осенью 1917 г. за участие в выступлении против правительства Винниченко был арестован и приговорен к расстрелу. Его спасло вступление в Киев 26 января 1918 г. частей Красной Армии.

¹³⁵ ПЕТЛЮРА Симон Васильевич (1879–1926) – сын извозчика, участник украинского национального движения, публицист, с 1915 г. возглавлял Главную контрольную комиссию Всероссийского земского союза по Западному фронту, в 1917 г. председатель Всеукраинского войскового комитета и министр Центральной рады по военным делам, в 1918 г. возглавлял Все-

ция всегда выступала с отводом кандидатуры Любченко при выборах в Центральный Комитет КП(б)У. Но я считал, что Любченко – очень способный человек, который отошел от петлюровцев и твердо стал на большевистскую почву. Не знаю конкретно, какие обвинения выдвигались против него после стольких лет успешной его работы. На Пленуме был объявлен перерыв. Он поехал домой и не вернулся на Пленум. Решили проверить, почему Любченко не возвратился на заседание Пленума, и обнаружили такую картину: в постели лежали его убитая жена и сам он. Предположили, что по договоренности с женой он застрелил ее и себя. Это был большой удар. Объясняли дело так: бывший петлюровец; видимо, к нему подобрала ключи иностранная разведка, и он работал на нее. Но много не распространялись об этом, потому что и без того было слишком много врагов.

Каганович опять поехал в Киев и привез оттуда информацию не в пользу Косиора и Постышева. Он рассказывал, что когда собрал партактив в Киевском оперном театре, то буквально взывал: «Ну, выходите же, докладывайте, кто что знает о врагах народа?» Организовал вроде такого народного суда. Выходили люди и всякие вещи говорили. Сейчас просто стыдно и позорно слушать, но ведь это было! Я хочу сказать об этих фактах, чтобы можно было сделать на будущее правильные выводы и не допустить повторения таких явлений. Кагановичу сообщили, что есть у них такая женщина, Николаенко, активный работник, трудится она на культурном фронте, борется с врагами народа, но не находит поддержки. Каганович (рад стараться) сейчас же послал за Николаенко. Николаенко пришла и начала разоблачать врагов народа. Страшная, говорят, была картина. Каганович рассказал, видимо, Сталину об этом собрании, и в одном из своих выступлений Сталин заметил, что бывают вот небольшие люди, которые оказывают зато большую помощь нашей партии. Такой небольшой человек, как Николаенко, оказала партии на Украине большую помощь в разоблачении врагов.

Николаенко сразу же подняли на пьедестал борца за революцию, борца с врагами народа. Хочу рассказать подробнее об этой фигуре. Когда я уезжал из Москвы на Украину, Сталин предупредил меня, что там есть такая женщина – Николаенко и чтобы я обратил внимание: она, мол, может помочь мне в борьбе против врагов народа. Я сказал, что фамилию эту помню из его выступления. А как только приехал на Украину, она сама пришла ко мне. Я ее принял, выслушал. Молодая, здоровая женщина, окончила какой-то институт, была директором вроде бы музея, сейчас точно не помню. Она имела дело с украинским народным искусством и поэтому общалась с интеллигенцией. И начала она говорить мне о врагах народа. Ну это был просто какой-то бред сумасшедшей: она всех украинцев считала националистами, все в ее глазах были петлюровцами, врагами народа, и всех их надо арестовывать. Я насторожился. Думаю, что же это такое? Начал я ее осторожно поправлять (а здесь требовалась осторожность, потому что с такими людьми, сказал бы я, небезопасно беседовать: они сейчас же оборачивают все обвинения против того, кто с ними не соглашается). Расстались мы с ней. «Я, – говорит, – буду к вам заходить». Отвечаю: «Пожалуйста, заходите, охотно вас послушаю».

Потом она опять пришла ко мне и приходила затем много раз. Я уже видел, что это большой человек и что верить ей совершенно нельзя. Начала она обсуждать со мной и свои личные дела: к ней, дескать, плохо относятся в партактиве. Раньше (она была незамужней) с ней охотно поддерживали знакомство командиры Красной Армии, теперь они избегают ее, просто перебегают через улицу на другой тротуар, если заметят, что она идет им навстречу. Говорит: «Вот травят меня за то, что я веду борьбу с врагами народа». Я ей сказал, что она должна более трезво оценивать отношение к ней: «Люди избегают вас, потому что те, кто с вами знаком, как правило, арестовываются. Поэтому-то они вас боятся и избегают».

украинский союз земств, стал главным атаманом войск Украинской народной республики, в 1919 г. председатель Директории, в 1920 г. заключил Варшавское соглашение с Польшей о совместной борьбе против Советской власти, затем эмигрировал. Фотография, о которой упоминает Хрущев, относится ко времени, когда ее персонажи фотографировались на групповом снимке как члены рады.

Как приехал я в Москву, Сталин сейчас же спросил меня о Николаенко, и я высказал ему свое впечатление, что такому человеку нельзя доверять, что это больной человек, совершенно незаслуженно обвиняет людей в украинском национализме. Сталин вскипел и очень рассердился, напал на меня: «Вот, недоверие у вас к такому человеку, это неправильно». Все повторял свое: «10 % правды – это уже правда, это уже требует от нас решительных действий, и мы поплатимся, если не будем так действовать». Одним словом, толкал меня к тому, чтобы я отнесся к Николаенко с доверием. Я рассказал ему также, как обижается она на отношение к ней командиров. Сталин начал шутить: «Что ж, надо подыскать ей мужа». Я говорю: «Такой невесте подыскать мужа – это очень опасно, потому что муж уже будет подготовлен к тому, что ему через какое-то время надо садиться в тюрьму, поскольку она его, безусловно, оговорит».

Вернулся я в Киев. Опять приходит ко мне Николаенко и докладывает, убежденно так докладывает, что возглавляет националистическую контрреволюционную организацию на Украине Коротченко, что он националист и прочее. «Знаете, – отвечаю, – товарищ Николаенко, я много лет знаю Коротченко, и Сталин его знает. Коротченко по национальности украинец, но по-украински он и говорить-то по-настоящему не умеет. Язык у него – суржик (так называют в народе мешанину украинского, русского и белорусского языков). Поэтому никак, никак не могу я с вами согласиться». Она тут стала очень нервничать и уже на меня косится. Вижу, что она уже и ко мне относится с недоверием: дескать, покрываю националистов. Заплакала она. Говорю: «Успокойтесь. Вы лучше продумайте дело. Нельзя так о людях говорить, которых вы не знаете. Ведь Коротченко вы, конечно, не знаете, а уж данных у вас вообще нет никаких. Это просто ваше умозаключение, и оно совершенно ни на чем не основано, неправильно». Ушла она. Но я знал, что она напишет Сталину. Через какое-то время звонит из Москвы помощник Сталина Поскребышев насчет того, что Николаенко прислала письмо Сталину, где она разоблачает Коротченко и кого-то еще. Отвечаю, что ожидал этого: «Ждите теперь, что она напишет, будто и я украинский националист».

И действительно, спустя какое-то время она вновь пришла ко мне, опять я не стал соглашаться с ней, и тут она написала заявление, в котором обвиняла меня, что я покрываю врагов народа и украинских националистов. Звонит Поскребышев: «Ну, есть уже следующее заявление, и пишет она о вас». Я ему: «Так и должно было быть. Я этого ожидал». После этого письма Сталин стал с большим доверием относиться ко мне касательно Николаенко. Я убедил его, что она не заслуживает доверия, что Каганович ошибся, а она просто сумасшедшая, ненормальный человек. В конце концов завершилось тем, что Николаенко стала проситься на работу с Украины в Москву. Она договорилась в Москве с начальником Комитета по культуре (как помню, у него была украинская фамилия)¹³⁶ и уехала. Мы вздохнули с облегчением, и я сказал Сталину, что вот наконец-то она уехала. Он пошутил: «Ну что, выжили?» Говорю: «Выжили». А через какое-то время ее послали, кажется, в Ташкент. Оттуда она стала осаждать меня телеграммами и письмами, чтобы вернули ее на Украину. Но тут я сказал: «Нет! Забирать ее на Украину мы не будем, пускай лучше там устраивается». Я сказал об этом Сталину, и Сталин согласился и даже шутил по этому поводу. Он, видимо, тоже разобрался в ней...

Такой же случай произошел в Москве, когда на пленуме ЦК ВЛКСМ выступила с разоблачением Косарева и его друзей Мишакова¹³⁷. Косарев был арестован, а Мишакова стала одним из секретарей ЦК ВЛКСМ и была поднята на щит как борец, с которого надо брать пример. Сейчас многим уже известно, что это были ненормальные люди. Мишакова, безусловно, чело-

¹³⁶ Речь идет о председателе Комитета по делам искусств при Совнаркоме (Совмине) СССР в 1939–1948 гг. М.Б. Храпченко.

¹³⁷ МИШАКОВА Ольга Петровна (1906–1980). Учительница, а после окончания МГУ преподаватель в вузе. В 1936–1937 гг. инструктор Кировского райкома комсомола (Москва), проявляла активность в «разоблачении врагов народа». С 1937 г. инструктор, а в 1937–1946 гг. секретарь ЦК ВЛКСМ. В 1939–1952 гг. – член Центральной Ревизионной Комиссии ЦК ВКП(б). Работает в аппарате ЦК. В 1956 г. за участие в репрессиях исключена из партии.

век с психическим дефектом, хотя и честный, а Николаенко просто оказалась сумасшедшей. Это я узнал, уже будучи на пенсии. Между прочим, она прислала мне новогоднее письмо. Из его содержания любому человеку видно, что автор – сумасшедший.

И еще об одном характерном эпизоде хотел бы рассказать. Однажды был я у Сталина в Кремле, в его кабинете. Там находились и другие лица, сейчас не помню уже, кто именно. Раздался звонок. Сталин подошел к телефону, поговорил, но так как расстояние было довольно порядочное, то его ответы слышны были плохо. Он вообще, как правило, тихо говорил. А когда закончил разговор, то повернулся и тоже в спокойном таком тоне говорит: «Звонил Чубарь. Плачет, уверяет, что он не виноват, что он честный человек». И сказал он это с таким сочувствием в голосе... Мне Чубарь нравился. Это был простой и честный человек, старый большевик, сам вышел из рабочих. Я знал его еще по Донбассу. Он был председателем Центрального правления каменноугольной промышленности, в котором сменил Пятакова¹³⁸. Когда он приехал в Москву, я поддерживал с ним хорошие отношения. Теперь я обрадовался, что Сталин разговаривал с ним сочувственно и, следовательно, не верит компрометирующим материалам, которые, видимо, имеются и о которых я совершенно ничего не знал; таким образом, Чубарь не находится в опасности быть арестованным. Но я ошибся: теперь-то я могу сказать, что совершенно не знал тогда Сталина как человека. На следующий день я узнал, что Чубарь арестован, а потом уже, как говорится, о нем ни слуху ни духу. Чубарь как в воду канул.

После смерти Сталина я поинтересовался этим вопросом и обратился к чекистам с просьбой найти того, кто допрашивал Чубаря, кто вел следствие. Меня интересовало, в чем же именно его обвиняли. Генеральный прокурор СССР Руденко¹³⁹ сказал мне, что Чубарь ни в чем не виноват и никаких материалов, которые могли бы служить против него обвинением, не имеется. Тогда нашли следователя, который вел дело Чубаря. Я предложил членам Президиума ЦК КПСС: «Давайте послушаем его на Президиуме, посмотрим, что он за человек? Какими методами он заставил Чубаря сознаться в своих преступлениях? Что послужило основанием для расправы с ним?» И вот на наше заседание пришел человек, еще не старый. Он очень растерялся, когда мы стали задавать ему вопросы. Я спросил его: «Вы вели дело Чубаря?» – «Да, я». – «Как вы вели следствие и в чем Чубарь обвинялся? И как он сознался в своих преступлениях?» Тот говорит: «Я не знаю. Меня вызвали и сказали: будешь вести следствие по Чубарю. И дали такую директиву: бить его, пока не сознается. Вот я и бил его, он и сознался». Вот так просто! Когда я услышал, то и возмутился, и огорчился. Я не знал даже, как реагировать. Тогда решили мы провести следствие уже по этому следователю и осудить его за такое следствие. Осудили его, а потом я пришел к выводу, что хотя, может быть, юридически все это правильно, но если рассуждать согласно фактическим обстоятельствам и обстановке, которая была в СССР в те времена, то этот следователь оказался слепым орудием. Ему сказали, что вот враги народа, и он верил партии, верил Сталину. Враги народа не сознаются в преступлениях, поэтому надо выбивать из них признания. Вот он и выбивал, но уже не честным следствием, а палкой. Такие формы следствия применялись в тот период ко всем и к каждому.

Сталин порой применял иезуитские, провокационные методы в беседах. Я уже рассказал о случае с Антиповым и со мной. Тогда Сталин отвернулся, опустил голову и перевел разговор

¹³⁸ ПЯТАКОВ Юрий (Георгий) Леонидович (1890–1937) – из мещан, член РСДРП с 1910 г., в 1917 г. руководил борьбой за Советскую власть в Киеве, в 1918 г. председатель Временного рабоче-крестьянского правительства Украины, затем был членом Реввоенсоветов ряда армий, с 1920 г. заместитель председателя Госплана РСФСР, заместитель председателя ВСНХ, торгпред во Франции, председатель правления Госбанка СССР. С 1932 г. заместитель (с 1934 г. 1-й зам.) наркома тяжелой промышленности СССР, член ЦК партии с 1923 г., с 1927 г. преследовался по партийной линии как троцкист, исключен из партии в 1936 г. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

¹³⁹ РУДЕНКО Роман Андреевич (1907–1981) – из крестьян, член ВКП(б) с 1936 г., с 1929 г. работал в органах прокуратуры, в 1944–1953 гг. прокурор УССР (в 1945–1946 гг. главный обвинитель от СССР на Нюрнбергском процессе главных нацистских военных преступников), с 1953 г. Генеральный прокурор СССР, член ЦК КПСС с 1961 г., действительный государственный советник юстиции.

на Москву, на дела, по которым он меня реально вызвал. Не помню сейчас, какие это были вопросы. Немного мы походили по Кремлю, там тогда разбивали новый сквер. Сталин сказал, что у него ко мне больше нет вопросов, и я уехал. Но я был обеспокоен, какие имелись основания у Сталина? Почему он так сделал? Для чего вообще он это делал? Думаю, что его интересовало, когда он задавал мне вопросы, смотря мне в глаза, как буду я вести себя. Случайно, видимо, я вел себя так, что мои глаза не дали ему повода сделать заключение, будто я связан с Антиповым. Если бы у него сложилось впечатление, что я как-то «выдал» себя, то вот вам через какое-то время и новый враг народа. Этот способ выявления «врагов» Сталин применял не раз. Ко мне Сталин относился лучше, чем ко многим другим, с большим доверием, и в результате я не был подвергнут тому, что обрушилось на честнейших и вернейших членов нашей ленинской партии.

Как раз в тяжелом 1937 году должны были состояться перевыборы в партийных организациях – первичных, районных, городских и областных. Начались собрания. Проходили они очень бурно. Партия была деморализована. Я говорю здесь о партруководстве уровнем ниже ЦК, говорю в том смысле, что руководители не чувствовали себя руководителями. Тогда было дано свыше устное указание, что при выборах обязательно все кандидатуры людей, выдвигаемых в руководящие партийные органы, надо проверить: не связаны ли они с арестованными врагами народа? То есть чекисты должны их апробировать. Проверяли всех работников, насколько те заслуживают доверия. А руководящие органы, которые выбирались, зависели уже не от тех, кто их выбирал, а от чекистских органов: какую оттуда дадут характеристику. Кандидатуры были, собственно говоря, с точки зрения внутривластной демократии подставные, потому что воля партийных организаций была тем самым ограничена.

Органы безопасности, которые должны быть под контролем партии, стали, наоборот, над партией, над выборными организациями и творили, что хотели. Помню такой печальный эпизод. Шла Московская городская партийная конференция. Я выступал с отчетным докладом. Конференция проходила на высоком уровне активности. Но положение было тяжелое. Все верили, что мы находимся на таком этапе своего развития, когда враги, не сумев сломить нас в прямом бою, направили свои усилия на разложение нашей партии изнутри: вербовка членов партии, засылка агентуры и пр. Сейчас нам видна несостоятельность тех аргументов: ведь были поражены репрессиями наиболее старые парткадры, которые прошли через революционное подполье, первые годы социалистической революции, Гражданскую войну, люди, отобранные самой историей борьбы рабочего класса России. Поэтому было странно, почему именно эти люди подверглись прежде всего соблазну и допустили, чтобы их завербовали иностранные разведки. Но это я сейчас так говорю, а тогда я так не думал. Я смотрел тогда глазами Центрального Комитета, то есть Сталина, и пересказывал те аргументы, которые слышал от Сталина.

Партийные конференции в Москве проходили бурно. На выборы одного лишь президента тратили на районных конференциях по несколько заседаний, а то и целую неделю. Поэтому я был обеспокоен, как бы нам лучше провести городскую партконференцию, и решил спросить совета у Сталина. К тому времени у нас уже имелась инструкция по проведению выборов на партийных конференциях. В ней предлагался довольно демократический способ выбора кандидатов: их обсуждение, закрытое голосование, отводы. Но эта инструкция не выполнялась. Между тем на городской конференции шло обсуждение моего доклада. Выступил комиссар Военной академии им. Фрунзе (не помню его фамилии). Мне запомнилась зато его черная борода. Он прошел через Гражданскую войну, имел высокое воинское звание. Выступил он прекрасно, и мы, когда составляли предварительный список кандидатов в городскую партком, выдвинули его от академии. Перед самым голосованием вдруг раздался звонок. Просят, чтобы

я позвонил Ежову¹⁴⁰, а Ежов был тогда секретарем Центрального Комитета партии и, кажется, наркомом внутренних дел. У меня были с Ежовым хорошие отношения.

Я позвонил ему. Он говорит: «Сделай все, чтобы не отводить этого комиссара прямо, а “проводить” его, потому что мы его арестуем. Он связан с врагами. Это хорошо замаскировавшийся враг», и прочее, и прочее. Отвечаю: «Что же я могу сделать? Утверждены списки для голосования, осталось только раздать бюллетени и проголосовать. Это уже от меня не зависит». Ежов: «Надо сделать так, чтобы его не выбрали». – «Ну хорошо, – отвечаю, – подумаю и сделаю». Только закончился этот разговор, звонит Маленков¹⁴¹. Он был тогда заместителем Ежова, а фактически заведующим отделом кадров ЦК ВКП(б). Маленков говорит: «Надо все сделать так, чтобы провалить Ярославского¹⁴², только аккуратно». Отвечаю: «Как же это можно? Ярославский – старый большевик, уважаемый всей партией человек». Он работал тогда в Партийной коллегии. Его называли «советским попом», то есть человеком, который поддерживал и охранял морально-политические устои членов партии. Ярославский занимался разбором различных персональных дел коммунистов, выносимых в ЦК. И вот я должен сделать предлагаемое! Маленков: «Ты должен сделать! У нас есть данные против Емельяна, но надо, чтобы он не знал об этом». Говорю: «Мы уже обсудили кандидатуру Ярославского, и против не было подано ни одного голоса». – «Тем не менее сделай».

Тогда я собрал секретарей партийных комитетов и рассказал им, что имеются указания относительно комиссара и Ярославского и надо все сделать, но осторожно, чтобы их вычеркнули бы при голосовании. Раздали мы списки, началось голосование. Счетная комиссия подсчитала голоса и доложила конференции результаты. Комиссар не получил большинства и не был избран. Он был этим поражен, да и другие были поражены не меньше него. Но так как мы говорили себе, что это ЦК отводит его, то сами на себя и пеняли: как же это мы не разоблачили такого замаскировавшегося врага и как он обвел нас вокруг пальца? Мы его сначала так горячо встретили, а он оказался недостойным человеком. С Ярославским – другое дело. Тут не было информации, что он враг народа. Сообщили только, что он человек, которого не поддерживает Центральный Комитет, который колеблется и недостаточно активно вел борьбу против оппозиции, сочувствовал Троцкому... Дошли мы до Ярославского, подсчитали голоса и видим, что он все-таки прошел в состав партийного городского комитета большинством в один или два голоса. Ну, я доложил, что партийная организация не проявила должного понимания вопроса, а я, выходит, не справился с поручением, данным мне Центральным Комитетом, то есть Сталиным, потому что ни Маленков, ни Ежов в отношении Ярославского не могли сами давать директивы, если бы не было указания Сталина.

¹⁴⁰ ЕЖОВ Николай Иванович (1895–1940) – рабочий, член РСДРП с 1917 г., в годы гражданской войны военный комиссар, с 1922 г. секретарь Семипалатинского губкома и Казахского крайкома партии, с 1927 г. в аппарате ЦК ВКП(б), в 1929–1930 гг. заместитель наркома земледелия СССР. В 1930–1934 гг. заведующий Распределительным отделом и отделом кадров ЦК ВКП(б) и с 1934 г. заведующий Промышленным отделом, с 1936 г. секретарь ЦК ВКП(б), председатель КПК при ЦК партии, заместитель председателя Комитета резервов СТО СССР, в 1936–1938 гг. нарком внутренних дел СССР. С 1938 г. нарком водного транспорта, с 1935 г. член Исполкома Коминтерна, с 1934 г. член ЦК ВКП(б), с 1937 г. генеральный комиссар государственной безопасности 1-го ранга. Арестован в 1939 г., расстрелян.

¹⁴¹ МАЛЕНКОВ Георгий Максимилианович (1902–1988) – из служащих, член РКП(б) с 1920 г., с 1925 г. работник аппарата ЦК ВКП(б), с 1930 г. в Московском комитете партии, в 1934–1939 гг. заведующий отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б), с 1939 г. секретарь ЦК партии (до 1953 г.) и начальник управления кадров ЦК, в 1941–1945 гг. член Государственного Комитета Обороны, с 1946 г. член Политбюро ЦК ВКП(б), в 1946–1953 гг. зам. Председателя Совета Министров СССР. В 1953–1955 гг. Председатель Совета Министров СССР, в 1955–1957 гг. министр электростанций СССР, член ЦК партии в 1939–1957 гг., за участие в так называемой антипартийной группе внутри ЦК КПСС освобожден в 1957 г. от прежних постов и переведен директором Усть-Каменогорской ГЭС, затем Экибастузской ТЭЦ, в 1961 г. исключен из рядов КПСС.

¹⁴² ЯРОСЛАВСКИЙ Емельян Михайлович (1878–1943) – сын ссыльнопоселенца, член РСДРП с 1898 г., участник трех российских революций, один из руководителей Октябрьского вооруженного восстания 1917 г. в Москве, затем на ответственных партийных постах, входил в редколлегии и был ответственным редактором многих общественно-политических изданий, с 1931 г. возглавлял Всесоюзное общество старых большевиков, с 1939 г. академик, лектор и публицист, автор работ по истории Коммунистической партии и пр., в разные годы секретарь ЦК партии, член ее ЦК и ЦКК, ЦИК СССР.

Этот эпизод вызвал возмущение у Землячки¹⁴³, человека особого характера. Тогда говорили, что это – мужчина в юбке. Она была резкой, настойчивой, прямой и неумолимой в борьбе против любых антипартийных проявлений. Землячка обратилась с письмом в ЦК партии. Об этом мне сказали Маленков и Ежов. Она писала, что хотела бы указать на ненормальное положение, которое сложилось на городской партийной конференции в Москве: по делегациям велась недопустимая работа против Ем. Ярославского, его порочили как члена партии и призывали не избирать в состав городского партийного комитета, хотя при обсуждении кандидатур для выборов никто ему отвода не давал. Мне же давать объяснения было некому, потому что письмо в ЦК попало именно к тем, кто сам давал мне директиву провалить Ярославского. Но меня упрекали, что я не справился с поручением ЦК. Потом я говорил с Землячкой и объяснил ей, что это было указание ЦК, да и есть ведь право у каждого члена партии, у каждого делегата, который не выступал на пленарном заседании конференции, высказать потом свое мнение среди делегатов. Она была достаточно опытным человеком, сама много лет провела на руководящей партийной работе, в свое время была секретарем Московского партийного комитета и знала всю закулисную кухню подготовки партийных конференций и их проведения.

Однако это, конечно, непартийные методы действий. Использовались возможности лиц, находившихся в руководящих органах, для борьбы с людьми, которые были попросту неуютны. Если бы за Ярославским имелась какая-то вина, то можно было бы выступить на конференции открыто. В свое время его критиковали в печати за недостаточно четкую позицию при борьбе с троцкистами и зиновьевцами. Но Ярославский пользовался в партии уважением, доверием, а такие закулисные махинации преследовали цель провести в руководство «своих людей», которые смотрели бы в рот, восхищались гениальностью руководства, не имели бы своего мнения, а обладали бы только хорошей глоткой для поддакивания.

Московская городская партийная конференция стала как бы примером. Ко мне начали обращаться с вопросом, как это мы сумели в такой сложный момент за 4–5 дней провести конференцию? Вот мы за это время смогли только президиум выбрать, а вы вообще все закончили... Нам это удалось лишь потому, что я советовался со Сталиным, как поступать в тех или других случаях, и это позволило уложиться в срок, ибо мы знали, что он одобряет в данный момент, а что – нет.

Хотелось бы остановиться еще на некоторых личных чертах Сталина. С одной стороны, восточное вероломство. Поговорив любезно с человеком и посочувствовав ему, он мог через несколько минут отдать приказ о его аресте. Так он поступил, например, с членом ЦК партии и ЦИК СССР Яковлевым. С другой – Сталин часто был действительно очень внимательным и чутким человеком, чем подкупал многих людей. Могу рассказать о таком случае. Это, видимо, произошло в 1937 году. Шла Московская областная партийная конференция. Она проходила очень бурно. То был страшный период, страшный потому, что мы считали, что окружены врагами, эти враги проникли не только в нашу страну, но главным образом в ряды нашей партии, заняли видное положение в хозяйстве и армии, захватили большинство командных постов. И это очень беспокоило людей, преданных делу строительства социализма, идеям партии.

Когда началась областная конференция, подошел ко мне Брандт. В то время он заведовал отделом сельского хозяйства в обкоме ВКП(б), а раньше работал секретарем ряда партийных комитетов и считался очень хорошим партийным работником, знавшим сельское хозяйство, особенно производство льна. Я уже получил раньше немало писем, главным образом от

¹⁴³ ЗЕМЛЯЧКА (Залкинд) Розалия Самойловна (1876–1947) – из мещан, участница революционного движения с 1896 г., член РСДРП с 1898 г., активный деятель большевистской партии, один из организаторов Октябрьского вооруженного восстания 1917 г. в Москве, затем на военно-политической работе, в 1920 г. секретарь Крымского обкома ВКП(б), в 1924 г. член Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б), в 1926–1933 гг. член коллегии Наркомата РКИ и коллегии Наркомата путей сообщения, с 1934 г. член Комиссии советского контроля, заместитель ее председателя и председатель, в 1939–1943 гг. заместитель Председателя Совнаркома СССР, затем зам. председателя КПК при ЦК ВКП(б), член ЦК партии с 1939 г.

военных, о том, что в Московском обкоме ВКП(б) занимает ответственный пост сын врага народа и белогвардейца полковника Брандта, который в 1918 г. поднял антисоветское восстание в Калуге. Мы проверяли эти обвинения и выяснили их несостоятельность. Но вот наступило тяжелое время для любых людей, которые якобы имели какое-нибудь «пятно» на репутации. Во время областной партконференции подходит ко мне этот Брандт и говорит (а был он таким коренастым, спокойным человеком) довольно спокойно: «Товарищ Хрущев, надоело мне давать всякие объяснения и оправдываться. Я думаю кончить жизнь самоубийством». Отвечаю: «В чем дело? Почему вы так мрачно настроены и почему хотите кончить жизнь самоубийством?» – «Да я вам же, кажется, говорил и хочу повторить, что меня зовут Брандт. Мой отец действительно был полковником и жил в Калуге. Но люди, которые считают меня сыном белогвардейца Брандта, имеют в виду другого Брандта, который тоже жил в Калуге, но не моего отца. Они не знают, что хотя я и сын полковника Брандта, но только умершего еще до революции. Поэтому мой отец никак не мог принимать участие в восстании, которое было поднято полковником Брандтом, приехавшим с фронта и поселившимся в Калуге. А было дело так: мой отец, Брандт, полковник царской армии в отставке, имел в Калуге свой домик, и жил он, собственно говоря, тем, что искусно умел вышивать и продавал эти вышивки, пополняя этим пенсию. Мать же моя была кухаркой у Брандта и родила ему троих сыновей. Брандт оформил брак с моей матерью, усыновил нас, и мы официально стали его сыновьями. Потом Брандт умер, а мы остались сиротами, жили буквально как нищие. Я нанимался пасти скот, братья тоже, кто где и как мог добывали средства на жизнь. Сейчас мои братья командиры Красной Армии, а я вот партийный работник. Сколько раз я об этом говорил и докладывал на каждой партийной конференции. Все время я должен бить себя кулаком в грудь и клясться, что я честный человек. Мне это надоело». Говорю ему: «Вы успокойтесь. Если вы честный человек, мы вас возьмем под защиту».

Но я знал, что моих слов будет здесь недостаточно и что областная партийная конференция может оказаться для него роковой. Достаточно кому-либо выступить на ней и сказать об этом. А тот подтвердит, что отец его действительно полковник Брандт из Калуги, а уж тот ли это Брандт или не тот, не имело тогда значения. И я думаю, что он, конечно, не дожил бы до времени, когда смогли бы разобраться в этом деле, его забрали бы чекисты, и судьба его была бы предрешена. Я решил рассказать об этом Сталину. Тогда это было доступно для меня. Позвонил я Сталину, попросил, чтобы он меня принял, и рассказал ему, что вот, товарищ Сталин, хотел бы вам поведать такую историю и попросить у вас поддержки. Рассказал, что есть у нас такой Брандт и вот так-то сложилась его судьба. Был и другой Брандт, который поднял восстание против Советов в 1918 г., а люди, которые сражались против того Брандта, принимают нашего Брандта за сына того Брандта и требуют расправы с сыном этого Брандта. Но это другой Брандт, который ничего общего не имеет с тем Брандтом. Сталин выслушал меня, посмотрел внимательно и спросил: «А вы уверены, что он честный человек?» Говорю: «Товарищ Сталин, абсолютно уверен, что это – проверенный человек, он много лет работает в Московской области» (Калуга входила тогда в состав Московской области). «Если вы уверены, что это честный человек, защищайте его, не давайте в обиду». Мне, конечно, было приятно это слышать, я очень обрадовался. А он еще добавил: «Скажите Брандту об этом». В результате при выборах Московского областного комитета партии к Брандту никто не придирался, и он беспрепятственно был избран членом МК.

В этом – весь Сталин. Не поверил в какой-то момент, и нет человека! Удалось его убедить – будет поддерживать. Перед областной партийной конференцией я также беседовал со Сталиным и просил его, чтобы он дал указание, как ее организовать и провести, учитывая сложившиеся условия острой борьбы и широких арестов. Об арестах мы, конечно, не говорили, но это само собой разумелось. Я сказал: «Московская областная конференция будет эталоном для конференций в других областях. Ко мне звонят много людей, даже из Центральных Коми-

тетов союзных республик, и спрашивают, как мы думаем проводить конференцию? От нашей конференции будет зависеть очень многое». Рассказал ему о сложившихся в городе условиях, о том, как по инструкции должна проводиться конференция и какие бывают при этом извращения. Особенно меня беспокоили крикуны, которые привлекали к себе внимание. Тогда мы подозревали, что это, возможно, люди, связанные с врагами и отводящие удар от себя. Сталин, выслушав меня, сказал: «Вы проводите конференцию смело. Мы вас поддержим. Строго придерживайтесь устава партии и инструкции Центрального Комитета, разосланной партийным комитетам».

Конференцию мы провели в очень короткий срок, то есть так, как обычно проводили раньше, до массовых арестов. Когда приступали к выборам, у меня возник некий вопрос. В 1923 году, когда я учился на рабочем факультете, то допускал колебания троцкистского характера. Я ожидал, что это дело может быть поднято на конференции или после конференции, и мне будет очень трудно давать объяснения. Поэтому я решил рассказать обо всем Сталину. Но прежде решил посоветоваться с Кагановичем. Мы с Кагановичем давно знали друг друга, он ко мне хорошо относился, покровительствовал мне. Каганович сразу напустился на меня: «Что вы? Зачем это вы? Что вы? Я знаю, что это было детское недопонимание». А случилось то перед съездом партии, то ли XIII, то ли XII. Я был избран тогда в окружной партийный комитет. Говорю Кагановичу: «Все-таки это было, и лучше сказать сейчас, чем кто-нибудь потом поднимет этот вопрос, и уже я буду выглядеть как человек, скрывший компрометирующие его факты. А я не хочу этого. Я всегда был честным человеком и перед партией тоже хочу быть честным». – «Ну, я вам не советую», – говорит Каганович. «Нет, я все-таки посоветуюсь с товарищем Сталиным».

Позвонил Сталину. Он сказал: «Приезжайте». Когда я вошел к нему в кабинет, он был вдвоем с Молотовым. Я все рассказал Сталину, как было. Он только спросил: «Когда это было?». Я повторил, что это было перед XIII съездом партии. Меня увлек тогда Харечко¹⁴⁴, довольно известный троцкист. Еще до революции я слышал, что есть такой Харечко из крестьян села Михайловки, студент. Это село я знал. Там много этих Харечко. Знал, что он революционер, но не знал, что социал-демократ. В течениях социал-демократической партии я тогда совершенно не разбирался, хотя знал, что это был человек, который до революции боролся за народ, боролся за рабочих и за крестьян. Когда он приехал в Юзовку, то я, естественно, симпатизировал Харечко и поддерживал его. Сталин выслушал меня. «Харечко? А, я его знаю. О, это был интересный человек». – «Так вот, я хочу вас спросить, как мне быть на областной партийной конференции? Рассказать все, как я вам рассказываю, или ограничиться тем, что я уже рассказал вам об этом?» Сталин: «Пожалуй, не следует говорить. Вы рассказали нам, и достаточно». Молотов возразил: «Нет, пусть лучше расскажет». Тут Сталин согласился: «Да, лучше расскажите, потому что если вы не расскажете, то кто-нибудь может привязаться, и потом завалят вас вопросами, а нас – заявлениями».

Я ушел. Вернувшись на конференцию, застал такую сцену: обсуждали кандидатуры, выставленные в областной партийный комитет, конкретно же обсуждали Маленкова. Маленков стоя давал объяснения. Мне сказали, что он уже час или больше стоит, и каждый его ответ рождает новый вопрос о его партийности и о его деятельности во время Гражданской войны. Рассказывал он нечетко и не очень связно. Складывалась ситуация, при которой Маленкова могли провалить. Как только Маленков закончил и сошел с трибуны, я выступил в его поддержку, сказав, что он нам хорошо известен и что его прошлое не вызывает никаких сомнений.

¹⁴⁴ ХАРЕЧКО Тарас Иванович (1893–1937) – украинец, член РСДРП с 1914 г. С 1919 г. член ЦК и член Оргбюро ЦК КП(б)У. В 1921–1922 гг. заведующий Агитационно-пропагандистским отделом ЦК КП(б)У. В 1920-е гг. заведовал Ленинградским отделением Центрахива. В 1927 г. исключен из ВКП(б). В 1935 г. арестован и в 1937 г. расстрелян. Реабилитирован в 1989 г.

Он честный человек и отдает все, что имеет, партии, народу, революции... Маленков остался в списках.

Дошла очередь до моей фамилии. Алфавит ставил меня в конце всех списков. Я рассказал конференции так, как советовал Сталин. Но на Сталина я не ссыался. Когда кончил, вопросов не было: дружно как-то крикнули – оставить в списке для голосования. Я был избран тогда абсолютным большинством голосов. Все это располагало меня к Сталину. Было приятно, что Сталин внимательно отнесся ко мне, не упрекнул ни в чем, задал только один или два вопроса и даже заикнулся сперва, чтобы я не говорил этого на конференции. Считаю правильным, что он порекомендовал все рассказать. Да я, собственно, за этим и пришел. Хотел, чтобы Сталин знал, что Хрущев пошел на конференцию и рассказал об этих моментах в своей биографии. Я считал нетактичным не предупредить генерального секретаря ЦК, имея к тому возможность. Все это еще больше укрепляло мое доверие к Сталину, рождало уверенность, что те, кого арестовывали, действительно враги народа, хотя действовали так ловко, что мы не смогли заметить это из-за своей неопытности, политической слепоты и доверчивости. Сталин часто повторял нам, что мы слишком доверчивы. Он же как бы поднимался на еще более высокий пьедестал: все видит, все знает, людские поступки судит справедливо, честных людей защищает и поддерживает, а людей, недостойных доверия, врагов наказывает.

В связи с этим эпизодом меня удивило поведение Кагановича много лет спустя. Во время выступления против меня на Президиуме ЦК в июне 1957 года одним из основных аргументов у Кагановича было то, что я – бывший троцкист. Я ему тогда сказал: «Как же тебе не стыдно? Ты тогда меня убеждал, чтобы я не говорил Сталину о своих ошибках, что они не заслуживают этого, что ты меня знаешь, и прочее». И я обратился к Молотову, а он (при всех его недостатках) – человек очень честный. «Помните, товарищ Молотов, я говорил об этом Сталину при вас, как отреагировал и что мне посоветовал Сталин, да и вы тоже?» Он подтвердил мой рассказ. Тут, как в зеркале, отразилась подхалимская душа Кагановича. То он меня удерживал, а тут мою ошибку выгащил как главный аргумент против меня. Последовавший за заседанием Президиума Пленум ЦК правильно разобрался в деле и отверг клеветнический выпад против меня.

Еще один эпизод. В ту пору главное острие борьбы было направлено против троцкистов, зиновьевцев и «правых». В этой связи интересна судьба Андрея Андреевича Андреева. Он довольно активный троцкист и вместе с тем пользовался доверием и покровительством Сталина. Андрей Андреевич занимал высокие посты наркома земледелия, наркома путей сообщения, секретаря ЦК партии. Это тоже был как бы плюс Сталину. Выступая против активных троцкистов, таких как Андреев, он сам тем не менее брал его под защиту. Андрей Андреевич сделал очень много плохого во время репрессий 1937 года. Возможно, из-за своего прошлого он боялся, чтобы его не заподозрили в мягком отношении к бывшим троцкистам. Куда он ни ездил, везде погибало много людей, и в Белоруссии, и в Сибири. Об этом свидетельствует множество документов и такой, например, факт: старый большевик Кедров¹⁴⁵, сидя в тюрьме, написал Андрею Андреевичу пространное письмо, где доказывал, что совершенно невиновен. Его письмо осталось без последствий. Он дважды судился («тройкой» и «пятеркой»), но даже кровавая «пятерка» не смогла найти достаточных улик для его осуждения, и он был в конце концов казнен Берией в начале Великой Отечественной войны без приговора. Это все стало потом известно из следственных материалов по делу Берии.

¹⁴⁵ КЕДРОВ Михаил Сергеевич (1878–1941) – сын чиновника, член РСДРП с 1901 г., активный участник большевистского движения и трех российских революций, после 1917 г. на ответственных военных и партийных должностях, в 20-е гг. трудился в СТО, ВСНХ, Наркомздраве СССР, прокуратуре, Красном Спортинтерне, с 1932 г. член Президиума Госплана РСФСР, с 1934 г. директор Военно-санитарного института, автор публикаций по истории Коммунистической партии и Гражданской войны. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

Возвращаюсь к 1937 году, к областной партийной конференции. Ее мы закончили в нормальные сроки, наверное, за пять дней, а может быть, даже меньше. Перед принятием резолюции я просмотрел ее проект. Резолюция была ужасная, столько было там накручено о врагах народа. Она требовала продолжать оттачивать нож и вести расправу (как теперь уже ясно, с мнимыми врагами народа). Не понравилась мне эта резолюция, но я был в большом затруднении: как же быть? Я был первым секретарем, а на первого секретаря ложилась главная ответственность за все, да и сейчас она тоже не ослабла. Хотя, по-моему, это является с точки зрения внутрипартийной демократии нашей слабостью, потому что руководитель тем самым подчиняет себе коллектив. Но это уже другой вопрос.

Решил опять посоветоваться со Сталиным. Позвонил ему и сказал: «Товарищ Сталин, наша областная партийная конференция заканчивает свою работу, проект резолюции составлен, но я хотел бы вам доложить и попросить совета. Ведь резолюция Московской областной партийной конференции будет взята образцом для других партийных организаций». – «Приезжайте, – говорит, – сейчас». Я приехал в Кремль, Молотов тоже был там. Показал я Сталину резолюцию, он ее прочел, взял красный карандаш и начал вычеркивать: «Это надо выбросить, и это, и это выбросить, и это. А это вот можно так принять». Политическая, оценочная часть резолюции стала неузнаваемой. Все «недобитые враги народа» были Сталиным вычеркнуты. Остались там положения о бдительности, но они по тому времени считались довольно умеренными. Если бы я такую резолюцию сам предложил на конференции, не спросив Сталина, то мне бы не поздоровилось: она не шла в тон нашей партийной печати, как бы смягчала, принимала остроту борьбы, к которой призывала «Правда».

Мы приняли эту резолюцию и опубликовали ее. После этого меня буквально засыпали звонками. Помню, Постышев звонил из Киева: «Как это вы сумели провести конференцию в такие сроки и принять такую резолюцию?» Я ему, конечно, рассказал, что она в проекте была не такой, но что я показал ее Сталину, и Сталин своей рукой вычеркнул положения, обострявшие борьбу с врагами народа. Тогда Постышев говорит: «Мы тоже тогда будем так действовать и возьмем вашу резолюцию за образец». Описанные выше события опятьставляли Сталина с лучшей стороны: он не хотел ненужного обострения, не хотел лишней крови. Да мы тогда и не знали, что арестованные уничтожаются, а считали, что они просто посажены в тюрьму и отбывают свой срок наказания. Все это вызывало еще большее уважение к Сталину и, я бы сказал, преклонение перед его гениальностью и прозорливостью.

Наша Московская партийная организация была сплоченной и являлась настоящей твердыней и опорой Центрального Комитета в борьбе против врагов народа и за реализацию решений партии о построении социализма в городе и деревне. Но гадости продолжались, люди исчезали. Я узнал, что арестован Межлаук, которого я очень уважал. Межлаук пользовался заслуженным доверием и уважением Сталина. Помню такой случай. У нас проводилось какое-то совещание, а на это совещание приехал из Англии видный физик Капица¹⁴⁶. Сталин решил его задержать и не дать вернуться в Англию. Это было поручение Межлауку. Я случайно был у Сталина, когда он объяснял, как убедить Капицу остаться: уговорить его, а в крайнем случае просто отобрать заграничный паспорт. Межлаук говорил с Капицей и докладывал Сталину. Потом я узнал, что договорились о том, что Капица остается у нас (конечно, помимо своей воли), но с тем, что создаются условия для его работы. Хотели построить ему специальный институт, где он мог бы с большей пользой использовать свои знания на благо нашей страны. При этом Сталин довольно плохо характеризовал Капицу, говорил, что он не патриот и т. п.

¹⁴⁶ КАПИЦА Петр Леонидович (1894–1984) – физик, в 1935–1946 гг. и с 1955 г. директор Института физических проблем АН СССР, академик с 1939 г., член Лондонского Королевского общества с 1929 г., лауреат Государственных (1941 и 1943) и Нобелевской (1978) премий, дважды Герой Социалистического Труда (1945 и 1974).

Построили для него такой институт – желтое здание в конце Калужской улицы, неподалеку от Воробьевых (Ленинских) гор.

Возвращаясь к Межлауку, который прежде работал у Куйбышева в Госплане. Его я знал, так как соприкасался с Госпланом, когда работал в Московском комитете партии. Городское хозяйство Москвы планировалось не через область и не через Российскую Федерацию, а непосредственно Госпланом. Поэтому мне приходилось иметь дело с Межлауком. Кроме того, он часто делал доклады на московских городских и районных активах. И вдруг Межлаук – тоже враг народа! Стали исчезать и другие работники Госплана, потом Наркомтяжпрома. Петля затягивалась. В нее стали попадать работники, протеже самого Орджоникидзе.

Орджоникидзе, как у нас называли его – Серго, пользовался очень большой популярностью и заслуженным уважением. Это был человек рыцарского склада характера. Помню, проводилось совещание строителей в зале Оргбюро ЦК партии. Председательствовал на этом совещании Орджоникидзе, присутствовал Сталин. Собрался узкий круг людей. Вообще же там помещалось 200 или 300 человек, не больше. От Москвы был приглашен я и выступил там с довольно острой критикой хода строительства в Москве. Этим строительством тогда занимались Серго и Гинзбург¹⁴⁷. Гинзбург – хороший строитель, и Серго его заслуженно поддерживал. Но в каждом большом деле есть много недостатков, другой раз даже больших недостатков, и я выступал, защищая интересы городского строительства и критикуя Гинзбурга и Наркомтяжпром. Серго (он глуховат был на ухо) вытянулся ко мне, слушает, умиленно улыбаясь, и подает реплики: «Откуда ты знаешь строительство, откуда, слушай, откуда?» С таким он хорошим чувством это произносил... Мое выступление было опубликовано потом в газете Наркомтяжпрома, не помню, как она называлась. Редактировал эту газету очень хороший человек и хороший коммунист, кажется, Васильковский или Васильков. Погиб, бедняга, как и многие другие.

Помню, Серго не однажды звонил по ряду вопросов мне в Московский комитет. Однажды звонит: «Товарищ Хрущев (он говорил с сильным грузинским акцентом), ну что вы там не дадите покоя Ломинадзе, все критикуете его?» Я отвечаю: «Товарищ Серго, ведь вы знаете, что Ломинадзе – это активнейший оппозиционер и, собственно, даже организатор оппозиции. Сейчас от него требуют четких выступлений, а он выступает расплывчато и сам дает повод для критики. Что я могу сделать? Ведь это факт». – «Товарищ Хрущев, послушай, ты что-нибудь сделай, чтобы его меньше терзали». Говорю, что это очень трудно мне сделать, а потом я и сам считаю, что его правильно критикуют.

Ломинадзе был близкий к Серго человек, и Серго относился к нему с большим уважением и большой чуткостью. Уже позднее узнал я про такой случай лично от Сталина. После того как умер Орджоникидзе, Сталин рассказывал, что вот, мол, Серго – что это за человек был! Я (Сталин) лично узнал от него, что к нему пришел Ломинадзе и высказывал свое несогласие с проводимой партией линией, но взял с Серго честное слово, что все, что он скажет, не будет передано Сталину и, следовательно, не будет обращено против Ломинадзе. Серго дал такое слово. Сталин возмущался: как это так, как можно давать такое слово? Вот какой этот Серго беспринципный! В конце концов при каких-то обстоятельствах Серго сам рассказал Сталину, что он дал слово Ломинадзе и поэтому говорит сейчас Сталину при условии, что Сталин не сделает каких-нибудь организационных выводов на основе сказанного Ломинадзе. Но Сталин никаких честных слов не признавал, и в конце концов Ломинадзе был послан в Челябинск, где его довели до такого состояния, что он застрелился. До этого он был в Москве секретарем парткома на заводе авиационных двигателей.

¹⁴⁷ ГИНЗБУРГ Семен Захарович (1897–1993) – из мещан, член РСДРП с 1917 г., в 20–30-е гг. преподавал в МВТУ им. Баумана, работал в советских и хозяйственных органах, в 1932–1937 гг. начальник Главстройпрома наркомата тяжелой промышленности СССР, в 1937–1946 гг. заместитель, затем нарком по строительству СССР, в последующие годы министр по строительству военных и военно-морских предприятий, министр промышленности стройматериалов, с 1950 г. заместитель министров в ряде ведомств. С 1963 г. председатель правления Стройбанка СССР. С 1970 г. на пенсии.

Однажды в выходной день я был на даче. Мне звонят и говорят, чтобы я позвонил в ЦК. Там мне сказали: «Товарищ Хрущев, умер Серго. Политбюро создает комиссию по похоронам, вас включают в эту комиссию. Прошу к такому-то часу приехать к председателю комиссии, будем обсуждать вопросы, связанные с похоронами Серго». Утром Серго похоронили. Прошло много времени. Я всегда отзывался о Серго с большой теплотой. Однажды (это уже, по-моему, было после войны) я приехал с Украины. Мы были у Сталина, вели какие-то разговоры, иной раз довольно беспредметные, «убивали время». Я сказал: «Серго – вот был человек! Умер безвременно, еще молодым, жалко такой потери». Тут Берия подал какую-то недружественную реплику в адрес Серго, и больше никто ничего не сказал. Я почувствовал, что я что-то сказал не то, что следовало в этой компании. Кончился обед, мы вышли. Тогда Маленков говорит мне: «Слушай, ты что так неосторожно сказал о Серго?». – «А что ж тут неосторожного? Серго – уважаемый политический деятель». – «Да ведь он застрелился. Ты знаешь об этом?» Говорю: «Нет. Я его хоронил, и тогда нам сказали, что Серго (у него, кажется, болели почки) скоропостижно умер в выходной день». – «Нет, он застрелился. Ты заметил, какая была неловкость после того, как ты назвал его имя?» Я сказал, что это я заметил и был удивлен.

Но что Берия подал враждебную реплику, не было неожиданностью, потому что я знал, что Берия плохо относился к Серго, а Серго не уважал Берию. Серго был теснее связан с грузинской общественностью и, следовательно, знал о Берии больше, чем Сталин. Если сопоставить Серго и Сталина: оба – грузины, старые большевики, но совершенно разные люди, Серго внимательный, с большой душевной теплотой, хотя и очень вспыльчивый. Как-то на заседании Политбюро он вспылал, не знаю, по какому поводу, против наркома внешней торговли Розенгольца, замахнулся на него и не знаю, как сдержался. Мне известен случай, когда раньше, в Грузии, он ударил кого-то еще при Ленине. Дело разбирал партийный комитет. Вот как уживаются иной раз в одном лице противоположные качества. Но главное, за что уважали его, – это человечность, доступность и справедливость.

О смерти Орджоникидзе мне подробно рассказал Анастас Иванович Микоян, но значительно позже, после смерти Сталина. Он говорил, что перед его смертью (тот покончил с собой не в воскресенье, а в субботу или раньше) они очень долго ходили с Серго по Кремлю. Серго сказал, что дальше не может так жить, Сталин ему не верит, кадры, которые он подбирал, почти все уничтожены, бороться же со Сталиным он не может и жить так тоже больше не может.

Что касается его недруга Берии, то я познакомился с ним, видимо, в 1932 году. В то время я работал вторым секретарем Московского городского комитета партии. Горком размещался на Большой Дмитровке. К нам приехал Берия, как секретарь Закавказского бюро ВКП(б). Как Берия стал там руководителем, не знаю, ничего не могу об этом сказать. Я же встретился с Берией по вопросу кадров. Не знаю, почему Берия обратился ко мне. Ведь первым секретарем Московского горкома и обкома был Каганович. Но обратился он именно ко мне. Может быть, его просто послал Каганович? Пришел он ко мне с Багировым¹⁴⁸. Багиров – это бакинский партийный деятель. Он учился тогда на курсах марксизма-ленинизма, которые размещались на Красной Пресне. Я познакомился с Багировым, когда был секретарем Краснопресненского райкома партии. Я знал, что вот это Багиров, но истории его деятельности в Закавказье не знал.

А у нас речь шла о секретаре Фрунзенского райкома партии армянине товарище Рубене¹⁴⁹. На какую роль брали тогда Рубена, я сейчас уже не помню. Рубена я знал мало. Я

¹⁴⁸ БАГИРОВ Мир Джафар Аббасович (1896–1956) – член РСДРП с 1917 г., с 1920 г. заместитель председателя ревкома Карабахской области, председатель Азербайджанской ЧК и ГПУ, нарком внутренних дел, заместитель председателя и председатель Совнаркома Азербайджанской ССР, в 1933–1953 гг. 1-й секретарь ЦК и Бакинского комитета КП(б) Азербайджана, в 1953 г. председатель Совмина Азерб. ССР, член ЦК партии с 1939 г., кандидат в члены Президиума ЦК КПСС в 1952–1953 гг. В 1953 г. арестован в связи с делом Л.П. Берии. Осужден и расстрелян.

¹⁴⁹ РУБЕН (Рубенов, Мкртчян) Рубен Гукасович (Лукиянович) (1894 – 27 ноября 1937) – член РСДРП с 1917 г. В 1930 г.

познакомился с ним, когда стал секретарем Бауманского райкома, а он был секретарем Фрунзенского. Я сталкивался с ним на совещаниях секретарей райкомов партии, а тогда секретарей в Москве было, наверное, не больше, чем девять человек. Рубен как человек резко выделялся среди нас и очень нравился мне. И когда Каганович вызвал меня и сказал, что моя кандидатура будет выдвигаться на пост второго секретаря городского партийного комитета, то я смутился и отвечал, что не следовало бы это делать, потому что я не москвич и знаю, как тяжело мне будет в Москве. Москва избалована авторитетами больших людей с большим дореволюционным стажем. Кроме того, более достойным явился бы Рубен. И если бы меня спросили, я бы порекомендовал Рубена. Но Каганович заметил, что он лучшего обо мне мнения, чем я сам, и решено именно меня выдвинуть. Он добавил, что Рубен неплохой работник, но надо иметь в виду, что Рубен был офицером в царской армии. Этого я, конечно, не знал.

Когда я первый раз встретился с Берией, разговор у нас был формальным, не я ведь решал вопрос о Рубене, вопрос решал ЦК. Позже я узнал, что кандидатуру Рубена выдвигал Серго. Через некоторое время я Рубена снова встретил. Видимо, ему нравилась военная форма. Он приехал в Москву в гимнастерке с тремя или четырьмя ромбами¹⁵⁰ в петлицах. Его ввели тогда членом Военного совета в приграничную армию, и он получил воинское звание. Другие партийцы тоже были членами военных советов, и я потом был членом Военного совета. Но мы военную форму не носили, а Рубен носил. Мы надевали военную форму без знаков отличия, и то только если выезжали на военные учения. В 1937 году Рубен был арестован и уничтожен.

После первой встречи с Берией я сблизился с ним. Мне Берия понравился: простой и остроумный человек. Поэтому на пленумах Центрального Комитета мы чаще всего сидели рядом, обмениваясь мнениями, а другой раз и зубоскалили в адрес ораторов. Берия так мне понравился, что в 1934 году, впервые отдыхая во время отпуска в Сочи, я поехал к нему в Грузию. Приехал в Батум на пароходе (железной дороги тогда там не было), из Батума в Тифлис – поездом. Воскресенье провел у Берии на даче. Там у него было все грузинское руководство. На горе стояли дачи Совнаркома и ЦК партии. Оттуда, возвращаясь, я проехал по Военно-Грузинской дороге и сел на поезд на станции Беслан. Как видно отсюда, начало моего знакомства с этим коварным человеком носило мирный характер. В то время я смотрел на вещи идеалистически: если человек с партийным билетом и настоящий коммунист, то это мой брат и даже больше, чем брат. Я считал, что нас всех связывают невидимые нити идейной борьбы, идей строительства коммунизма, нечто возвышенное и святое. Каждый участник нашего движения был для меня, если говорить языком верующих, вроде апостола, который во имя идеи готов пойти на любые жертвы. Ведь тогда действительно, чтобы быть настоящим коммунистом, больше приходилось приносить жертв, чем получать благ. Это не то, что сейчас среди коммунистов, когда есть идейные люди и много неидейных, чиновников, подхалимов и карьеристов. Сейчас членство в партии, партийный билет – это надежда на лучшее приспособление к нашему обществу. Ловким людям удастся получать больше других, не имея к тому данных ни по качеству, ни по количеству вложенного ими труда. Это факт и большой бич в наше время. А в то время всего этого было меньше, хотя уже начиналось.

зав. отделом агитации Московского обкома ВКП(б), затем 2-й секретарь Фрунзенского райкома ВКП(б) Москвы. С 1932 г. секретарь Московского горкома партии. В феврале – декабре 1933 г. – первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана. С февраля 1934 г. по сентябрь 1937-го член Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), принимал участие в чистках в Киевской и Ленинградской областях. Арестован 15 сентября 1937 г. и расстрелян 27 ноября 1937 г. В 1954 г. посмертно реабилитирован.

¹⁵⁰ Ромбы – нарукавные знаки различия высшего комсостава РККА, введенные в 1919 г. С 1924 г. их изготавливали из покрытой красной эмалью бронзы и крепили на петлицах гимнастерки. Знаки различия имели несколько градаций: кубики, т. е. квадратики, – лейтенанты; шпалы, т. е. прямоугольники, – от капитана до полковника; ромбы – генералы. Звание определялось количеством знаков в петлицах – от одного до четырех. Три или четыре ромба соответствовали званиям командарма или командующего войсками фронта.

Снова на Украине

1938 год. Вызывает меня Сталин и говорит: «Мы хотим послать вас на Украину, чтобы вы возглавили там партийную организацию. Косиор перейдет в Москву к Молотову первым заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров и председателем Комиссии советского контроля». Тут Сталин выразил явное недовольство Косиором. Я уже знал со слов Кагановича, что Косиором были недовольны. Каганович по поручению Сталина ездил и «помогал» Косиору и Постышеву «навести порядок». А наведение порядка заключалось в арестах людей. Тогда же распространили слух, что Косиор не справляется со своим делом.

Я стал отказываться, так как знал Украину и считал, что не справлюсь: слишком велика шапка, не по мне она. Я просил не посылать меня, потому что не подготовлен к тому, чтобы занять такой пост. Сталин начал меня подбадривать. Тогда я ответил: «Кроме того, существует и национальный вопрос. Я человек русский; хотя и понимаю украинский язык, но не так, как нужно руководителю. Говорить на украинском я совсем не могу, а это тоже имеет большой минус. Украинцы, особенно интеллигенция, могут принять меня очень холодно, и я бы не хотел ставить себя в такое положение». Сталин: «Нет, что вы! Косиор – вообще поляк. Почему поляк для украинцев лучше, чем русский?» Я ответил: «Косиор – поляк, но он знает украинский язык и может выступать на украинском языке, а я не могу. Кроме того, у Косиора больше опыта». Однако Сталин уже принял решение и твердо сказал, что я должен работать на Украине. «Хорошо, – ответил я, – постараюсь все сделать, чтобы оправдать доверие».

Было назначено время моего отъезда. Я попросил Маленкова подобрать мне нескольких украинцев из московской партийной организации (там их было много) или из аппарата Центрального Комитета партии. Это было необходимо, потому что мне сказали, что на Украине сейчас нет ни одного председателя облисполкома и даже Председателя Совета Народных Комиссаров (есть его первый заместитель), нет заведующих отделами обкомов и горкомов партии, а в ЦК КП(б)У – ни одного заведующего отделом. Стали подбирать второго секретаря. Вторым секретарем Маленков назвал товарища Бурмистенко¹⁵¹. Бурмистенко являлся заместителем Маленкова, который руководил тогда кадрами ЦК ВКП(б). Бурмистенко я знал мало. Познакомился. Он произвел на меня очень хорошее впечатление, и мы сошлись с ним характерами.

Я дал Бурмистенко поручение подобрать людей, которых можно было бы взять с собой, человек 15–20. Он подобрал, кажется, человек 10 из отделов ЦК и из Московской парторганизации. Из последней взяли Сердюка¹⁵² и еще кое-кого. Сердюк работал тогда первым или вторым секретарем Советского райкома столицы. Сам он коренной украинец, отлично говорил на украинском языке.

Приехали на Украину, к Косиору. Он проинформировал нас о сложившейся обстановке и познакомил с кадрами, которые сохранились. Провели республиканский партийный пленум. Косиор представил пленуму ЦК КП(б)У меня и Бурмистенко. Нас кооптировали в состав пленума, избрали в состав членов Политбюро и секретарями ЦК. Косиора освободили. Григорий

---

¹⁵¹ БУРМИСТЕНКО Михаил Алексеевич (1902–1941) – из крестьян, член РКП(б) с 1919 г., в 20-е годы находился на комсомольской, военной и журналистской работе, с 1932 г. второй секретарь Калмыцкого обкома ВКП(б), с 1936 г. в аппарате ЦК ВКП(б), с 1938 г. второй секретарь ЦК КП(б)У, с 1939 г. член ЦК ВКП(б), с 1941 г. один из организаторов партизанского движения на Украине и член Военного совета Юго-Западного фронта. Погиб в 1941 г. под Киевом в окружении.

¹⁵² СЕРДЮК Зиновий Тимофеевич (1903–1982) – в 1939–1941 гг., 1943–1947 гг. второй секретарь, в 1947–1949 гг. первый секретарь Киевского обкома КП(б) Украины, в 1941–1943 гг. на политработе в Красной Армии, в 1949–1951 гг. секретарь ЦК КП(б)У, в 1952–1953 гг. первый секретарь Львовского обкома КП(б)У, в 1954–1961 гг. первый секретарь ЦК КП Молдавии, затем первый заместитель КПК при ЦК КПСС.

Иванович Петровский очень переживал все события на Украине, но вел себя по-стариковски пассивно, хотя был тогда еще не таким уж старым.

Начали мы знакомиться с делом. По Украине будто Мамай прошел. Не было, как я уже говорил, ни секретарей обкомов партии в республике, ни председателей облисполкомов. Вскоре не стало и секретаря Киевского горкома. Секретарем Киевского обкома КП(б)У был Евтушенко¹⁵³. Сталин к нему относился хорошо. Евтушенко я знал слабо, только по встречам в Кремле, но считал, что Евтушенко вполне на своем месте. Он нравился мне. Вдруг из Москвы звонок: «Евтушенко арестовали». Я и сейчас не могу сказать, какие, собственно, были причины для его ареста. Тогда объяснения были стандартными – враг народа; через некоторое время человек уже сознавался, а еще через какое-то время собственноручно давал показания, которые рассылались, кому следует, и создавалось впечатление обоснованности ареста.

Сталин вызвал меня в Москву и предложил, чтобы я принял на себя посты, помимо секретаря ЦК КП(б)У, еще и секретарей областного и городского комитетов партии. Это просто немыслимо. Но Сталин сказал: «Подберите себе людей в помощь». Я согласился, хотя, собственно, моего согласия и не требовалось. Имелось предложение ЦК, и я должен был выполнить его. Вторым секретарем горкома партии избрали Сердюка, а секретарем областного партийного комитета – Шевченко. Шевченко был крестьянским парнем, он удовлетворял требованиям, которые тогда предъявлялись такому секретарю. Мы начали работать. Наркомом внутренних дел Украины был Успенский¹⁵⁴. Успенского я узнал, работая секретарем Московского комитета партии. Он являлся уполномоченным Наркомата внутренних дел по Московской области, и я часто с ним общался. Он докладывал мне о положении дел и производил на меня тогда хорошее впечатление. Потом он был назначен комендантом Кремля, откуда его и послали наркомом внутренних дел Украины. Я полагал, что он будет правильно информировать меня и помогать мне.

Успенский развил кипучую деятельность. Как выяснилось после смерти Сталина, он буквально завалил ЦК докладными записками о «врагах народа». Аресты продолжались. Помню, Успенский поставил вопрос об аресте Рыльского¹⁵⁵. Я возразил: «Что вы? Рыльский – видный поэт. Его обвиняют в национализме, а какой он националист? Он просто украинец и отражает национальные украинские настроения. Нельзя каждого украинца, который говорит на украинском языке, считать националистом. Вы же на Украине!» Но Успенский проявлял настойчивость. Я убеждал его: «Поймите, Рыльский написал стихотворение о Сталине, которое стало словами песни. Эту песню поет вся Украина. А вы хотите его арестовать? Этого никто не поймет».

Лично Рыльского я тогда не знал. Знал его как украинского поэта (нельзя его было не знать), да и только. Это был человек с характером, который защищал национальные интересы Украины, язык украинского народа, активно выступал, смело высказывался по различным вопросам. Это и дало повод обвинить его в национализме и возвести в ранг «врага народа».

Спустя какое-то время приходят ко мне Паторжинский и Литвиненко-Вольгемут¹⁵⁶. Паторжинского я знал, да и у Сталина он был на хорошем счету как певец и как человек.

---

¹⁵³ ЕВТУШЕНКО Дмитрий Матвеевич (1898–1937) – секретарь Киевского областного комитета партии в 1937–1938 гг. В 1938 г. арестован, обвинен в шпионаже и расстрелян. В 1956 г. реабилитирован.

¹⁵⁴ УСПЕНСКИЙ Александр Иванович (1902–1940) – с 1930 г. член ВКП(б). С 1923 г. в органах госбезопасности. С 1931 по 1935 г. на разных должностях в ОГПУ Московской области. Последняя должность – заместитель начальника. В 1935–1936 гг. заместитель коменданта Кремля. В 1936–1937 гг. заместитель, в 1938–1939 гг. нарком внутренних дел УССР. В 1938 г. арестован и в 1940 г. расстрелян.

¹⁵⁵ РЫЛЬСКИЙ Максим Фаддеевич (1895–1964) – поэт, переводчик и публицист, по профессии учитель, член ВКП(б) с 1943 г., академик АН УССР с 1943 г. и АН СССР с 1958 г., председатель Союза писателей УССР в 1943–1946 гг., директор Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР в 1944–1964 гг., активный общественный деятель. Лауреат Ленинской (1960) и Государственных (1943, 1950) премий.

¹⁵⁶ ПАТОРЖИНСКИЙ Иван Сергеевич (1896–1960) – певец и педагог, солировал с 1925 г. в Харькове и с 1935 г. в Киеве,

Они рассказали, что в тюрьме сидит композитор, который написал музыку на стихи Рыльского о Сталине. Вся Украина поет эту песню, а он сидит в тюрьме как националист. Я приказал Успенскому доложить мне, на каком основании арестован композитор. Он принес документы. Посмотрел я их и увидел, что оснований содержать его в тюрьме нет. Я ему сказал, что он потопился с арестом. Считаю, что его нужно освободить. Не помню, освободили его по моему указанию или же я докладывал Сталину. Одним словом, его освободили из тюрьмы, и он продолжал свою деятельность. Впоследствии он был председателем Союза композиторов Украины¹⁵⁷. К каждому дню 1 Мая и к Октябрьским торжествам получал я потом от его жены и дочери поздравления. Я понимал это как благодарность за освобождение его из тюрьмы и от петли, потому что кончилось бы именно этим. Вот такая была тогда обстановка.

Людей тогда на Украине просто «тянули» во «враги». Заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров на Украине был прекрасный человек Тягнибеда¹⁵⁸. Я знал его, еще когда он работал штейгером в Донбассе и учился на курсах инженеров при горном техникуме в Юзовке. Потом, когда я работал секретарем Петрово-Марьинского райкома партии, он какое-то время трудился одновременно со мной управляющим Карповскими рудниками (теперь Петровские шахты) в Вознесенске-Донецком. Одним словом, это был прямой, хороший человек, который даже воевал в рядах Красной Армии. Это большая редкость, что техник-штейгер был заодно с большевиками и участвовал в Гражданской войне на стороне красных. Вдруг потребовали его ареста и представили «обоснование».

Когда арестовали первого зама, Совет Народных Комиссаров Украины стал «чистым»: не было председателя Совнаркома, не было и заместителей. Я поставил вопрос перед Сталиным, что надо найти человека на пост председателя Совнаркома. Еще раньше Сталин сам сказал мне, что в Днепропетровске тоже нет секретаря обкома партии. Днепропетровская область тогда была огромной. Занимала она чуть ли не треть Украины. В нее входили современные Днепропетровская, Запорожская и даже часть Николаевской области. Сталин, видимо, беспокоился о состоянии дел в Днепропетровске, боялся, чтобы не пошатнулась металлургия. Раньше секретарем обкома партии был там Хатаевич¹⁵⁹, но он был арестован еще до моего приезда. Сталин предложил: «Может быть, туда послать Коротченко?» Коротченко был тогда секретарем Смоленского обкома партии. Я, конечно, сразу согласился: «Давайте Коротченко!»

Мы сформировали там обком и горком партии. Я разъезжал по заводам, беседовал с активом, знакомился с людьми, изучал обстановку. Поехал в Запорожье, в Днепродзержинск. В Днепродзержинске познакомился с группой партийных работников и инженеров, в том числе с Брежневым. Мы стали выдвигать последних на партийную работу, формировать партруководство. Тогда же был выдвинут Корниец¹⁶⁰. Он был секретарем сельского райкома на Дне-

---

с 1946 г. профессор Киевской консерватории, народный артист СССР с 1944 г. Лауреат Государственной премии 1942 г. ЛИТВИНЕНКО-ВОЛЬГЕМУТ Мария Ивановна (1892–1966) – певица и педагог, член ВКП(б) с 1944 г., солировала с 1914 г. в Петрограде, Виннице, Харькове и с 1935 г. в Киеве, с 1944 г. – профессор Киевской консерватории, народная артистка СССР с 1936 г. Лауреат Государственной премии 1950 г.

¹⁵⁷ Речь идет о ДАНЬКЕВИЧЕ Константине Федоровиче (1905–1984) – композиторе, пианисте, дирижере и педагоге, профессоре Одесской консерватории с 1948 г., Киевской консерватории с 1953 г., народном артисте СССР с 1954 г. Он возглавлял Союз композиторов Украины, о чем упоминает Хрущев, в 1941–1944 гг. и 1956–1967 гг.

¹⁵⁸ ТЯГНИБЕДА Яков Фомич (1895–1942) – член РКП(б) с 1920 г., работал заместителем председателя Совнаркома УССР с октября 1937 г., а в 1938 г. был репрессирован. Реабилитирован посмертно.

¹⁵⁹ ХАТАЕВИЧ Мендель Маркович (1893–1937) – сын торговца, член РСДРП с 1913 г., участник обеих российских революций 1917 г., затем на партийной работе в Белоруссии, Самаре и на Западном фронте, с 1921 г. – секретарь Гомельского и Одесского губкомов, Татарского обкома и Средне-Волжского крайкома партии, секретарь ЦК КП(б)У, с 1933 г. первый секретарь Днепропетровского обкома, с 1937 г. второй секретарь ЦК КП(б)У, с 1930 г. член ЦК ВКП(б), член ВУЦИК и ЦИК СССР, в 1932–1937 гг. член Политбюро ЦК КП(б)У. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

¹⁶⁰ КОРНИЕЦ Леонид Романович (1901–1969) – из крестьян, член ВКП(б) с 1926 г., на партийной и государственной работе с 1931 г., с 1938 г. 2-й секретарь Днепропетровского обкома КП(б)У, затем Председатель Президиума Верховного Совета УССР, в 1939–1944 гг. председатель и до 1953 г. первый заместитель Председателя Совнаркома (Совмина) УССР, затем министр заготовок, министр хлебопродуктов и председатель им соответствующих Государственных комитетов СССР,

пропетровщине. Помимо Брежнева из Днепродзержинска¹⁶¹ выдвинули еще одного человека, секретаря обкома партии по пропаганде.

В Донбассе секретарем обкома партии был Прамнэк¹⁶², латыш по национальности. До Донбасса он работал, кажется, в Горьковской области и считался хорошим секретарем. Вдруг мне позвонил Сталин и сообщил, что нужно выехать в Сталино, потому что арестовали Прамнэка. Я его уже не застал. Выдвинули туда Щербакова¹⁶³, который в то время был секретарем Московского комитета партии... Еще об обстановке той поры: попросился ко мне на прием неизвестный человек. Секретарь доложил, что он только что освобожден из тюрьмы, сам учитель из Винницкой области и хочет сделать важное сообщение.

Я его принял. Такой молодой, здоровый, красивый парень. Он представился, рассказал, что был арестован, сидел в тюрьме, только вышел из нее, пришел прямо ко мне и хочет сообщить, что его били и истязали, вымогая показания, что Коротченко – агент румынского королевского двора и является здесь главой центра шпионов, который ведет работу против Советской власти в пользу Румынии. Поблагодарил я его за сообщение и сказал, что это клевета, вражеская работа. Разберемся с этим делом, идите спокойно. Об этом посещении я сообщил запиской Сталину, он возмутился. А когда меня вызвали в Москву по какому-то вопросу, то и об этом тоже состоялся обмен мнениями. Сразу же был послан следователь по особо важным делам (по-моему, товарищ Шейнин¹⁶⁴, теперь уже покойный) разобраться в сути события. Оказалось, что замешаны в этом деле были три или пять человек. Они-то и состряпали такое обвинение против Коротченко. Кончилось тем, что их арестовали и расстреляли.

Сталин – жестокий человек, он уничтожал кадры, а с другой стороны – смотрите, какую проявил заботу! Заботу, правда, проявлял он тоже драконовскими методами, но все-таки это была забота о сохранении кадров. Не пощадил он тех чекистов. Это тоже способствовало росту моего расположения к Сталину. Его жестокость и несправедливость, которую мы сейчас видим, тогда нам не была видна. Наоборот, его поступки расценивались как решительность и непреклонность в борьбе за Советское государство, за укрепление его против врагов, кто бы ими ни оказался и в каких бы формах эта вражеская деятельность ни проявлялась. Впоследствии Сталин очень часто возвращался к случаю с Коротченко. В непринужденной обстановке, когда за столом уже было проведено несколько часов, он опять и опять вспоминал: «Ну, как там самуяр?» Он называл его не Коротченко, а самуяром. На XVIII съезде партии выступали делегаты и порой заканчивали свои речи угрозами против Японии: вот, мол, такие-сякие самураи, мы их! Коротченко был неряшлив в словах. Он забывал фамилии даже ближайших людей, многое путал. Самураи для него слово нескладное, и поэтому он свое выступление закончил так: «Мы этим самуярам зададим перцу!» Так и остался «самуяром». Сталин его иначе и не называл, вплоть до смерти.

член ЦК ВКП(б) в 1939–1952 гг.

¹⁶¹ БРЕЖНЕВ Леонид Ильич (в дальнейшем генеральный секретарь ЦК КПСС и Председатель Президиума Верховного Совета СССР) был до мая 1938 г. заместителем председателя исполкома Днепродзержинского горсовета.

¹⁶² ПРАМНЭК (Прамниекс) Эдуард Карлович (1899–1938) – рабочий, член РСДРП с 1917 г., участник Гражданской войны, с 1924 г. на партработе в Нижнем Новгороде и Вятке, с 1930 г. 2-й секретарь и с 1934 г. первый секретарь Горьковского крайкома и обкома ВКП(б), с 1937 г. секретарь Донецкого обкома КП(б)У, член ВЦИК и ЦИК СССР. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

¹⁶³ ЩЕРБАКОВ Александр Сергеевич (1901–1945) – партийный работник. В 1921–1924 гг. учился в Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова. В 1932–1934 гг. заместитель заведующего отделом ЦК ВКП(б). С 1934 г. оргсекретарь Союза писателей СССР. В 1936–1937 гг. 2-й секретарь Ленинградского обкома ВКП(б), в 1937–1938 гг. 1-й секретарь Восточно-Сибирского (Иркутского) обкома партии. В 1938 г. 1-й секретарь Донецкого обкома партии. С 1938 г. возглавлял Московскую партийную организацию. Начальник Совинформбюро с его образованием 24 июля 1941 г., в июле 1942 г. стал также начальником Главного политуправления Красной Армии. В 1943–1945 гг. также был заведующим отделом международной информации ЦК ВКП(б). Генерал-полковник (с сентября 1943). С февраля 1941 г. кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). С мая 1941 г. секретарь ЦК ВКП(б).

¹⁶⁴ ШЕЙНИН Лев Романович (1906–1967) – член ВКП(б) с 1929 г., работник уголовного розыска, затем сотрудник НКВД, писатель и драматург.

Обращается Сталин ко мне: «Ну, как там самуяр?» Я ответил: «Вот, связался самуяр с румынским королем». Сталин пошутил: «Или с королевой? Сколько лет этой королеве?» Отвечаю: «Король там несовершеннолетний, а есть мать-королева. Он, должно быть, связан с королевой-матерью». Это вызвало хохот и новые шутки. Конечно, то был смех сквозь слезы, если припомнить существовавшую тогда обстановку. Ведь те, кто обвинял Коротченко, если разобратся, были очень простые люди, но они были морально настроены на поиск врагов народа. Вот они и промышляли, желая отличиться, искали, за кого взяться. Почему упоминался контакт с Румынией? Район, в котором зародилась провокация, находился в Винницкой области и граничил с Бессарабией. Наши чекисты работали против румынской агентуры. У них-то и родилась идея привязать человека к такой агентуре и сделать главой агентов – кого же? Председателя Совета Народных Комиссаров Украины Коротченко. Полагаю, что только то обстоятельство, что Сталин лично знал Коротченко и знал, что тот не способен на предательство, спасло его. Если бы этого не было, то результат для Коротченко был бы плачевным.

На Украине была уничтожена тогда вся верхушка руководящих работников в несколько этажей. Несколько раз сменялись кадры и вновь подвергались арестам и уничтожению. Украинская интеллигенция, особенно писатели, композиторы, артисты и врачи, тоже были под наблюдением, подвергались арестам и расправе. Даже такой замечательный поэт и государственный деятель, как Микола Платонович Бажан¹⁶⁵, который потом стал членом партии, честный и очень приятный человек, преданный Советскому государству и Коммунистической партии, подвергался нападкам, и требовалось особо аргументировать, чтобы не допустить его ареста. А Петро Панч¹⁶⁶ (тоже крупный украинский писатель)? Не знаю, как он сохранился. За ним следили и больше всего доносили писатели, вместе с которыми он работал. К сожалению, довольно часто он выпивал. Эти лица провоцировали его на какие-то разговоры, а потом все это передавалось, стряпалось дело, и вот уже документы готовы к аресту.

Некоторые лица были просто шарлатанами, которые избрали для себя профессией разоблачение врагов народа. Они терроризировали всех, бесцеремонно заявляя в глаза: «Вот этот – враг народа». Прикипало к человеку это обвинение, привлекало внимание, органы НКВД начинали разбираться. Следствие, конечно, велось тайно, к человеку приставляли агентуру, а потом доказывали, что это – действительно враг народа. Помню, был такой нахал (я забыл сейчас его фамилию), начальник «Киевпаливо» (Киевский комитет по топливу), который ходил повсюду и обвинял буквально всех по очереди; так перед ним все буквально дрожали. На заседании бюро горкома партии он бросил обвинение Сердюку, второму секретарю горкома. На следующем заседании я вынужден был сам председательствовать и разбирать это обвинение. Никаких данных к обвинениям, которые он выдвигал против честных людей, не существовало. Но он утверждал, что и тут сидят враги народа. А тогда не требовалось каких-то фактов, каких-то доказательств. Было достаточно лишь нахальства и наглости.

Мне рассказали еще об одном характерном случае. Был на Украине такой деятель, врач Медведь. После войны он работал в Министерстве иностранных дел, входил в состав украинской делегации, которую возглавлял Дмитро Захарович Мануильский¹⁶⁷ в Организации Объ-

¹⁶⁵ БАЖАН Николай Платонович (1903–1983) – поэт, переводчик и общественный деятель, сын военнослужащего, во время Великой Отечественной войны редактор газеты «За Радянську Україну», с 1958 г. главный редактор Украинской советской энциклопедии, секретарь Союза писателей СССР с 1967 г., академик АН УССР с 1951 г., в 1943–1948 гг. заместитель председателя Совнаркома (Совмина) УССР. Лауреат Государственных премий (1946, 1949).

¹⁶⁶ ПАНЧ (Панченко) Петр Иосифович (1891–1978) – сын чиновника, писатель, в 1941–1945 гг. ответственный редактор радиостанции «Советская Украина».

¹⁶⁷ МАНУИЛЬСКИЙ Дмитрий Захарович (1883–1959) – из крестьян, член РСДРП с 1903 г., активный участник социал-демократического движения, с 1917 г. на ответственных советских должностях, с 1918 г. наркомзем УССР, с 1922 г. в Коминтерне, в 1928–1943 гг. секретарь Исполкома Коминтерна, с 1944 г. заместитель председателя Совнаркома и нарком иностранных дел УССР, глава ее делегаций на всех первых сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, член ЦК ВКП(б) в 1923–1952 гг., член ЦИК СССР, с 1953 г. на пенсии.

единенных Наций. Он хорошо представлял там Украину, досаждал нашим врагам. О нем говорили: «Ревет, ревет украинский Медведь». Он действительно и голос имел «медвежий», и характер пробивной. Рассказывают, что (а был он раньше, кажется, заместителем начальника областного отдела здравоохранения то ли в Киеве, то ли в Харькове) на партийном собрании какая-то женщина выступает и говорит, указывая пальцем на Медведя: «Я этого человека не знаю, но по глазам его вижу, что он враг народа». Можете себе представить? Но Медведь (как говорится, на то он и Медведь) не растерялся и сейчас же парировал: «Я эту женщину, которая сейчас выступила против меня, в первый раз вижу и не знаю ее, но по глазам вижу, что она проститутка». Только употребил он слово более выразительное. Потом это стало анекдотом на всю Украину, передавали из уст в уста. Это и спасло Медведя. Если бы Медведь стал доказывать, что он не верблюд, не враг народа, а честный человек, то навлек бы на себя подозрение. Нашлось бы подтверждение заявлению этой сумасшедшей, сознававшей, однако, что она не несет никакой ответственности за сказанное, а наоборот, будет поощрена. Такая была тогда ужасная обстановка.

Возвращаюсь к моему приезду на Украину. Уехал Косиор. Проводили его довольно сухо. Не так, конечно, надо было провожать с Украины Косиора, проработавшего столько лет в ее партийной организации и столько сделавшего для создания партийной организации Украины. Каганович рассказывал мне еще до моего отъезда на Украину, что его приобщал к партийной работе как раз Косиор, читая лекции по политэкономии на Владимирской горке в Киеве: «Мы ходили, гуляли, наслаждались прекрасным видом на левый берег Днепра, и я слушал его. Фактически это были учебные курсы. Косиор читал во время этих прогулок лекции по политэкономии».

Григорий Иванович Петровский морально чувствовал себя в то время на Украине очень плохо. Я много слышал о Петровском еще до революции. Ведь Петровский был избран в Государственную думу от Екатеринославской губернии. За него голосовали рабочие Донбасса и Екатеринослава. Однажды до революции я был приглашен на собрание – воскресную сходку в степной балке; там должен был выступать Петровский. Я пошел, но сходка не состоялась. Полиция пронюхала о ней, и сочли, что не следует собираться. В Донбассе очень многое было связано с именем Петровского. Рудники, на которых я был секретарем райкома партии в 1925–1926 годах, назывались Петровскими. Они и сейчас так называются. Как раз в районе этих шахт тогда намечалась в степи сходка... Приближалось 60-летие Григория Ивановича. Но о нем сложилось мнение, что он не твердо стоит на позициях генеральной линии партии, поэтому к нему было отношение настороженное, да и у меня была такая настороженность. Шла она от Сталина. Я сказал Сталину, что приближается 60-летие Григория Ивановича и надо бы его отметить, поэтому хочу спросить, как это сделать? Он посмотрел на меня: «60 лет? Хорошо. Устройте в его честь обед у себя. Пригласите его с женой и членов его семьи, а больше никого». Так я и сделал. К тому времени у Григория Ивановича сложилось в семье очень тяжелое положение: его сына арестовали. Я знал его сына¹⁶⁸. Он командовал московской Пролетарской дивизией. Когда я работал в Москве, то выезжал на праздник этой дивизии в летние лагеря. Леонид Петровский считался тогда хорошим командиром. Зять Григория Ивановича (сын Коцюбинского)¹⁶⁹ был арестован и расстрелян. Дочь Петровского (жена Коцюбинского) жила у Григория Ивановича. Можно себе представить, какая обстановка сложилась в

¹⁶⁸ ПЕТРОВСКИЙ Леонид Григорьевич (1902–1941) – генерал-лейтенант с 1941 г., член РСДРП с 1916 г., участник Октябрьского вооруженного восстания 1917 г. в Петрограде, красногвардеец, с 1918 г. в Красной Армии. Он погиб в начале Великой Отечественной войны на Западном фронте. Репрессирован был (о чем упоминает Хрущев) в 1938–1940 гг.

¹⁶⁹ Сын КОЦЮБИНСКОГО Михаила Михайловича (1864–1913), писателя и революционно-демократического общественного деятеля, КОЦЮБИНСКИЙ Юрий Михайлович (1896–1937) – член РСДРП с 1913 г., входил в состав 1-го правительства Советской Украины, в 1918 г. главнокомандующий ее войсками, затем на государственной, дипломатической и хозяйственной работе, с 1934 г. председатель Госплана и заместитель председателя Совнаркома УССР. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

его семье, какое было самочувствие у Григория Ивановича и какое отношение к нему: сын сидит в тюрьме, зять расстрелян.

Мною был устроен обед на даче. Пригласили Григория Ивановича. Расселись: моя семья, его семья; посидели, выпили по рюмочке за его здоровье. Григорий Иванович, конечно, выглядел очень кислым, да и я не был веселым. Все прошло довольно формально, натянуто, Григорий Иванович очень быстро распрощался и ушел. Дачи наши находились рядом, в пяти минутах ходьбы одна от другой.

Позднее Сталин сообщил, что Григория Ивановича отзывают в Москву. Проводы были не такими, какие нужны были бы согласно положению. Формальные состоялись проводы. Мне потом рассказывали чекисты, что он всю дорогу очень волновался, особенно подъезжая к Москве, – видимо, ожидал ареста. А это могло случиться. Сталин все мог тогда сделать!

Выдвинули мы теперь других людей. Но эти выдвинутые нами люди были уже без дореволюционного прошлого, как бы без рода и племени, если говорить о революционной деятельности. Просто товарищи из партактива, почти что рядовые. Впрочем, тогда всех так выдвигали.

Еще скажу о Киевской парторганизации. Вторым секретарем Киевского обкома партии был тогда Костенко¹⁷⁰. При мне он был очень мало, его вскоре арестовали. Я удивлялся: простой человек, из крестьян-колхозников, зачем ему лезть в дружбу с врагами Советского Союза? Никак не мог я этого понять и решил с ним побеседовать. Поехал в НКВД. Привели его из камеры. Я его спрашивал, а он все подтверждал: «Вот такой-то и такой-то сотрудничали со мной в этом деле». Я ему: «А еще кто был с вами?» – «Больше никого не было». Ну и хорошо, я уже обрадовался, что где-то виден конец. Что он действительно враг народа, у меня не было уже сомнений, потому что он лично и в довольно спокойном состоянии подтвердил это. Нарком внутренних дел сказал, что он будет осужден к расстрелу.

В то время были случаи, когда перед расстрелом люди вдруг начинали давать показания на других лиц, и таким образом создавалась непрерывная цепь врагов. Я сказал: «Если Костенко станет еще на кого-то показывать, то прошу тогда его не расстреливать, а сохранить для того, чтобы разобраться в этом деле». Прошло какое-то время, и Успенский мне доложил, что Костенко расстрелян, но перед смертью упомянул Черепина, уже работавшего на месте второго секретаря Киевского областного комитета партии. Хороший такой человек, умница, прекрасно знал свое дело, да и сельское хозяйство, умел подойти к крестьянам. Впрочем, ему и приспособливаться не надо было, потому что он сам был из крестьян. «Почему же, – спрашиваю, – вы так сделали? Я же просил вас сохранить его, чтобы можно было обстоятельно с ним побеседовать. Сомневаюсь, что Черепин может состоять в каком-то заговоре. А теперь я не смогу ничего узнать, потому что того, кто показывал на него, нет в живых. Как же можно проверить?» Позвонил я Маленкову: «Товарищ Маленков, дают показания на Черепина, а я не верю, этого не может быть». – «Ну что же, не веришь, так пусть и работает».

Тогда это была большая поддержка со стороны ЦК в лице Маленкова: он «сидел на кадрах». Прошло день-два, и он звонит мне: «Знаешь, а все-таки, может быть, лучше всего передвинуть этого Черепина куда-нибудь? Кто его знает? Все может быть... Возможно, он действительно был завербован?» Ну что же делать? Пришлось его передвинуть. Я выдвинул его заместителем наркома сельского хозяйства по животноводству, и он работал хорошо, честно, преданно. Прошло еще какое-то время. Понадобился нам секретарь нового обкома партии. Я предложил сделать на Украине больше областей, но чтобы по объему они стали меньше – для лучшего охвата дел при руководстве. Выделили Сумскую область. Я позвонил Маленкову: «Все-таки сомневаюсь, что мы правильно поступили с Черепиным, он честный человек. Предлагаю Черепина выдвинуть секретарем обкома партии Сумской области». Маленков согла-

---

¹⁷⁰ КОСТЕНКО Юрий Михайлович (1905–1938), был и. о. второго секретаря Киевского обкома КП(б)У с декабря 1937-го по июнь 1938 г. В 1938 г. арестован и расстрелян. Посмертно реабилитирован.

сил, и тот работал там до самой войны. Когда началась война, от нас потребовались кадры для выдвижения членами военных советов соединений. Я назвал Черепина членом одного Военного совета для соединения, действовавшего в районе Одессы.

Война началась для Красной Армии плохо. Я узнал, что Черепин погиб при отступлении. Командующий был убит или застрелился, а Черепин пропал без вести. Считаю, что он тоже был убит. Генерал, командующий, был в военной форме, и немцы знали, что он командующий. Для поднятия духа своей армии они хоронили тогда с почестями своих врагов – наших генералов. Тот генерал тоже был похоронен с почестями, Черепин же исчез бесследно. Он закончил свою жизнь как преданный, верный сын Коммунистической партии, верный сын своего народа, своей Родины. А сколько таких людей было? Тысячи и тысячи!

Да, именно тысячи невинных людей были в те годы арестованы: и члены партии, и кандидаты в члены партии, и комсомольцы. Собственно говоря, вся руководящая верхушка страны. Думаю, что она была арестована и погибла в составе трех поколений руководителей, если не больше! Партийные органы были совершенно сведены на нет. Руководство было парализовано, никого нельзя было выдвинуть без апробации со стороны НКВД. Если НКВД давал положительную оценку тому или другому человеку, который намечался к выдвижению, только тот и выдвигался. Но и апробация со стороны НКВД никаких гарантий не давала. Имели место случаи, когда назначали человека, и буквально через несколько дней его уже не оказывалось на свободе, он арестовывался. Здесь тоже находились свои объяснения: появились дополнительные допросы такого-то врага народа, тот дал более обширные показания и показал на этого человека, который хорошо замаскировался и не был своевременно разоблачен, был выдвинут в руководство. Потом оказывалось, что он состоит в заговоре и тоже является врагом народа.

Конечно, это стандартное объяснение, но оно имело свою логику, потому что действительно какой-то арестованный давал показания. А на дававшего показания тоже кто-то раньше дал показания. И таким образом создавалась замкнутая цепь порочной практики руководства, которое становилось тем самым на путь как бы самоистребления. Так оно и было. Сегодня представитель какой-то партийной организации выступает и разоблачает арестованных ранее, а завтра и его самого уже нет, что тоже находило объяснение, дескать, он ретиво разоблачал, потому что сам был замешан и чтобы скрыть правду. Вот вам и объяснение!

Наиболее наглядным примером может послужить Фурер¹⁷¹. Фурер работал на Украине в 1920 году. Тогда я его еще не знал, потому что он человек столичный, городской, работал не то в Киеве, не то в Одессе, не то в Харькове, сейчас даже не знаю точно. Но это была громкая фамилия. А прогремела эта фамилия, когда я работал уже в Москве в 1930-х годах. Он был очень хорошим организатором, хорошим пропагандистом и хорошим рекламщиком, умел подать материал, сделать хорошую рекламу. Так, он «обставил» и подготовил выдвижение Никиты Изотова¹⁷². Я бы сказал, что и Изотова, и Стаханова¹⁷³ «родил» Фурер. Он организовал и собственноручно «обставил» выход ударника Изотова из шахты, встречу его общественностью с цветами, организовал печать и кино. Одним словом, сделал большую рекламу,

---

¹⁷¹ ФУРЕР Вениамин Яковлевич (1903–1937). В 1920–1935 гг. работал на разных должностях в Украине, в том числе в Горловке, где в 1933–1934 гг. был секретарем Горловского городского комитета партии. Последняя его должность зав. культурно-просветом московского областного комитета партии. В 1927 г., чтобы избежать ареста, застрелился, что, по словам очевидцев, раздосадовало Сталина, который в сердцах произнес: «Мальчишка! Застрелился и ничего не сказал!», т. е. не дал показаний.

¹⁷² ИЗOTOV Никита Алексеевич (1902–1951) – член ВКП(б) с 1936 г., забойщик горловской шахты № 1 «Кочегарка», выступил в 1932 г. инициатором изотовского движения – массового обучения молодых рабочих ударному труду кадровыми рабочими. Став затем участником стахановского движения, продолжал ставить рекорды по добыче угля с сентября 1935 г. С 1937 г. на руководящих постах в угольной промышленности, член ЦИК СССР.

¹⁷³ СТАХАHOV Алексей Григорьевич (1906–1977) – член ВКП(б) с 1936 г., забойщик кадиевской шахты «Центральная-Ирмино», установил 1 августа 1935 г. рекорд добычи угля, положивший начало стахановскому движению. С 1941 г. на административной и инженерной работе в угольной промышленности.

и Изотов действительно стал героем. Отсюда, собственно, и пошла пропаганда таких достижений. Следом появились и другие последователи Изотова.

Как-то, помню, Каганович спросил меня: «Вы знаете Фурера?» – «Знаю по газетам, а в жизни его не встречал». – «А я его знаю, он очень способный человек. Вот бы заполучить его к нам, в Москву». – «Мне неизвестно, как его заполучить, но если можно, то пожалуйста. Это был бы полезный человек для работы в Московской партийной организации». Каганович был тогда секретарем ЦК партии, так что для него желаемого добиться было нетрудно. Не знаю, почему он со мной тогда советовался. Видимо, хотел подготовить, чтобы я правильно понял намеченное назначение. И Фурер перешел работать в Москву. Он заведовал агитмассовым отделом, хорошо развернулся, а я был доволен. Его авторитет в городской партийной организации и в ЦК был высок. Вспоминаю, позвонил мне Молотов и спросил: «Как вы смотрите, если мы у вас возьмем Фурера? Мы хотим его назначить руководителем радиовещания». Отвечаю: «Конечно, Фурер будет, видимо, для такой работы хорош, только я очень просил бы его не забирать, потому что и у нас он работает на интересном, живом деле. Для Московской парторганизации это была бы исключительная потеря».

Молотов прекратил разговор, но я подумал, что он со мной не согласился. Ведь фактически я подкрепил его мнение, что если появляется хороший работник с периферии, то его надо выдвигать выше, на освобождающееся место. Так люди и должны продвигаться... Готовились мы к какому-то совещанию. Фурер попросил дать ему два или три дня для подготовки. Он хотел уехать за город, в дом отдыха «Осинки» в районе Химкинского водохранилища. Поработал он там; все было, как надо. Сталина и Молотова в то время в Москве не было, они отдыхали в Сочи.

В Москве находились Каганович и Серго Орджоникидзе. Я точно знаю это, потому что когда заходил к Кагановичу, то часто встречал у него Серго. Они нередко совещались по различным вопросам, готовили доклады Сталину. Во время процесса не то над Зиновьевым, не то над Рыковым, не то еще над какой-то группой я зашел к Кагановичу. У него был Серго, и я решил переждать в приемной вместе с Демьяном Бедным¹⁷⁴. Каганович узнал, что я пришел, сразу же сам вышел и предложил зайти в кабинет. Захожу. Демьяна Бедного тоже вызвали при мне. Ему было поручено выступить против этой «антипартийной группы» с басней или стихотворением, высмеивающим и осуждающим ее. Задание было дано раньше. Он приносил один вариант, затем второй, но все они оказались неприемлемыми. И тот вариант, с которым он пришел при мне, тоже не был приемлем, по мнению Кагановича и Серго. Его стали деликатно критиковать. Демьян, огромный, тучный человек, начал объяснять, почему басня не получается: «Не могу, ну, не могу. Старался я, сколько силился, но не могу, у меня вроде как половое бессилие, когда я начинаю о них думать. Нет у меня творческого подъема».

Я был поражен такой откровенностью. Демьян Бедный ушел. Я не помню сейчас, как реагировали Каганович и Серго, но, кажется, плохо на такое откровенное признание, что он чувствует бессилие и сравнил это бессилие с половым. Это значит, что у него существовало какое-то сочувствие к тем, кто находился на скамье подсудимых. Естественно, я тогда был не на стороне Демьяна Бедного, потому что верил в безгрешность ЦК партии и Сталина.

Возвращусь к Фуреру. Вдруг мне сообщают, что он застрелился. Я был удивлен. Как такой жизнерадостный, активный человек, молодой, здоровый, задорный, и вдруг окончил жизнь самоубийством? Сразу же забрали из дома отдыха его тело и документы, которые он должен был подготовить. Нашли очень пространное письмо, адресованное Сталину и другим членам Политбюро. Его самоубийству предшествовал арест Лившица¹⁷⁵. Лившиц был замести-

¹⁷⁴ БЕДНЫЙ Демьян (Придворов Ефим Алексеевич, 1883–1945) – поэт, баснописец и песенник, член РСДРП с 1912 г., активно служивший пером большевистской агитации.

¹⁷⁵ ЛИВШИЦ Яков Абрамович (1896–1937) – член партии эсеров с 1913 г., РСДРП с 1917 г., с 1919 г. в органах ЧК и ГПУ. С 1924 г. на хозяйственной работе, был заместителем управляющего харьковским трестом «Донуголь», начальником

телем наркома путей сообщения. Это был очень активный человек, чекист во время Гражданской войны. Я его по той поре не знал, но, говорят, он слыл очень активным работником. Когда-то он поддерживал Троцкого, но в годы, когда он являлся заместителем наркома, стоял, как считалось, на партийных позициях. Вопрос о троцкизме сошел со сцены и не являлся предметом диспута, это вообще был пройденный этап в жизни Лившица, осужденный и сброшенный со счетов. Но этот факт висел над Лившицем, а они были с Фурером большие друзья. Потом еще кого-то арестовали, тоже из группы, близкой к Фуреру и Лившицу.

Письмо Фурера было посвящено главным образом реабилитации Лившица. Видимо, этот документ сохранился в архиве. Автор очень расхваливал Лившица, что это честный человек, твердо стоит на партийных позициях, он не троцкист. Одним словом, в вежливой форме, не оскорбительной (потому что Сталину пишет) он хотел подействовать на Сталина, чтобы тот изменил свою точку зрения и прекратил массовые аресты. Фурер считал, что арестовывают честных людей. Автор заканчивал тем, что решается на самоубийство, так как не может примириться с арестами и казнями невинных людей. О Сталине он говорил там тепло. Вообще в письме он давал всем членам Политбюро довольно-таки лестную характеристику. Я привез это письмо Кагановичу. Каганович зачитал его при мне вслух. Он плакал, просто рыдал, читая. Прочел и долго не мог успокоиться. Как это так, Фурер застрелился? Видимо, он действительно очень уважал Фурера. Тут же Каганович сказал мне: «Вы напишите маленькое письмецо Сталину и разошлите его всем членам Политбюро». Я так и сделал. Несмотря на то, что при самоубийствах партийные организации отстранялись от похорон, Фурера хоронили именно мы, партийная организация, то есть Московский комитет.

Прошло какое-то время, приближалась осень. Сталин возвратился из отпуска в Москву. Меня вызвали к нему. Я пришел, совершенно ни о чем не подозревая. Сталин сказал: «Фурер застрелился, этот негодный человек». Я был поражен и огорошен, потому что считал, что Каганович в какой-то степени отражал оценку Сталина. Каганович буквально ревел навзрыд при чтении письма, и вдруг – такой оборот. «Он взял на себя смелость давать характеристики членам Политбюро, написал всякие лестные слова в адрес членов Политбюро. Это ведь он маскировался. Он троцкист и единомышленник Лившица. Я вас вызвал, чтобы сказать об этом. Он нечестный человек, и жалеть о нем не следует». Я очень переживал потом, что оказался глупцом, поверил ему и считал, что это искреннее письмо, что человек исповедался перед смертью. Он не сказал ничего плохого о партии, о ее руководстве, а написал только, что Лившиц и другие, кого он знал, – честные люди. Он своей смертью хотел приковать внимание партии к фактам гибели честных и преданных людей. Для меня это было большим ударом. Каганович же позднее не возвращался при разговорах к Фуреру. Фурер был стерт из памяти. Каганович, видимо, просто боялся, что я мог как-то проговориться Сталину, как он плакал. Собственно говоря, он-то мне и подсказал разослать тот документ членам Политбюро и Сталину.

Теперь скажу несколько слов об открытых процессах над Рыковым, Бухариным, Ягодой, Зиновьевым, Каменевым¹⁷⁶. Они сохранились в моей памяти крайне нетвердо. Я на этих заседаниях бывал всего раз или два. Один из процессов проходил в небольшом зале Дома союзов. Обвинителем был прокурор Вышинский¹⁷⁷. Не знаю, кто конкретно были защитниками, но они имелись. Там находились и представители братских партий и даже, кажется, представители

Южной, Северо-Кавказской и Московско-Курской железных дорог, с 1935 г. заместитель наркома путей сообщения СССР. Был арестован в 1936 г. и расстрелян в 1937 г. Реабилитирован посмертно.

¹⁷⁶ А.И. Рыков и Н.И. Бухарин были приговорены к расстрелу 13 марта 1938 г., Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев – 24 августа 1936 г. Г.Г. Ягода был расстрелян 15 марта 1938 г.

¹⁷⁷ ВЫШИНСКИЙ Андрей Януарьевич (1883–1954) – из дворян, член РСДРП (меньшевиков) с 1903 г., член РКП (большевиков) с 1920 г., юрист, после 1917 г. на общественной, административной, преподавательской и судебной работе, в 1925–1928 гг. ректор 1-го Московского университета, затем член коллегии Наркомпроса РСФСР, с 1931 г. в органах юстиции, с 1935 г. прокурор СССР, в 1939–1944 гг. заместитель Председателя Совнаркома СССР, в 1940–1949 гг. заместитель министра и в 1949–1953 гг. министр иностранных дел, далее постоянный представитель СССР в ООН; член ЦК ВКП(б) с 1939 г.

прессы буржуазных стран, но не утверждаю. Да это для моих воспоминаний и не столь важно, потому что все это было описано и в нашей печати, и в зарубежной. Я слушал допросы обвиняемых, был поражен и возмущен, что такие крупные люди, вожди, члены Политбюро, большевики с дореволюционным стажем, оказались связаны с иностранными разведками и позволяли себе действовать во вред нашему государству. Я хочу рассказать, как сам я воспринимал признания обвиняемых в то время. Когда Ягоду обвиняли в том, что он предпринимал шаги, чтобы Максима Горького поскорее привести к смерти, доводы были такие: Горький любил сидеть у костра, приезжал к Ягоде, и тот приезжал к Горькому, поскольку они дружили. Ягода разводил большие костры с целью простудить Горького, тем самым вызвать заболевание и укоротить его жизнь. Это было немного непонятно для меня. Я тоже люблю костры и вообще не знаю таких, кто их не любит. Здоровый человек просто сам регулирует костер. Горького ведь нельзя привязать к костру и поджаривать. Говорилось, что добились смерти Максима Пешкова, сына Горького, а потом и Горький умер, а Ягода играл здесь какую-то роль.

Мне по существу дела трудно было что-либо сказать. Я лишь жалел о смерти Горького и воспринимал приводимый довод несколько критически. Ягода же соглашался, что он преследовал такую цель, разжигая сильные костры. Помню, как прокурор задал Ягоде вопрос: «В каких отношениях были вы с женой сына Горького?» Ягода спокойно ответил: «Я попросил бы таких вопросов не задавать и не хотел бы трепать имя этой женщины». Прокурор не настаивал на ответе, после чего с этим вопросом было покончено.

Ясно, чем завершились все эти процессы, — страшными приговорами. Все эти люди были казнены, были уничтожены как враги народа. Так они и остались донине врагами народа. Остались потому, что уже после XX съезда партии мы реабилитировали почти всех невинных, но тех, кто проходил по открытым процессам, мы не реабилитировали, но не потому, что существовали доказательства вины. Тут имелись соображения другого характера. Мы спрашивали тогда прокурора: «Были ли реальные доказательства их вины для суда?» Никаких доказательств нет! А судя по тем материалам, которые фигурировали в деле этих людей, собственно говоря, они не заслуживали не только обвинения, но даже ареста. Прокурор Руденко так и докладывал членам Президиума ЦК партии в 50-е годы.

Почему же их тогда не реабилитировали? Лишь потому, что после XX съезда партии, когда мы реабилитировали многих несправедливо арестованных, на это бурно реагировали люди и внутри нашей страны, и за границей. Руководители братских компартий были обеспокоены, потому что это событие потрясло их партии. Особенно бурно проходили эти процессы в итальянской и французской компартиях. На тех судебных процессах, по-моему, присутствовали Морис Торез, Пальмиро Тольятти¹⁷⁸ и другие руководители компартий. Они сами слышали, сами видели, сами, как говорится, «щупали» и были абсолютно уверены в основательности обвинений. Обвиняемые признали себя виновными. Дело было доказано, и они возвратились к себе домой убежденными, хотя тогда на Западе, да и в Советском Союзе, эти процессы очень бурно обсуждались. Наши враги использовали их в агитации против компартий, против нашей идеологии, против нашей советской системы. Компартии защищались, доказывали нашу правоту, основательность этих процессов, писали, что все обосновано, все доказано фактами и признаниями самих подсудимых.

К нам обратились Тольятти (итальянская компартия) и Торез (французская компартия) с заявлением, что если будут реабилитированы и обвиняемые на тех процессах, которые проводились открыто, то создадутся невероятные условия для братских компартий, особенно для

¹⁷⁸ ТОРЕЗ Морис (1900–1964) – член французской компартии с 1920 г., член ее ЦК с 1924 г. и член Политбюро с 1925 г., генеральный секретарь ФКП в 1930–1964 гг., член Исполкома Коминтерна в 1928–1943 гг. и его Президиума в 1935–1943 гг. ТОЛЬЯТТИ Пальмиро (1893–1964) – член итальянской компартии с ее основания в 1921 г., член ее ЦК с 1922 г. и ее руководства с 1923 г., ее генеральный секретарь в 1926–1964 гг., член Исполкома Коминтерна с 1924 г., его Президиума с 1928 г., его Секретариата – с 1935 г.

тех, представители которых присутствовали в зале заседаний. Как очевидцы они потом докладывали своим партиям и доказывали, что процессы были проведены на основе твердых доказательств и юридически обоснованы. Мы договорились, что сейчас не будем их реабилитировать, но подготовим все необходимое для этого. Пусть даст заключение прокурор, и мы вынесем закрытое решение, что эти люди тоже являлись жертвами произвола. Мы не опубликовали свое решение по тем соображениям, которые я уже излагал, взяли, как говорится, грех на душу в интересах нашей партии, нашей идеологии, нашего общего рабочего дела. Ведь тех не вернешь к жизни! Мы не хотели фактом признания несостоятельности этих процессов вооружить своих врагов против братских компартий, против таких их руководителей, как Морис Торез, Пальмиро Тольятти и других, которые душой и телом преданы рабочему делу, настоящие марксисты-ленинцы.

Троцким и вопросом о его гибели мы не занимались. Мы не поднимали занавеса и даже не хотели этого. Мы вели с Троцким идеологическую борьбу, осудили его, были и остались противниками его идеологии, его концепции. Он нанес немалый вред революционному движению, а тем более и погиб не на территории СССР, погиб без суда и следствия.

В 1940 году наш агент подследил и убил его, кажется, в Мексике. За это агента наградили орденом. Поэтому мы данной стороны дела не касались.

Я говорю здесь только о зиновьевцах, бухаринцах, рыковцах, о Ломинадзе и других. Ломинадзе кончил жизнь самоубийством. Огромное количество людей с дореволюционным партстажем тогда погибло, почти все партийное руководство. Мне могут сказать: «Что ты, мол, говоришь, что взяли грех на душу и не опубликовали того факта, что открытые процессы тоже были несостоятельными, потому что в материалах не было доказательств? А как вообще обстояло дело с ними?» Считаю, что борьба с ними была правильной, потому что имелись идеологические расхождения, существовали разные точки зрения насчет практики строительства социализма, расхождения с зиновьевцами и с «правыми». Полагаю, что мы, то есть ЦК партии и Сталин, который был нашим вождем, вели борьбу правильно и что проводилась она партийными методами, путем дискуссий, путем обсуждения вопроса, голосованием в партийных организациях. Тут мы пользовались именно партийными, ленинскими методами. Может быть, и с той, и с другой стороны были допущены какие-то неточности и перегибы, это я допускаю. Но в основном борьба велась правильно и на демократической основе. А вот судить их не было нужды, да и не за что. Тут был прямой произвол, злоупотребление властью. Все это подтверждало предположение Ленина, что Сталин способен злоупотребить властью и поэтому нельзя держать его на посту генерального секретаря. Это доказало правоту Ленина, верность предвидения Ленина.

С другой стороны, если бы мы опубликовали правдивые материалы об открытых процессах, то это уже оказалось бы, пожалуй, абстрактной истиной: конечно, раз это случилось, то надо сказать правду безотносительно к тому, какой след оставит сказанное и какой вред будет нанесен коммунистическому движению. Ведь сделанного уже не воротить. Если же говорить, кому это было бы выгодно, то только нашим врагам, врагам социализма, врагам рабочего класса. А мы этого не хотели, потому и не поступили так. Основные же вопросы мы не побоялись поставить на XX съезде партии, опубликовали главное решение и сказали своему народу, своей партии и братским компартиям все, что нужно было сказать, чтобы восстановить честь и реабилитировать невинно загубленных по вине Сталина.

Да, мы не хотели, не думая о последствиях, сделать это в такой форме, когда материалы могли бы быть обращены против революционного движения, против нашей советской системы, против нашей партии, против рабочего движения. Считаю, что мы правильно рассуждали. Мы полагали, что пройдет какое-то время, когда все жившие отойдут, как говорится, в мир иной, и вот тогда такие документы могут быть опубликованы и должны быть реабилитированы все эти люди, потому что это были честные люди, преданные и очень ценные для СССР, но про-

сто имевшие какие-то другие взгляды. О многих из них Ленин отзывался очень лестно, хотя порой и критиковал их. Чтобы доказать правоту расправы над ними, кое-чем делается сейчас акцент на критике, которая была со стороны Ленина в адрес того или другого деятеля, и совершенно замалчиваются их добрые дела и лестные отзывы Ленина о них. Если взять, например, Бухарина – это был действительно любимец партии. Мое поколение воспитывалось на «Азбуке коммунизма»¹⁷⁹, написанной Бухариным по поручению Центрального Комитета партии. Это был почти официальный документ, по которому рабочие в кружках обучались реальной азбуке коммунизма. Книга так и называлась. Я уж не говорю, что в течение скольких-то лет Бухарин являлся редактором «Правды». Это был действительно редактор, это был идеолог. Его выступления: и устные доклады, и лекции, и выступления в печати против троцкистов и других врагов партии, – внесли очень большую лепту в нашу внутривнутрипартийную победу. А потом из него вдруг стали делать какого-то шпиона, доказывать, что он продавал территорию СССР. Сейчас это выглядит просто сказкой для малолетних, а в принципе – несостоятельная клевета.

Из этого-то я и исходил, когда мы договаривались в Президиуме ЦК партии о способе разбора упомянутых дел. Я, конечно, жалею, что мне не удалось завершить до конца разбор этих дел и сбор всех необходимых материалов. Мне докладывали о них, но в годы моего участия в руководстве страной мне не удалось завершить это. Ну, что ж, то, чего не сделал один, сделают потом другие. А если не другие, то третьи, потому что правое дело никогда не пропадает. Я считаю, что свой долг члена партии честно выполнил и в этом вопросе, насколько мог, сделал все, чтобы реабилитировать тех, кто невинно сложили головы, а на деле были безупречными членами партии и сами сделали для страны очень многое и во времена подпольной деятельности, и во время Гражданской войны, в самое тяжелое время после победы Великого Октября, и при строительстве социализма, восстановлении народного хозяйства, строительстве нашего пролетарского государства.

Хочу продолжить теперь рассказ о других фактах, чтобы показать механику подхода и мышление Сталина эпохи неудержимого реакционного разгула, культа его личности. Я хотел бы (это тоже очень доказательный случай) напомнить здесь о товарище Задонченко¹⁸⁰ (сейчас он больной человек). Я знал его по Бауманскому району столицы. Когда я в 1931 году был избран секретарем этого районного партийного комитета, он заведовал, по-моему, отделом культуры в райсовете. Вроде бы существовала тогда такая организация, сейчас нетвердо помню. Одним словом, я его знал, причем знал с хорошей стороны. Когда мы разукрупнили районы, то сделали их больше по численности, чем прежде, и он стал секретарем одного из райкомов партии в Москве, потом работал Председателем Совета Народных Комиссаров Российской Федерации, и работал там опять же хорошо. Туда он был выдвинут, когда меня уже не было в Москве.

Когда было решено взять Коротченко из Днепропетровска и выдвинуть его Председателем Совета Народных Комиссаров Украины, встал вопрос, кого же послать в Днепропетровск? Сталин считал, что туда нужен верный человек и крупный работник, потому что Днепропетровску всегда принадлежало высокое политическое и экономическое положение в стране. Кроме того, секретарем обкома партии там долгое время был Хатаевич, хороший организатор и умный человек. Мы тогда предложили: «Хорош был бы туда Председатель Совнаркома Российской Федерации товарищ Задонченко». Сталин знал Задонченко и согласился: «А что? Он станет неплохим секретарем обкома, давайте его возьмем». Послали его в Днепропетровск. Я считал, что он на своем месте, думал, что он доволен таким выдвижением по линии партийной работы. Но я ошибся: он переживал это событие, видимо, уже привык к более спокойной

¹⁷⁹ «Азбука коммунизма» – популярная работа социологического характера (М., 1920), широко использовалась в системе политического просвещения. Соавторы – Н.И. Бухарин и Е.А. Преображенский.

¹⁸⁰ ЗАДИОНЧЕНКО Семен Борисович (Зайончик Шимон Борухович, 1898–1972) – член РКП(б) с 1919 г., потом на партийной, советской и хозяйственной работе. Член ЦК ВКП(б) с 1939 г.

жизни. Не знаю, чем конкретно он занимался в Совнаркоме РСФСР. Наверное, легче перечислить, чем не занимался. Фактически всеми делами РСФСР занимался Совнарком СССР, а Задюонченко лишь повторял его решения, тут его права незаслуженно обкорнали. Но это уже другой вопрос.

Тем не менее Задюонченко работал в Днепронетровске хорошо, справлялся с делом. Он умный человек, хороший организатор, непоседа, некабинетный по складу человек. Однажды произошел непредвиденный случай. В Одессе проходила партийная конференция ЦК КП(б)У. В Одессу поехал Коротченко. Закончилась конференция, возвращается он и рассказывает, что к нему во время перерыва подошел какой-то товарищ, делегат конференции, и спрашивает: «Как поживает мой дядя?» Я его спрашиваю: «Какой дядя?» – «Задюонченко», – говорит. Посмотрел я на него, вроде бы внешне похож на еврея. Задюонченко же украинец. Какое же может быть кровное родство? «Задюонченко – это мой дядя, передайте ему привет». Фамилия того человека была Зайончик, кажется. Коротченко, вернувшись в Киев, рассказал мне об этом случае. В то время происходило бурное разыскивание всяческих родословных, чтобы не быть обманутыми, чтобы не затесались в наши ряды какие-то враги. Я и сказал: «Лучше всего спросить самого Задюонченко» – и попросил о том Бурмистенко¹⁸¹ (он старый знакомый Задюонченко). Поговорит с ним и скажет, что мы просим его откровенно обо всем рассказать. Это будет самое лучшее для него.

Бурмистенко его вызвал и провел с ним беседу. Бурмистенко был очень хороший товарищ, умел проявить деликатность в таких случаях. Затем пришел ко мне и говорит: «Наставляет, что он именно Задюонченко». Тогда мы посчитали своим долгом выяснить, чтобы не оказаться в дураках. Мы вообще не считали, что это какая-то клевета. Ведь Зайончик гордился своим дядей и передавал ему привет. Не имелось подозрений, что тут какой-то подвох для Задюонченко, который, дескать, скрывает свою национальность и тот факт, что когда-то он взял другую фамилию, чтобы спрятаться за ней. К этому вопросу подключили Наркомат внутренних дел. Впрочем, думаю, что тот раньше нас сам подключился, потому что тогда партийные работники больше зависели от органов НКВД, чем они от нас. Собственно говоря, не мы ими руководили, а они навязывали нам свою волю, хотя внешне соблюдалась вся субординация. Фактически своими материалами, документами и действиями они направляли нас туда и так, как хотели. Мы же, согласно сложившейся практике, обязаны были во всем доверять их документам, которые представлялись в партийные органы.

У НКВД это дело не потребовало больших усилий. Вскоре мы уже знали, что Задюонченко родился в местечке Ржищев Киевской губернии, около Канева. Отец его – кустарь-жестянщик, мать работала табачницей в Кременчуге, зарабатывала немного и была женщиной нестрогого поведения. Отец умер, потом мать заболела туберкулезом и тоже умерла. Задюонченко (тогда еще Зайончик) остался сиротой, его приютил какой-то ремесленник. Он воспитывался улицей, кормился у добрых людей. Так он рос. Тут грянули революция, Гражданская война. Дальше уже сам Задюонченко рассказывал, что мимо проходил какой-то кавалерийский отряд, и он увязался вслед. Красноармейцы одели его, обули, накормили и дали ему фамилию уже не Зайончик, а Задюонченко. Так ли это было, не знаю, не в этом суть. Одним словом, мы обо всем этом узнали.

Я несколько забежал вперед и расскажу про то, что мы узнали от самого Задюонченко. Вызвал я его и говорю: «Товарищ Задюонченко! Товарищ Бурмистенко с вами беседовал, вы все отрицали, а теперь мы все узнали. Зачем вы сами себе вредите? Знаем, что вы родились в городе Ржищеве (он стал уже городом), знаем про вашего отца и вашу мать, кто они и как кон-

¹⁸¹ БУРМИСТЕНКО. Михаил Алексеевич (1902–1941) – из крестьян, член РКП(б) с 1919 г., в 20-е годы находился на комсомольской, военной и журналистской работе, с 1932 г. второй секретарь Калмыцкого обкома ВКП(б), с 1936 г. в аппарате ЦК ВКП(б), с 1938 г. второй секретарь ЦК КП(б)У, с 1939 г. член ЦК ВКП(б), с 1941 г. один из организаторов партизанского движения на Украине и член Военного совета Юго-Западного фронта. Погиб в 1941 году под Киевом в окружении.

чили. Главное же, нет никакой нужды скрывать, что вы Зайончик, что ваш отец – ремесленник, а мать – рабочая». Он заплакал, начал просто рыдать: «Да, я не имел мужества рассказать сразу. Все это правда. А теперь не знаю, что со мной будет. Я раскаиваюсь, что скрыл это, но никакого злого умысла не имел. Скрыл же потому, что уже много лет живу как Задонченко и привык к этой фамилии, оторвался от фамилии Зайончик. Теперь я Задонченко, и даже моя жена не знает, что я еврей. Это удар для моей семьи, и я не знаю, как сейчас быть и что произойдет».

Я его успокоил: «Давно бы сказали, и ничего бы не случилось, а сейчас, конечно, дело сложнее потому, что подключился НКВД, и мы получили оттуда документы. Ступайте, возвращайтесь в Днепропетровск, работайте, никому ничего не говорите об этом, даже своей жене, ведите себя, как прежде, а я доложу в ЦК партии». Он был опытным человеком, кажется, уже тогда являлся членом ЦК партии и понимал ситуацию. Я сразу же позвонил Маленкову: этот вопрос кадровый и прежде всего касался Маленкова. Рассказал ему. Маленков очень хорошо знал Задонченко и с уважением относился к нему. «Это, – говорит, – надо будет рассказать Сталину. Когда появишься в Москве, сам это и сделай». Отвечаю: «Ладно».

Приехал в Москву. Маленков ничего не рассказал Сталину, но не удержался и сообщил Ежову (а может быть, Ежов узнал через Успенского, наркома внутренних дел Украины?). Одним словом, когда я приехал, Маленков меня предупредил: «Имей в виду, что Задонченко, по-твоему, – еврей, а Ежов говорит, что Задонченко – поляк». Тогда как раз было время «охоты» на поляков, в каждом человеке польской национальности усматривали агента Пилсудского или провокатора. Отвечаю: «Ну как же можно так говорить? Я точно знаю, что он еврей. Мы знаем даже синагогу, где совершался еврейский обряд при рождении мальчика». Я побывал у Сталина, рассказал ему. Он воспринял все довольно спокойно. Меня это ободрило. «Дурак, – сказал он по-отечески, – надо было самому сообщить, ничего бы не случилось. Вы не сомневаетесь в его честности?» Отвечаю: «Конечно, не сомневаюсь, это абсолютно честный человек, преданный партии. Теперь из него “делают” поляка». – «Пошлите их к черту, – говорит, – по рукам им надо дать, защищайте его». Отвечаю: «Буду защищать с вашей поддержкой»... Из-за такой невинной смены фамилии чуть не произошла беда с преданным партийцем. Не знаю, зачем он менял фамилию? Может быть, красноармейцы подшучивали над ним, как над еврейским мальчиком, а он хотел избавиться от этих неприятных шуток?

Иной раз действительно допускались неприятные шуточки в отношении евреев как среди русских, так и среди украинцев. Среди украинцев чаще случалось, но не потому, что украинцы – большие антисемиты, а потому, что рядом с украинцами жило евреев больше. Евреи чаще других занимались мелкой торговлей или ремеслом. Они чаще соприкасались с украинским трудовым людом, встречались на почве взаимного расчета, работали же рядом редко. В моей деревне еврея видели только тогда, когда тот ездил за пухом и перьями, выменивая их на конфеты, колечки, какие-то блестящие серьги. Одним словом, Задонченко сменил фамилию без всякой задней мысли, а тут уже сделали из него поляка. Ведь как с еврея с него ничего не возьмешь: известно, кто его отец и кто мать. Из него надо было «сделать» не еврея, а поляка; поляк – это иностранный агент, засланный Пилсудским. И уже протянулись руки за душой Задонченко. Я так пространно об этом рассказываю, чтобы люди поняли то время, в котором мы жили, и поняли наше положение, живших в то время, ту обстановку, которая сложилась. И вот в такой обстановке мы жили и трудились. Мы не только боролись с «врагами народа», но боролись и за выполнение планов, а планы выполнялись все (за исключением одного года из всех довоенных пятилеток). То был самый тяжелый, самый черный год для нашей партии, наших кадров, и именно в этот год план не был выполнен: 1937 год.

Посылая меня на Украину, Сталин предупредил: «Знаю вашу слабость к городскому хозяйству и промышленности. Хотел бы предупредить вас, особенно не увлекайтесь Донбассом, поскольку вы сами из Донбасса, а больше внимания обратите на сельское хозяйство, потому что для Советского Союза сельское хозяйство Украины имеет очень большое значе-

ние. Село у нас организовано плохо, а в промышленности кадры организованы лучше, и там, видимо, для вас не возникнет особых затруднений». Такой линии я и придерживался, хотя мне это было нелегко, потому что я чувствовал тягу к промышленности, а особенно к углю, машиностроению и металлургии. Но раз Сталин сказал про сельское хозяйство, то я стал больше заниматься сельским хозяйством, деревней, ездить по Украине, искать передовых людей, слушать их и учиться у них.

Мы выдвинули новые кадры, заполнили обкомы, облисполкомы и республиканские органы. В колхозах эти вопросы решались легче, хотя и колхозные кадры сильно поределели.

Прибыли мы с Бурмистенко на Украину в январе или феврале; пора готовиться к весеннему севу. На юге иной раз случаются такие ранние весны, когда полевые работы начинаются в феврале, а уж в марте – обязательно. Стали мы готовиться к посевной кампании и вдруг столкнулись с таким явлением: в западных областях (Каменец-Подольский, Винница, Проскуров, Шепетовка), граничащих с Польшей, налицо массовая гибель лошадей. Я послушал, что говорят в Наркомате земледелия, выехал на место, послушал тамошних жителей, долго разбирался, но ничего толком нельзя было понять. Лошади заболевали, быстро хирели и дохли. По какой причине, нельзя было определить. Определить невозможно было потому, что, когда комиссии с привлечением ученых, которые могли что-то сделать, разворачивали работу, их сразу арестовывали и уничтожали как вредителей, как виновников гибели лошадей.

Вспоминаю про такой случай в Винницкой области. Приехал я в какой-то колхоз, где погибло очень много лошадей, и стал спрашивать конюха, который, как мне сказали, сам видел, как «враги» травили лошадей. Он мне и говорит: «Я видел, как вот этот сыпал какое-то зелье, какие-то яды. Поймали его. Кем же он оказался? Ветеринарным врачом». Объясняли все это так. Эти области граничат с Польшей, и немцы через Польшу, да и сами поляки, делают все, чтобы подорвать наше колхозное хозяйство и лишить нас рабочего скота.

Действительно, немцы всю готовились к войне. В какой-то степени было логично лишить нас лошадей – ударить по экономике, по сельскому хозяйству и по военным возможностям, потому что лошадь в те времена – то же, что сейчас танки и авиация. Это был подвижной род войск. Мы еще жили событиями Гражданской войны и лошадям отводили большую роль в будущей войне. Тут и кавалерия, тут и обоз, без которого армия воевать не может. Поэтому объяснение гибели лошадей актом вредительства со стороны внешних врагов, которые сомкнулись с внутренним врагом, находило понимание в людях. Но я не мог до конца согласиться с таким объяснением. Почему же коровы и овцы не дохнут, а дохнут только лошади? Мне хотелось послушать ученых, ветеринарных врачей, зоотехников, но их ряды, особенно тех, кто занимался лошадьми, сильно поределели.

Спросил я наркома внутренних дел Успенского: «Есть ли у вас заключенные, которые обвиняются в травле лошадей?» – «Да, есть». – «Кто они такие?» Он назвал фамилии профессора Харьковского ветеринарного института и директора Харьковского зоотехнического института. Второй – украинец, первый – еврей. Я предупредил: «Я к вам приеду. Вы их вызовите к себе в кабинет. Не хочу в тюрьму к ним ехать, побеседую с ними у вас». – «Они, – отвечают, – сознались, могут вам про все рассказать». А перед этим я наркому сказал: «Если профессор травил лошадей, то пусть он нам скажет, каким ядом травил, и напишет химическую формулу яда». Я хотел потом на этой формуле составить яд и поставить контрольный опыт. Профессор дал такую формулу, и я приказал приготовить снадобье. Приготовили, положили лошадям в корм, они съели, но не пали и даже не заболели. Вот тогда-то у меня и зародилось желание лично поговорить с тем профессором.

Условились, и я приехал. Вызвали арестованных (по одному, конечно), первым – профессора, человека лет пятидесяти, седого. Спрашиваю: «Что вы можете сказать по этому поводу?» Он: «Я уже дал два показания и могу только подтвердить, что действительно мы немецкие агенты, имели задание травить лошадей и делали это». – «Как же так? Вы говорите, что тра-

вили лошадей, я попросил, и вы дали химическую формулу яда. Мы составили яд по этой формуле и дали животным, но они не погибли и даже не заболели». – «Да, – говорит, – это возможно, потому что к яду, который мы сами составляли, мы еще получали готовую добавку. Из каких компонентов она состояла и какова формула добавки, мы не знаем. Мы получали ее прямо из Германии». И человек это сам говорил! Знает, что я секретарь ЦК КП(б)У, видит, что я интересуюсь и даже как бы подсказываю, что его признания, с моей точки зрения, несостоятельны, потому что животные не погибают, а он не только не воспользовался этим, но все сделал для того, чтобы подтвердить показания и доказать правоту своих мучителей-чекистов, которые вынудили его дать ложные показания.

Я был просто поражен: сколько же развелось врагов! Но немыслимое дело: немцы – такие антисемиты, и вдруг еврей работает на антисемитов. Все это объяснялось классовой борьбой. Я закончил допрос. Следующим пригласили директора. Он тоже подтверждал, хотя и не так твердо, но подтверждал. Я понимал, что сознаваться в таких вещах – не шутка, и объяснял это тем, что они стараются найти возможность как-то облегчить свою судьбу раскаянием, чисто-сердечным признанием... Уехал я в Центральный Комитет, но меня не оставляла мысль, что что-то здесь все-таки неладно. Решил обратиться к Богомольцу¹⁸².

Я с большим уважением относился к президенту АН УССР, покойному ныне, Богомольцу. Очень интересная личность и крупный ученый. Как-то он мне рассказывал любопытный случай. Заполняя анкету, отвечал на вопросы: «Где родился?» Написал: «В Лукьяновской тюрьме». Потом рассказывал: «Моя мать и отец – народники, как раз были тогда арестованы и сидели в Лукьяновской тюрьме. Мать была беременной, я там и родился». Человек он был умный и очень хороший; беспартийный, но это только формальность, а вообще человек он был советский, прогрессивных взглядов. Вот его я и попросил: «Товарищ Богомолец, вы знаете, что гибнут лошади? Надо что-то предпринимать. Считаю, что нужно создать комиссию из ученых, чтобы они взялись за это дело и определили, в чем причина. Не может же быть, чтобы наука была бессильна и не могла определить причину гибели лошадей. Это же немыслимо в наш век. Я хочу, чтобы вы возглавили эту комиссию, потому что здесь во главе такой комиссии должен стоять доверенный человек, которому верили бы и на Украине, и в Москве. Вы как раз такой человек. Вам надо взять специалистов – зоологов и ветеринаров, которые могли бы работать на местах, выезжая в области, в колхозы, а вы должны председательствовать».

Я знал, что несколько комиссий уже было создано, но эти комиссии арестовывались, и люди гибли. Теперь все боялись входить в комиссии, потому что это предreshало судьбу людей. Богомолец согласился, но без энтузиазма. Я сказал ему: «Так как арестовывали комиссии, то люди боятся их, но если вы, президент Академии наук, будете председателем, специалисты пойдут охотнее. Я обещаю вам, что на все пленарные заседания буду приходить и сам слушать доклады ученых. Нарком внутренних дел Успенский тоже будет приходить, чтобы отрезать возможность обвинить в чем-либо членов этой комиссии». Он согласился. Я предложил: «Давайте составим две комиссии, которые будут работать параллельно. Если одной не удастся разобраться, то другая найдет».

Я преследовал цель выяснить, действительно ли действуют вредители. Поэтому если вредители и попадут в одну комиссию, то в другой окажутся честные люди. Кроме того, две комиссии, два вывода, два мнения. Нам, руководителям, легче будет разобраться в сложном специальном вопросе. Во главе одной комиссии поставили, кажется, профессора Добротько. Кто возглавил вторую, сейчас не помню. Объединял всю работу Богомолец. Согласовывали состав

¹⁸² БОГОМОЛЕЦ Александр Александрович (1881–1946) – патофизиолог, с 1911 г. профессор Саратовского университета, с 1925 г. профессор 2-го Московского университета, в 1928–1931 гг. директор Института гематологии и переливания крови, в 1930–1946 гг. президент АН УССР, академик АН УССР (с 1929 г.), БССР (с 1939 г.) и СССР (с 1942 г.), заслуженный деятель науки РСФСР с 1935 г., член ЦИК УССР и СССР, автор крупных трудов по эндокринологии, физиологии и геронтологии. Лауреат Государственной премии (1941).

комиссии с Наркоматом земледелия СССР. Тогда, по-моему, наркомом был Бенедиктов¹⁸³. Его я хорошо знал. Когда я работал в Москве, Бенедиктов являлся директором Московского овощного треста, а до того был директором Серпуховского совхоза, находился на высоком счету как организатор и как специалист-агроном. Я был одним из тех, кто способствовал его выдвижению на пост наркома земледелия. Наркомат предложил создать еще и третью комиссию, из московских ученых. Я ответил: «Пожалуйста, будем рады». Третью комиссию возглавил профессор Вертинский.

Все комиссии выехали в западные области Украины и развернули работу. Прошло некоторое время, и Добротько обратился к Богомольцу с просьбой вызвать их в Киев для доклада. Эта комиссия быстро закончила свою деятельность, потому что Добротько нащупал правильный путь и определил причину гибели лошадей. Он доложил, что вопрос сейчас совершенно ясен: лошадей никто не травит, а гибнут они в результате бесхозяйственности. В колхозах несвоевременно убирают солому из-под комбайнов, она остается на полях, попадает под осенние дожди, мокнет. Потом ее убирают сырой, в соломе от сырости развивается грибок, известный науке (насколько помню, называется он «стахиботрис»). Обычно в природе он рассеян и попадает в желудок животных в малой концентрации, так что они даже не болеют. При благоприятных же условиях – сырость, тепло – он размножается в больших количествах и начинает выделять смертельный яд. Лошадь, съев прелую солому, получает большое количество грибка и гибнет. На жвачных животных – коров и волов – грибок не действует. Закончил Добротько так: «Когда я пришел к такому выводу, то заразил себя этим грибком. У меня началась болезнь, похожая на лошадиную. Для меня вопрос теперь совершенно ясен».

Профессор Вертинский не подтверждал этого и считал, что изучение не закончено, что надо продолжить работу. Вертинский – московский профессор, Добротько – украинец. Это имело некоторое значение. Чтобы не сталкивать их, я предложил продолжить работу: «Разъезжайтесь опять, и когда сочтете, что вопрос уже окончательно выяснен, скажете. Мы вас тогда опять вызовем и послушаем». Разъехались. Прошло немного времени, и Вертинский сообщил, что он согласен с выводами профессора Добротько, что можно на этом закончить работу на местах и собраться на пленарное заседание. Собрались в Киеве, доложили. Вертинский полностью согласился с выводами Добротько. Добротько торжествовал. Он расшифровал причины гибели лошадей. Способ борьбы оказался очень простым – надо вовремя убирать солому, чтобы она не самосогревалась в сыром виде и исчезло главное условие для разрастания грибка. Мы проверили, все подтвердилось. Затем составили строгую инструкцию, как убирать солому, хранить ее и как скармливать скоту. Гибель животных прекратилась.

Сталину было известно, что на Украине идет травля лошадей и республика может остаться без рабочего скота. Поэтому, когда я приехал в Москву и доложил о результатах работы комиссий, он был очень доволен. Я предложил наградить людей. Профессора Добротько наградили орденом Трудового Красного Знамени. Он заслуживал и ордена Ленина, но в те времена орден Ленина давали очень скупое. Другим дали орден «Знак Почета» и медали. Я предложил и Вертинского (хотя он играл только роль катализатора: сам-то ничего не сделал, а лишь подтвердил выводы Добротько) тоже наградить орденом «Знак Почета». Ведь тогда еще имело значение, кто разобрался: Москва или Киев, украинцы или русские. И я считал, что москвичей обижать не надо.

¹⁸³ БЕНЕДИКТОВ Иван Александрович (1902–1983) – сын служащего, член ВКП(б) с 1930 г., аграрник, с 1931 г. директор треста овощеводческих совхозов Московской области, с 1937 г. нарком совхозов РСФСР, 1-й заместитель наркома земледелия СССР (1938 г., 1943–1946 гг.), нарком земледелия СССР (1938–1943 гг., 1946–1947 гг.), министр сельского хозяйства СССР в 1947–1955 гг., далее министр совхозов СССР, заместитель председателя Госэкономкомиссии СССР, министр сельского хозяйства РСФСР, заместитель председателя Госплана РСФСР, посол в Индии (1953 г., 1959–1967 гг.) и Югославии (1967–1970 гг.), член ЦК партии в 1939–1941 гг., 1952–1971 гг.

Это была не только хозяйственная победа – сохранение животных, но и политическая, моральная победа. Сколько председателей колхозов, животноводов, агрономов, зоотехников, ученых сложили головы как «польско-немецкие агенты», сколько их погибло! Я вспоминал потом о харьковском профессоре, о директоре института, которые тоже были расстреляны, и думал: «Как же так? Как же это могло быть? Люди, теперь всем ясно, не виноваты, а сознались?» Видимо, я тогда нашел этому какое-то объяснение, не помню, какое. Я не мог тогда и предположить, что это был враждебный акт со стороны органов НКВД, я и мысли такой не допускал. Небрежность? Да, небрежность могла быть. Органы эти считались безупречными, назывались революционным мечом, направленным против врагов.

Правда, когда Успенский был арестован, кое-что приоткрылось, но все это мы опять увязывали лишь с отдельными персонами и их злоупотреблением властью. Дело Успенского началось так. Однажды мне звонит по телефону Сталин и говорит, что имеются данные, согласно которым надо арестовать Успенского. Слышно было плохо, мне послышалось не Успенского, а Усенко¹⁸⁴. Усенко был первым секретарем ЦК ЛКСМУ, на него имелись показания, и над ним уже висел дамоклов меч ареста. «Вы можете, – спросил Сталин, – арестовать его?» Отвечаю: «Можем». – «Но это вы сами должны сделать», – и повторяет мне фамилию. Тут я понял, что надо арестовать не Усенко, а наркома Успенского. Вскоре Сталин звонит опять: «Мы вот посоветовались и решили, чтобы вы Успенского не арестовывали. Мы вызовем его в Москву и арестуем здесь. Не вмешивайтесь в эти дела».

Началась подготовка к посевной. Я еще раньше наметил поездку в Днепропетровск. Поехал я к Задиянченко, а перед отъездом сказал одному лишь Коротченко, что Успенский оказался врагом народа и его хотят арестовать. «Я уезжаю, а ты остаешься здесь, в Киеве. Время от времени находи какой-нибудь вопрос, но сугубо деловой, чтобы тебя не заподозрили, и позванивай Успенскому». Утром приехал в Днепропетровск, пошел в обком партии, и вдруг – звонок из Москвы, у телефона Берия. Берия в то время уже был заместителем наркома Ежова. «Ну, ты вот в Днепропетровске, – с упреком сказал он, – а Успенский сбежал». – «Как сбежал?» – «Сделай все, чтобы не ушел за границу!» – «Хорошо. Все, что можно сделать, сейчас сделаем. Закроем границу, предупреджу погранвойска, чтобы они усилили охрану сухопутной и морской границ». В ту ночь у нас стоял густой туман. Я сказал: «Ночь у нас была с густым туманом, поэтому машиной сейчас доехать из Киева до границы совершенно невозможно. Он туда не мог проехать». – «Тебе, видимо, надо вернуться в Киев», – посоветовал Берия. Я возвратился в Киев, поднял всех на ноги. Водолазы сетями и крючьями облазили весь Днепр и речной берег, потому что Успенский оставил записку с намеками, что кончает жизнь самоубийством, бросается в Днепр. Нашли утонувшую свинью, а Успенского не оказалось. У него остались жена и сын-подросток, но они ничего не смогли нам сказать. Видимо, сами не знали, куда подевался муж и отец. Мы продолжали искать бывшего наркома. Не помню, сколько прошло времени – месяц, два или три, и мне сказали, что поймали Успенского в Воронеже. Оказывается, он прямо из Киева отправился поездом на Урал, а с Урала приехал в Воронеж. Там он попытался где-то устроиться (или даже устроился), но был арестован.

Когда после бегства Успенского я приехал в Москву, Сталин так объяснял мне, почему сбежал нарком: «Я с вами говорил по телефону, а он подслушал. Хотя мы говорили по ВЧ и нам даже объясняют, что подслушать ВЧ нельзя, видимо, чекисты все же могут подслушивать, и он подслушал. Поэтому он и сбежал». Это одна версия. Вторая такова. Ее тоже выдвигали Сталин и Берия. Ежов по телефону вызвал Успенского в Москву и, видимо, намекнул ему, что тот будет арестован. Тогда уже самого Ежова подозревали, что и он враг народа. Невероятные

¹⁸⁴ УСЕНКО Степан Иванович (1909–1939) – с 1932 г. член ВКП(б), комсомольский работник. В 1937–1938 гг. – первый секретарь ЦК ЛКСМ Украины. С 1938 г. член ЦК КП(б) Украины и кандидат в члены Оргбюро ЦК КП(б) Украины. В 1938 г. арестован и в 1939 г. расстрелян. В 1955 г. посмертно реабилитирован.

вещи: враг народа – Ежов! «Ежовые рукавицы»! «Ежевика», как называл его Сталин. Из Ежова сделали народного героя, острый меч революции...

И вдруг Ежов – тоже враг народа? Но в то время он еще работал.

Тут же начались аресты чекистов. На Украине арестовали почти всех чекистов, которые работали с Ежовым. Вот тогда мне кое-что и стало понятно в деле с лошадьми. По этому вопросу какой-то следователь по особо важным делам приезжал тогда из Москвы в Киев, вел следствие. Я видел этого человека, когда я беседовал с профессорами: здоровый молодой человек лет тридцати пяти, сильный, большого роста. Он присутствовал, когда я вел эту беседу. Я сидел в конце стола сбоку. Успенский, как хозяин, уселся прямо в створе стола, профессор – напротив меня, а следователь – позади меня. Я потом сделал вывод, что, когда я беседовал, тот, наверное, кулаком жестикулировал профессору и «подбадривал» его подтвердить свои показания. Так он и сделал.

Потом этого следователя тоже арестовали и расстреляли. Таким-то образом, истязаниями и вымогательствами, вынудили честного человека сознаться в преступлениях, которых не было. Я уже говорил, что и самого преступления-то не было, потому что это был не акт со стороны наших врагов. Враги, конечно, делали все, что возможно, против нас, но тут как раз оказались ни при чем. Это был результат нашей расхлябанности в колхозах, простого невежества. Вот такая была обстановка. Сколько же тогда людей погибло! Успенский заваливал меня бумагами, и что ни бумага, то там враги, враги, враги. Он посылал мне копии, а оригиналы докладов писал сразу Ежову в Москву. Ежов докладывал Сталину, а я осуществлял вроде бы партийный контроль. Какой же тут контроль, когда партийные органы сами попали под контроль тех, кого они должны контролировать? Было растоптано святое звание коммуниста, его роль, его общественное положение. Над партией встала ЧК.

Украина – Москва (Перекрестки 30-х годов)

Теперь хочу рассказать о том, как Берия был выдвинут в Наркомат внутренних дел СССР первым заместителем Ежова. Берия работал в то время секретарем ЦК Компартии Грузии. Когда я работал в Москве, то у меня сложились с Берией хорошие, дружеские отношения. Это был умный человек, очень сообразительный. Он быстро на все реагировал и этим мне нравился. На пленумах ЦК партии мы сидели всегда рядом и перекидывались репликами по ходу обсуждения вопросов или о тех или других ораторах, как это всегда бывает между близкими товарищами. Я уже упоминал об этом раньше.

В 1934 году я отдыхал в Сочи. По истечении срока отдыха Берия пригласил меня возвратиться в Москву через Тифлис¹⁸⁵. Тогда Тбилиси еще называли Тифлисом. Я поехал пароходом в Батуми, а из Батуми – железной дорогой в Тифлис и пробыл там целый день. Потом купил билет в Тифлисе на Москву. Поезда тогда ходили из Грузии в Россию только через Баку. Я сказал проводнику, что займу свое купе на Северном Кавказе, в Беслане (так, кажется, называлась станция). Поехал Военно-Грузинской дорогой и в Беслане встретил поезд.

В Тифлисе я познакомился с грузинскими товарищами. Грузия произвела на меня хорошее впечатление. Я вспомнил былое, когда в 1921 году, во время Гражданской войны, был в Грузии вместе с воинскими частями. Наша часть стояла тогда на станции Аджамети под Кутаисом, а в Кутаисе находился штаб. Иной раз по долгу службы я ездил туда верхом, чаще всего от Аджамети до Кутаиса вброд через Риони. У меня сохранились хорошие впечатления от той поры, и мне было приятно вновь взглянуть на Грузию, вспомнить былое, 1921 год. Сталин называл меня в шутку «оккупантом», когда я рассказывал ему о своих впечатлениях насчет того, как грузины, особенно грузинская интеллигенция, плохо относились к Красной Армии. Мне приходилось иной раз выезжать в политотдел 11-й армии, штаб которой стоял в Тифлисе. Бывало, сидишь в вагоне вместе с грузинами моего же возраста, еще молодыми, обратишься к ним на русском, а они мне не отвечают, делают вид, что не понимают русского, хотя я видел, что это бывшие офицеры царской армии и хорошо владеют русским. Простой грузинский народ вел себя иначе. Крестьяне встречали нас всегда очень гостеприимно, обязательно угощали. Если случались какие-либо семейные торжества, устраивались обеды, по-грузински пышно. Наших красноармейцев, которые попадались им в такие часы, буквально затаскивали в дом, напивали и потом провожали в воинскую часть. Никогда не было ни одного случая насилия над красноармейцами, хотя возможности имелись: вокруг заросли кукурузы, кустарники, лес.

Когда я рассказывал об этом Сталину, он как бы возражал: «Что вы обижаетесь на грузин? Поймите же, вы оккупант, вы свергли грузинское меньшевистское правительство». – «Это, – отвечаю, – верно, я понимаю и не обижаюсь, а просто говорю, какая была тогда обстановка».

Теперь, во второй раз, познакомился я с Берией и другими руководителями Грузии. Кадры мне понравились, вообще люди очень понравились. Единственно то лишнее, рассказывал я Сталину, что чересчур гостеприимны. Очень трудно устоять, чтобы тебя не споили, нехорошо это. «Да, это они умеют, – отвечал Сталин, – это они умеют, я их знаю». В те годы сам Сталин выпивал еще весьма умеренно, и мне его умеренность нравилась.

Однажды, когда я был в Москве, приехав из Киева, Берию вызвали из Тбилиси. Все собрались у Сталина, Ежов тоже был там. Сталин предложил: «Надо бы подкрепить НКВД,

---

¹⁸⁵ Тбилиси именовался Тифлисом до 1936 г. И еще о Грузии: в феврале 1921 г. 11-я армия вступила через Баку в Тбилиси. В результате меньшевистское правительство пало, и Грузия, потеряв независимость, стала одной из республик Закавказской Федерации в составе СССР.

помочь товарищу Ежову, выделить ему заместителя». Он и раньше ставил этот вопрос, при мне спрашивал Ежова: «Кого вы хотите в замы?» Тот отвечал: «Если нужно, то дайте мне Маленкова». Сталин умел сделать в разговоре паузу, вроде бы обдумывая ответ, хотя у него уже давно каждый вопрос был обдуман. Просто он ожидал ответа Ежова. «Да, – говорит, – конечно, Маленков был бы хорош, но Маленкова мы дать не можем. Маленков сидит на кадрах в ЦК, и сейчас же возникнет новый вопрос, кого назначить туда? Не так-то легко подобрать человека, который заведовал бы кадрами, да еще в Центральном Комитете. Много пройдет времени, пока он изучит и узнает кадры». Одним словом, отказал ему. А через какое-то время опять поставил прежний вопрос: «Кого в замы?» На этот раз Ежов никого не назвал. Сталин и говорит: «А как вы посмотрите, если дать вам заместителем Берия?» Ежов резко встрепнулся, но сдержался и отвечает: «Это – хорошая кандидатура. Конечно, товарищ Берия может работать, и не только заместителем. Он может быть и наркомом».

Следует заметить, что тогда Берия и Ежов находились в дружеских отношениях. Как-то в воскресенье Ежов пригласил меня и Маленкова к себе на дачу, там был и Берия. Это случилось не раз. Когда Берия приезжал в Москву, то всегда гостил у Ежова... Сталин ответил: «Нет, в наркомы он не годится, а заместителем у вас он будет хорошим». И тут же продиктовал Молотову проект постановления. Молотов всегда сам писал проекты под диктовку Сталина. Как правило, такие заседания затем кончались обедами у Сталина. Я подошел к Берии, по-дружески пожал ему руку и поздравил его. Он незлобно, но демонстративно, хотя и тихо, послал меня к черту: «Ты что поздравляешь меня? Сам же не хочешь идти на работу в Москву». Это он намекнул на то, что Молотов просил, чтобы меня утвердили заместителем Председателя Совнаркома СССР. Сталин согласился с этим и уже сказал мне об этом. Но я очень не хотел такого назначения и начал просить Сталина не делать этого. Сталин вроде бы прислушался к моим словам. А я уговаривал: «Товарищ Сталин, дело идет к войне. Сейчас меня более или менее узнали на Украине, да и я узнал эту республику, узнал ее кадры. Придет новый человек, ему будет сложнее. Мне полезнее находиться сейчас на Украине, чем идти к товарищу Молотову, хотя товарищ Молотов много раз меня уговаривал идти к нему».

Молотов хорошо относился ко мне, высоко оценивая мою деятельность и в Москве, и на Украине. Он часто звонил в Киев и советовался по тому или другому вопросу. Например, когда назначали наркомом земледелия Бенедиктова, позвонил ко мне и спросил: «Как вы смотрите на это, вы же знаете Бенедиктова?» Отвечаю: «Знаю. Наркомом будет хорошим. Высокое, конечно, выдвижение сразу из директоров треста в наркомы, но это будет все же хороший нарком, знающий, умеющий работать и организовать дело». Или вот с Малышевым¹⁸⁶. Он был тогда главным инженером Коломенского паровозного завода. Я съездил в Коломну и после возвращения в Москву многое рассказал Сталину о Малышеве, поскольку он произвел на меня очень хорошее впечатление. Потом позвонил мне Молотов и поинтересовался: «Как вы посмотрите, если мы выдвинем Малышева наркомом машиностроения?» Отвечаю: «Очень хороший инженер. Считаю, что он будет также очень хороший нарком». Так случилось и по другим вопросам, связанным с людьми, которых я знал. Это свидетельствует о доверии и хорошем отношении Молотова ко мне. Я так это и расценивал. Да и Молотов тогда мне нравился, но идти в Совнарком СССР я не хотел.

Сталин согласился с моим аргументом насчет близости войны и сказал: «Ладно, пусть Хрущев остается на Украине». Когда я стал поздравлять Берия, именно это он мне и припомнил: «Как ты сам отбивался? Не хотел? А меня сейчас поздравляешь? Я тоже не хочу идти

¹⁸⁶ МАЛЫШЕВ Вячеслав Александрович (1902–1957) – сын учителя, рабочий, член ВКП(б) с 1926 г., с 1934 г. на инженерно-конструкторской работе, с 1939 г. нарком тяжелого машиностроения, в 1940–1944 гг. заместитель Председателя Совнаркома СССР, в 1941–1956 гг. нарком танковой промышленности, министр транспортного машиностроения, министр судостроения, министр транспортного и тяжелого машиностроения, министр среднего машиностроения, в 1947–1956 гг. заместитель Председателя Совета Министров СССР, член ЦК партии с 1939 г., в 1952–1953 гг. член Президиума ЦК КПСС.

в Москву, мне в Грузии лучше». – «Постановление уже есть и вопрос решен, – ответил я. – Ты теперь москвич, прощайся со своей Грузией».

Так был назначен Берия. Сталин при этом что-то надумал. Просто так он ничего не делал. Он, видимо, Ежову уже не доверял или же не то чтобы не доверял, а просто считал, что Ежов сделал свое дело и ему пора на покой, теперь нужно использовать другого. Тогда я думал, что Сталин хочет иметь в НКВД грузина. Он доверял Берии, а через Берию хотел проверить все дела Ежова. После назначения Берии в Наркомат внутренних дел я встречался с ним, приезжая в Москву. У меня опять сложились с ним хорошие отношения. Он мне рассказывал, что арестовывают много людей, и сетовал: где же будет край? На чем-то ведь надо остановиться, что-то предпринять, арестовывают невинных. Я соглашался с ним. У меня не имелось таких данных, но Берия – заместитель наркома внутренних дел, и я доверял ему и уважал его: вот честный коммунист, он видит, что допускались неправильные аресты, возмущается этим. Он и со Сталиным об этом говорил. Я знаю точно, хотя меня он убеждал, что у них об этом разговоров не возникало. Потом-то я понял, что это был хитрый ход: он рассказывал об этом Сталину, чтобы подставить ножку Ежову и самому занять место наркома.

Ежовым Сталин был уже недоволен. Тот сыграл свою роль, и Сталин хотел поменять на ходу лошадей, но продолжать ехать тем же курсом и осуществлять те же дела. Для этого ему нужны были другие люди. Раньше Ежов, заменяя Ягоду, уничтожил многие кадры, в том числе и чекистские, которые работали с Ягодой. Теперь Сталину (как я понял это после его смерти) понадобилось покончить с кадрами, которые выдвинулись при Ежове. Берия и предназначался для этого. А мы тогда считали: все дело в том, что он кавказец, грузин, ближе к Сталину не только как член партии, но и как человек одной с ним нации. Но у Сталина, как я потом сделал вывод уже после его смерти, имелись иные цели. А Ежов к тому времени буквально потерял человеческий облик, попросту спился. Он так пил, что и на себя не был похож. С ним я познакомился в 1929 году, во время обучения в Промышленной академии, и часто встречался с ним по делам академии. Она находилась в ведении ЦК партии, а в ЦК кадрами занимался как раз Ежов. Академия – кузница кадров, как тогда говорили, поэтому меня часто вызывали в ЦК к Ежову, и я всегда находил у него понимание. Он был простой человек, питерский рабочий, а тогда это имело большое значение, – рабочий, да еще питерский. Но под конец своей деятельности, в конце своей жизни, это был уже совершенно другой Ежов. Я думаю, так повлияло на него то, что он знал, что происходит. Он понимал, что Сталин им пользуется как дубинкой для уничтожения кадров, прежде всего старых большевистских кадров, и заливал свою совесть водкой.

Позднее мне рассказывали следующее. На последнем этапе его жизни и деятельности у него заболела жена. Она легла в Кремлевскую больницу, но уже было решено, что, как только она выздоровеет, ее арестуют. Сталин широко применял такой способ ареста. Через жен ответственных работников он старался раскрыть «заговоры», раскрыть «предательство» их мужей – ответственных работников. Жены ведь должны знать их секреты и сумеют помочь государству разоблачить врагов народа. Так были арестованы жены Михаила Ивановича Калинина, Кулика¹⁸⁷, Буденного, позже и жена Молотова Жемчужина¹⁸⁸. Я даже не знаю, сколько их было,

¹⁸⁷ КУЛИК Григорий Иванович (1890–1950) – участник Гражданской войны в составе 1-й Конной армии, далее занимал ряд высоких должностей, член ЦК ВКП(б) в 1939–1942 гг., с 1939 г. начальник Главного артиллерийского управления, с 1940 г. Маршал Советского Союза и Герой Советского Союза. В марте 1942 г., после ряда провалов и поражений, выявивших его неспособность руководить крупными массами войск, был понижен в звании до генерал-майора, но тем не менее командовал рядом армий. После войны арестован и расстрелян.

¹⁸⁸ ЖЕМЧУЖИНА (Карповская или Карпович) Полина Семеновна (1897–1970) – в 1936–1937 гг. начальник Главного управления парфюмерной, косметической, синтетической и мыловаренной промышленности Наркомпищепрома СССР, потом зам. наркома пищепрома и нарком рыбной промышленности, с 1939 г. начальник Главного управления текстильной промышленности. В 1949 г. арестована и осуждена к ссылке, в 1953 г. реабилитирована.

таких; наверное, огромное количество невинных женщин, которые пострадали за невиновность своих мужей. Все они были расстреляны или сосланы.

Жена Ежова стала выздоравливать и вскоре должна была выписаться, но вдруг умерла. Потом говорили, что она отравилась. Видимо, так это и было. Сталин и Берия рассказывали, что перед тем, как она отравилась, в больницу заходил Ежов, принес ей букет цветов. Это был условный знак – сигнал, что она будет арестована. Вероятно, Ежов догадывался и хотел устранить следы возможного разоблачения его деятельности. До чего дошло! Нарком – враг народа! Мы считали: раз она отравилась, то спрятала концы в воду и отрезала возможность разоблачить своего друга. Впрочем, независимо от того, отравилась она или нет, Сталин уже давно решил, еще когда выдвигал Берия заместителем Ежова, что Ежов – конченный человек. Ежов ему стал не нужен. Продолжение деятельности Ежова было не на пользу Сталину, и он хотел с ним рассчитаться.

Ежова арестовали. Я случайно в то время находился в Москве. Сталин пригласил меня на ужин в Кремль, на свою квартиру. Я пошел. По-моему, там был Молотов и еще кто-то. Как только мы вошли и сели за стол, Сталин сказал, что решено арестовать Ежова, этого опасного человека, и это должны сделать как раз сейчас. Он явно нервничал, что случалось со Сталиным редко, но тут он проявлял несдержанность, как бы выдавал себя. Прошло какое-то время, позвонил телефон. Сталин подошел к телефону, поговорил и сказал, что звонил Берия: все в порядке, Ежова арестовали, сейчас начнут допрос. Тогда же я узнал, что арестовали не только Ежова, но и его заместителей. Одним из них был Фриновский¹⁸⁹. Фриновского я знал мало. Говорят, что это был человек, известный по Гражданской войне, из военных, здоровенный такой силач со шрамом на лице, физически могучий. Рассказывали так: «Когда навалились на Фриновского, то Кобулов¹⁹⁰, огромный толстый человек, схватил его сзади и повалил, после чего его связали». Об этом рассказывали как о каком-то подвиге Кобулова. И все это тогда принималось нами как должное.

Считалось, что у нас есть внутренние враги, а начало их разоблачению было положено при аресте видных военных в 1937 году. Они сознались. Говорили, что командующий войсками Московского военного округа¹⁹¹, когда его вывели на расстрел и спросили, кому же он служил, – заявил, что служил немецкой армии и германскому государству, демонстративно сделал такое заявление перед смертью. Правда, казненный по тому же делу Якир в последние секунды жизни выкрикнул: «Да здравствует Сталин!» – после чего был расстрелян. Когда об этом передали Сталину, он его обругал: «Вот какой подлец, какой иуда. Умирая, все-таки отводит в сторону наше следствие, демонстрируя, что предан Сталину, предан нашему государству».

Началась деятельность Берии. Мясорубка работала так же, хотя отводящих от сути разговоров стало больше, именно со стороны Берии. При нас он Сталину ничего не говорил об осуждении репрессий, а по закоулкам часто рассуждал об этом. Он плохо говорил по-русски. Обычно так: «Очень, слышай, очень много уничтожили кадров, что это будет, что это будет? Люди же боятся работать». Это он говорил правильно. Сталин совершенно изолировал себя от народа и ни с кем не общался, кроме своего окружения. А Берия знал настроения людей, агентура у него была очень большая, такая, что даже трудно сказать, сколько было агентов. Наконец и Сталин сказал, что были допущены перегибы.

¹⁸⁹ ФРИНОВСКИЙ Михаил Петрович (1898–1940) – чекист с 1919 г., с 1930 г. председатель ГПУ Азербайджана, с 1933 г. начальник Главного управления погранохраны ОГПУ, с 1936 г. зам. наркома внутренних дел СССР и с 1937 г. первый его заместитель, с 1938 г. нарком Военно-Морского Флота СССР, в 1939 г. арестован, в 1940 г. расстрелян.

¹⁹⁰ КОБУЛОВ Богдан Захарович (1904–1953) – чекист с 1922 г., с 1938 г. зам. наркома внутренних дел СССР, с 1943 г. – зам. наркома госбезопасности СССР, в 1953 г. первый зам. министра внутренних дел СССР. Осужден и расстрелян по одному делу с Берией Л.П.

¹⁹¹ Войсками МВО тогда командовал командарм 1-го ранга (с 1935 г.) БЕЛОВ Иван Панфилович (1893–1938) – член Военного совета при народном комиссаре обороны СССР, один из героев Гражданской войны и видный строитель РККА. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

Однажды, не помню, по какой причине, Сталин заговорил со мной на эту тему. Видимо, потому, что и на меня имелись показания. Когда я приехал на Украину, там не было наркома торговли. Я с большим уважением относился к Лукашову. Лукашов работал начальником Управления торговли в Москве. Когда Бадаев¹⁹² заправлял кооперацией, Лукашов руководил отделом овощей. Очень деятельный и хорошо знающий свое дело человек. Торговля была тогда плохо поставлена, продуктов не хватало, требовалась большая изворотливость. Я спросил Сталина: «Товарищ Сталин, могу ли я пригласить из Москвы на пост наркома торговли УССР Лукашова?» Он лично его не знал, но слышал о нем от меня. «Хорошо, – говорит, – пригласите». Спросил же я потому, что когда переходил на Украину, то поставил перед собой задачу: никого из москвичей не брать, кроме тех, которых мне отобрал ЦК партии.

Поработал у нас Лукашов недолго и был арестован. Меня это очень смутило, потому что я просил его кандидатуру у Сталина. Раньше познакомился с ним в Москве и очень уважал его. И вдруг – Лукашов враг народа! Это для меня был моральный удар. Как же так? Я видел этого человека, доверял ему, уважал... Ну, что делать? Не помню, сколько времени Лукашов сидел, а потом мне вдруг сообщили, что Лукашова освободили. Приехал он в Киев, я его принял, поговорил с ним. «Да, – рассказывает, – освободили, невиновен я, честный человек. Прошу верить мне так же, как верили и до моего ареста. Хочу рассказать вам, что когда меня арестовали, то били нещадно и пытали. Ставили скамейки, на которых, расставив ноги, я должен был стоять, до предела раздвинув их. При малейшем шевелении меня избивали так, что я терял сознание и падал. И бессонницей томили, и другие методы пыток применяли. А знаете, чего от меня требовали? Чтобы я показал на вас, будто вы заговорщик, а я по вашему заданию ездил за границу для установления связи».

Действительно, был такой случай, когда я работал еще в Москве. У нас не хватало лука и других овощных культур, в стране не было семян, особенно лука. Не помню, кто тогда сказал, что эти семена можно купить в Польше и в других странах Запада, но нужна валюта. Я попросил Сталина дать валюту и разрешить послать Лукашова. Лукашов закупил семена, привез, и мы их посылали в те республики и тем хозяйствам, которые выращивали овощи для Москвы по договорам. Тут сработал такой же метод, как арест жен: арестовывали близких к ответственным людям сотрудников, вот и решили арестовать Лукашова, чтобы он сказал что-то обо мне. Лукашов оказался крепким человеком, отчего тогда и остался живым. Конечно, ему просто повезло. Он и сейчас жив, но уже инвалид на пенсии. Инвалидом же его сделали в тюрьме.

Я рассказал Сталину о случившемся с Лукашовым. Сталин же мне: «Да, бывают такие извращения. И на меня тоже собирают материалы».

Двух моих помощников в Москве тоже арестовали. Это я рассматривал как проверку меня лично. Один из них, Рабинович, – молодой хороший скромный человек. Другой – Финкель, тоже очень хороший человек, исключительной честности и скромности. Он занимался главным образом вопросами строительства, а сам по образованию был экономистом. Мне его порекомендовал Васильковский¹⁹³, редактор газеты «За индустриализацию». Это была газета Серго Орджоникидзе, наркома тяжелой промышленности. Сталин потом меня спрашивал: «Что, арестовали ваших помощников?» Отвечаю: «Да, хорошие были, честные ребята». – «Да? А вот они дают показания, сознались, что они враги народа. Они и на вас показывают, что фамилию вы носите не свою. Вы вовсе не Хрущев, а такой-то. Это все чекисты стали делать, туда тоже затесались враги народа и подбрасывают нам материал, вроде бы кто-то дал им показания. И на меня есть показания, что тоже имею какое-то темное пятно в своей революцион-

¹⁹² БАДАЕВ Алексей Егорович (1883–1951) – член РСДРП с 1904 г., участник революционного движения, депутат IV Государственной думы. С 1921 г. работал в потребкооперации, в 1937–1938 гг. нарком пищевой промышленности РСФСР, в 1938–1943 гг. Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР.

¹⁹³ ВАСИЛЬКОВСКИЙ Григорий Осипович (1903–1938), чл. партии с 1912 г. В 1924–1934 гг. зам. зав. эк. отделом «Правды». В 1935–1937 гг. редактор газеты «За индустриализацию». В 1937 г. арестован и в 1938-м расстрелян.

ной биографии». Поясню, о чем шла речь. Тогда, хоть и глухо, но бродили все же слухи, что Сталин сотрудничал в старое время с царской охранкой и что его побеги из тюрем (а он предпринял несколько побегов) были подстроены сверху, потому что невозможно было сделать столько удачных побегов. Сталин не уточнил, на что намекали, когда разговаривал со мной, но я полагаю, что эти слухи до него как-то доходили. Он мне о них не сказал, а просто заявил, что чекисты сами подбрасывают фальшивые материалы.

В Центре считали так: пришел Берия и расчистит обстановку. Действительно, пошли новые аресты чекистов. Многих я знал как честных, хороших и уважаемых людей. Был арестован Реденс, близкий к Сталину человек, поскольку оба были женаты на родных сестрах. Муж старшей, Анны, – Реденс, а младшая, Надежда, – жена Сталина. Реденс часто бывал у Сталина, и я не раз видел его за общим семейным столом Сталина, к которому тоже приглашался не раз. И вдруг он смещен с поста уполномоченного НКВД по Московской области и послан в Среднюю Азию, в Ташкент. Потом его арестовали и казнили. Арестовали и других. Яков Агранов¹⁹⁴, замечательный человек, твердый чекист. Раньше он работал в Секретариате у Ленина. Честный, спокойный, умный человек. Мне он очень нравился. Потом он был освобожденным по следствию, занимался делом Промпартии. Это действительно был следователь! Он и голоса не повышал при разговорах, а не то чтобы применять пытки. Арестовали и его и тоже казнили.

Берия завершил начатую еще Ежовым чистку (в смысле изничтожения) чекистских кадров еврейской национальности. Хорошие были работники. Сталин начал, видимо, терять доверие к НКВД и решил брать туда на работу людей прямо с производства, от станка. Это были люди неопытные, иной раз политически совершенно неразвитые. Им достаточно было какое-то указание сделать и сказать: «Главное, арестовывать и требовать признания», и все: они сразу же делали. Как я уже рассказывал о допросе Чубаря, следователь объяснял: «Мне сказали – бить его, пока не сознается, что он “враг народа”, вот я его и бил, он сознался». В НКВД пошли уже такие кадры. Потом стали брать туда на работу людей с партийных должностей. Машина была уже запущена, и среди партийных работников не имелось фактически человека, на которого не было бы показаний.

Помню, например, такой случай. Звонит мне Вышинский: «Товарищ Хрущев, нам нужны кадры, и я хочу выдвинуть своим заместителем Руденко, прокурора Луганской области». Руденко был на Украине на хорошем счету, и я слышал о нем. Поэтому я попросил не забирать его в Москву. Мы сами имели виды на его выдвижение на Украине. А потом сообщаю: «Вам, наверное, известно, что на Руденко есть довольно большой материал? На него показывали те враги народа, которые были арестованы и казнены. Вы знаете об этом?» Отвечает: «Знаю, но думаю, что это клевета». – «Я тоже думаю, что это клевета. Но выдвижение в Москву? Смотрите сами, как это будет расценено?»

Наверное, Вышинский струсил, и Руденко остался на Украине. Мы его выдвинули в прокуроры УССР с той оговоркой, что на него имеются показания и надо, мол, следить за ним. Потом он стал Генеральным прокурором Советского Союза и доньше работает в этой должности. Вот как были замазаны и оклеветаны многие честные люди. Я бы сказал тут, что люди, которые клеветали, тоже были в свое время честными, но их искалечили и физически и морально, заставив служить такому грязному делу и клеветать на собственных друзей.

Одним словом, работа по истреблению кадров продолжалась. И продолжалась она почти до самой смерти Сталина, только в разное время в разных масштабах. Украинское руководство,

¹⁹⁴ АГРАНОВ (Соренсон) Яков Саулович (1893–1938) являлся тогда секретарем Малого Совнаркома – постоянной комиссии Совнаркома для предварительного рассмотрения правительственных вопросов. При В.И. Ленине этот орган функционировал с 23 января (5 февраля) 1918 г. С 1919 г. Агранов – сотрудник ВЧК – ГПУ – НКВД, с 1934 г. первый заместитель наркома внутренних дел. Последняя должность – начальник Саратовского управления НКВД. В 1937 г. арестован и в 1938-м – расстрелян.

как партийное, так и советское, было уничтожено полностью: работники ЦК КП(б)У, секретари, заведующие отделами. Председатель Совнаркома УССР Любченко застрелился. Когда Косиора отозвали в Москву, то вдруг через какое-то время радиостанция, которая раньше носила имя Косиора, перестала называться прежним именем и стала именоваться просто Киевской станцией. Это был сигнал, что Косиора уже нет. Я и сам узнал только по этому сигналу, что Косиор арестован. А ведь он был заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров, то есть заместителем Молотова. Постышев был отозван с Украины и послан в Куйбышев. Там его арестовали и потом тоже уничтожили. Хатаевич, секретарь Днепропетровского обкома партии, работник высокого уровня, тоже был арестован. А ведь Сталин к нему относился с уважением. Помню, на одном из партийных пленумов он его назвал Чингисханом – за тот способ, каким Хатаевич, работая в Куйбышеве, запасся сахаром. В Куйбышеве не было сахара. Шел эшелон с сахаром в Сибирь и на Дальний Восток. Хатаевич велел отцепить для Куйбышева нужное количество вагонов и таким образом решил вопрос. Это было действительно нарушением государственной дисциплины. Сталин выступил: «У нас есть такие Чингисханы, которые не считаются с общими интересами государства, а делают то, что в интересах его провинции, вот Хатаевич такой». В Днепропетровске Хатаевич пользовался огромным авторитетом. Это был хороший трибун и хороший организатор. Затем – Прамнэк, из Донбасса, крупный работник. До него, по-моему, в Донбассе был Саркисян¹⁹⁵, тоже крупный работник, очень деятельный человек, много сделавший хорошего для Донбасса. Чернявский¹⁹⁶, секретарь Одесского, а потом Винницкого обкомов партии, тоже был уничтожен. Любченко до того, как кончить жизнь самоубийством, написал записку Чернявскому с просьбой, если что случится, не забыть его сына. У него был сын 15 лет. Когда арестовали Чернявского, то нашли записку и схватили этого мальчишку. Вот до чего доходило дело.

В Москве и Московской области уничтожили всех секретарей райкомов партии. Я сейчас перечислить не смогу их конкретно, но практически всех уничтожили. Я был особенно потрясен, когда арестовали Коган¹⁹⁷. Коган в партии с 1907 года, человек исключительной честности и благородства. Она занималась вопросами культуры. В дореволюционном подполье, в Киеве, Каганович брал уроки по политэкономии у Косиора и Коган. Какое-то время Коган была женой Куйбышева.

Сообщили, что она призналась во вредительстве. Но когда после смерти Сталина подняли ее дело, то узнали, что она ни в чем не созналась, а бросала контробвинения и называла фашистами тех, кто ее арестовал. Она была тоже казнена. Сойфер¹⁹⁸, секретарь Ленинского райкома партии г. Москвы, старый уже человек, член партии или с 1905, или с 1903 года. Когда арестовали секретаря Тульского обкома партии Седельникова¹⁹⁹, у нас взяли Сойфера

¹⁹⁵ САРКИСЯН Саркис Артемович (1898–1937) – член РСДРП с 1917 г., затем на партийной и хозяйственной работе, в 1933–1937 гг. 1-й секретарь Донецкого обкома КП(б)У, с 1933 г. член Политбюро ЦК КП(б)У. В 1937 г. арестован и расстрелян, реабилитирован посмертно.

¹⁹⁶ ЧЕРНЯВСКИЙ Владимир Ильич (1893–1939) – член РСДРП с 1911 г., участник Гражданской войны на Украине, партработник в Киеве, Полтаве, Виннице, Днепропетровске, Одессе, с 1930 г. секретарь ЦК КП(б)У, до 1937 г. кандидат в члены Политбюро ЦК КП(б)У. В 1937 г. арестован и в 1939-м умер в тюрьме, реабилитирован посмертно.

¹⁹⁷ КОГАН Евгения Соломоновна (1886–1937) – член РСДРП с 1907 г., в 1918 г. секретарь Самарского губкома РКП(б), далее на ответственной партийной и преподавательской работе, в 1930–1936 гг. секретарь Московского комитета ВКП(б), член Центральной ревизионной комиссии с 1934 г. В 1936–1937 гг. заместитель председателя Моссовета. В 1937 г. арестована и в 1938 г. расстреляна. В 1954 г. реабилитирована посмертно.

¹⁹⁸ СОЙФЕР Яков Григорьевич (1885–1938) – член РСДРП с 1907 г., после 1917 г. занимал различные административные и партийные посты. В 1933–1935 гг. – первый секретарь Ленинского райкома ВКП(б). В 1935–1938 гг. был первым секретарем Тульского горкома ВКП(б) Московской области, а после разделения в 1937 г. – первым секретарем Тульского обкома. В 1938 г. арестован и расстрелян. В 1955 г. посмертно реабилитирован.

¹⁹⁹ СЕДЕЛЬНИКОВ Алексей Иванович (1894–1937) – член РКП(б) с 1918 г., секретарь Тульского обкома ВКП(б) и с 1930 г. член Бюро МК ВКП(б), перед репрессированием работал управляющим трестом в Куйбышевской области. В 1937 г. арестован и расстрелян. Реабилитирован посмертно.

работать в Тулу. Послали мы туда Сойфера. И вдруг узнаю, что и Сойфер арестован. А ведь Сойфер – это в буквальном смысле слова партийная совесть, кристальной честности человек. И вдруг – враг народа? Арестовали Николая Алексеевича Филатова²⁰⁰, председателя Московского облисполкома, потом он был уполномоченным Контрольной комиссии по Ростову. И он был арестован и тоже уничтожен.

Кульков – старый московский деятель с подпольным стажем, выдвинутый секретарем горкома партии. Тоже арестован. Я сейчас уже и не смогу припомнить всех. Так поступали со многими москвичами. Сперва их выдвигали вместо арестованных «врагов народа» как опору, на укрепление партийных организаций, а потом, когда они туда приходили, вдруг мы узнавали, что и они арестованы. Так погиб Симочкин. Его выдвинули из Москвы в Иваново-Вознесенскую область, а там арестовали. А Марголин, ближайший друг Кагановича? Я его знал по Киеву, потом мы с ним учились в Промышленной академии. Он был выдвинут вторым секретарем Московского комитета партии в то время, когда я был первым секретарем. Затем его взяли в Днепропетровск на укрепление местной парторганизации после ареста Хатаевича и там уничтожили. Набралась бы огромная книга, если лишь перечислить всех партийных работников, казненных в те годы.

Я почти не касаюсь здесь военных работников, потому что их я знал хуже. Из них я хорошо знал только Якира и командующего войсками Московского военного округа Белова. Военные тогда от нас, партийных работников, стояли далековато, мы с ними, даже с командующим войсками МВО, общались редко. Лишь когда возникали какие-то вопросы у военных, они обращались ко мне. У меня же к ним никогда вопросов не возникало. Правда, я знал Векличева, тоже военного. Он был ближайшим другом Якира, а когда появлялся в Москве, то заходил ко мне, так как мы с ним были знакомы по Киеву. Он работал в Политуправлении Киевского военного округа в месяцы, когда я работал заведующим Киевского окружного комитета партии. Векличев был из донбасских шахтеров, прошел Гражданскую войну и носил на петлице ромбы. По-моему, у него было три ромба. Тоже был арестован и уничтожен.

Потом появился документ, по-моему, письмо ЦК ВКП(б) парторганизациям СССР. В том письме описывалась борьба с врагами народа, излагались факты извращения этой борьбы; говорилось, что враги народа залезли в чекистские органы и много уничтожили преданных кадров. Теперь все запуталось, и трудно было разобраться, что к чему. Главное же для меня заключалось в том, что именно Сталин все это запутал. В некоторых случаях, например в деле высших военных кадров, он действительно верил, что эти военные – враги народа, завербованные гитлеровской Германией, которые готовились Гитлером к предательству, когда гитлеровская армия нападет на Советский Союз. Превозносилось и ставилось в заслугу Сталину, что он сумел разоблачить это. Потом уж узнали, что это очень просто было придумано. Такой метод известен в истории: подбрасывают документы своим врагам, указывая среди них на лиц, которые якобы связаны с чужой разведкой, чтобы руками врагов расправиться с наиболее талантливым руководством армии или других служб. Подобным провокационным методом вообще широко пользуются разведки. Наша разведка тоже пользовалась этим методом против врагов. Такой метод весьма действен. Я уже говорил, каким образом разведка Гитлера подбросила документы Сталину (по-моему, через Бенеша²⁰¹, президента Чехословацкой Республики). Этого оказалось достаточно, и невинные люди были казнены.

²⁰⁰ ФИЛАТОВ Николай Алексеевич (1891–1939) – член РСДРП с 1912 до 1938 г., после 1917 г. на партийно-административной работе, в 1930–1934 гг. секретарь райкома ВКП(б) в Москве, с 1934 по август 1937 г. председатель Мособлисполкома. В октябре – ноябре 1937 г. председатель исполкома Воскресенского райсовета в Горьковской области. В ноябре 1937 г. арестован и в марте 1939 г. расстрелян. В 1956 г. реабилитирован посмертно.

²⁰¹ БЕНЕШ Эдуард (1884–1948) – в 1918–1935 гг. министр иностранных дел Чехословакии, далее до 1938 г. и с 1946 г. ее президент.

И вот состоялся Пленум ЦК партии. На нем обсуждались провокационные методы работы НКВД и была принята соответствующая резолюция: прекратить! Закончился Пленум, на местах резолюцию изучили, а методы остались те же: пресловутые «тройки». Без суда и следствия людей арестовывали, допрашивали и судили одни и те же лица. Прокурор был низведен до уровня самого последнего ничтожества. Он не имел никакого влияния и не мог следить за законностью судопроизводства, ареста и прочего. Обстановка осталась такой, которая позволяла Берии то, что до него делал Ежов.

Сам Берия после этого Пленума часто говорил, что с его приходом необоснованные репрессии были приостановлены: «Я один на один разговаривал с товарищем Сталиным и сказал: где же можно будет остановиться? Столько-то партийных, военных и хозяйственных работников уничтожено». Но и после этого Берия продолжал прежнее, только не в таких масштабах, как раньше. Да и не имелось уже никакой нужды, потому что к тому времени Сталин насытился своим произволом и сам, видимо, несколько испугался последствий. Он теперь хотел сдерживать репрессии и предпринимал к тому некоторые меры. Но и он не мог остановиться, потому что боялся врагов, им же самым выдуманных. Вот я говорю – выдуманных, но могут найтись умники и сказать: «Что же, врагов не было?» Нет, враги были. С ними мы воевали, врагов уничтожали. Но это надо делать дозволенными, государственными методами, методами суда и честного следствия, а не просто ворваться в дом, схватить за шиворот человека и тянуть его в тюрьму, а там бить, выбить из него показания и, основываясь на таких показаниях, не подтвержденных ничем другим, судить его. Вот это и есть произвол. Я решительно против этого.

Помню первые дни революции. Правда, жил я в таком месте, где у нас не было особых проявлений контрреволюции, если не считать выступлений вождя донского казачества атамана Каледина²⁰². Там очень просто было разбираться, где враг, а где друг. Вредительство же, может быть, и существовало, но не было заметно. Да и без него все равно в промышленности был полный развал. Потом – Гражданская война. Она тоже разграничила людей и упростила борьбу. Кто с кем, где белые, а где красные, сразу видно. Сама жизнь провела классовое разграничение. Имелись враги и в тылу, и с ними боролись. То была борьба, необходимая для защиты революционных завоеваний, защиты революционного пролетарского государства.

И вдруг в период, когда и с Промпартией покончили, и коллективизацию провели, и когда исчезла даже оппозиция внутри партии и наметилось полное и монолитное единство партийных рядов и трудового народа в СССР, вот тогда-то и началась буквально резня. Это уже не классовый подход. Во имя класса, во имя победы и закрепления победы пролетариата рубили головы, и кому? Тем же рабочим, крестьянам и трудовой интеллигенции.

С приходом Берии на пост наркома внутренних дел и устранением Ежова первый свалил массовые аресты и казни на голову Ежова. Но что раньше было сделано в Грузии? Когда я приехал в Грузию после смерти Сталина, то тех работников Грузинской ССР, с которыми я познакомился в 1934 году в Тбилиси, никого, по-моему, уже не было в живых. После ареста Берии в 1953 году какой-то грузин прислал из ссылки письмо в ЦК партии на мое имя. Он описывал, что сделал Берия по уничтожению кадров в Грузинской ССР и как он через трупы своих друзей пробивался к власти. Берия – это опасный враг, который втерся в абсолютное доверие к Сталину. Не знаю, чем он очаровал Сталина.

Мне трудно объяснить все действия Сталина, его побуждения. Порою он высказывал трезвые суждения об арестах и несколько раз осуждал их в разговорах со мной с глазу на глаз. Но ничего не менял. И чего он добился этими арестами? Уничтожил преданные ему лично кадры, а на их место пришли проходимцы, карьеристы типа Берии. Разве они надежнее?

²⁰² КАЛЕДИН Алексей Максимович (1861–1918) – генерал от кавалерии с 1916 г., атаман Донского казачьего войска и лидер восстания на Дону после Октябрьской революции. После отказа казаков в поддержке окончил жизнь самоубийством.

Чего он добился уничтожением Серго Орджоникидзе, который был его ближайшим другом? Несмотря на это, он уничтожил кадры Наркомата тяжелой промышленности, который возглавлялся Орджоникидзе, те кадры, которым Серго верил. Казнил родного брата Серго, затем стал подозревать самого Серго и довел его до самоубийства.

Наиболее, на мой взгляд, близкий человек к Сталину был тихий и спокойный грузинский интеллигент Алеша Сванидзе²⁰³, брат жены Сталина, грузинки, которая давным-давно умерла. Я ее, конечно, не знал. Алеша часто бывал у Сталина, я его не раз там видел. Было заметно, что Сталину очень приятно вести беседы с Алешей. Чаще всего они говорили о Грузии, ее истории, ее культуре. Не помню, какое образование имел Сванидзе, но человек он был культурный, начитанный, был другом детей Сталина. Дядя Алеша, как его звали, часто ночевал у Сталина. И вдруг Алеша становится врагом народа, значит, и врагом Сталина. Ведь Сталин и народ – нераздельны. Когда я узнал об аресте Сванидзе, то просто ахнул. Как же так? Человек не вызывал никакого сомнения, и он мог тоже оказаться врагом народа? Но Сванидзе все же стал им в глазах Сталина и был арестован. Следствие кончилось тем, что его осудили на расстрел. Сталин все-таки колебался. Ему было трудно признать, что Алеша Сванидзе дружил с ним столько лет – и вдруг враг Сталина, враг партии, враг народа? Сталин потом часто возвращался к этой теме: как же так, Алеша – и вдруг шпион? (Его представили, кажется, английским шпионом.) Как заблагорассудится Берии, такая и создавалась версия. У Сталина появились обоснованные сомнения. Он спрашивал Берию: «В представленных мне материалах пишут, да и Алеша сам признался, что был шпионом и должен был меня отравить. Так он же мог сделать это совершенно спокойно. Много раз ему это было доступно, он у меня не раз ночевал. Так почему же он не сделал этого? Может быть, он все же не шпион?» Берия давал такое объяснение: «Товарищ Сталин, шпионы бывают разные, с разными заданиями. Бывают такие шпионы, которые много лет не проявляют себя, втираются в доверие и живут около людей, которых нужно будет уничтожить в определенное время. Алеша Сванидзе – как раз такой агент, который должен не проявлять себя, а, наоборот, держаться тихо. Когда он получит сигнал, тогда и осуществит задуманное».

Конечно, в принципе такие агенты имеются, потому что тактика разведки многообразна. Разведка пользуется всеми доступными методами, чтобы навредить своему противнику. Но к Сванидзе этот шаблон явно не подходил. Сталин в конце концов согласился на казнь Алеши. И все-таки у него, видимо, оставались какие-то сомнения. Он говорил Берии: «Вы скажите от моего имени, что если он покается и все расскажет, то ему будет сохранена жизнь». Через какое-то время Берия докладывает, что Сванидзе расстрелян; ему перед расстрелом передали то, что сказал Сталин, он выслушал и ответил: «А мне не в чем каяться. В чем же я могу покаяться, если я честный человек, ничего не сделал против партии, против народа, против Сталина? Я просто не вижу, в чем я должен каяться». Его расстреляли. Сталин потом говорил: «Вот какой Алеша, смотри! Такой интеллигентный, мягкотелый, а какую твердость проявил. Даже не захотел воспользоваться возможностью остаться в живых с условием покаяться. Не покаялся. Вот какой человек».

В чем Сталин был искренен, не знаю. Сванидзе же был умным человеком и ясно понимал, что если он покается, то его все равно ждет смерть, но несколько позже, и он просто не захотел пятнать свое доброе имя коммуниста.

Очень близким человеком к Сталину, к которому он питал большое уважение, был партийный вождь абхазского народа Лакоба²⁰⁴. Ему Сталин полностью доверял. Лакобу, когда он

²⁰³ СВАНИДЗЕ Алексей Семенович (1886–1941) – член РСДРП с 1903 г., занимал ряд государственных постов в наркоматах просвещения, иностранных дел, финансов СССР. Автор работ по истории Дальнего Востока. В декабре 1937 г. арестован, в августе 1941-го – расстрелян, реабилитирован посмертно.

²⁰⁴ ЛАКОБА Нестор Аполлонович (1893–1936) – из крестьян, член РСДРП с 1912 г., после 1917 г. боролся за советскую власть в Закавказье, в 1921 г. председатель ревкома Абхазии, с 1922 г. председатель Совнаркома Абхазии, с 1930 г. предсе-

приезжал в Москву, всегда видели у Сталина, или на квартире, или на даче. Когда Сталин уезжал в Сочи, то Лакоба, собственно, жил не в Сухуми, а в Гаграх или в Сочи, около Сталина. Лакоба был хороший бильярдист. Он приезжал со своим кием, располагался у Сталина, как у себя дома, и со всеми играл без проигрыша. Это был человек болезненный, глухой. Я не столь близко стоял к Лакобе, но мы с ним тоже поддерживали хорошие отношения. Я даже помню, что, когда раз отдыхал не то в Гаграх, не то в Сочи, он пригласил меня, и я ездил к нему на дачу, а он в свою очередь приезжал ко мне с женой и сыном. Потом он умер. Умер, ну и умер. Все люди могут умереть, без исключения. Но вот что интересно: потом я узнал, что когда Лакоба умер и о том доложили Сталину, то он хоть и пожалел, но не особенно. Его никакая смерть не огорчала, даже самых близких людей.

Спустя какое-то время вдруг Берия создает дело уже на мертвого Лакобу: якобы тот был заговорщиком. Я сейчас не помню, какие конкретно факты приводились в доказательство того, что он заговорщик, что хотя он и умер, но жалеть его нечего. И что же сделал Берия? Он приказал выкопать труп Лакобы, сжечь его и по ветру развеять пепел: врагу народа нет места даже в земле Абхазии! Когда я получше узнал Берия после войны, то подумал, что Берия выкопал труп Лакобы, не только руководствуясь личной ненавистью к нему. Он прятал концы в воду, видимо, опасаясь, что у Сталина может возникнуть идея приказать выкопать труп и сделать анализ, чтобы узнать, отчего же все-таки умер Лакоба? Может быть, он отравлен? Думаю, что Берия боялся этого, хотя и Берия, и Ежов очень хорошо с такими делами справлялись. У них имелись врачи, которые по их заданию подменяли человеческие органы и подставляли либо отравленные, либо же, если нужно – неотравленные, чтобы доказать желаемое: относительно того, кого они действительно отравили, представить дело так, что тот умер естественной смертью. Тут у них и возможности, и опыт были богатейшие. И вот еще какую низость и преступление совершил Берия: мальчик, сынок Лакобы, тоже был расстрелян по повелению Берии. Что побуждало Берия убить Лакобу? Лакоба стал очень близким к Сталину, ближе, чем Берия, и мог информировать о делах в Грузии помимо Берии, мог рассказать о деятельности Берии в Грузии. А этого Берия не хотел допустить. Он хотел, чтобы единственным каналом информации о положении в Грузии был он сам. Так Лакоба пал жертвой. Это мое личное умозаключение. Я могу только строить предположение на основе интуиции, каких-нибудь вещественных доказательств не имею.

Или история с Жемчужиной. Жемчужина – жена Молотова, но известна она была не как жена Молотова, а как видный сам по себе человек. Она и сейчас жива, но находится на пенсии (в ту пору, когда это записывалось. – С. Х.). Когда она была молода и трудоспособна, то работала как активный член партии, руководила парфюмерной промышленностью (ТЭЖЭ, кажется, назывался этот трест). Потом она стала наркомом рыбной промышленности. Волевая женщина. Я с ней много раз сталкивался, когда работал секретарем Московских городского и областного партийных комитетов. Она на меня производила впечатление хорошего работника и хорошего товарища. И что было приятно – никогда не давала чувствовать, что она не просто член партии, а еще и жена Молотова. Она завоевала видное положение в Московской парторганизации собственной деятельностью, партийной и государственной. Сталин относился к ней с большим уважением. Я сталкивался с этим, когда мы встречались. Несколько раз Сталин, Молотов, Жемчужина и я были вместе в Большом театре, в правительственной ложе. Для Жемчужиной делалось исключение: жены других членов Политбюро редко бывали в правительственной ложе, рядом со Сталиным. Правда, иногда оказывалась там жена Ворошилова Екатерина Давыдовна, но реже Жемчужиной. На грудь Жемчужиной сыпались ордена, но все по справедливости и не вызывали каких-либо разговоров.

Вдруг, я и сейчас не могу ничем объяснить это, на Жемчужину был направлен гнев Сталина. Не помню, в чем ее обвинили. Помню только, как на Пленуме ЦК партии (я тогда уже работал на Украине) был поставлен вопрос о Жемчужиной. С конкретными обвинениями в ее адрес выступил Шкирятов²⁰⁵ – председатель Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). Шкирятов – старый большевик, но Сталин обратил его в свою дубинку. Он слепо, именно слепо, делал все так, как говорил Сталин, и как тот следователь, который вел следствие по делу Чубаря, вытягивал своими иезуитскими методами признания в несуществующих преступлениях. Иногда Сталин нуждался в том, чтобы Комиссия партийного контроля разобрала дело и уж потом исключила из партии обвиняемого, подтвердив, так сказать, подозрения. После этого его сейчас же хватали в приемной Шкирятова и волокли, куда следует. А там была уже предreshена расправа. И сколько таких было! Погибли тысячи людей!

Жемчужина выступила на Пленуме в свою защиту. Я восхищался ею внутренне, хотя и верил тогда, что Сталин прав, и был на стороне Сталина. Но она мужественно защищала свое партийное достоинство и показала очень сильный характер... Голосовали за вывод ее из состава Центральной ревизионной комиссии ВКП(б), не то из состава кандидатов в члены ЦК. И все, конечно, голосовали единогласно за предложение, которое было сделано докладчиком. Воздержался один Молотов. Позднее я часто слышал упреки Молотову и прямо в лицо, и за глаза: осуждали его как члена Политбюро и члена ЦК, который не поднялся выше семейных отношений, до высоты настоящего члена партии, не смог осудить ошибки близкого ему человека.

Этим дело не кончилось. Посыпались всяческие «материалы». Сталин применял низменные приемы, стремясь ущемить мужское самолюбие Молотова. Чекисты сочинили связь Жемчужиной с каким-то евреем-директором, близким Молотову человеком. Тот бывал на квартире Молотова. Вытащили на свет постельные отношения, и Сталин разослал этот материал членам Политбюро. Он хотел опозорить Жемчужину и уколоть, задеть мужское самолюбие Молотова. Молотов же проявил твердость, не поддался на провокацию и сказал: «Я просто не верю этому, это клевета». Насчет «сочинений», писавшихся органами НКВД, он лучше всех, видимо, был информирован, поэтому вполне был уверен, что тут документы сфабрикованы. Говорю здесь об этом для того, чтобы показать, что даже такие приемы были использованы. Одним словом, все средства были хороши для достижения цели, в данном случае для устранения Жемчужиной. Уже после войны ее репрессировали, о чем я расскажу позже. Но это уже другой вопрос, и о нем я несколько лучше информирован.

Чтобы яснее был обрисован портрет Сталина, хотел бы еще рассказать о Николае Алексеевиче Филатове, московском пролетарии, портном, члене партии с 1912 или с 1914 года. Мы познакомились с ним, когда я работал в Москве секретарем Бауманского райкома ВКП(б), а он был секретарем, по-моему, Ленинского райкома. Когда я стал секретарем городского партийного комитета, Филатов был выдвинут на пост секретаря Московского областного парткома. Я хорошо знал его. Это был высокий, красивый мужчина, носивший маленькую французскую бородку. Мы сталкивались не только по работе, но и жили на даче, в одном доме в Огарево: я на верхнем этаже, Кульков (секретарь городского партийного комитета) там же, на лестничной площадке, Булганин – внизу, а напротив Булганина – Филатов. Мы встречались и за завтраком, и за обедом, и вместе отдыхали.

Сталин хорошо относился к Филатову. Филатов имел слабость, как мы тогда считали, всегда ходить с фотоаппаратом. Во время демонстраций на Красной площади он обязательно появлялся с фотоаппаратом и фотографировал демонстрацию, членов Политбюро, членов пра-

²⁰⁵ ШКИРЯТОВ Матвей Федорович (1883–1954) – рабочий, член РСДРП с 1906 г., после 1917 г. на советской и профсоюзной работе, с 1921 г. в аппарате ЦК партии и Наркомате РКИ, с 1934 г. член Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), в 1939–1952 гг. зам. ее председателя и с 1952 г. ее председатель, член ЦК ВКП(б) с 1934 г. В 1952–1953 гг. член Президиума ЦК КПСС.

вительства и, конечно, Сталина. Сталин, бывало, шутил: «Вон Филатов пришел, сейчас начнет фотографировать». Филатов улыбался и сейчас же действительно начинал фотографировать. Все к этому привыкли. Потом его послали в Ростов уполномоченным Комиссии партийного контроля по Северо-Кавказскому краю. Это был очень большой пост по тем временам, но вдруг Филатов был арестован и канул в вечность... Итак, это все люди, которых Сталин знал лично и относился к ним, казалось бы, хорошо, доверял им – и вдруг они уничтожены! Какие к тому имелись причины? Разве Филатов стал врагом народа? По каким побуждениям? Этот московский пролетарий прошел до революции школу подпольной борьбы, потом прошел школу Гражданской войны, школу строительства нового, социалистического государства, из самых низов был выдвинут партией на довольно высокий пост. Можно ли говорить о каких-то его личных слабостях, о тщеславии? Наверяд ли.

Какие же побуждения к измене могли возникнуть у него? Не было таких побуждений. Так отчего же погиб Филатов, как сотни и тысячи других людей? Причина одна и та же. Свое мнение об этом сообщу ниже.

Хочу еще записать, как создавались такие дела. Наверное, тогда шел 1939-й или конец 1938 года. Поехал я в Донбасс. Меня тянуло в родные края, где я провел детство и юность. Захотелось встретиться со своими друзьями, с теми, с кем я работал на заводе Боссе, на рудниках: Успенской, Подшелковке, Горшковском, Пастуховке, 11-й шахте, 31-й шахте, Вознесенке. Там прошло мое детство. 6-летним привез меня отец в Донбасс из деревни. И детство, и юность свои провел я в Донбассе. Спустился я в шахту, вспомнил былое, прошелся по выработкам, побывал в забое, поговорил с забойщиками, послушал их беседы, потом вышел из шахты, и чекисты со мной, конечно. Один из них (забыл его фамилию), работавший в Сталинской области, производил впечатление интересного, умного, интеллигентного человека, по происхождению, видимо, из служащих. Он и докладывал мне по всем вопросам.

Со мною был там и Щербаков, одно время выдвинутый в Донбасс, а потом его перевели в Москву, после ареста секретаря Московского областного и городского партийного комитета Угарова²⁰⁶, который шел в Москву вместо меня, когда меня выдвинули на Украину. Раньше Угаров, сам он ленинградец, был секретарем городского комитета партии в Ленинграде, где работал еще с Кировым, а потом со Ждановым. На меня Угаров производил очень хорошее впечатление. Когда я работал в Москве, мы с ним и перезванивались, и соревновались. Соревнование было чисто дружеское. Он просто нравился мне, этот Угаров. Все было хорошо, избрали Угарова в столицу, вдруг звонит мне Сталин: срочно приезжайте, у нас неблагополучно с Москвой. Приехал. Он сказал мне, что Угаров оказался врагом народа, хозяйство в Москве запущено, Москва остается (а уже шла осень) без картофеля, без овощей. Когда я был руководителем Москвы, то этот вопрос мы решили успешно и Москву достаточно обеспечили и картофелем, и капустой, и другими овощами. Правда, не в широком ассортименте, но по тогдашнему уровню нашей жизни элементарными продуктами, то есть тем, к чему привыкли трудящиеся, мы обеспечивали.

Председателем Моссовета был тогда, по-моему, Сидоров²⁰⁷. При мне, когда я являлся руководителем Московской организации, он работал директором одного Московского молочно-животноводческого треста. Сидоров был неплохим человеком, но это – попутное замечание, нужное мне просто для ассоциативной памяти. Сталин сказал мне: «Бросайте все на Украине, ничего там не случится, у нас Москва в отчаянном положении. Вы будете назначены уполномоченным ЦК партии по Москве и не уедете до тех пор, пока не создадите нуж-

²⁰⁶ УГАРОВ Александр Иванович (1900–1939) – член РКП(б) с 1918 г., затем на советской и партийной работе, в 1934–1938 гг. второй секретарь Ленинградского горкома ВКП(б), в 1938 г. первый секретарь МК и МГК ВКП(б). В 1938 г. арестован и в 1939 г. расстрелян, реабилитирован посмертно.

²⁰⁷ СИДОРОВ Иван Иванович (1897–1938) – в 1937–1938 гг. председатель Московского городского Совета. В 1938 г. арестован и расстрелян, посмертно реабилитирован.

ные запасы картофеля и овощей на зиму для столицы». Странный, пожалуй, был разговор. Но странности я адресую уже к Молотову, который спросил меня: «Когда вы уехали из Москвы, то поддерживали с нею связи?» Отвечаю: «Нет, никаких». – «А почему?» – «У нас такой порядок: если ушел из данной парторганизации, то всякие связи с нею прекращаются, чтоб не мешать новому руководству. Связь должна поддерживаться не с отдельными лицами, а с ЦК». – «Угаров оказался врагом народа. Если бы вы были связаны с Москвой, то, может быть, мы скорее узнали бы и разоблачили его». – «Мне, – отвечаю, – из Киева труднее разоблачать московских, вам ближе. Если уж говорить о том, кто должен отвечать персонально из членов Политбюро, то официально записано, что за Москву отвечает Жданов. Он секретарь Ленинградского обкома, он секретарь ЦК. К тому же он является секретарем горкома партии Ленинграда, так что за Москвой было кому наблюдать. Считаю, что претензии ко мне неосновательны». Вот тоже интересный подход, понадобилось найти виновника, который допустил, что Угаров стал врагом народа, хотя он никаким врагом народа не был, да и не мог быть.

После звонка Сталина пошел я на свое прежнее место в Московском обкоме партии и начал делать все, чтобы обеспечить выполнение задания. Опыт у меня был большой: я уже познал Украину, а Украина являлась крупным поставщиком овощей. Кроме того, я знал московские кадры. Быстро нажал на нужные рычаги и сделал все, что можно было сделать в то время года. Мы обеспечили поставки овощей, в Москве я просидел тогда примерно полмесяца. Провели мы и пленум обкома партии. Сталин сказал: «Вы проведете пленум и освободите Угарова от его должности» (тот не был еще арестован). Задал я вопрос: «Кого же избрать?» Сталин долго думал, ходил, рассуждал вслух, прикидывая: «Щербакова».

Раньше Щербаков секретарствовал в Сибири, в каком-то обкоме²⁰⁸. Когда я прибыл на Украину, его послали в Донбасс, на усиление. «Придется, – говорит Сталин, – забрать у вас Щербакова». – «Если нужен, берите. Только на него тоже есть показания. Враги народа показали на него: показания такие, которые вроде бы заслуживают доверия. Как же с ним быть?» Сталин опять ходил, ходил, думал, а потом говорит: «Давайте так. Проведем все-таки Щербакова, но к Щербакову надо послать вторым секретарем московского человека, которого бы мы хорошо знали, и ему надо сказать, что имеются материалы о том, что Щербаков связан с врагами народа, и предупредить, чтобы он следил за ним. Если что покажется подозрительным, пусть скажет об этом в ЦК». А кого вторым? Спросили Маленкова. Тот ответил: «Попова».

Тогда Попов²⁰⁹ работал у Маленкова в отделе кадров. Кажется, его заместителем. Я познакомился с Поповым, поговорил с ним доверительно: вот, мол, идете вы в Московский обком. ЦК вам доверяет, но и вы, с другой стороны, должны быть глазами ЦК, наблюдающими за Щербаковым. Щербаков работал в Москве и раньше: был первым секретарем Союза писателей СССР во времена Максима Горького. Что-то у него с Горьким тогда, насколько я помню, не вышло, Горький был против Щербакова, потому что тот вмешивался в конкретные дела писателей, и его послали секретарствовать в Ленинград, затем в Сибирь и Донецк. Пленум прошел хорошо. Избрали Щербакова. А в Донбассе, по-моему, выдвинули мы местного человека, который работал при Щербакове вторым секретарем обкома партии.

Возвращаюсь к Донбассу. Познакомился я с деятельностью шахт и заводов, с кадрами, проехал по старым своим местам, вспомнил былые времена, когда я был там рабочим и потом уже партийным работником. Решил съездить в Горловку. Мне сказали, что в Горловке неблагополучно с секретарем райкома партии. Сказал я тогда начальнику местного НКВД: поеду туда

²⁰⁸ В Иркутском обкоме ВКП(б).

²⁰⁹ ПОПОВ Георгий Михайлович (1906–1968) – из служащих, член ВКП(б) с 1926 г., в 1928–1938 гг. сотрудник Московского центрального института труда, затем в аппарате ЦК ВКП(б), в 1938–1945 гг. 2-й секретарь Московского горкома ВКП(б), в 1944–1950 гг. председатель исполкома Моссовета, в 1945–1949 гг. 1-й секретарь МК и МГК ВКП(б), секретарь ЦК ВКП(б), с 1951 г. министр городского строительства, сельскохозяйственного машиностроения СССР, директор ряда заводов (в 1953–1954 гг. посол в Польше) до 1965 г., далее пенсионер.

и сам посмотрю, побеседую с человеком. Приехал. Секретарь райкома мне незнаком. «Материалы» на него есть. Мне их показали, и начальник НКВД не сомневался, что и тут недобитый враг, остаток разгромленной заговорщической организации. Его арестовали, когда я приехал в Горловку. «Оперативность» уже была очень большой. Через несколько часов появился протокол первого допроса, и тот человек уже сознался: показывает то-то и то-то; тот, кто его завербовал, вот он; и кто был с ним вместе, и пр. Тогда функционировали три секретаря райкома: первый, второй и третий. Первый показывает, что второй и третий тоже завербованы вместе с ним. «Ну, как же это так?» – спрашиваю начальника НКВД. «Да вот, знаете, так-то и так-то», этаким христосиком прикидывается, но ставит вопрос об аресте и второго секретаря. Арестовали и его. Через какое-то время читают мне протокол допроса. Я обратил внимание на то, что формулировки признаний первого секретаря и второго в их преступлениях сходятся почти слово в слово, да и записал их один и тот же следователь. Говорю: «Как может быть столь дословное совпадение? Ведь следователь допрашивал их отдельно?» – «Знаете, ведь дело одно, да и следователь один, писал шаблонно». Это оказалось для меня каким-то штрихом, который посеял сомнения. Впрочем, тут уже вопрос оформления дела, составления протокола, а по существу я поверил, что человек сознался. Они оба показали на третьего секретаря Гаевого²¹⁰. Посмотрел я его биографию: местный рабочий, все его тут знают. Говорю: «Давайте соберем райком». Созвали заседание райкома партии. В состав райкома входили люди довольно почтенного возраста. Я сказал: «Товарищи, первый и второй секретари (начальник НКВД может доложить более подробно) оказались связанными с врагами народа». Главным «врагом народа» тогда в Донбассе числился бывший секретарь обкома Прамнэк. Им-то и была якобы создана враждебная нашему государству организация. Его к тому времени уже арестовали. И тогда эти члены райкома, старики, стали выступать так: «Товарищ Хрущев, тех (первого и второго секретарей райкома) мы не знаем, они люди приезжие, были присланы к нам, но Гаевой вырос в нашем поселке. Мы его знали еще тогда, когда он без штанов бегал, и родителей его знаем. Это наш человек, и мы за него ручаемся». Говорю: «Хорошо. Раз вы ручаетесь, то начальник НКВД, находящийся здесь, еще раз проверит, и Гаевого никто не тронет, но под ваше поручительство». Гаевой остался на свободе. Спустя какое-то время он был выдвинут вторым секретарем Сталинского обкома партии, а потом, кажется, даже первым. Может быть, я сейчас недостаточно последовательно все излагаю, и случай с Гаевым произошел еще до Щербакова, потому что, по-моему, именно Щербаков выдвигал Гаевого в секретари обкома. Но дело не в нем, а в его коллегах. Такими методами создавались «враги народа». И вышестоящие партийные организации, и руководители такого даже, как я, довольно высокого положения (я в то время уже был членом Политбюро) оказывались в полной власти документов, представленных работниками НКВД, которые определяли судьбу и того или иного члена партии, и беспартийного.

Тогда же в Донбассе я столкнулся с тем, что некоторые преподаватели Горного института имени Артема (рабфак которого я окончил в 1925 году), люди, которых я очень уважал, тоже стали «врагами народа». Один из них, горный инженер Герчиков²¹¹, по национальности еврей, очень хороший математик и был сильный, между прочим, гипнотизер. Потом он работал в угольной промышленности горным инженером. Вдруг он тоже попал в группу вредителей, но не в тот период, когда была кампания по раскрытию вредителей, а уже в период, когда разоблачали «врагов народа». Наркомом тяжелой промышленности был Каганович. Он приехал в Донбасс, произнес там громкую речь, перечислил несколько десятков разоблаченных врагов народа и назвал их фамилии, в том числе и Герчикова. Мне было больно, что Герчиков, кото-

²¹⁰ ГАЕВОЙ Антон Иванович (1907–1962) – член ВКП(б) с 1930 г., с 1939 г. председатель Сталинского облисполкома УССР. В 1940–1951 гг. первый секретарь Ворошиловградского обкома КП(б)У, в 1952–1957 гг. первый секретарь Запорожского обкома КПУ, в 1957–1961 гг. первый секретарь Днепропетровского обкома КПУ, затем секретарь ЦК КП Украины.

²¹¹ ГЕРЧИКОВ Соломон Семенович (1890–1967). Профессор, труды по методике организации труда в угольной отрасли.

рого я хорошо знал и с уважением к нему относился, тоже оказался врагом народа. Приехав в Донбасс в конце 1938 года, случайно встретил Герчикова. Однако это был уже не прежний Герчиков, а его тень. Я спросил: «Как поживаете?» Он выглядел мрачным, замкнутым. Буркнул, что плохо, что был арестован. Потом уже другие люди рассказали, что его страшно избивали, он лишился здоровья и в скором времени умер.

Вообще по приезде в Донбасс выяснилось, что там не осталось руководителей угольной промышленности, были только заместители. Пришлось выдвигать новых. Каганович выдвинул хороших и честных людей, но мало подготовленных, без подходящего образования. Выдвинули и Никиту Изотова, очень хорошего рабочего, достойно прославившегося и поднятого на высоту как передовика. Но в руководители угольной промышленности он, конечно, не годился. И Дюканов²¹² был выдвинут, но тоже совершенно не годился. Мне жаловались на Дюканова: «Товарищ Хрущев, вы поймите нас. Вызывает он инженеров. Те ему докладывают. И если что-то не ладится и что-то не выполнено, так у него один аргумент: “Ты смотри, а то я тебе ж... нашлапаю”. И каждый из нас, инженеров, дважды в сутки носит к нему это место, чтобы он его нашлапал». Я Сталину сказал тогда, что так поступать нельзя. У нас есть сейчас свои инженеры, они вполне могут руководить. Сталин согласился со мной. Выдвинули в Сталинский угольный трест Засядько²¹³, после войны он стал заместителем председателя Совета Министров СССР, сейчас уже умер. Человек имел большой недостаток: он пил и пил, бедняга. Но был очень хорошим администратором и организатором, прекрасно знал горное дело. В ту пору, по-моему, в Донбассе были и действовали объединения (тресты) в угольной промышленности и металлургии, во главе которых как раз и были поставлены новые инженеры. Я не буду их перечислять, да и не помню сейчас фамилий всех людей, которые возглавили тресты или же погибли в то время.

Постепенно положение в сельском хозяйстве и в промышленности начало выравниваться. Промышленность начала выполнять планы: и угольная, и металлургия, и машиностроение. Сельское хозяйство тоже стало набирать силу. Отстаивались новые кадры, несколько ослабили репрессии. Они уже не распространялись вширь, а как бы подбирали остатки тех лиц, которые упоминались в следственных протоколах при арестах и казнях «врагов народа».

Насчет сельского хозяйства. Случалось, звонит нарком финансов Зверев²¹⁴. «Мало продаете белого хлеба, особенно булочек и бубликов». Дело в том, что эти продукты продавались по повышенным ценам как товары Наркомфина; выручка от их продажи поступала в средства накопления, шедшие на индустриализацию. Помню также, что по сахарной свекле тогда выправилось положение. И по зерну тоже: пшеницы заготавливали свыше 400 миллионов пудов. По тому времени это были для Украины большие цифры. После Великой Отечественной войны, когда я опять работал на Украине, сдавали и по 700 миллионов пудов хлеба. Но это уже в другое время. А в 30-е годы Украина действительно являлась житницей Советского Союза в смысле зерна, а о сахаре и говорить даже незачем. Кроме того, выращивали много овощей, табака, подсолнуха.

²¹² ДЮКАНОВ Мирон Дмитриевич (1899–1941) – из крестьян Курской губернии, с 1919 года в Красной Армии, участник Гражданской войны, в 1927 г. попал в Донбасс, а в 1935 г. он уже партгруппорг на шахте в Донбассе. В 1936 г. парторг ЦК ВКП(б) шахты «Центральная Ирмино». В 1941 г. ушел добровольцем на фронт и в 1941-м погиб в боях под Москвой.

²¹³ ЗАСЯДЬКО Александр Федорович (1910–1963) – рабочий, член ВКП(б) с 1931 г., в 1943–1947 гг. заместитель наркома угольной промышленности СССР, зам. наркома строительства топливных предприятий, далее министр угольной промышленности западных районов СССР, зам. председателя Госплана СССР, в 1958–1963 гг. зам. Председателя Совета Министров СССР, с 1960 г., одновременно, председатель Государственного научно-экономического совета Совмина СССР, член ЦК КПСС в 1952–1963 гг.

²¹⁴ ЗВЕРЕВ Арсений Григорьевич (1900–1969) – из крестьян, член РКП(б) с 1919 г., после революции на военной, административной и финансовой работе, в 1938–1960 гг. (в 1948 г. заместитель министра) нарком и министр финансов СССР; член ЦК партии в 1939–1961 гг. Кандидат в члены Президиума ЦК КПСС в 1952–1953 гг. С мая 1960 г. на пенсии.

Вспоминаю также, когда я только-только приехал на Украину и приступил к своим обязанностям секретаря ЦК КП(б)У, мне как-то позвонил украинский академик Патон²¹⁵. Я слышал раньше о нем, но никогда с ним не встречался. Меня информировали, что это очень интересный человек, крупнейший машиностроитель, увлекшийся проблемой сварной конструкции мостов. Он попросился ко мне на прием, и я его принял. В кабинет вошел плотный человек, уже в летах, весь седой, коренастый, со львиным лицом, колючими глазами. Поздоровавшись, тут же вытащил из кармана кусок металла и положил на стол:

«Вот посмотрите, товарищ Хрущев, что может делать наш институт. Это полосовое железо (кажется, 10-миллиметровой толщины), и я его таким свариваю». Посмотрел я сварку. Так как сам я металлист, то со сваркой мне приходилось встречаться. Здесь был просто идеальный шов, внешне гладкий, как литой. Он говорит: «Это сварка под флюсом». Слово «флюс» я тогда услышал в первый раз. Были у Патона и другие изобретения. Он рассказал, какие возможности таит в себе сварка под флюсом, какую дает выгоду, как облегчает труд, повышает его производительность и качество сварных работ вообще, особенно их надежность. Он был поглощен идеей сварки всех железных конструкций из черного металла – мостов, стропил для перекрытия зданий и пр., и доказывал, что их выгоднее сваривать, а не клепать; нарисовал передо мной такую картину, что вскоре он изготовит автоматы, которыми мы будем сваривать корабли. Глаза у него буквально горели, и в словах была такая уверенность, что он заставлял и других поверить в его идею. Он умел хорошо показать свои достижения и таким людям, которые не являются специалистами, умел убедить их в правильности своих доводов.

Я был буквально очарован встречей и беседой с Патоном, его прогрессивными, революционными техническими идеями. Сейчас могу сказать, что Евгений Оскарович – отец промышленной сварки в СССР. Его сын – ныне Президент АН УССР, вполне достоин своего отца. Уже после смерти Патона-старшего я много раз встречался с Борисом Евгеньевичем, заезжал в институт, который он возглавлял, много раз слушал его, он показывал мне новые образцы достижений в области сварки: ряд этих работ вышел далеко за пределы института, они широко внедрены в производство. Еще при нашей первой встрече Патон-старший сказал: «Я хочу жаловаться. Директор Днепропетровского завода металлических конструкций был в Киеве. Я его просил зайти ко мне в институт посмотреть на наши работы. Я хотел продемонстрировать нашу сварку металлоконструкций, чтобы внедрить ее на его заводе, прежде всего автоматическую сварку под флюсом. Он не нашел времени зайти ко мне и уехал в Днепропетровск. Вот как наши, советские люди относятся к новому. Внедрение автоматической сварки дало бы большую экономию металла, ускорило бы строительство и повысило производительность труда». Отвечаю: «Хорошо, что вы мне сказали. Этот директор завода завтра же будет у вас». Тут же при нем позвонил секретарю Днепропетровского обкома партии Задонченко. Он был очень оперативным человеком, быстро понял суть дела и ответил: «Сейчас же ему позвоню, завтра он будет у Патона». Назавтра директор опять прилетел в Киев. Мне позвонил довольный Патон и сказал, что этот человек уже был у него, он все ему показал, и они нашли общий язык.

На меня беседа с Патоном произвела сильнейшее впечатление. Я тут же продиктовал записку Сталину, в которой сообщил обо всем, что мне рассказал академик и что я сам увидел, когда ездил к нему в институт, знакомясь с его работами. В записке я очень хвалил Патона, восторгался его работами и писал о большом будущем такого метода работ, как сварка, подчеркивал, что надо форсировать работы Патона, чтобы поскорее внедрить их в практику наших заводов.

---

²¹⁵ ПАТОН Евгений Оскарович (1870–1953) – ученый, специалист по сварке, член ВКП(б) с 1944 г., с 1905 г. профессор Киевского политехнического института, в 1921–1931 гг. начальник Киевской мостоиспытательной станции, с 1934 г. директор научно-исследовательского института электросварки, академик АН УССР с 1929 г., вице-президент АН УССР в 1945–1952 гг., автор многочисленных трудов по теории и практике сварочных работ и мостостроения. Герой Социалистического Труда (1943), лауреат Государственной премии (1941).

Прошло небольшое время, мне позвонил Сталин и предложил приехать в Москву. Я сейчас же сел в поезд. Тогда члены Политбюро и ЦК партии не летали, на это имелся запрет. Запрет появился интересным образом. Как-то Микоян, как мне рассказывали, поехал в Белоруссию, а там летчики предложили ему полетать на самолете. Он согласился, полетал, и об этом потом было написано в газетах. Сталин прочел, что Микоян летал на самолете и летчик при этом выполнял фигуры высшего пилотажа, и предложил объявить Микояну выговор за ненужный риск. Была сделана запись в протоколе, запрещающая членам ЦК ВКП(б) и секретарям республиканских ЦК летать, это считалось слишком опасным. Летать мы стали во время войны.

Я очень любил самолеты и часто летал, когда занимал такое положение, которое Сталина не беспокоило. Летал, когда работал в Киеве в 1928–1929 годах. Там служил летчик Дейч. Я приехал в Ржищев, и он меня «угостил» впервые в жизни полетом на самолете. На меня это произвело сильное впечатление. Потом я часто летал на «юнкерсах». На «юнкерсе» у нас летал тогда начальник Военно-Воздушных Сил Красной Армии Баранов²¹⁶. Впоследствии он погиб при катастрофе. Это был замечательный человек, ближайший друг Якира. Во время маневров, когда он прилетел в Киев, разрешил мне полетать на его самолете. Таким образом, по тем временам я уже был «воздушным волком». А когда я работал в Москве секретарем МК партии, то полетал даже на экспериментальном самолете «Сталь-2». На нем я летал вместе с наркомом Гражданского воздушного флота. Летал я и на дирижабле и тоже с наркомом гражданского флота. Но, хотя я уже много летал, теперь это было запрещено, поэтому я из Киева в Москву ездил только поездом.

Когда я приехал в Москву и встретился со Сталиным, то вновь стал рассказывать о Патоне. Он меня перебил: «Я вас как раз по этому вопросу и вызвал. Я прочел вашу записку, и мне она очень понравилась. Я полностью согласен с вами в оценке этих работ и хотел бы еще побеседовать с вами, а потом поставить этот вопрос в ЦК и записать решение, обязывающее внедрять сварку. А что за человек Патон? Какая у него воля? Хватит у него сил, если мы его сделаем уполномоченным Совета Народных Комиссаров и дадим ему неограниченный мандат по внедрению его метода сварки в производство? Сможет он заставить бюрократов внедрить сварку?» Отвечаю: «Насколько я знаю Патона, если ему дадут такой мандат, то бюрократам не будет никакого спасения. Он заставит их вертеться. Воля у него пробивная». Тут Сталин сказал мне, чтобы я не возвращался в Киев, пока не будет вызван Патон и принято решение, дающее ему полномочия организовать внедрение в производство нового метода сварки. Когда приехал Патон, Сталин задал ему несколько вопросов и познакомился с ним. Он произвел и на Сталина тоже очень хорошее впечатление, да иначе и быть не могло: Патон был внутренне собранным человеком, организованным, ясно и кратко формулировавшим свои мысли, с волевым лицом и колючими, пронизывающими глазами. Он заставлял считаться с собой и умел влиять на людей, с которыми встречался. Сталину это понравилось. Патону выдали упомянутый мандат, и я сейчас же отбыл в Киев.

Еще когда я подробно расспрашивал Патона о возможностях сварки, у меня родилась мысль использовать его метод для сварки танковых корпусов на потоке. Я спросил его: «Сможете ли вы варить танковую сталь?» Он задумался: «Надо изучить. Я не могу сейчас вам ответить. А какова толщина этой брони?» – «Видимо, до 100 миллиметров». – «Сложно, но попробуем. Думаю, удастся». Теперь я вновь встретился с Патоном, чтобы лучше узнать, какие детали, какие металлы и какой толщины он может сваривать своим способом. Я надеялся, что его метод мог быть полезен для сварки танковых корпусов. Ведь война придвигалась вплотную.

²¹⁶ БАРАНОВ Петр Иванович (1892–1933) – член РСДРП с 1912 г., после 1917 г. в Советских Вооруженных Силах, активный участник Гражданской войны, с 1923 г. зам. начальника и с 1924 г. начальник ВВС РККА, в 1925–1931 гг. член Реввоенсовета СССР, с 1932 г. зам. наркома тяжелой промышленности и начальник Главупра авиапромышленности, член ВЦИК и ЦИК СССР.

Когда я опять поставил этот вопрос, Патон заметил, что нужно знать состав стали. Я предложил ему съездить на Харьковский танковый завод. Сначала это был завод, кажется, Гартмана, а потом он назывался ХПЗ (Харьковский паровозостроительный завод имени Коминтерна), но там уже производилась новая продукция – изготавливались танки и дизель-моторы. Я сказал: « Попрошу заводских директоров и парторга (директором там был Максарев²¹⁷, парторгом – Епишев²¹⁸, который сейчас служит начальником Главного политуправления Советской Армии и Военно-Морского Флота), они вас познакомят с производством и конструкторами, вы сами изучите производство и после этого выскажете мне свое мнение». Патон поехал в Харьков, познакомился с производством танков, затем сообщил, что ему понадобится какое-то время для размышлений, но уверен, что можно будет организовать автоматическую сварку танковых корпусов под флюсом. Говорю ему: «Это была бы большая победа для всей страны и для армии. Большое сделали бы дело».

Патон стал разрабатывать вместе с конструкторами танка и инженерами этого завода приспособления (как их называют в промышленности: кондукторы), которыми зажимались детали танка и в которых они сваривались. Забегу несколько вперед, чтобы закончить свой рассказ о Патоне и его участии в производстве танков, о его огромном участии в победах, которые были одержаны Красной Армией, потому что танки действительно начали сваривать, как блины печь, в результате помощи, оказанной Патоном. Когда вспыхнула война и события стали развиваться неблагоприятно для нас, а Красная Армия под ударами врага отступала, в частности к Харькову, мы вынуждены были эвакуировать харьковскую промышленность на восток. Производство танков попало из Харькова на Урал. Конструкторское бюро тоже выехало туда. Туда же отправился и Патон. Там быстро было налажено производство танков на новом месте. Патон внес большой вклад и в организацию производства боевых машин на потоке. Это был очень интересный человек, в ту пору уже немолодой и, как говорили тогда, старорежимный по духу, продукт воспитания в царское время.

В 1943 году я прилетел в Москву по вызову Сталина. Сталин частенько вызывал меня с фронта для каких-либо бесед. В то же время оказался в Москве и Патон. Он попросился ко мне на прием. Я его принял, выслушал, и он вручил мне письмо в адрес ЦК партии. Он писал, что его отец служил при царе консулом в Италии, кажется, в Генуе. «Когда совершилась революция, – писал он, – я уже сформировался как человек и, естественно, отнесся к революции несерьезно. Я считал, что это не полезное для нашей страны явление, и поэтому был против Октябрьской революции. Но я со своей стороны не предпринимал никаких контрмер и не участвовал ни в каких антисоветских организациях. Если так можно выразиться, я ожидал, что эта власть не продержится долго, она развалится, потому что она бесперспективна и бесплодна. Шло время. Я видел, как время испытывало власть и что власть держалась. Потом власть стала крепнуть, показала свои организационные способности, показала направленность действий, которая мне импонировала. Мне нравилось то, что делала советская власть. С каждым годом притягательное действие советской власти все больше и больше охватывало меня. Я

²¹⁷ МАКСАРЕВ Юрий Евгеньевич (1903–1982) – член партии с 1921 г. Родился в Порт-Артуре в семье офицера. По образованию инженер-машинист. В 1938–1949 гг. директор танковых заводов в Харькове, Челябинске и Нижнем Тагиле. В 1957–1959 гг. председатель Государственного комитета СМ СССР по новой технике. В 1961–1978 гг. председатель Государственного комитета СССР по делам изобретений и открытий.

²¹⁸ ЕПИШЕВ Алексей Алексеевич (1908–1985) – рабочий, в 1920-е гг. на комсомольской и партийной работе, член ВКП(б) с 1929 г., с 1930 г. – в Советских Вооруженных Силах, специалист по механизации и моторизации армии, с 1938 г., будучи в военных кадрах, одновременно парторг ЦК ВКП(б) на харьковском заводе им. Коминтерна и секретарь Коминтерновского райкома партии, с 1940 г. 1-й секретарь Харьковских обкома и горкома КП(б)У, с 1941 г. комиссар Харьковского корпуса народного ополчения, ответственный организатор ЦК ВКП(б), уполномоченный на Сталинградском фронте, заместитель министра среднего машиностроения, член Военного совета 40-й и 38-й армий, с 1946 г. секретарь ЦК КП(б)У, в 1950–1955 гг. 1-й секретарь Одесского обкома партии, в 1951–1953 гг. зам. министра госбезопасности СССР, с 1955 г. посол в Румынии, с 1961 г. посол в Югославии, в 1962–1985 гг. начальник Главного политического управления СА и ВМФ СССР, с 1964 г. член ЦК КПСС.

начал лучше работать и стал как бы сливаться с той сущностью, которая создавалась советской властью. Но я все-таки не забывал, как я относился к ней в первые дни революции, и поэтому считал, что не имею права на какое-то покровительство со стороны советской власти или на какое-то особое доверие ко мне. Я продолжал честно трудиться на том участке, где работал. Тут началась война, и я был привлечен к строительству танков. Считаю, что я внес большой вклад в оборону нашей страны, организовал поточное производство танковых корпусов, внедрил автоматическую сварку под флюсом по своему способу. Сейчас я уже давно за Советскую власть. Теперь я чувствую, что имею моральное право обратиться к партии с просьбой, чтобы она приняла меня в свои ряды. Поэтому я пишу это письмо и прилагаю к этому письму в Центральный Комитет заявление о приеме в партию. Прошу поддержать меня, я хотел бы теперь быть партийным человеком».

Мне это письмо не только понравилось, оно тронуло меня, потому что Патон был человеком, скупым на слова. Я чувствовал его глубокую искренность в признании Советской власти как власти народа, признании Коммунистической партии как организатора побед над врагом. Мне очень понравилось такое желание Патона – политически оформить свое участие в этой великой борьбе против фашистской Германии, став членом нашей партии. Я взял его документы и сказал, что убежден в том, что он будет принят в ряды ВКП(б). «Доложу товарищу Сталину, и вы узнаете решение Центрального Комитета». Не помню, через сколько времени я встретился со Сталиным, но все рассказал ему и передал эти документы. Сталин тоже был взволнован, а он редко выдавал свое волнение, и сказал: «Ну, вот и решился Патон, он заслуживает всяческого уважения». И сейчас же предложил сформулировать такое решение: «Принять товарища Патона в партию без кандидатского стажа».

В то время, когда принимали Патона в партию, существовал порядок, согласно которому лица, вышедшие из буржуазной или интеллигентской среды, должны были обязательно при вступлении в ряды партии иметь испытательный кандидатский срок, который длился два года. Но к Патону это, в порядке исключения, не было применено. Ввиду особых его заслуг перед Родиной и партией в члены партии он был принят сразу. Мне это было очень приятно. Во-первых, я радовался за Патона и за страну, за то дело, которое сделал Патон для нашей страны и армии. Во-вторых, мне было приятно, что на мою долю выпало познакомиться с ним, понять его роль и привлечь к такому большому делу, как производство танков. После войны Патон вернулся к деятельности в Академии наук Украины, стал ее вице-президентом и продолжал свое дело так же плодотворно, как делал это во время войны и до войны.

Когда нас всех поразило несчастье, несчастье и для Украины, и для науки, – скончался Президент АН УССР Богомолец, которого все очень уважали, – встал вопрос о том, кто будет теперь президентом? Мне передавали, что ученые Украины взволновались. Это вызывалось тем, что многие из них полагали, что ЦК КП(б) У будет рекомендовать как раз Патона. Зная, с каким уважением я относился к Патону, думали, что эта кандидатура будет, без сомнения, названа. Тут следует сказать, что в АН УССР к Патону относились по-разному. Считаю, что абсолютное большинство ученых относилось к нему с большим уважением именно как к ученому. Но все очень боялись его характера и поэтому страшились того, что он станет президентом академии. Все знали его волю, нетерпимость к пустословии, конкретность в делах. У него была просто пробивная воля. До моего слуха дошли рассуждения, что если президентом будет Патон, потому что его поддерживает Хрущев, то он поразгоняет и то, и другое, и третье, превратит Академию наук в экспериментальные мастерские. То есть обвиняли его в излишнем практицизме. Да, это был именно такой человек, который хорошо умел ставить научные знания на службу дела. Он не терпел отвлеченных разговоров и бесплодного словоблудия под маркой учености. Действительно, для таких людей он мог быть грозой.

Мы все же учли такое отношение к нему, и поэтому у нас не возникла идея рекомендовать его президентом. Надо было бы «нажимать», что при голосовании встречено было бы плохо.

Да и Патон сам к тому не стремился. Он был поглощен своим делом и институтом, которым руководил. Сейчас этот институт известен не только в нашей стране, он занял в мировой науке по сварке металлов довольно высокое положение.

Я вспомнил еще один эпизод, который дает наилучшее представление о Патоне. Когда я работал на Украине, ко мне пришел заведующий отделом пропаганды Коммунистической партии Украины с жалобой на Патона. Он сказал, что Патон выражает неуважение к Центральному Комитету и он возмущен его поведением. Зная мое отношение к Патону, он решил мне это сказать. Я спросил его: «Что же Патон конкретно сделал? Что вызывает ваше недовольство?»

– Я собрал совещание ученых, пригласил и Патона. Патон посидел какое-то время, а потом встал и ушел.

Я говорю: «Если Патон ушел, то надо еще посмотреть, в чем дело. По какому вопросу вы проводили совещание?»

– По вопросам идеологической работы.

– А зачем вы пригласили на это совещание академика Патона? Он не имеет никакого отношения к этому вопросу. Он сидел там просто как украшение. Вам нужен был академик, вот вы и пригласили его вместе с другими. Зачем?

В этих действиях виден сам Патон, его характер. Когда он увидел, что к вопросу, который обсуждается, он не имеет никакого отношения и что там сидит много народа и теряет время попусту, он взял да и ушел. А что ему оставалось делать? Он должен был бы выругать тех, кто его вызвал, но он этого не сделал, а просто ушел. Совершенно правильно поступил. Надо сделать верный вывод и, созывая совещания, вызывать только тех людей, которые непосредственно имеют отношение к обсуждаемому вопросу. Тогда люди будут заинтересованы, будут активно принимать участие в обсуждении, не возмущаться теми, кто организует подобные совещания. Патон так выразил свой протест против того, что его вызвали на совещание, которое его не интересует. Он взял и ушел, проголосовав, как говорится, ногами, а вы должны сделать вывод своими мозгами и в будущем не позволять подобного не только в отношении Патона. Нужно беречь каждого человека, тем более ученых, специалистов. Их надо вызывать в крайнем случае и вызывать тогда, когда они нужны на совещании, когда обсуждается или его вопрос, или вопрос, к которому он имеет отношение.

После смерти Патона институтом руководит, причем успешно, его сын Борис, который сейчас является Президентом АН УССР.

Когда Патон умер, заканчивалось строительство в Киеве нового моста через Днепр. Это был самый большой мост в Киеве. Он цельносварной. Патон добивался этого, и я его поддерживал, чтобы была принята цельносварная конструкция. Он был техническим руководителем по сварке моста. Я в то время приехал по какому-то делу на Украину. Украинцы носились с идеей присвоить этому мосту мое имя. Меня это удивило, особенно потому, что к тому времени у нас уже было принято решение запретить присваивать предприятиям, учреждениям, колхозам и пр. имена руководителей партии и правительства, находящихся в здравии. И даже ряд почетных имен, которые были присвоены раньше, мы специальным решением сняли. Как я в шутку говорил тогда, лишили всех прав и состояния этих людей, которые «нахапали» себе фабрики, заводы и города. Нездоровое даже было такое соревнование, чье имя будет присвоено большему количеству предприятий или колхозов. Это дикая вещь! При Ленине этого, по моему, еще не было. Потом иногда присваивалось имя здравствующего Буденного (как героя Гражданской войны). Присваивались также имена умерших в память их добрых дел, которые они совершили для партии, ради народа.

Я спросил украинцев: «Зачем вы хотите присвоить мое имя мосту? Это прямое нарушение решения ЦК. Я против, тем более что сам был инициатором вынесения такого решения. Неужели вы не понимаете, в какое положение меня ставите? Прошу вас никуда не вылезать с предложениями такого характера. И зачем долго искать, кто более достоин, чтобы его имя

было присвоено этому сооружению? Вот академик Патон. Прошу, внесите именно такое предложение, и правительство утвердит его». Так мосту было присвоено имя Патона. И сейчас этот мост, как говорится, живет и здравствует, а люди, проезжая по нему, вспоминают добрым словом его создателя академика Патона.

Вторая мировая война приближается

Когда в 1938 году я возглавил Компартию Украины, Сталин предложил ввести меня в члены Военного совета Киевского Особого военного округа (КОВО) с тем, чтобы я мог общаться и к военным делам: «большая война» СССР с врагами неизбежна, партработникам надо все знать самим. Тем более, добавлю, что столько было в РККА «вредителей», столько было изъято лиц командного состава. Большинство их не вернулось после ареста, были казнены либо направлены в лагеря. Командующим войсками КОВО был Тимошенко²¹⁹. О нем мне рассказывал Сталин, он его знал лично еще по 1-й Конной армии и хорошо характеризовал его. Когда я был введен в Военный совет, то всегда аккуратно ходил на его заседания и слушал все выступления. Там разбирали конкретные вопросы. Главным образом тогда занимал всех вопрос о создании укрепленных районов по нашей западной границе: строили бетонные доты, вооруженные артиллерией и пулеметами; еще раньше был создан укрепленный район непосредственно под Киевом, по Ирпеню. Его начали строить в 1928–1929 годах, когда я заведовал орготделом Киевского окружкома партии. Иной раз я выезжал на военные учения, знакомился с войсками. Знакомство было, правда, довольно ограниченное, потому что я никогда не занимался непосредственно военными вопросами, так как по горло был загружен партийной работой, проблемами развития народного хозяйства: угольной промышленности, металлургии, сельского хозяйства. Но строительство укрепленного района меня интересовало. Я вообще к строительству проявлял слабость и неплохо разбирался в строительном деле. Поэтому здесь мое участие было полезным, я выезжал на стройки и следил, как идет дело.

Тимошенко информировал меня о заседаниях Главного военного совета (ГВС) РККА²²⁰. Он часто выезжал туда. Это человек с хитринкой. Я чувствовал по нему, что он недоволен работой ГВС, но бессилен исправить ее. Однажды выехал он в Москву (я тоже там оказался) и очень просил меня, чтобы я пошел с ним на заседание ГВС. Я никогда раньше там не был и никакого отношения к нему не имел. Говорю: «Зачем же я пойду? Неудобно. Да и как на это посмотрит нарком Ворошилов?» Он отвечает: «Обсуждать будут именно наши вопросы, вы – член Военного совета Киевского Особого военного округа, надо, чтобы вы были в курсе дела, как решаются эти вопросы. Поэтому все будет понято правильно». Мне очень не хотелось идти, но он так настаивал, что я понял: у него имеются какие-то соображения на этот счет, и я решил уступить ему и пойти на это заседание. Пришли мы с ним, заняли места: он – свое обычное, а я примостился на свободном стуле. Собрался ГВС: Ворошилов – председатель, члены ГВС Щаденко, Кулик, Мехлис и не помню уже, кто еще входил тогда в его состав²²¹. Ворошилов занял председательское место, объявил повестку дня.

Я сейчас совершенно не помню, какие обсуждались конкретные вопросы, но помню общую обстановку, в которой проходило их обсуждение. Тимошенко, видимо, и пригласил меня затем, чтобы я увидел, какая там обстановка и как решаются все вопросы. Вот Ворошилов

---

²¹⁹ ТИМОШЕНКО Семен Константинович (1895–1970) – из крестьян, солдат, член РКП(б) с 1919 г., участник Гражданской войны (командир кавбригады, начальник кавдивизий), далее на различных командных должностях, с 1933 г. заместитель командующего войсками Белорусского, затем Киевского военных округов, в 1937 г. командующий войсками Северо-Кавказского и Харьковского ВО, с 1938 г. Киевского Особого ВО, с 1939 г. войсками Украинского фронта, освободившего Западную Украину, и Северо-Западного фронта в Финляндской кампании, с 1940 г. нарком обороны СССР, в 1941–1945 гг. представитель и член СВГК, главнокомандующий направлениями, войсками ряда фронтов, с 1945 г. командующий войсками Барановичского, Южно-Уральского и Белорусского ВО, с 1960 г. генеральный инспектор Группы генеральных инспекторов МО СССР, т. е. в почетной отставке, с 1961 г. председатель Советского комитета ветеранов войны, в 1939–1952 гг. член ЦК ВКП(б), Маршал Советского Союза с 1940 г. В описываемое время был командармом 1-го ранга.

²²⁰ До 1934 г. Реввоенсовет СССР, затем Военный совет при народном комиссаре обороны СССР, с 1936 г. Главный военный совет РККА.

²²¹ Тогда Климент Ефремович ВОРОШИЛОВ являлся наркомом обороны СССР, Ефим Афанасьевич ЩАДЕНКО и Григорий Иванович КУЛИК – его заместителями, Лев Захарович МЕХЛИС – начальником ГлавПУ РККА.

начал. Подал голос Кулик, выступал сумбурно, нельзя разобрать, о чем, по существу, говорил, потому что горячился, плохо формулировал свои мысли, орал. Сразу поднялся ералаш, атмосфера накалилась. После него еще более сумбурно выступал Щаденко. Он тоже начал жестикулировать и кричать. Ворошилов его останавливает, а он кричит на Ворошилова, резко возражает. Кончил он, выступает Мехлис. Мехлиса я знал хорошо, это был воистину честнейший человек, но кое в чем сумасшедший. Он с еще большей горячностью доказывает свою правоту. Все заговорили сразу, кто в лес, кто по дрова. Ворошилов то примиряет их, то сам кричит. На меня все это произвело впечатление несерьезной организации несерьезных людей, которые не могут дельно решать вопросы обороны страны (хотя авторитет Ворошилова тогда стоял на очень большой высоте). Кончили обсуждение, было принято какое-то решение, все ушли.

Тимошенко, повторю, человек хитрый, поглядывает на меня и как бы одними глазами спрашивает: видел, мол, какова обстановка, в которой решаются вопросы обороны СССР? Мне было трудно, конечно, сделать сразу какое-либо обобщение или какие-то выводы, потому что я единственный раз побывал на таком заседании. Сказать, что данный орган не в силах решать эти вопросы, было бы слишком смело. Ведь люди, которые входили в ГВС, – уважаемые: сам Ворошилов, Кулик – человек, который храбро воевал еще солдатом и считался знающим артиллеристом, Щаденко... Насчет Щаденко – тут своя история. Он коммунист с дореволюционным стажем, по профессии из портных. В свое время отличился на Дону, в борьбе против атамана Каледина. Я фамилию Щаденко знал еще в ту пору по публикациям, поэтому он в моих глазах обладал неким ореолом. Человек с таким прошлым! А его несуразное поведение на ГВС я объяснял просто сложностью обсуждавшихся вопросов.

Мехлиса я знал больше, знал еще по «Правде» и, сразу нужно сказать, относился к нему с уважением. Я познакомился с ним, когда учился в Промышленной академии, во время борьбы с «правыми». Мехлис как редактор «Правды» очень помог нам в этой борьбе. После этого я с Мехлисом поддерживал связь, и когда мы встречались, то обменивались мнениями и с вниманием относились друг к другу. Вспоминаю, однако, и случай, который характеризует сумасшедший характер Мехлиса. Приехав с Украины, я шел в тот раз к Маленкову в его кабинет, в коридоре встретил Мехлиса. Мехлис был тогда наркомом Госконтроля СССР. Он говорит, как всегда, горячо: «Вора поймал!» Спрашиваю: «Поймал, да одного? Наверное, в Советском Союзе еще не один вор остался». – «Да ты, знаешь ли, что воруют?» – «Ну, что?» – «Авиационные моторы». – «Тут я тебе не поверю, воруют, верно, что угодно, но авиационный мотор? Кто его купит? Зачем его красть? Съесть его нельзя, продать нельзя, какой смысл в краже?»

Зашел я к Маленкову, и Мехлис ввалился туда же, опять продолжалось обсуждение. Маленков, оказывается, уже рассматривал этот вопрос. А я потом разобрался, в чем дело. Все объяснялось просто. Заводы тогда имели суточные планы с суточными отчетами. Например, завод должен был сделать в день 100 моторов, а сделал 101. Но показывал 100, а если сделал 99, то тоже показывал 100. Таким образом, плюс на минус, и получалась в совокупности месячная плановая выработка. Мехлис же подсчитал все «плюсовые» моторы, которые не были показаны, и решил, что они уворованы. Этот вопрос разбирал затем Сталин, обсуждение проходило очень бурно, и меня удивило тогда, что Сталин долго не понимал столь простой механики. Нависла угроза над директорами заводов, но в конце концов постигли, что не было воровства. Запутал дело, конечно, Мехлис, взбудораживший Политбюро.

А вот другой случай. Мехлис во время военных событий на озере Хасан²²² в 1938 году был начальником Главпура РККА. Поехал он на Дальний Восток. Потом вернулся и рассказывал, какие же там вредители, сколько врагов народа! И столько-то он арестовал... Есть там

²²² Речь идет о военном конфликте в июле – августе 1938 г., когда японское правительство потребовало отвести советских пограничников с высот Безымянная и Заозерная западнее озера Хасан в Приморском крае РСФСР, а затем развязало военный конфликт. Агрессору дали отпор войска Краснознаменного Дальневосточного фронта.

один подлец, да и фамилия у него Подлас²²³. Он его тоже арестовал. Я потом еще расскажу об этом Подласе, какой это был замечательный человек и как он прекрасно действовал во время Великой Отечественной войны, несмотря на то, что еще не был по-настоящему реабилитирован.

Хочу заодно сказать об эпизоде, который относится, кажется, к 1939 году. Как-то я, приехав в Москву, рассказал Сталину о том, что услышал от своего шофера: Александр Георгиевич Журавлев ездил со мной много лет, хорошо знал и очень любил шоферское дело. Я относился к нему с большим уважением и доверием. Он рассказал, что шины, которые мы сейчас получаем для автомашин, очень быстро выходят из строя, причем не изнашиваются, а порвутся: протектор остается хорошим, свежим, но шины лопаются по бокам. Сообщил я Сталину, что мы много теряем на этом производственном дефекте. Замечу здесь, что Сталин очень не любил, когда мы критиковали что-либо собственного производства, с неудовольствием всегда выслушивал это и с явным раздражением поручал ликвидировать дефект. Я в принципе понимаю такое чувство, хорошее чувство. Сталин не хотел как бы зубоскалить по поводу наших недостатков, ведь они были недостатками в нашей, советской системе. Поэтому он реагировал на такие критические замечания болезненно и с какой-то злобой поручал ликвидировать недостатки, а виновных – строго наказать. И когда я рассказал ему о шинах, он вскипел: «И вы критикуете? Все без конца критикуют. А кто делать будет? Вот мы и поручим вам разобраться в этом. Внесите предложения, которые исключили бы брак и обеспечили выход доброкачественных шин с заводов». Отвечаю: «Товарищ Сталин, я с удовольствием взялся бы за это дело, но ведь я совершенно незнаком с данным видом производства, никогда не имел никакого отношения к такому производству. Я разбираюсь, более или менее, в угольной промышленности, в металлургии, в строительстве, но выпуск шин мне совершенно незнаком». – «Вот и познакомьтесь. Беритесь сейчас же!»

Было написано правительственное постановление, создана специальная комиссия, меня утвердили ее председателем. Сталин подчеркнул: «Вы не вернетесь на Украину, пока не разработаете толковых предложений». Я, честно говоря, немного побаивался: не знал, сколько это займет времени и смогу ли вообще разобраться в этом вопросе. Однако собрал членов комиссии, вызвал специалистов с Ярославского завода, из Ленинграда, москвичей, пригласил из отраслевых институтов. Одним словом, собрал практически всех, кто понимал суть дела. Работники аппарата ЦК партии помогли мне вызвать кого нужно, я ведь сам не знал, кто понадобится. Затем я провел совещание в ЦК, всех выслушал. Развернулся сильный спор. Я потом рассказывал Сталину, по каким линиям шел спор. Сейчас уже не помню, кто занимал какую позицию. Но на меня произвело очень хорошее впечатление выступление директора Ярославского завода. При первой же встрече со Сталиным я рассказал, что работа началась, что я выслушал мнение таких-то людей и высказал свои соображения. Он отвечает: «Советую, поезжайте сами в Ярославль и там на месте разберитесь. Ярославский резиновый комбинат – самый крупный наш завод в этой области производства». Я уехал в Ярославль и взял с собой специалистов из Москвы.

В Ярославле был тогда секретарем обкома партии Патоличев²²⁴, позднее – секретарь других областных и республиканских комитетов партии, министр внешней торговли СССР. Пред-

²²³ ПОДЛАС Кузьма Петрович (1893–1942) – член РКП(б) с 1918 г., кадровый военный, участник Гражданской войны, командовал подразделениями, частями, соединениями, был заместителем командующего войсками Киевского Особого ВО, в 1941 г. генерал-лейтенант, погиб в боях на харьковском направлении.

²²⁴ ПАТОЛИЧЕВ Николай Сергеевич (1908–1990) – из крестьян, член ВКП(б) с 1928 г., затем на ответственной партработе, в 1939–1946 гг. 1-й секретарь Ярославского, Челябинского обкомов и горкомов ВКП(б), затем секретарь ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У, 1-й секретарь Ростовского обкома и горкома партии, в 1950–1956 гг. 1-й секретарь ЦК КП Белоруссии, в 1958–1985 гг. министр внешней торговли СССР, член ЦК партии в 1941–1986 гг., кандидат в члены Президиума ЦК КПСС в 1952–1953 гг. С 1985 г. на пенсии.

седателем облисполкома был там Гогосов²²⁵, молодой еще человек, как и Патоличев, но не химик, а инженер-металлург. Оба они произвели на меня очень хорошее впечатление. Когда я приехал в Ярославль, то прежде всего сообщил местным товарищам, по какому поводу при- был, и попросил, чтобы они оказали мне помощь. Сначала я хотел просто посмотреть, как именно изготавливаются шинные покрышки, и поехал на комбинат, а там сказал директору: «Сейчас вы не рассказывайте мне о своем производстве, это будет пустая трата времени. Вы поведите меня по потоку, я хотел бы начать с нуля». Прошел по всему потоку. Возле тех опе- раций, которые меня особенно заинтересовали, подолгу стоял и хорошенько присматривался к труду рабочих.

Непосредственно наблюдать за химическим процессом вулканизации резины, который осуществляется при определенном режиме, нельзя. Тут я полагался на специалистов, которые мне докладывали о происходящем. Особенно увлекли меня приемы рабочих, укладывавших корд. Они делали это артистически, очень быстро, почти не глядя. Руки у них действовали, как у музыкантов. Я повосхищался ими, а потом стал расспрашивать о технологии дела. Мне рас- сказали, какую роль играет корд, сколько его слоев кладется и как. Когда мне это рассказали, я понял, что здесь-то и должно быть слабое место в ходе производства шин. Ведь я видел, как быстро все делают рабочие. А разве при такой скорости могут они тщательно уложить корд? Корд должен лежать ровно, все нити слоя должны быть натянуты равномерно, чтобы они несли нагрузку, как будто это одна единая нить. Тогда нужно только умножить прочность одной нити на количество нитей, чтобы установить сопротивление слоя на разрыв. Если же слой ложится неравномерно, то каждая нить работает сама по себе, и рвутся они последовательно. Так пойдет процесс разрушения. Возникли у меня и другие вопросы, но главное оказалось здесь. Я «заце- пился» за основной недостаток в производстве шинных покрышек.

Обменялся я мнениями с руководством завода, высказал свои соображения, потом похо- дил по всему предприятию. Все там было, как на каждом заводе: Доска почета, на ней висят фотографии лучших рабочих, как их тогда называли – ударников. Попросил я директора пред- приятия Митрохина²²⁶: «Дайте документацию технологии производства шин. Надо посмот- реть, какая технология рекомендуется наукой. Мы ведь этот завод купили в Америке; Америка, видимо, и рекомендовала нам технологический процесс. Сделайте мне выборку основных документов и доложите, какие вносились изменения в технологию». Далее члены комиссии разбились на группы. Я поручил и Гогосову произвести определенную работу. Патоличев тоже активно включился в дело. Мы изучили процесс производства шин по основным узлам. Вскоре мне доложили о найденных отступлениях от технологического процесса, рекомендованного фирмой, у которой был куплен завод: один или два слоя корда были сняты, так как на заводе посчитали, что и того их количества, которое оставалось, достаточно, чтобы обеспечить проч- ность шин. Я почувствовал, что, видимо, именно тут зарыта собака. Мне доложили также, что у бортовой проволоки уменьшено сечение и сняты одно или несколько колец этой проволоки для удешевления себестоимости покрышки. Конечная экономия выражалась в большой сумме. Спрашиваю: «Когда это было сделано?» – «Приезжал Каганович (он руководил тогда Нарком- тяжем), изучал здесь производство и внес эти предложения». Стало ясно, в чем заключалась причина ухудшения качества покрышек.

²²⁵ ГОГОСОВ Владимир Антонович (1900–1970). Авиационный инженер. В 1934–1936 гг. стажировался в США и Франции. В 1936–1939 гг. директор Рыбинского авиационного института (Ярославская область). В 1939–1940 гг. заместитель предсе- дателя Исполнительного комитета Ярославского областного Совета. В 1940–1943 гг. председатель Исполнительного комитета Ярославского областного совета. В 1943–1955 гг. на различных должностях в Сибири и Казахстане. В 1955–1957 гг. замести- тель Председателя Совета Министров Казахской ССР. Далее на преподавательской и научной работе.

²²⁶ МИТРОХИН Тихон Борисович (1902–1980) – член ВКП(б) с 1925 г., химик, в 1934–1929 гг. (с перерывом) студент Ленинградского политехнического института, затем на разных должностях в химической промышленности, в 1941–1948 гг. нарком (министр) резиновой промышленности СССР. В 1948–1960 гг. заместитель, первый заместитель министра химиче- ской промышленности, начальник управления Госплана РСФСР. С 1960 г. на пенсии.

Побывал в Ярославле и Серго. Но он просто ознакомился с заводом, подбодрил людей, конкретные же замечания по «улучшению» производства были сделаны Кагановичем. «Хорошо, – говорю, – дайте мне официальную выписку, чтобы можно было доложить Сталину и в ЦК. Вы, наверное, следите за аналогичным производством в Америке? Какая там производительность труда рабочих?» Выяснилось, что мы далеко шагнули вперед и «переплюнули» их. «Мне нужно знать не вообще, а конкретно. Вот укладчики корда. Какая там у них производительность труда?» – «А мы, – отвечают, – как раз их и имеем в виду, поскольку это ручной труд». Кому нужно такое «повышение»? Затем был поднят вопрос о качестве смеси натурального каучука с искусственным. Искусственный каучук был тогда невысокого качества, и его сдабривали натуральным. Подняли и вопрос о качестве сажи, которая играет важную роль в производстве такого рода изделий. Комиссия подготовила проект постановления, и я возвратился в Москву, где доложил обо всем Сталину, сосредоточив внимание на том, что шины у нас имеют плохое качество, потому что мы сами, желая получить экономию, нарушили технологию, которая рекомендовалась фирмой: мы «поправили» американских технологов, но зато у них одна шина работает за десять наших. Вот такая «экономия»! Потом сказал Сталину, что считаю недостатком слишком большой рост производительности труда и норм выработки, тоже отражающийся на качестве. Нельзя удешевлять производство и повышать производительность труда за счет качества. Конечно, из этого идут накопления средств, но в Ярославле явно переборщили. Необходимы также более квалифицированные рабочие для укладки корда, и им нужно уменьшить выработку, снизить нормы. Все эти люди названы на Доске почета – и ударники они, и стахановцы, а фактически портят материалы и снижают успешность работы шоферов, потому что в пути у них разрушаются шины и они просто не могут нормально трудиться. Из-за этого мы плохо используем автомобильный парк.

Сталин внимательно меня выслушал. Он был страшно раздражен, и я понимал его. Каждого человека, который заботится о своем государстве, тем более человека, который занимает ведущее положение, должны были покоробить такие вести. Эта черта Сталина нравилась мне. Я потому и привел рассказ о данном эпизоде, чтобы показать государственный подход Сталина к делу. Он был, конечно, большим человеком, организатором, вождем. Но был он и большим деспотом и поэтому боролся с варварством, встречавшимся в нашей жизни, деспотическими методами. Сталин сказал: «Я согласен с вами, давайте ваши предложения, мы их утвердим». Мною были внесены предложения снизить нормы выработки, поднять рабочим расценки и назван ряд других мероприятий, которые наметили специалисты завода, научно-исследовательских институтов и Наркомата. Все результаты труда лучших умов в этом направлении были заложены в проекте решения. Сталин добавил: «Надо запретить соревнование и снять Доску почета на этом заводе». Я же в принципе считал, что этого не следует делать: соревнование – здоровое явление. Оно имело место всегда и в капиталистических странах, но носит там название конкуренции. Рост производительности труда, понуждаемый конкуренцией, есть основа основ развития промышленности и накопления ценностей.

Мне очень понравилась позиция Сталина в этом вопросе, и было приятно, что с помощью специалистов, которых я привлек, удалось действительно нащупать (а мы двигались наощупь) слабое место в производстве шин, ликвидировать его, выровнять производство и обеспечить выпуск более качественных изделий. Уже тогда мы чувствовали, что приближаемся к войне, скоро грянет ее гром, а транспорт, который и в мирное время играет одну из решающих ролей, во время войны обеспечит подвижность армии. Было приятно также, что, как только были ликвидированы недостатки и восстановлена исходная технология, начался выпуск шин хорошего качества, они сразу же увеличили километраж пробега в несколько раз. Далее мы предложили, помимо стендовых испытаний, которые проводятся для проверки шин на то, как они стираются, отбор какого-то их количества для испытаний на местности в ходе пробега автомашины, когда строго учитывается, сколько прослужила резина без ремонта. При положи-

тельных результатах завод получал премию для поощрения коллектива и на культурно-бытовые мероприятия. Перед войною или в начале войны директор Ярославского комбината стал наркомом химической промышленности СССР. Мне было приятно, что Сталин вспомнил о нем, мои отзывы о нем и поставил его на такой ответственный пост. Он потом долгое время работал наркомом.

Повторю, что Сталин – типичный деспот, много сделавший вредного, особенно в отношении кадров. В смысле заботы об успехах государства он бывал беспощаден, часто не в меру. Беспощадность использовалась им и при ликвидации недостатков, поскольку он ревниво, хозяйски относился к интересам государства, боролся с бюрократией. Это была ценная черта его характера, но о положительных сторонах его личности написано очень много, а я через конкретные события показываю и другие его стороны как человека. Они не исчезли даже тогда, когда к концу 30-х годов несколько ослабили репрессии, меньше стали хватать людей. Уменьшились массовые аресты, общественность начала несколько успокаиваться. Большинство считало, что мы уже разгромили всех внутренних врагов и достигли такой цели. Значит, думали, репрессии были необходимы, бдительность помогла пресечь контрреволюционные усилия по свержению Советской власти. В партийных, хозяйственных и научных организациях, в промышленности и сельском хозяйстве стали более устойчивыми кадры. Это способствовало выполнению планов третьей пятилетки.

Но настроение портилось тем, что «большая война» неумолимо надвигалась. Это чувствовали все граждане, но особенно руководители страны. Мы из этого не делали никакого секрета. Немецкие фашисты, Гитлер не переставали заявлять, что их цель – разгром Советского Союза, уничтожение коммунистов, истребление советского народа, порабощение славян. Помню, как-то нам была роздана в переводе книга Гитлера «Моя борьба». Я тоже получил ее. Не помню, сколько страниц прочел, но осилить целиком не смог морально, хотя сейчас жалею о том. Я не мог тогда ее читать, потому что меня буквально выворачивало; не мог спокойно смотреть на такие бредни, мне стало противно, не хватило терпения, и я ее бросил, не дочитавши. Однако было вполне ясно, что Гитлер не отступит от своего и обязательно развяжет войну против СССР.

Что же делалось в нашей стране по повышению боеспособности Красной Армии, улучшению вооружения, оснащению войск техникой? Конкретно я почти ничего не знал, и мне неизвестно, что знали другие члены Политбюро, ибо все это брал на себя лично Сталин. В Сталина мы верили, считали, что он в таких вопросах разбирается, к тому же заслушивает военных, специалистов, инженеров, ученых, организаторов Красной Армии. Напомню здесь о Ворошилове, с которым Сталин имел тогда дружеские отношения, ежедневно с ним общался. Все вопросы обороны страны они напрямую обговаривали между собой. Кто еще мог знать конкретные вещи? Может быть, Молотов. В то время он тоже был очень близок к Сталину. Другие члены Политбюро и секретари ЦК партии, тем более члены ЦК партии, полагаю, мало что знали насчет конкретных сфер оборонного производства, если не говорить об отдельных лицах, напрямую отвечавших за это. Каждый желающий может проследить по книгам и газетам, как наша печать того времени освещала события: «Гром победы, раздавайся!» Везде и всюду говорили о том, что если завтра грянет война, если завтра – в поход, то мы сегодня уже готовы к походу. Основное – бить противника на его территории, не отдавая ни пяди советской земли. Демонстрировались соответствующие кинофильмы. О том же гласили статьи в военных журналах. А та техника, которая демонстрировалась на парадах 1 Мая и в ноябрьские дни, тоже производила впечатление.

Мне лично очень нравился танк конструктора Кристи²²⁷, по тем временам очень маневренный, быстроходный и производивший хорошее впечатление, когда танкисты проносились

²²⁷ Модификация танка американского конструктора Кристи в СССР именовалась БТ. Уолтер КРИСТИ (1865–1944) –

на большой скорости перед Мавзолеем на Красной площади в Москве во время парадов. Другие танки и броневики тоже производили неплохое впечатление. Но когда началась война, эти танки не оказались достаточно пригодными, потому что броня у них была тонкая и легко пробивалась снарядами противника. Самолеты наши были в общем-то хорошие, и истребители, и бомбардировщики, но их было мало. Как оказалось, надо было бы иметь их значительно больше, хотя по своим тактическим и техническим условиям, как я считаю, наша военная авиационная техника соответствовала общему уровню развития науки и техники того времени в СССР. Может быть, у нас в течение какого-то времени самолеты были лучше, а в Германии хуже, или же наоборот, но во всяком случае большого нашего отставания, полагаю, не было.

Артиллерия наша была просто хороша. Она во время всей войны, да и в начале войны, не уступала вражеской. Артиллеристы хорошо владели своей техникой. Винтовки наши были тоже хорошими. Автоматическое оружие у нас было создано своевременно, но, видимо, не совсем правильно было оценено. Поэтому автоматические пистолеты-пулеметы так и не пошли в массовое производство и на внедрение в армии. Только после Финляндской войны, когда мы увидели, что финны почти поголовно вооружены этим скорострельным оружием, у нас приняли меры по организации производства автоматов. Это было сделано и потому, что для того не требовалось больших материальных затрат и технических усилий. Как проходила оценка автоматов, кем и как принималось решение о принятии их на вооружение, мне неизвестно, потому что всем этим занимался лично Сталин.

В ту пору я увлекался повышением проходимости нашего автотранспорта и в связи с этим предложил сделать автомобили на полугусеничном ходу. Доложил Сталину. Сталин поддержал мою идею, было организовано производство таких автомобилей на Автозаводе имени Лихачева (тогда – Автозавод имени Сталина). Выпустили большую серию автомашин на полугусеничном ходу. Но они показали себя не совсем хорошо. Поэтому в мой адрес пошла критика. Сталин ничего не говорил, некоторые же другие лица, противники автомобилей повышенной проходимости, которые сами носились с другими идеями, критиковали меня. Я очень переживал, что толкнул всех на дело, полезность которого не подтвердилась. Потом началась война. Стали мы брать трофеи. Я был в этой связи поражен и удивлен тем, что увидел под Ростовом. Было мне и приятно, и досадно. Оказалось, что у врага применяется автотранспорт на полугусеничном ходу. Враг учел повышенную влажность почвы на западной территории СССР и применил полугусеничные машины. Мы же этого не учли, так как хотели воевать только на вражеской земле, и поплатились за это.

В 1938 году нам был навязан военный конфликт с японцами на озере Хасан. Как протекали там бои, я сейчас точно не могу рассказать, а по газетным сообщениям разобраться в деталях было трудно. Видимо, они развивались не совсем в том направлении, как нам хотелось. Поэтому мы вынуждены были вскоре послать туда подкрепление. Я узнал об этом от Мехлиса, как начальника Главного политуправления Красной Армии. Он поехал на Дальний Восток как доверенное лицо Сталина. Мехлис действительно был очень доверенным человеком Сталина. Он когда-то был его помощником, а потом Сталин послал его вместо Бухарина редактором газеты «Правда». У меня были очень хорошие отношения с Мехлисом, я об этом уже говорил раньше. Познакомился я с ним в 1929–1930 годах, когда учился в Промышленной академии, а он был редактором «Правды», и нас свела дружба на почве общих усилий в борьбе против «правых» уклонистов. Мехлис оказывал мне большую помощь, как секретарю партийной организации Промакадемии, где существовало прежде абсолютное засилье «правых». И вот, когда вернулся Мехлис, я с ним встретился. Правда, у меня не было с ним дружеских контактов, не встречались мы и по службе. А тут произошла случайная встреча. Мехлис рассказал мне о

известный американский конструктор танков. В 1920-е гг. построил первый плавающий танк, а в 1932 г. – скоростной экспериментальный танк. Американская армия отказалась от его услуг, США продали документацию Советскому Союзу, который начал производство танков Кристи (БТ).

событиях на Дальнем Востоке. Как чрезвычайно экспансивный и несколько желчный человек, он, когда говорил о людях, то либо хвалил их, либо мешал с грязью. (Помню, как он рассказывал мне о людях, которых приказал арестовать. Тогда я оценивал его поступки положительно, считая, что он обезвредил кадры, повысил боеспособность Красной Армии.)

Японцы же не достигли своей цели у Хасана. Это озеро нависает над Владивостоком. То была попытка выбить нас оттуда и овладеть этим городом. Попытка не увенчалась успехом, конфликт был ликвидирован. Не знаю, были ли предприняты какие-нибудь дипломатические шаги или же все так и решилось силой оружия.

Не помню, сколько прошло времени после конфликта у Хасана, как разразилось японское вторжение в Монгольскую Народную Республику²²⁸. В ней находились наши войска. Самое главное заключалось в том, чтобы защитить район реки Халхин-Гол, то есть байкальское направление. Но японцы имели и более широкие планы. Они, видимо, хотели разгромить монгольские военные части, оккупировать Монголию, пробиться к Байкалу и отрезать от нас Дальний Восток. Там разгорелись бои с большим количеством всех родов войск. Японцы бросили в сражение много пехоты, артиллерии, танков, авиации, и на первых порах нам приходилось трудно. Потом были подтянуты дополнительно наши войска, усилено командование. Командовать группой войск был послан туда Жуков²²⁹. Операция была проведена им хорошо, он заметно отличился. Потом он всю показал свои способности во время «большой войны», которую развязал Гитлер. А тогда были разгромлены японские войска, и тем дело закончилось. Не знаю, какие были предприняты в данной связи дипломатические шаги, этот вопрос не докладывался на Политбюро, им занимались Сталин и Молотов.

Чтобы понять, почему, надо было знать Сталина. Сталин считал, что ЦК партии и Политбюро – это все, так сказать, мебель, необходимая для обстановки дома, главное в котором – хозяин дома. Хозяином он считал, конечно, себя и делал все, что считал нужным, ни с кем не советовался, если это не входило в его планы, и ни перед кем не отчитывался. Разгром японцев на Халхин-Голе еще больше развил вредные бациллы самоуспокоенности: вот, мол, какова наша армия, она непобедима, мы на практике показали эту непобедимость: разгромили самураев у Хасана и на Халхин-Голе. Появились в народе соответствующие частушки, стали рассказывать на эту тему анекдоты и полуанекдоты, порой такие, которые и не в каждом обществе можно было рассказать, «соленные», солдатского пошиба. Все это соответствовало тому умонастроению, которое складывалось после нашей победы над японскими войсками.

Между тем история делала свое дело. Враждебные силы предпринимали все для того, чтобы подготовиться к мощному удару по СССР. Связи Гитлера с Муссолини укреплялись все больше. Еще раньше, как известно, был заключен Антикоминтерновский пакт. Сначала появилась «ось Берлин – Рим». Воинственность самураев импонировала Гитлеру и Муссолини, и в скором времени «ось Берлин – Рим» была продолжена на восток и стала называться «осью Берлин – Рим – Токио». Угроза Советскому Союзу становилась все реальнее. Гитлеровская Германия и фашистская Италия базировали свою идеологию захватов на отсутствии у них «жизненного пространства». Поэтому Муссолини начал войну против Абиссинии (Эфиопии), добился успеха и разбил абиссинцев, несмотря на стойкость, которую проявил этот народ. Армия Абиссинии была слабой, абиссинцы сражались в основном примитивным оружием, а Муссолини сосредоточил войска, вооруженные современной техникой, послал туда авиацию. Это было фактически истребление людей, но цель была им достигнута: Италия захватила Абиссинию, и все западные страны признали это завоевание.

²²⁸ Военный конфликт в мае – сентябре 1939 г. на реке Халхин-Гол в Монголии, восточнее оз. Буир-Нур, где японские войска с территории оккупированной ими Маньчжурии безуспешно пытались захватить часть территории МНР и получили отпор от монгольских и союзных им советских войск.

²²⁹ Комкор Георгий Константинович ЖУКОВ командовал советско-монгольской группировкой войск с июня 1939 г., а общую координацию боевых действий осуществлял командарм 2-го ранга Г.М. ШТЕРН.

В целом ситуация складывалась для нас невыгодная. СССР, против которого были направлены все реакционные силы Запада и Востока, фактически находился во вражеском окружении. Вероятно, предстояло драться одному против крупных сил Германии, Италии и Японии. Советский народ еще не забыл и поражения, которое японцы нанесли царским войскам в 1905 году в Маньчжурии. Не помню точно года свершения того знаменательного факта, когда министр иностранных дел Японии поехал в Берлин, чтобы договориться с Гитлером насчет координации агрессии против нас. На обратном пути, когда этот министр Мацуока²³⁰ проезжал через Москву, он совершенно неожиданно захотел встретиться с советским руководством. Произошел невероятный факт: Сталин поехал на вокзал и встретился с представителем Японии, возвращавшимся из Берлина. Вскоре был заключен с Японией пакт о нейтралитете. У нас возникли сразу и чувство удовлетворенности, и чувство предрешенности, неизбежности войны с Японией, поскольку считалось, что Япония рассматривает договор с Советским Союзом как успокаивающий акт, лишь усыпляющий нашу бдительность.

Но от Сталина я таких рассуждений не слышал. Он же со своей стороны рассчитывал, что именно нужно сделать, чтобы обезопасить наши границы со стороны Японии. Полагаю, что он никакого доверия к этому договору с Японией не питал. Все это делалось и той и другой стороной, исходя из конкретных условий, которые сложились к тому времени: война неизбежна, а пока надо все сделать, чтобы как-нибудь выиграть время в свою пользу. Время было главным, потому что ликвидировать надвигающуюся опасность войны мы были уже не в силах. Нужно было только изыскать возможности получше подготовиться к войне и, если удастся, найти себе союзника либо нейтрализовать силы каких-то противников, чтобы ослабить вражеский фронт. Правда, на Украине я напрямую не чувствовал, чтобы это как-то непосредственно отражалось на ее границе с Польшей и Румынией. В политическом отношении Румыния вела себя очень враждебно и довольно глупо. Часто возникали случаи, когда ее пограничники без всяких причин открывали вдруг огонь, если видели наших пограничников на советской территории. Имелись при этом случаи ранений и даже смертельных исходов. Но крупных пограничных инцидентов все же не происходило. Все это можно было объяснить буквально физиологической ненавистью к нам, боязнью Советского Союза и Советской власти, страхом перед Коммунистической партией, ее идеологией, ее силой, влиянием на массы, поскольку Румыния являлась слабым звеном в капиталистическом мире.

После того как Австрия была поглощена Германией, нависла фашистская угроза над Чехословакией. Судетские немцы в Чехословакии вели себя нагло. Правительство Чехословакии оказалось бессильным или недальновидным, не предпринимало решительных мер по подавлению их антигосударственного сепаратистского движения, нацеленного на отторжение Судетской области от Чехословакии. В конце концов дело завершилось тем, что Гитлер стал прямо угрожать Чехословакии. Отсюда возникла Мюнхенская встреча четырех держав. Закончилась она тем, что Англия и Франция уступили Гитлеру, развязав ему руки для прямых действий против Чехословакии. А еще раньше Гитлер решил в свою пользу спор о территориях, которые после Первой мировой войны находились под контролем Франции. Французы и там уступили, так что Гитлер без всяких военных действий двинул свои войска в Рейнскую область и восстановил суверенитет Германии над этими территориями. У нас имелся договор с Чехословакией: мы должны были оказать ей помощь, если договор вступит в силу при условии выполнения договорных обязательств, которые имелись у Чехословакии с Францией. Поэтому, когда нависла угроза над Чехословакией, мы продемонстрировали свои военные намерения. Хорошо знаю это, потому что, как член Военного совета Киевского Особого военного округа, знал о приказе привести войска КОВО в боевую готовность и сосредоточить ударную группировку в районе Каменец-Подольского на польской границе.

²³⁰ МАЦУОКА Ёсукэ (1880–1946) – министр иностранных дел Японии в 1940–1941 гг.

Польское правительство проявляло по отношению к нам самую оголтелую враждебность и ни на какие переговоры о пресечении общей опасности со стороны Германии не шло. Для СССР фашистская опасность могла главным образом проявиться именно через польскую территорию. Тогда правительство Польши возглавлял Складковский²³¹, а министром иностранных дел был Бек²³². Они и слушать не хотели о совместной обороне против Германии, а своей враждебностью к СССР они, может быть, хотели как-то откупиться от Германии. Если бы они могли хоть немного мыслить реально, то увидели бы, что Гитлеровская Германия претендовала не только на Польшу, но на огромное «жизненное пространство». Гитлер собирался как минимум захватить еще и Украину. Немцы прямо говорили об этом. Значит, обстановка сама делала нас с Польшей союзниками. Однако, несмотря на реальную угрозу с запада, польские государственные деятели не понимали необходимости объединить наши усилия против Гитлера и тем самым, может быть, удержать Гитлера от нападения и на Польшу, и на Советский Союз.

С учетом складывавшейся ситуации в Киев сообщили (от Сталина я лично этого не слышал, а было передано через военных), что может возникнуть необходимость того, что нашим войскам придется силой пробиваться через польскую территорию в Чехословакию, чтобы оказать ей помощь. Это было очень сложно, если принимать во внимание географическое положение участка, на котором были сосредоточены наши войска. Группа этих войск была сравнительно не столь большой. Двинулись бы мы таким путем в Чехословакию; поляки, естественно, ударили бы по нам с фланга. Не такое это легкое дело – сразу пробиться за Карпаты в данных условиях. Тут, наверное, Гитлер пришел бы «на помощь» Польше. Одним словом, складывалась сложная ситуация.

Однако Франция вдруг разрешила проблему кардинально: она отказалась от выполнения договора с Чехословакией, тем самым положив ее в пасть Гитлеру. Гитлер получил возможность решить дело по-своему: он сначала захватил Судетскую область, пражское правительство ушло в отставку, а президент согласился на «протекторат» со стороны Германии. Далее захватить Чехословакию было уже легче: были оккупированы Чехия и Моравия, образована марионеточная «самостоятельная» Словакия. У словаков в правительство попали тогда фашисты, которые поддерживали Гитлера, фактически – предатели словацкого народа и союзники фашистской Германии. Позднее они приняли участие в войне против СССР на стороне Гитлера.

Когда военные представители Англии и Франции прибыли в СССР, чтобы повести переговоры для сложения военных усилий на случай войны, которую может развязать Германия, то наши с ними переговоры оказались беспредметными. Еще тогда, весной и летом 1939 года, я, приезжая из Киева, за столом у Сталина слышал обмен мнениями по этим делам. Высказывалось мнение, что англичане и французы не хотят фактически объединять наши усилия и нарочно затягивают бесплодные разговоры, чтобы подтолкнуть Гитлера к действиям в направлении Советского Союза и удовлетворить запросы фашистов именно за счет восточных земель. Как-то уже в августе, в субботу, приехал я из Киева к Сталину на дачу. Он сказал мне, что сейчас придут все члены Политбюро и он сообщит им: завтра прилетает к нам немецкий министр иностранных дел Риббентроп²³³. Смотрит на меня и улыбается, выжидает, какое эта новость произведет на меня впечатление? Я тоже на него смотрю, считая, что он шутит: чтобы к нам да прилетел Риббентроп? Что он, бежать из Германии собирается, что ли? Сталин говорит: «Гитлер прислал о том телеграмму, ее передал немецкий посол Шуленбург²³⁴. В телеграмме

²³¹ СКЛАДКОВСКИЙ-СЛАВОЙ Фелициан (1885–1962) – доктор медицины, с мая 1936 г. по сентябрь 1939 г. польский премьер-министр.

²³² БЕК Юзеф (1894–1944) – министр иностранных дел Польши в 1932–1939 гг. Умер от туберкулеза.

²³³ Фон РИББЕНТРОП Иоахим (1893–1946) – министр иностранных дел Германии в 1938–1945 гг. Казнен по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге.

²³⁴ Фридрих Вернер граф фон ШУЛЕНБУРГ (1875–1944) – посол Германии в СССР в 1934–1941 гг. Казнен нацистами

стоит: «Прошу вас, господин Сталин, принять моего министра Риббентропа, который везет конкретные предложения». Сталин добавил: «Вот завтра мы его и встретим».

Завтра – это 23 августа (число я запомнил). Я собирался в тот день поехать на охоту в Завидовское охотничье хозяйство²³⁵, созданное в Московском военном округе. Над этим хозяйством шефствовал Ворошилов, и охотились там военные. Я никогда прежде там не бывал и впервые туда собрался. Мы с Булганиным и Маленковым сговорились, что втроем поедem туда на охоту. Да и Сталину я сказал, что собираюсь завтра поехать на охоту. Он отвечает: «Хорошо, поезжайте. Я с Молотовым приму Риббентропа и послушаю, а потом вы приезжайте с охоты, я расскажу, каковы цели Гитлера и каков результат разговора». Так мы и сделали, втроем в ночь уехали на охоту. Когда приехали в Завидово, то там уже находился Ворошилов. Следовательно, он у Сталина при встрече с Риббентропом тоже не был. С Ворошиловым оказались и другие военные, вообще много людей. Поохотились мы, погода была чудесной, тепло, сухо, охота прошла очень удачно. Прошу не понимать меня как некоего типичного охотника-хвастуна. Но мне действительно тогда удалось убить на одну утку больше, чем Ворошилову. Почему об этом говорю? Да потому, что везде у нас гремело: «Ворошиловские стрелки». Ворошилов, дескать, стреляет из винтовки и из охотничьего ружья лучше всех. И на самом деле, стрелок он был хороший, но только кампания эта в печати носила очень уж подхалимский характер.

Приехал я с охоты и сейчас же направился к Сталину. Повез ему уток, как говорится, для общего котла. У Сталина должны были собраться все члены Политбюро, которые находились в Москве. Я похвалился своими охотничьими успехами. Сталин был в хорошем настроении, шутил. К охоте он относился по-всякому: иной раз и сам порывался поехать, а иной раз (видимо, в зависимости от настроения, в котором пребывал) резко высказывался против охоты: не с точки зрения людей, стоящих на позициях защиты всего живого, а с точки зрения осуждения пустой траты времени. Да, он сам не ездил на охоту, но сплошь и рядом тратил время впустую больше, чем кто-либо другой из ответственных руководителей страны. Имею в виду трату времени понапрасну за столом, с вином, при бесконечных обедах и ужинах. Порою он нелестно отзывался даже о Ленине в связи с охотой. Всем было известно, что Ленин любил охоту и ездил на нее. Правда, некоторые писали, что Ленин, мол, ездил поохотиться, чтобы встретиться с народом в неофициальной обстановке и поговорить по душам. Конечно, имело место, наверное, и это. Но думаю, что тут не это было главным. Ленину не были чужды человеческие увлечения, и он любил охоту. У него была просто охотничья страсть. Поэтому он ходил на охоту, даже будучи в ссылке, да и в Москве, когда стал Председателем Совета Народных Комиссаров. Он выезжал на охоту отдохнуть. Встретиться же с людьми неофициально мог, не беря в руки ружья и не выезжая за город.

Когда я был секретарем Московского комитета партии, то выезжал на охоту в Раменский район. Не помню сейчас, в какой деревне мне рекомендовали побывать чекисты. Меня встретил егерь, старик высокого роста. Меня заранее предупредили, что он охотился в местных лесах и болотах вместе с Лениным. Мы с ним ночевали на сеновале, и он рассказывал там, как Ленин приезжал на охоту и как они охотились. А утром пошли и мы, но полил дождь, и я понапрасну проходил целый день, ни разу даже не выстрелив. Дичи не было видно, мне же было жалко не того, что я никого не подстрелил: я жалел этого егеря. Он, бедняга, переживал и всячески извинялся, хотя никакой его вины тут не было. Ну это, так сказать, некоторые отступления по охотничьему поводу.

А у Сталина мы собрались 23 августа к вечеру. Пока готовили к столу наши охотничьи трофеи, Сталин рассказал, что Риббентроп уже улетел в Берлин. Он приехал с проектом дого-

как участник антигитлеровского заговора.

²³⁵ Оно было образовано хозяйственными органами Московского военного округа в июле 1929 г.

вора о ненападении, и мы такой договор подписали. Сталин был в очень хорошем настроении, говорил: вот, мол, завтра англичане и французы узнают об этом и уедут ни с чем. Они в то время еще были в Москве. Сталин правильно оценивал значение этого договора с Германией. Он понимал, что Гитлер хочет нас обмануть, просто перехитрить. Но полагал, что это мы, СССР, перехитрили Гитлера, подписав договор. Тут же Сталин рассказал, что согласно договору к нам фактически отходят Эстония, Латвия, Литва, Бессарабия и Финляндия таким образом, что мы сами будем решать с этими государствами вопрос о судьбе их территорий, а гитлеровская Германия при сем как бы не присутствует, это будет сугубо наш вопрос. Относительно Польши Сталин сказал, что Гитлер нападет на нее, захватит и сделает своим протекторатом. Восточная часть Польши, населенная белорусами и украинцами, отойдет к Советскому Союзу. Естественно, что мы стояли за последнее, хотя чувства испытывали смешанные. Сталин это понимал. Он говорил нам: «Тут идет игра, кто кого перехитрит и обманет».

Самого договора с Германией я не видел. Думаю, кроме Молотова, Сталина и некоторых причастных к нему чиновников Наркомата иностранных дел, его у нас никто не видел. Нами в Политбюро происшедшие события рассматривались так: начнется война, в которую Запад втягивал Гитлера против нас один на один. В связи с заключенным договором получалось, что войну начал Гитлер, что было нам выгодно с точки зрения и военной, и политической, и моральной. Такими действиями он вызывал на войну против себя Францию и Англию, выступив против их союзника Польши. Мы же остаемся нейтральными. Считаю, что это положение было тогда для нас наилучшим, раз Англия и Франция хотели направить против нас Германию для столкновения один на один, чтобы им самим потирать руки от удовольствия и откупиться от Гитлера за счет нашей крови, нашей территории и наших богатств. Польша же, проводившая вовсе неразумную политику, и слышать не хотела об объединении наших усилий против Германии, хотя бы и в собственных интересах, и у нас просто не было другого выхода.

Если рассматривать войну как некую политическую игру и появлялась возможность в такой игре не подставлять своего лба под вражеские пули, то этот договор с Германией имел оправдание. Я и сейчас так считаю. И все же было очень тяжело. Нам, коммунистам, антифашистам, людям, стоявшим на совершенно противоположных политических позициях, – и вдруг объединить свои усилия с фашистской Германией? Так чувствовали и все наши рядовые граждане... Да и самим нам, руководителям, было трудно понять и переварить это событие, найти оправдание случившемуся для того, чтобы, опираясь на него, разъяснять дело другим людям. Чрезвычайно трудно было, даже при всем понимании ситуации, доказывать другим, что договор выгоден для нас, что мы вынуждены были так поступить, причем с пользой для себя.

Начало Второй мировой войны

Когда 1 сентября немцы выступили против Польши, наши войска были сосредоточены на границе. Я тогда тоже находился в войсках, как член Военного совета Украинского фронта²³⁶, как раз с теми частями, которые должны были действовать в направлении на Тернополь. Там же был и командующий войсками фронта Тимошенко, прежде возглавлявший Киевский Особый военный округ. Когда немцы подступили к той территории, которая по августовскому договору переходила от Польши к СССР, наши войска были двинуты 17 сентября на польскую территорию. Польша к тому времени уже почти прекратила сопротивление немцам. Изолированное сопротивление оказывали им защитники Варшавы и в некоторых других местах, но организованный отпор польской армии был сломлен. Польша оказалась совершенно неподготовленной к этой войне. Сколько было продемонстрировано форса, сколько проявлено гордости, сколько выказано пренебрежения к нашему предложению об объединении антифашистских усилий, — и какой провал потерпела польская военная машина!

Когда мы перешли границу, то нам фактически не оказывалось сопротивления. Очень скоро наши войска дошли до Тернополя. Мы с Тимошенко проехали по городу и оттуда возвращались уже другой дорогой, что было все же довольно неразумно, потому что оставались еще польские вооруженные отряды, которые могли задержать нас. Так мы с ним проехали через несколько местечек, населенных украинцами, и городские поселки с довольно большой польской прослойкой, причем там, где еще не было советских войск, так что всякое могло случиться. Как только вернулись к своим войскам, нам сказали, что Сталин требует нас к телефону. Мы доложили ему, как протекает операция.

Не помню сейчас, сколько дней потребовалось нам для реального окончания кампании, кажется, два или три²³⁷. Если уже в первый день мы подошли к Тернополю, то ко Львову подступили, наверное, на второй или третий день. Немцы тоже подошли к нему, но мы их несколько опередили, хотя ни они, ни мы во Львов еще пока не вступили. Тут возник вопрос, как бы не столкнуться нашим войскам с немецкими. Мы решили войти с ними в прямой контакт. Для этого от советских войск был направлен Яковлев²³⁸, который тогда командовал артиллерией Киевского Особого военного округа. Он немного знал немецкий язык и лично вступил в переговоры с командованием войск, подошедших с запада ко Львову. Нашими частями там командовал Голиков²³⁹. К нему я и приехал. Его штаб расположился недалеко от Львова, в поле под скирдами. Переговоры с немцами закончились довольно быстро: они хотели войти первыми во Львов, чтобы успеть пограбить его городские ресурсы. Но так как наши войска уже стояли рядом, то они не захотели в тот момент демонстрировать враждебность, показали, что придерживаются договора, и заявили: «Пожалуйста».

Наши войска вступили во Львов, потом в Дрогобыч, Борислав, откуда немцы отошли назад, и мы вышли на границу, определенную августовским договором. Некоторые территории, намеченные как наши, были уже заняты немцами, но Гитлер играл с большим размахом и не хотел «по мелочам» создавать с нами конфликты. Напротив, он хотел тогда расположить нас к себе и показать, что он «человек слова». Поэтому немецкие войска были частично отведены, и наши войска вышли на линию границы, обусловленной договором, подписанным Риббентропом и Молотовым. Так закончился первый этап этих событий. Наблюдался большой подъем

²³⁶ В сентябре — ноябре 1939 г. действовали для освобождения районов Западной Белоруссии и Западной Украины Белорусский и Украинский фронты.

²³⁷ Эта военная кампания была осуществлена Красной Армией за 9 дней.

²³⁸ ЯКОВЛЕВ Николай Дмитриевич (1898–1972) был тогда начальником артиллерии Киевского Особого ВО.

²³⁹ ГОЛИКОВ Филипп Иванович (1900–1980), командовал 6-й армией, с июня 1940 г. — генерал-лейтенант.

и в наших войсках, и в советском народе в связи с воссоединением западных земель. Украина давно стремилась воссоединить в едином государстве весь украинский народ. Это были земли, исторически действительно украинские и украинцами заселенные, хотя и за исключением городов. Так, Львов был населен поляками, составлявшими там большинство. Иногда это принимало характер искусственного заселения. Например, во Львове украинцев не принимали на работу даже по мощению улиц. Проводилась явная дискриминация для того, чтобы было больше польского населения в городах и оно служило бы опорой власти вдоль границы, установленной в результате нападения войск Пилсудского²⁴⁰ на Советскую Россию в 1920 году. Тогда в состав Польши вошли земли, которые до Первой мировой войны входили в состав Российской империи. Советская страна была слаба и не смогла в ту пору отстоять даже прежних границ царской России с Австро-Венгрией. Поляки, заимев эти и другие территории, населенные украинцами и белорусами, расположили по границе польское население, назвав этих лиц осадниками. Были среди них и крестьяне, тоже опора варшавской власти на границе с СССР.

Воссоединение народов Украины и Белоруссии и вхождение затем восточно-прибалтийских государств в состав Советского Союза – эти события советский народ воспринял правильно, и они вылились во всенародное торжество. Мы тогда безоговорочно прославляли прозорливость Сталина, его государственную мудрость, его заботу о государстве, умение решать вопросы укрепления СССР и создания еще большей неприступности наших, советских границ. Шутка ли сказать, мы вышли к Балтийскому морю, перенесли на запад те границы, которые проходили близ Киева. Ну, а то, что мы заключили с немцами пакт о ненападении, то, думаю, абсолютное большинство членов партии воспринимало это как тактический шаг. Это было правильное понимание, хотя мы об этом не могли говорить и не говорили открыто. Даже на партийных собраниях не говорили. Многие люди не могли допустить, что у нас, у коммунистов, чьи идеи противоположны фашистским, могут быть какие-то договоренности, хотя бы о возможности мирного сосуществования, с Гитлером. С немцами вообще – да, но с Гитлером подобное невозможно.

Сталин же считал, что с подписанием договора война минует нас на какое-то время. Он полагал, что начнется война между Германией, с одной стороны, Францией и Англией – с другой. Возможно, Америка тоже будет втянута в войну. Мы же будем иметь возможность сохранить нейтралитет и, следовательно, сохранить свои силы. А потом будет видно. Говоря «будет видно», я имею в виду, что Сталин вовсе не предполагал, что мы останемся нейтральными до истечения этой войны: на каком-то этапе все равно включимся в нее. Вот мое понимание событий того времени при взгляде на них из настоящего, вернее – уже из будущего.

Если уж говорить здесь о национальных интересах украинцев, то они еще не были полностью удовлетворены названным договором. Известен и другой договор, который был подписан после Первой мировой войны бывшими союзниками царской России. Он определял западные границы России как члена Антанты и их союзника и называвшиеся «линией Керзона»²⁴¹. «Линия Керзона» относительно линии, обозначенной по договору Риббентропа – Молотова, проходила западнее. Поэтому украинцы считали, что они кое-что недополучили из тех своих земель, которые были признаны за Украиной даже со стороны бывших союзников России в результате разгрома в Первой мировой войне германского блока. А пока что временно завершился первый этап военно-политической напряженности, которую мы переживали, и для нас наступила некоторая разрядка. Мы считали, что данный этап закончился в пользу СССР, хотя мы и не получили всего, что нам исторически полагалось. «Лишнее» же было у нас, кажется, только где-то у Белостока, где издавна жило польское население.

²⁴⁰ ПИЛСУДСКИЙ Юзеф (1867–1935) – видный деятель Польской социалистической партии с начала XX в., в 1919–1922 гг. начальник Польского государства, в 1926–1928 гг. и с 1930 г. польский премьер-министр, фактически диктатор.

²⁴¹ КЕРЗОН Джордж Натаниел (1859–1925) – британский маркиз, министр иностранных дел в 1919–1924 гг. Его «линия» была рекомендована Верховным советом Антанты в качестве восточной границы Польши.

После разгрома гитлеровской Германии во Второй мировой войне граница была там исправлена, и этот район мы передали Польше. Впрочем, к ней отошли и отдельные земли с чисто белорусским и украинским населением. Видимо, Сталин для того, чтобы «задобрить» польское самолюбие, уступил их: тут, я бы сказал, имел место акт большой политической игры на новой основе, чтобы ослабить неприятный осадок, который остался у польского народа в результате договора, подписанного нами с Риббентропом. Ведь мы вроде бы отдали Польшу на растерзание гитлеровской Германии и сами приняли в этом участие. Правда, Польша приобретала одновременно на западе более жирный, грубо выражаясь, кусок: огромные и богатые территории, значительно перекрывавшие те, которые вернулись к Украине и Белоруссии; это западные районы по границе вдоль рек Одер и Нейсе, а кроме того, еще город Штеттин, который расположен на левом берегу устья Одера. Он тоже отошел к Польше в результате нажима на наших союзников со стороны СССР при переговорах на Потсдамской конференции.

А в 1939 году мы были уверены, что польский народ – рабочие, крестьяне и интеллигенция правильно поймут необходимость советско-германского договора. Не наша была вина, что мы подписали такой договор: то вина неразумного тогдашнего польского правительства, ослепленного антисоветской ненавистью и враждебного также к рабочим и крестьянам собственного государства. Оно боялось войти в контакт с Советским Союзом, чтобы не поощрить свободолобивые идеи и не укрепить Коммунистическую партию Польши, которой оно боялось больше всего. Ведь если бы мы объединили тогда свои усилия с Польшей и столкнулись с войной против Германии, то судьба польского правительства зависела бы от польского народа. Я тоже считаю, что договор 1939 года, подписанный Молотовым и Риббентропом, был для нас неизбежен в сложившейся ситуации. И не потому, что он был выгоден для Советского Союза: то был шахматный ход. Его так и надо рассматривать, потому что если бы мы этого не сделали, то все равно началась бы война против нас, но, может быть, в обстановке, менее благоприятной для нас. А так война уже начиналась, мы же пока стояли в стороне, нам была предоставлена передышка. Полагаю, что это было правильным шагом, хотя и очень болезненным.

Особенно больно было то, что оказалось совершенно невозможно вразумительно разъяснить людям выгоду этого договора. Ведь что это лишь шахматный ход, нельзя было сказать открыто, потому что надо было играть с Германией. Игра же требовала не раскрывать своих карт перед Гитлером. Приходилось разъяснять дело так, как тогда у нас разъясняли: газетным языком. И это было противно, потому что никто разъяснениям не верил. Некоторые люди проявляли прямое непонимание: они действительно считали, что Гитлер искренне пошел на договор с нами, а нам нельзя было объяснить через органы печати, что не надо верить ему. Одним словом, сложилась очень тяжелая обстановка для нашей пропаганды. А Гитлер тоже шел на тактический шаг, подписывая с нами договор, с тем чтобы выиграть время и поодиночке расправиться с противниками. Сперва он хотел расчистить себе путь на восток, уничтожив Польшу, и таким образом войти в соприкосновение с нашими войсками, с советской границей. Он считал, видимо, что когда он молниеносно расправится с Польшей, то Англия и Франция не посмеют объявить войну Германии, хотя у них был договор с Польшей, в котором говорилось, что если Германия нападет на Польшу, то они придут ей на помощь.

И действительно, Англия и Франция объявили войну Германии. Именно это послужило началом Второй мировой войны, но в ней мы еще не участвовали, а только продвинули свои войска западнее и заняли новую границу, то есть, как тогда мы объясняли людям, взяли под свою руку, под свою защиту братские народы Западной Украины и Западной Белоруссии.

Итак, началась Вторая мировая война, но «большой» она еще не стала. Последовал период «странной войны». Французы и англичане объявили Германии войну, сконцентрировали свои войска, подтягивали резервы. Англия перебрасывала войска с островов на континент, демонстрировалось проведение плановых военных операций. Французы же, видимо, были очень уверены в неприкосновенности своей укрепленной «линии Мажино». Они строили

ее много лет, и она действительно имела большое значение для организации обороны страны. Но одна оборонительная линия не обеспечивает безопасности, это лишь материальное средство. Оборонять страну должны люди, которые занимают эту линию. Гитлер тоже построил свою линию, которую назвал «линией Зигфрида». Таким образом, их войска стояли друг перед другом. Гитлер пока не предпринимал активных шагов против Англии и Франции, а они не предпринимали активных военных операций против Германии. Германия бросила войска на восток, против Польши, и ей нужно было время для их перегруппировки.

Потом Муссолини открыл военные действия против Греции и завяз в них. Далее Гитлер напал на Югославию и расправился с ней, потому что Германия была сильнее; почти без выстрелов оккупировал Данию и Норвегию, практически без сопротивления захватил Голландию, вторгся в Бельгию, в 1940 году захватил большую часть Франции. Так он обеспечил себе на довольно большом пространстве морскую линию, защиту от английского флота и на севере подошел вплотную к нашему Мурманску. Естественно, что Советское правительство тем временем реализовывало меры, вытекавшие из договора, подписанного Молотовым и Риббентропом. Мы начали осенью 1939 года переговоры с Эстонией, Латвией и Литвой и предъявили им свои условия. В сложившейся тогда ситуации эти страны правильно поняли, что им не устоять против Советского Союза, и приняли наши предложения, заключив с нами договоры о взаимопомощи. Потом произошла смена их правительств. Само собой разумеется! Некоторые их руководители, например президент Литвы Сметона²⁴², бежали в Германию. Это уже было не столь важно. Одним словом, там были созданы правительства, дружески настроенные к Советскому Союзу. Коммунистические партии этих стран получили возможность легально действовать. Прогрессивные силы шире развернули работу среди масс рабочих, крестьян и интеллигенции за твердую дружбу с СССР. Кончилось это тем, что через какое-то время в этих странах была установлена Советская власть.

А в Западной Белоруссии и Западной Украине сразу приступили к организации советских органов в районах, которые в 1939 г. вошли в состав СССР. Сначала новая власть была еще юридически не оформлена, потому что только что пришли наши войска. Поэтому мы создавали временные революционные местные органы. Народ западных областей Украины встречал нас очень хорошо. Правда, польское население чувствовало себя угнетенным, но украинское население чувствовало себя освобожденным. На собраниях, которые мы устраивали, украинцами произносились весьма революционные речи, хотя, конечно, не всеми, потому что в этих областях была сильна националистическая прослойка. Она возникла еще в рамках Австро-Венгрии и теперь вела борьбу против коммунистов, против советского влияния, особенно во Львове, где имелась многочисленная украинская интеллигенция. Во Львове действовал даже как бы своеобразный филиал украинской Академии наук. Возглавлял его, кажется, академик Студинский²⁴³. В эту же группу лиц входил сын писателя Ивана Франко Петр, на мой взгляд, он был самым неудачным произведением украинского классика, очень неразумным человеком. Он держался в отношении нас довольно неустойчиво: то вроде бы поддерживал нас, то склонялся к нашим противникам.

Во Львове и других западноукраинских городах была также большая еврейская прослойка как среди рабочих, так и среди интеллигенции. Не помню, чтобы от этой части населения исходило что-либо отрицательное, антисоветское. Среди еврейских рабочих и интеллигенции было много коммунистов. Организация коммунистов называлась КПЗУ (Коммунистическая партия Западной Украины). В нее входили и украинцы, и евреи. А когда мы собрались на митинг во Львовском оперном театре, то пригласили туда и украинцев, и евреев,

²⁴² СМЕТОНА Антанас (1874–1944) – президент Литвы в 1919–1920 гг. и вновь в 1926–1940 гг.

²⁴³ СТУДИНСКИЙ Кирилл Иосифович (1868–1941) – литературовед, с 1929 г. акад. АН УССР, в 1900–1918 гг. и 1939–1941 гг. преподаватель (затем профессор) Львовского университета.

и поляков, в основном рабочих, хотя пришла и интеллигенция. Выступали там среди других и евреи, и нам странно было услышать, как они сами говорили: «Мы, жида, от имени жидов заявляем...» и прочее. Дело заключалось в том, что по-польски евреев так называют в обыденной речи, не имея в виду ничего дурного. Мы же, советские люди, воспринимали это как оскорбление еврейского народа. И потом, в кулуарах собрания, я спрашивал: «Отчего вы так говорите о евреях? Вы произносите – “жиды”, это же оскорбительно!» Мне отвечали: «А у нас считается оскорбительным, когда нас называют евреями». Для нас слышать такое было очень странным, мы не привыкли к этому. Но если обратиться к украинской литературе, то в ней слово «жид» тоже звучит не ругательным, а вроде определения национальности. Украинская песенка: «Продам тэбэ жыдові рудому» означает «Продам тебя еврею рыжему». Этот эпизод запечатлелся в моей памяти, потому что противоречил нашей практике, нашей привычке.

Вообще же там нас встречали многие хорошие ребята, только я забыл их фамилии. Это были люди, которые прошли польские тюрьмы, это были коммунисты, проверенные самой жизнью. Однако их партия была по нашему же решению распущена, и Коммунистическая партия Польши, и КПЗУ. Отчего? Они, согласно нашему пониманию, требовали проверки, хотя их члены были коммунистами и завоевали это звание в классовой борьбе. Многие из них имели за плечами польские тюрьмы, какая еще нужна проверка? Но тогда у нас были другие понятия. Мы смотрели на них как на неразоблаченных агентов: их, дескать, не только надо проверять, но и проверять под особой лупой. И очень многие из них, получив тогда освобождение от нашей Красной Армии, попали потом в наши, советские тюрьмы. К сожалению, дело было именно так. Безусловно, среди них имелись и провокаторы. Наверное, были и шпионы. Но нельзя же рассматривать каждого человека, который с открытой душой приходит к нам, как подосланного, как агента, который приспособливается и втирается в доверие. Это порочный круг мыслей. Если все основывать на этом, то к чему это приведет? Об этом раньше я уже вел речь.

А как реагировало на наш приход польское население? Оно реагировало очень болезненно, и это мне понятно. Во-первых, поляки считали (а это факт), что они лишились государственной самостоятельности. Они говорили: «Какой это по счету раздел Польши? И опять же кто делит? Раньше делили Германия, Австрия и Россия, а теперь?» Так оценивались события людьми, которые были против нашей акции: «Опять Россия разделила Польшу, раздавила ее независимость, лишила самостоятельности, разделила между собой и Германией!» Помню, из Дрогобыча поехал я в Борислав посмотреть нефтяной завод (там находились два нефтеперерабатывающих завода), на добычу нефти и газа, заодно и послушать людей. Приехал на химический завод. Он был довольно основательно потрепан. Это сделали немцы, уходя оттуда перед нашим прибытием, и не без умения. Они разрушили главные аппараты для переработки нефти. Когда я приехал, там было просто как бы пепелище, по которому ходили люди. Я заговорил с ними. Ими оказались поляки среднего возраста, морально очень угнетенные. Я был в полувоенной форме, то есть без знаков отличия, но в шинели и военной гимнастерке, поэтому они меня рассматривали именно как военного.

Стал я их расспрашивать, подчеркнуто проявляя вежливость. Один из них надломленным голосом сказал: «Ну, как же мы теперь оказались в таком положении? Вот ведь нас...» – и замолчал. А потом, все намеками, выражал не то чтобы прямое недовольство, а как бы грусть, сожаление о том, что произошло. Это мне было понятно. Там же находился один молодой человек, который заговорил на украинском языке. Он вступил в спор и очень резко стал возражать поляку. Тут я понял, что это был украинец, и спросил его, кто он. Он ответил: «Инженер, единственный на этом предприятии инженер-украинец. Вы не знаете, как трудно было нам в Польском государстве получить образование и как трудно, получивши образование, получить затем работу». Поляк посмотрел жалобными, просящими глазами на этого украинца и стал апеллировать к его совести: «Что вы здесь говорите?» Он, видимо, испугался, что тот говорит представителю Советской власти и военному так нелестно о людях, с которыми рабо-

тал на этом предприятии. Может быть, испугался за свою судьбу. Я начал доказывать поляку обратное. Сейчас уже не помню своей аргументации, но, видимо, говорил, что украинец прав, потому что поляки действительно проводили неразумную внутреннюю политику относительно украинцев. Мне это тоже было понятно, потому что рядом лежала Советская Украина, сильная часть Советского Союза, и Польское государство боялось ее воздействия. А польское правительство рассматривало украинцев как неразоблаченных агентов Советской Украины и соответственно реагировало.

Собирали мы для собеседований и польскую интеллигенцию. Ее тоже оказалось немало на территории, занятой нашими войсками. Я узнал, что есть там писательница Ванда Львовна Василевская, чей голос хорошо слышен среди польской интеллигенции. Потом я с ней познакомился и очень сдружился. Она очень милая, умница и порядочный человек. Сначала была ППСовкой, то есть членом Польской социалистической партии, потом стала коммунисткой. Эта ППСовка писала книги, которые вовсе не находили одобрения у польского ППСовского правительства, ибо она больше всего писала об украинской и белорусской бедноте, проводила в тех районах много времени, изучала быт, жизнь народа и отражала их в своих произведениях, направленных против власть имущих. Это и определило ее положение в польском обществе. По-моему, она находилась даже одно время под арестом. Почему я задерживаюсь здесь на Ванде Василевской? У меня остались добрые воспоминания об этой женщине, большой общественнице, преданнейшем гражданине, человеке неумолимой честности и прямоты. За это я ее весьма уважал. Я лично слышал, как она говорила Сталину в лицо очень неприятные вещи. Несмотря на это, он ее слушал, приглашал, и не раз, на официальные беседы и на неофициальные, товарищеские обеды и ужины. Такой был у Василевской характер! А тогда мне сказали, что Василевская находится в одном из районов, занятых нашими войсками. Она убежала из захваченной немцами Варшавы и пришла к нам пешком, и мы ждали ее, я же был насторожен и заинтригован, интересуясь, что же это за Василевская? Хотя и кроме Василевской там было много других польских писателей, но настроенных иначе.

Их позиция не была такой, которая одобрялась нами. Они несли в себе пережитки польского национализма и определенных взглядов на украинцев, а нашу вынужденную акцию понимали неправильно, заявляли, что мы договорились с немцами за счет поляков. Хотя официально мы никогда не отказывались навсегда от своих территорий, которые временно вошли в состав Польши. Ведь это польское правительство нарушило «линию Керзона» в ущерб интересам Советской страны. Польше было неразумно цепляться за эти земли, пытаться удерживать их и всегда при этом ожидать какой-либо акции, которая восстановила бы справедливость и определила более верные границы. Этнография и история были не в пользу тех границ, которые были установлены между Польшей и Советским Союзом. Этого многие польские интеллигенты не понимали и занимали неправильную позицию. Но за исключением Василевской.

Ванда Львовна (Н.С. Хрущев обычно называл людей, даже близких, по имени и отчеству; более далеких – по фамилии, и всегда при личной встрече – на «вы». – С.Х.) пришла во Львов в коротком полушубке и простых сапогах. Внешность у нее была простая, хотя сама она из знатного польского рода. Она была дочерью того Василевского²⁴⁴, который при Пилсудском был министром, а кроме того, его ближайшим другом. Василевский – это как бы доверенный человек Пилсудского. Мне неудобно тогда было спрашивать об этом Василевскую, но ходили слухи, что Ванда Львовна – крестная дочь Пилсудского. Насколько это соответствует истине, не знаю, она же вовсе не стыдилась ни прошлого, ни своего отца. Помню также и такой случай, уже после разгрома гитлеровской Германии. Подросла дочь Ванды Львовны Эва, получила образование и работала в Москве в какой-то библиотеке. Разбирая архивы, пришла как-то к

²⁴⁴ ВАСИЛЕВСКИЙ Леон (1870–1936) – историк, публицист, этнограф и переводчик. В 1918–1919 гг. был министром иностранных дел Польши.

матери и говорит: «Я нашла книги моего дедушки и все их отправила в подвал. Содержание их явно антисоветское». Я встречался с Эвой еще при жизни ее мамы, когда Эва была лишь подростком. Сейчас не знаю ее судьбы. Василевская сразу заняла четкую просоветскую позицию, с пониманием отнеслась к вступлению наших войск на территорию, определенную договором Советского Союза с Германией, и стала разъяснять польским товарищам нашу позицию, чем оказала огромную помощь и ВКП(б), и мне лично, как секретарю ЦК КП(б)У. Вскоре я практически переселился во Львов, организовывая там всю повседневную работу. Нашлись затем и другие поляки, которые активно с нами сотрудничали, но все же равных Ванде Василевской не оказалось.

Что касается договора с Германией, то он был у нас опубликован не полностью. Была опубликована лишь та часть, в которой говорилось, что мы договорились о ненападении. Но, помимо этого, имелись пункты, которые касались польской территории и наших новых западных границ. Польша утрачивала независимость, что не было оговорено в тексте, однако вытекало из его духа: она превращалась в немецкий протекторат. Следовательно, наша граница получалась уже не с Польшей, а с Германией. Я лично всего текста договора не видел, но знаю об этом из информации от Сталина после подписания договора. Из договора вытекало также наше отношение к Литве, Латвии, Эстонии, Финляндии и Бессарабии. Судьба их территорий тоже была оговорена, причем эта часть тоже не была опубликована. Говорю об этом потому, что людям, которым следует ознакомиться с этими материалами, надо бы заглянуть в дипломатические документы, в текст договора. Я же считаю своим долгом высказаться, чтобы было вполне ясно, как я понимал этот договор и что им предусматривалось.

В те дни встречались и анекдотичные, смешные случаи. Хочу рассказать и о них. Мы долго находились под впечатлением работы, которая была проведена по разоблачению «врагов народа» и их уничтожению. Поэтому, когда мы заняли западные территории и сформировали там временные революционные комитеты, то самым ответственным местом у нас оказался Львов, столица Западной Украины. Там жило много украинских интеллигентов, раньше имевших австрийское подданство, затем польское. По своим настроениям они были проукраинцами. В Польше их обвиняли в том, что они просоветские лица, хотя это надо было понимать с оговоркой: все же они предпочитали не Советскую Украину, а просто Украину. А если их спросить о столице, то они сказали бы, что лучше всего украинскую столицу иметь во Львове. Председателем Львовского городского ревкома был утвержден первый секретарь Винницкого обкома КП(б)У Мищенко²⁴⁵. Как-то поздней осенью я зашел к нему в кабинет посмотреть, как он работает. Там толпился народ, надо было срочно решать вопросы городского хозяйства: о трамваях, о мощении улиц, которые были разрушены, о водоснабжении и электричестве. Люди, которые работали раньше на соответствующих постах, главным образом поляки, хотели определить свое положение при новой власти и пришли за этим в революционный комитет, чтобы засвидетельствовать, что они занимают вот такие-то и такие-то посты и хотят получить указания. Это было естественно.

Что же я увидел? Сидел председатель ревкома одетым в полушубок, поверх которого натянул шинель. Не знаю, как он сумел сделать это, потому что сам был огромного роста, крупный человек. На его ногах валенки, из шинели торчали два револьвера. Одним словом, только пушки у него не доставало за плечами, потому что слишком тяжела. Люди сидели и смотрели на него. Закончился прием. Остались мы одни, и я сказал ему: «Вы производите плохое впечатление не только насчет себя, но и о советских органах власти, о всех наших людях, о нашей трусости. Что вы сделаете вашими пистолетами, если кто-нибудь из террористов придет

²⁴⁵ МИЩЕНКО Гавриил Корнеевич (1904–1952?). В 1939–1952 гг. член центральной Ревизионной Комиссии ВКП(б). В 1938–1941 гг. и 1943–1945 гг. первый секретарь Винницкого обкома КП(б)У. В 1945–1947 гг. слушатель Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б). В 1947–1952 гг. представитель Совета по делам колхозов при правительстве СССР по Одесской и Херсонской областям Украины.

и захочет вас убить? Он застрелит вас вашими же пистолетами. Зачем вы их демонстрируете? Почему у вас торчат рукоятки? Спрячьте их в карманы и оденьтесь поприличнее». Мищенко был смущен и выражал явное непонимание моих претензий. Ведь он проявлял свою «революционность», свою «непреклонность»!

Пришлось нам спустя какое-то время пересмотреть назначения. Люди, которые работали здесь временно, возвратились на прежние посты. Мищенко тоже вернулся в Винницу. Во Львове были выдвинуты новые люди, но это было сложным делом, потому что польский аппарат власти не то что саботировал (я такого не припоминаю), но был деморализован, морально парализован. Конечно, наш приход его не воодушевлял и энтузиазма в работе не прибавлял. Спустя много лет после войны, когда я беседовал с Гомулкой, он рассказал, что был в рабочей обороне в те дни, когда мы вошли в Польшу, а потом мы его мобилизовали, и он еще какое-то время трудился в Киеве, на строительстве подземных железнодорожных переходов.

Сталин перед войной предложил проделать железнодорожные тоннели под Днепром: один – севернее Киева, другой – южнее. Работали там московские метростроевцы. Но мы не успели сделать переходы до войны, а после войны в них отпала надобность, и работы были прекращены. Остатки же тоннеля сейчас служат памятником прошлому.

Наша деятельность по советизации Западной Украины продолжалась довольно успешно, сопротивления мы тогда не встречали. Не помню активных, тем более вооруженных выступлений против нас. Позднее стал проявлять активность Степан Бандера²⁴⁶. Когда мы заняли Львов, он сидел в местной тюрьме, будучи осужденным в связи с убийством польского министра внутренних дел. Не помню сейчас, какой была роль Бандеры в этом: сам ли он стрелял в министра или был одним из тех, кто организовывал это убийство. Мы проявили тогда безрассудство, освобождая заключенных без проверки. Не знаю, правда, имелась ли у нас возможность произвести такую проверку. Все заключенные были освобождены, в том числе получил свободу и Бандера. Тогда его действия нам импонировали: он выступил против министра внутренних дел в реакционном Польском государстве. Не нам было оплакивать гибель этого министра. Но так как эти акции были произведены группами, которые не были друзьями Советского Союза, а были его противниками, националистами, ненавидевшими советский строй, то надо было бы это учесть. Позднее мы столкнулись с Бандерой, и он нам причинил очень много бед. Мы потеряли тысячи людей уже после войны, когда развернулась острая вооруженная борьба украинских националистов против Советской власти. Бандера оказался прямым агентом Германии. Когда Германия готовилась к войне и после начала войны, эти агенты германского империализма, националисты-бандеровцы активно помогали гитлеровцам.

Правда, когда Бандера увидел, что немцы и не думают выполнять данные ему обещания об образовании независимой Украины, он повернул свои отряды против них, но при этом не перестал ненавидеть Советский Союз. Под конец войны он сражался и против нас, и против немцев, а после войны возобновил борьбу с Советской властью. Кто же такой Бандера? Не все это у нас знают. Степан Бандера был из духовного рода, отец его являлся священником в Станиславской области не то в самом городе Станиславе. Учился Бандера во Львовском политехническом институте, имел образование. Сначала он стал вождем украинских националистов в западных областях Украины, а позже – общепризнанным вождем всего украинского национализма.

---

²⁴⁶ БАНДЕРА Степан Андреевич (род. в 1908 г., убит советским агентом в Мюнхене в 1959 г.) участвовал с 1920-х гг. в подпольной Украинской войсковой организации, созданной в Польше Е. Коновальцем, с 1929 г. член Организации украинских националистов, с 1933 г. председатель ОУН на западноукраинских землях, участвовал в террористических покушениях на польских государственных деятелей, сидел в польской тюрьме, был освобожден в 1939 г. во время германо-польской войны, после 1941 г. руководил антисоветской деятельностью Украинской повстанческой армии на временно оккупированной фашистами территории Украины, зимой 1945 г. перебрался в Германию и руководил оттуда той же деятельностью, находясь до конца жизни в ФРГ и выступая под псевдонимом Стефан Поппель.

Когда после вступления Германии в войну против Польши наши войска вышли на разграничительную границу, наступил большой подъем настроения в украинском народе, да и у всего советского народа, с одной стороны, а с другой стороны – всех угнетало предчувствие, что, видимо, скоро разразится война, и она не минует Советский Союз. А если Советский Союз будет вовлечен в войну, то эти новые районы Западной Украины (как украинцы говорили «захидной»), вошедшие в состав УССР, в первую голову попадут в сферу огня. Западные украинцы по-разному переживали наступающую угрозу. Украинские националисты, озлобленные враги Советского государства, ждали войну и готовились к ней. Они радовались, потому что им заморочил голову Геббельс тем, что в результате войны немцев против СССР Украина получит государственную независимость. Они были ослеплены национализмом и не могли оценить величие передового советского строя. Эти люди ждали войны и все делали для того, чтобы ее приблизить. Они готовились к тому, чтобы облегчить немцам оккупацию Украины, считая, что Гитлер своими войсками очистит Украину от «москалей» и преподнесет им торжественно, на блюде независимую Украину.

Потом украинские националисты увидели, чем все кончилось; их надежды рухнули, а Гитлер стал их самих сажать в тюрьмы и вести против них беспощадную борьбу. Некоторые из них даже вынуждены были уйти в подполье и перейти к террористическим актам против немцев. Правда, эти террористические акты они совершали очень редко. Они накапливали силы, считая, что если Советский Союз начнет наступать против Германии, то им надо иметь свои войска, которые бы на завершающем этапе очистки территории от немцев позволили им захватить власть и создать Украину, «незалежну» от «москалей», от Москвы. Вот такая ситуация сложилась в то время, когда мы боролись за укрепление Советской власти в Западной Украине и готовились к неизбежной войне.

Хочу рассказать о некоторых трагических случаях, которые пришлось наблюдать мне либо слышать о них, мне докладывали работники Наркомата внутренних дел. Наркомом внутренних дел Украины был в это время Серов²⁴⁷. Он незадолго до того окончил военную академию. В порядке укрепления органов госбезопасности тогда было много мобилизовано командиров на эту работу. В числе мобилизованных и он попал к нам наркомвнуделом Украины. Опыта такой работы у него еще не имелось. Это было плохо, но это же было и хорошо, потому что уже накопился вредный для страны и для партии опыт, приобретенный провокациями и при арестах невинных людей, их допросах с ухищренными истязаниями для вынуждения признаний, буквально с расправами. Допрашивающие сами уже были превращены в машину и поступали так, руководствуясь мыслью: если я этого не сделаю, то это же мне сделают вскоре другие; лучше я сам сделаю, чем это сделают надо мной. Страшно представить в наше время, что коммунисты вынуждены были руководствоваться в своих поступках не сознанием, не совестью, а каким-то животным, зоологическим страхом за собственную судьбу и, чтобы сохранить себе жизнь, губили жизни честных, ни в чем не повинных людей...

Серов согласно служебным обязанностям установил тогда контакты с гестапо. Представитель гестапо официально прибыл по взаимной договоренности во Львов со своей агентурой. Не знаю точно, какая у него имелась сеть агентов, но она была большой. Предложением послужил «обмен людьми» между нами и Германией: лица, которые покинули территорию, занятую германскими войсками, и желавшие вернуться по месту своего жительства до захвата немцами Польши, получали такую возможность. И наоборот: лица, которые остались на тер-

---

²⁴⁷ СЕРОВ Иван Александрович (1905–1990) – член партии с 1926 г., окончил в 1935–1938 гг. Военную академию РККА им. М.В. Фрунзе, с 1939 г. работал в НКВД, со 2 сентября 1939 г. нарком внутренних дел УССР, с 1941 г. первый заместитель наркома госбезопасности СССР, потом зам. наркома внутренних дел СССР, в 1945–1947 гг. зам. главноначальствующего Советской военной администрации в Восточной Германии, до 1954 г. первый зам. министра внутренних дел СССР, до 1958 г. председатель Комитета госбезопасности, до 1963 г. начальник Главного разведывательного управления Министерства обороны СССР, затем служил до 1965 г. в Туркестанском и Приволжском военных округах, далее пенсионер.

ритории, занятой немецкими войсками, но хотевшие перейти на территорию, занятую советскими войсками, тоже могли возвратиться к себе. Во время этой работы по обмену ко мне пришел Серов и рассказал: «У пункта регистрации желающих вернуться на польскую территорию стоят огромные очереди. Когда я подошел туда, мне стало больно: ведь главным образом очередь состояла из еврейского населения. Что с ним будет? И настолько люди преданы всяким там бытовым мелочам – квартире, вещам. Они давали взятки гестаповцам, чтобы те помогли им поскорее выехать отсюда и вернуться к своим очагам». А гестаповцы охотно это делали, брали взятки, обогащались и препровождали их прямо в лагерь. Мы же ничего не могли поделать, потому что наш голос для этих несчастных людей ничего не значил: они хотели попасть домой. Может быть, у кого-то оставались там еще и родственники. Одним словом, они хотели вернуться туда, где родились и где жили, хотя и знали, как немцы у себя, в Германии, расправились с евреями. И все же польские евреи, которые волей судьбы оказались на территории, занятой Советским Союзом, всеми правдами и неправдами стремились вернуться на землю, где уже господствовал фашизм и где им была уготована печальная участь. С другой стороны, много людей, особенно евреев, бежало от фашистов и к нам. Они ведь следили, как фашисты относятся к еврейскому населению, как они громили евреев у себя в стране, устанавливали для них особые «знаки отличия», чинили унижения и издевательства над еврейским народом. Должен сказать здесь и о Серове. Он в свое время был наказан и освобожден от министерской должности, так как проявил неосторожность. Но он при всех своих ошибках – честный и неподкупный человек. Я относился к нему с уважением и доверием.

А вот еще один случай, причины которого я не понял и был им очень огорчен. Во Львове оказалась Бандровска²⁴⁸ (не ручаюсь за точность фамилии), известная польская оперная певица. Мне доложили, что она находится на нашей территории. Я попросил людей, занимавшихся вопросами культуры, провести с ней переговоры и, если она захочет, предоставить ей возможность петь во Львовской опере; если же нет, то предоставить возможность петь в киевской, харьковской или одесской опере. Одним словом, дать ей любую возможность. Я думал, что это ее соблазнит и что она останется у нас. Мне не хотелось, чтобы такая известная певица вернулась на польскую территорию, занятую фашистами. Ведь она там будет петь, и это станет как бы шагом, направленным и против польского народа, и против советского народа. Но она не захотела остаться и вернулась к себе. Когда вели с ней переговоры, Бандровска проявила хитрость: она вела переговоры с нами и как будто изъявляла желание принять наше предложение, а в то же время вела тайные переговоры с немцами. Они тайком переправили ее на территорию, уже занятую ими. Пришел ко мне Серов и говорит: «Бандровской нет. Она в Кракове и уже выступала в театре перед офицерами немецкой армии».

Польская интеллигенция, оказавшаяся на территории, занятой Красной Армией, по-разному воспринимала приход наших войск в Западную Украину и Западную Белоруссию. Многие интеллигенты, что понятно, были, как говорится, буквально огорошены. Они находились в состоянии какого-то шока. Их страна подверглась нападению гитлеровского государства, и вот Польша разгромлена, Варшава сильно разрушена, другие города – тоже. Что будет дальше? Воспитанные на буржуазных традициях, буржуазном понимании хода событий, эти люди как бы теряли свою самобытность, свое лицо. Они не могли понять, что польская культура и польская нация продолжают развиваться на территории, отошедшей к Советскому Союзу. Да, это была небольшая территория, заселенная поляками, в сравнении с территорией и населением, захваченными гитлеровской Германией. Естественно, поляки воспринимали и переживали все это очень глубоко и трагично. Некоторые из них выбирали из двух зол меньшее. Они были против Советской власти, но, сравнивая ее с тем, что принес полякам Гитлер, предпочитали Гит-

²⁴⁸ БАНДРОВСКА-ТУРСКА Эва (1899–1979) – польская певица, выступавшая в 1918–1960 гг. на оперной сцене и в концертах, профессор Краковской и Варшавской консерваторий.

леру Советы. Имелись и такие, которые, оказавшись на территории, занятой Красной Армией, потом, даже вне всякого «обмена людьми», бежали на территорию, занятую немецкими войсками. Кое-кто из них хотел таким способом уклониться от контактов с гестаповцами.

Во Львове в то время гестаповцев было очень много. Они попали туда по договоренности с нами, с целью содействия обмену населением. Но возникали также случаи, как с Бандровской, когда гестаповцы не согласовывали с нами списки отъезжающих и, пользуясь тем, что граница фактически была открытой и никаких трудностей для перехода не существовало, выписывали каким-то лицам фальшивые документы.

Продолжалась работа по установлению Советской власти и нормализации положения в западных районах Украины. Главным образом она была направлена на создание местных органов власти. В областные комитеты и в районные было привлечено много местных активистов. Не было недостатка в кадрах, которые становились на позиции советской действительности. Несмотря на сильные украинско-националистические позиции, имелось немало сочувствовавших нам коммунистов, несмотря на роспуск КПЗУ и выраженное нами недоверие к ней. Вообще-то КПЗУ была разгромлена еще во время «чисток» 1936–1937 годов. Руководство коммунистическими организациями Западной Украины практически было возложено на КП(б)У. Когда я еще в 1928–1929 годах работал в Киеве на посту заведующего организационным отделом окружного комитета, секретарем Киевского окружкома был Демченко. Именно он по решению ЦК КП(б)У отвечал за связь с КПЗУ и за руководство ее деятельностью. Демченко встречал людей «оттуда», они приезжали нелегально, получали от него указания и отбывали. Так велась организационная работа.

Демченко занимался также вопросами культуры. В Киеве находилась Украинская АН, видный историк Грушевский руководил в ней секцией истории Украины. Наблюдение за АН УССР тоже было возложено на Демченко, и он уделял ей много внимания. Через академию он был связан и с учеными, которые находились во Львове, на польской территории. Помню из их числа две фамилии: Студинский и Колесса²⁴⁹. Это были авторитетные среди интеллигенции люди, причем Колесса больше как ученый, а Студинский – как общественный деятель и хороший оратор. Он, выступая в польской печати, зарекомендовал себя как антипольская фигура, настроенная просоветски и проукраински. Однако, когда мы с ним в 1939 году встретились, выяснилось, что он был в политических вопросах без прочных убеждений. Итак, КПЗУ была разгромлена, а ее кадры, до которых дотянулась наша рука, были уничтожены как «провокаторы, изменники, предатели и агенты Пилсудского», уже умершего.

Коммунистическая партия Польши тоже была разгромлена и распущена Коминтерном. Ее руководство было уничтожено, так как жило в Москве и работало как раз в Коминтерне. Все, кто жил здесь, были арестованы и погибли, и Ленский²⁵⁰, и другие. Осталась лишь молодежь. Берут²⁵¹ же уцелел, потому что был еще мало известен у нас и вообще не находился на территории СССР, а был в Польше. Совсем молодым был еще Гомулка²⁵². И вот их партия была разгромлена, исчезло ее центральное руководство, практически же никакого руководства одно время не было. Гомулка до ареста его польскими властями работал, как он мне потом рассказывал, в Дрогобыче; где работал Берут, не знаю. Когда мы заняли Дрогобыч, то будущий

²⁴⁹ КОЛЕССА Филарет Михайлович (1871–1947) – украинский композитор, литературовед и этнограф, профессор Львовского университета с 1939 г., академик АН УССР с 1929 г.

²⁵⁰ ЛЕНСКИЙ (Лещинский) Юлиан (1889–1937), генеральный секретарь ЦК Компартии Польши с 1929 г., член Президиума Исполкома Коминтерна с 1929 г. В 1937 г. арестован в Москве и расстрелян. Реабилитирован посмертно.

²⁵¹ БЕРУТ Болеслав (1892–1956) – член компартии Польши с 1918 г., председатель в 1948–1954 гг. и первый секретарь с 1954 г. ЦК Польской объединенной рабочей партии, в 1944–1949 гг. председатель Крайовой рады народовой.

²⁵² ГОМУЛКА Владислав (1905–1982) – член компартии Польши с 1926 г., генеральный секретарь ЦК Польской рабочей партии в 1943–1948 гг., первый секретарь ЦК ПОРП в 1956–1970 гг.

председатель Госсовета ПНР Завадский²⁵³, очень хороший человек, сидел в местной тюрьме. Он и раньше неоднократно сидел по разным польским тюрьмам и рассказывал мне, что хорошо знает их режимы. Шутил, что «лучшей» тюрьмой была дрогобычская.

Я уже упоминал, что мы в те месяцы занимались созданием выборных органов власти народов, населявших восточные области бывшей Польши. Теперь они должны были определить свое юридическое положение: с кем они будут? Хотят ли войти в состав Советского государства? Прошли выборы народных представителей. Я все это время находился во Львове и организовывал эту работу. Когда проходило заседание народных делегатов, я сидел в ложе и наблюдал. Сейчас уже не помню состав президиума собрания, но это были люди из западных областей Украины, хорошо нам известные, с определенными политическими позициями. Они открыто заявляли об этом в своих выступлениях и устно, и в печати. То были не какие-то подставные лица, если говорить грубо – не какие-то «наши агенты», нет! То были убежденные коммунисты. Когда они выступали, я не услышал ни одного оратора, который выражал хотя бы сомнение в том, что у них должна быть установлена Советская власть. Они с радостью, с пафосом заявляли, что их заветная мечта – быть принятыми в состав Советской Украины.

Эти собрания прошли на большом политическом подъеме. Не помню, сколько дней они длились. Но было приятно смотреть на происходящее, радоваться тому, что оно подтверждало нашу точку зрения: народ – рабочие, крестьяне, трудовая интеллигенция с пониманием относятся к нашей идеологии, принимают ее и на ее основе хотят строить свое будущее. Вот сила ленинских идей! Они жили в людях, несмотря на то, что польские власти делали все, чтобы изолировать их от СССР и извратить ленинизм, пугали людей Советской властью. Как раз в те годы развернулись репрессии, что тоже использовалось против нас с соответствующим толкованием. Если мы писали и говорили, что все это делается только для укрепления Советского государства, для расчистки путей к строительству социализма, то враги СССР давали, конечно, свои объяснения, вредные для нас. Такие точки зрения широко гуляли в Польше, в других буржуазных государствах. Однако, несмотря на столь усиленную обработку умов, когда пришла Красная Армия, народ принял нас как близких людей.

Собрание народных представителей районов, освобожденных Красной Армией, проходило во Львове очень торжественно. Люди, выступая, со слезами радости говорили о том, что они наконец-то дождались времени, когда возникнет единая Украина, что они воссоединились с братьями-украинцами. То были торжественные для нас дни, тем более что не только удовлетворились национальные запросы украинцев, но и укреплялась западная граница СССР. Она отодвинулась дальше. Исправлялась историческая несправедливость в отношении украинского народа, который никогда прежде не был в составе единой Украины. Теперь его чаяния сбылись. Правда, юридически это еще не было оформлено, потому что пока что состоялись лишь собрания во Львове. Пока что наблюдалось выражение чувств людей, которые освободились от гнета, и еще не было официально оформлено принятие их земель в СССР. Кроме того, еще оставались украинцы, которые жили за Карпатами, в Венгерском государстве. Дело в том, что после ликвидации Гитлером Чехословакии Закарпатская Украина вошла в состав Венгрии. Это учитывали наши украинцы и говорили: «Закарпатские украинцы пока не входят в нашу Украинскую Советскую державу, но настанет час, и они тоже будут вместе с нами». После Великой Отечественной войны так оно и произошло. После разгрома Гитлера Закарпатская Украина тоже вошла в состав УССР, так что Советская Украина объединила всех украинцев, живущих на своих исторических землях.

²⁵³ ЗАВАДСКИЙ Александр (1889–1964) – член компартии Польши с 1923 г., в 1944–1945 гг. заместитель главнокомандующего Войском Польским, с 1944 г. член Политбюро ЦК ПРП, с 1948 г. секретарь ЦК ПОРП, в 1949–1952 гг. зам. председателя Совета Министров Польши, с 1952 г. председатель Государственного совета ПНР.

После львовского собрания народных представителей мы перенесли обсуждение этого вопроса в Киев. Заседание во Львове называлось собранием уполномоченных (что-то вроде Учредительного собрания). Оно обратилось с просьбой принять Западную Украину в состав УССР. В Киеве был созван республиканский Верховный Совет, а затем завершила дело сессия Верховного Совета СССР. Туда прибыли представители западных областей и выступали с той же просьбой. Этот акт совершался в торжественной обстановке. А я гордился тем, что от начала до конца находился в западных областях Украины и организовывал все дело. Как протекали аналогичные события в Белоруссии, подробно не знаю, ибо пользовался только газетной информацией. Белорусы тоже торжествовали победу, тоже были рады историческому акту воссоединения белорусского населения в одном государстве. По-видимому, у них были те же радости и те же трудности, что и у нас. Я так думаю. А кто пожелает, может найти материалы о них в печати.

Теперь – о Литве, Латвии и Эстонии. Об этих наших мероприятиях я знаю только из бесед, которые имел со мной Сталин, когда я приезжал в Москву. Мы, конечно, были очень рады, что литовцы, латыши и эстонцы будут опять входить в состав Советского государства. Тут и расширение территории, и рост населения, и общее усиление СССР. Мы получили довольно длинную береговую границу на Балтике. Раньше у нас имелся только узкий вход в Финский залив, а теперь – настоящая морская граница. Кроме того, рассуждали мы тогда, территория Латвии, Эстонии и Литвы, если разразится «большая война», стала бы плацдармом для иностранных войск, и Англии с Францией, и Германии. Так что эта акция улучшила наше положение в смысле организации обороны Советского Союза, что имело большое значение, потому что объединенные силы империалистического лагеря значительно превосходили в то время наши силы. Конечно, между народами Литвы, Латвии и Эстонии, с одной стороны, и населением Западной Белоруссии и Западной Украины – с другой, нельзя ставить знак равенства. Ведь в Прибалтике жили не части народов СССР, а отдельные народы. Но они обрели теперь возможность жить так, как жили в СССР все рабочие, крестьяне и интеллигенция. Для народных масс Прибалтики это был большой успех.

Их правители уступили свое место другим людям. Президент Литвы Сметона удрал в Германию. Правда, бежали не все, а кое-кому из прежнего руководства были даже предоставлены видные посты. Соппротивления нам не было оказано, а остальное было проведено по-другому, нежели в Западной Украине и Западной Белоруссии, советизация в Прибалтике проходила иначе. Там появились свои, теперь уже прогрессивные правительства. И не все их члены были коммунистами. Лацис²⁵⁴, возглавивший правительство Латвии после Кирхенштейна²⁵⁵, был коммунистом и к тому же известным писателем. А Кирхенштейн сначала не был. Не помню сейчас, кто из эстонцев и литовцев на первых порах возглавлял их правительства. Но и там были предприняты шаги такого же характера. Постепенно всюду там вводились советские порядки. Эстония, Латвия и Литва тоже вошли в состав Советского Союза, что было оформлено демократическими методами и при соблюдении всех юридических формальностей, которые требуются в таких случаях.

Осенью 1939 года встала также проблема Финляндии. Мы вошли с Хельсинки в контакт, чтобы договориться. Был выдвинут нами вопрос о том, что на случай войны нужно обезопасить Ленинград, который находился на расстоянии пушечного выстрела от финляндской границы. С территории Финляндии можно было сразу вести обстрел Ленинграда. Финляндское правительство проводило тогда враждебную политику в отношении СССР и демонстративно заигры-

²⁵⁴ ЛАЦИС Вилис Тенисович (1904–1966) – писатель, государственный и политический деятель, член ВКП(б) с 1928 г., народный писатель ЛатССР с 1947 г., в 1940–1959 гг. председатель Совнаркома (Совмина) ЛатССР.

²⁵⁵ КИРХЕНШТЕЙН Август Мартынович (1872–1963) – ученый-витаминолог, государственный деятель, член ВКП(б) с 1941 г., премьер-министр и президент Латвии в 1940 г., затем до 1952 г. председатель Президиума Верховного Совета ЛатССР, с 1946 г. директор Института микробиологии АН ЛатССР.

вало с гитлеровской Германией. Главнокомандующим армией Финляндии был Маннергейм²⁵⁶, бывший царский генерал. Он очень недружелюбно относился к Советскому Союзу. Финляндия действительно представляла для нас угрозу, но не сама по себе: ее территория могла быть использована вражескими силами более могучих государств против нас. Поэтому стремление Советского правительства обезопасить себя на северо-западе имело большое значение.

Начались переговоры с финляндской делегацией в Москве. Их подробностей я не знаю, так как я в то время находился во Львове. Позднее Сталин рассказывал мне о них, но детали не сохранились в моей памяти. Общее заключалось в том, что финны не приняли наших условий, после чего и сложилось решение добиться того же путем войны. А о подробностях я говорить не могу. Когда я в те дни приезжал из Киева, то редко располагал своим временем. Чаще всего мне звонил Сталин и вызывал к себе. Иногда я заставал Сталина одного. Тогда было легче обмениваться мнениями, а мне – излагать свои взгляды и высказывать те нужды, о которых я всегда говорил, приезжая с Украины. Но чаще, когда я оказывался у Сталина, там бывали Молотов, Ворошилов, Каганович. Реже Жданов, находившийся обычно в Ленинграде. Бывали также Берия и Микоян. Вот круг людей, который я встречал у Сталина чаще других.

Однажды, когда я поздней осенью 1939 года приехал в Москву, Сталин пригласил меня к себе на квартиру: «Приезжайте, покушаем. Будут Молотов и Куусинен». Куусинен²⁵⁷ работал тогда в Коминтерне. Приехал я в Кремль, на квартиру к Сталину. Начался разговор, и по его ходу я почувствовал, что это – продолжение предыдущего разговора, мне неизвестного. Собственно говоря, речь шла о реализации принятого решения – о предъявлении Финляндии ультиматума. Договорились с Куусиненом, что он возглавит правительство только еще создающейся Карело-Финской ССР²⁵⁸. Карелия до этого была автономной республикой, входившей в состав Российской Федерации. Новая союзная республика должна была, по замыслу Сталина, объединить Карелию и «освобожденные» районы Финляндии в единой государственной структуре.

У Сталина сложилось такое мнение, что после того, как Финляндии будут предъявлены ультимативные требования территориального характера и в случае, если она их отвергнет, придется начать военные действия. Я, естественно, Сталину не возражал. Более того, я, как и он, считал, что это в принципе правильно. А насчет войны с Финляндией думал: достаточно громко сказать им, если же не услышат, то разок выстрелить из пушки, и финны поднимут руки вверх, согласятся с требованиями. Сталин заметил: «Сегодня начнется это дело».

В Ленинград заранее послали Кулика²⁵⁹ для организации артиллерийского обстрела финляндской территории. Мы сидели у Сталина довольно долго, ожидали часа истечения ультиматума. Сталин был уверен, и мы тоже верили, что не будет войны, что финны в последнюю минуту примут наши предложения, и тем самым мы достигнем своей цели без войны, обезопасим страну с севера. Финляндская территория и ее естественные ресурсы нас не интересовали, ибо мало что дополняли к нашим необъятным просторам. Финляндия богата лесом, но не может же она равняться с нами. Не это нас привлекало. На первом плане стояли вопросы без-

²⁵⁶ МАННЕРГЕЙМ Карл Густав Эмиль (1867–1951) – барон, генерал-лейтенант армии России в 1917 г., маршал Финляндии с 1933 г., создатель в 1927–1939 гг. сильной системы военных укреплений на Карельском перешейке («линия Маннергейма») у границы с СССР, главнокомандующий армией Финляндии в 1939–1944 гг., в 1944–1946 гг. президент Финляндии, затем в отставке.

²⁵⁷ КУУСИНЕН Отто Вильгельмович (1881–1964) – член РСДРП с 1904 г., в 1911–1917 гг. председатель Исполкома социал-демократической партии Финляндии, один из руководителей Финляндской революции 1918 г., в 1921–1939 гг. член Президиума ИККИ и его секретарь, в 1940–1956 гг. председатель Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР, с 1957 г. секретарь ЦК КПСС, член ЦК ВКП(б) с 1941 г., член Президиума ЦК КПСС в 1952–1953 гг. и с 1957 г., акад. АН СССР с 1958 г., автор трудов по истории международного коммунистического движения.

²⁵⁸ Образована 31 марта 1940 г.

²⁵⁹ КУЛИК Григорий Иванович, являясь заместителем наркома обороны СССР, был тогда одновременно начальником Главного артиллерийского управления РККА.

опасности: повторяю, Ленинград находился под прямой угрозой. Потом позвонили, что мы все-таки произвели роковой выстрел. Финны ответили артиллерийским огнем. Началась война. Говорю это потому, что существует и другая трактовка событий: дескать, финны выстрелили первыми, а мы вынуждены были ответить. Но ведь это всегда, когда начинают войну, говорят о другом, что выстрелил первым он. В былые времена, как свидетельствует история, войны начинались иначе. Сейчас подобное увидишь разве что в опере: как театральным жестом один бросает перчатку, а другой ее поднимает, и начинается дуэль. В наше время войны, к сожалению, начинают по-иному. Возникает вопрос: имели ли мы юридическое и моральное право на свои действия? Юридически, конечно, не имели права. С моральной же точки зрения желание обезопасить себя и договориться с соседом оправдывало нас в собственных глазах.

И вот началась война. Я уехал через несколько дней на Украину. Мы были уверены, что если финны приняли наш вызов и развязалась война, причем в ней участвуют несоизмеримые величины, то вопрос будет решен быстро и с небольшими потерями для нас. Так мы думали и так хотели, однако история показала затем совсем другое.

Война оказалась довольно упорной. Финны проявили большую воинственность и большие военные способности. У них была хорошо организована оборона, и наши попытки пробиться через Карельский перешеек, самый короткий путь к ним, ни к чему не привели. Перешеек сначала оказался нам не по зубам. Там обнаружились неожиданно для нас хорошие железобетонные укрепления, удачно расположенная артиллерия, и мы наткнулись на неприступную крепость. В результате там погибло наших войск значительно больше, чем предполагалось по плану решения этого вопроса военными методами. Боевые действия затянулись до глубокой зимы. Тогда было решено обойти укрепления Карельского перешейка и ударить севернее Ладожского озера, где, видимо, у финнов таких укреплений не было. То есть мы хотели зайти с тыла. Когда же попытались сделать это, то там выявились еще более сложные условия, связанные с особенностями природной местности и климата. Финны – люди Севера, хорошие спортсмены, прекрасно держатся на лыжах. Наши войска столкнулись с подвижными подразделениями лыжников, вооруженных автоматическим оружием высокой скорострельности. Возник вопрос о том, чтобы и наши войска срочно поставить на лыжи. Но сделать это было не так легко. У нас воевали обычные, нетренированные красноармейцы. Вспомнили мы и о физкультурниках, но их имелось немного, хотя собрали их из Москвы, с Украины и из Ленинграда. Провожали мы их довольно торжественно, ибо была уверенность, что наши физкультурники «приедут и победят». А они почти все там погибли. Не знаю точно, сколько их возвратилось с той войны.

Сталин негодовал. Военные объясняли ему, что они не знали об укреплениях на Карельском перешейке – «линии Маннергейма», и стали обвинять во всем нашу разведку. Все это слилось в главное обвинение Ворошилову. Ведь он был наркомом обороны. За военные неудачи обвинять, собственно, больше и некого было. Не Сталина же. Ворошилов, значит, виноват, не предусмотрел, не разработал и т. п. Начальником Генерального штаба был тогда Шапошников²⁶⁰. Его люди занимались разработкой плана операции против Финляндии и занимали высокое положение в войсках. На Шапошникова же смотрели как на видного специалиста, хотя сам он решающего голоса не имел. Скорее у него был совещательный голос. Решал тогда от имени РККА военные вопросы Ворошилов.

То были страшные месяцы и по нашим потерям, и в смысле перспективы. Возьмем наш Военно-Морской Флот, который действовал на Балтике против финляндского. Казалось бы,

²⁶⁰ ШАПОШНИКОВ Борис Михайлович (1882–1945) – царский полковник, член ВКП(б) с 1930 г., в Красной Армии с 1918 г., в 1920-е гг. командовал войсками ряда военных округов, с 1928 г. начальник Штаба РККА, с 1932 г. начальник Военной академии им. М.В. Фрунзе, в 1937–1943 гг. (с перерывом) начальник Генерального штаба и до 1943 г. заместитель наркома обороны СССР. Затем начальник Военной академии Генштаба, автор военно-теоретических трудов, Маршал Советского Союза с 1940 г.

соотношение должно быть отнюдь не в пользу финнов. Но наш флот действовал плохо. Вот один из случаев. При мне докладывали Сталину, что плыл по морю шведский корабль. Наши приняли его за финский, подводная лодка попыталась потопить его, но не сумела. А немецкие моряки это наблюдали и, чтобы уколоть нас, предложили помощь.

Сталин сказал нам: «Посол Германии Шуленбург передал предложение от Гитлера: если мы встречаем затруднения в борьбе против финнов на Балтийском море, то немцы готовы оказать содействие...» Сталин, разумеется, отказался, но буквально пришел в замешательство в результате этого случая, образно выражаясь, посерел. Можете себе представить! Будущий враг так нас оценивает. Открыто предлагает: «Давайте попросту отбросим всякие правовые соображения. Раз началась война, то надо использовать все с тем, чтобы в кратчайший срок решить задачу, поставленную перед военными силами». Гитлер демонстрировал нам наше же бессилие. Хотел, чтобы мы сами признали это, приняв его помощь.

В советском руководстве нарастала тревога. Пока не такая уж сильная, но нарастала. Как бы не померк ореол непобедимости Красной Армии. Как у нас тогда пели? «Если завтра война, если завтра в поход, будь сегодня к походу готов». Заронились семена сомнения. Если мы с финнами не сможем справиться, а вероятный противник у нас более сильный, то как же с ним тогда будем справляться? Нашими войсками на Карельском перешейке командовал Мерецков²⁶¹, севернее командовали другие²⁶². Приходит ко мне Тимошенко и говорит: «Меня вызывают в Москву, наверное, поеду на Финляндский фронт». Уехал он и действительно возглавил все войска Северо-Западного фронта для прорыва «линии Маннергейма». Вновь решили главный удар не наносить с севера, в обход, а бить в лоб, разбить укрепления на Карельском перешейке и тем самым решить исход войны. Хорошо помню, как Сталин с горечью, грустью и иронией рассказывал мне, как протекала война с Финляндией севернее этого перешейка: «Там глубокие снега, идут по ним наши войска, в частях много украинцев, воинственно настроенных: “А де тут хвинны?” Вдруг сзади раздаются очереди из автоматического оружия. Наши люди падают. Это финны избрали такую тактику борьбы в лесах, забирались на сосны, прикрывались ветками, надевали белые балахоны и становились совершенно незаметными. Наши подходят, а их расстреливают в упор с деревьев. Таких стрелков прозвали там “кукушками”. И опять “твои” спрашивают: “Де же, де те зегзицы?” Пришлось вести с “кукушками” специальную борьбу, тренировать против них наших стрелков. Но на все это требовалось время, и учеба стоила нам большой крови».

Началась Perezadumannaya операция. Пересмотрели и тактику лобового удара, сосредоточили (почему же это сразу не сделали?) нужное количество артиллерии, самолетов, всего, что необходимо, и организовали новый удар. Разбили финские доты, перед мощной артиллерией они не устояли. Авиация тоже сыграла положительную роль. Сталин говорил об этом так: «Вот налетала на них наша авиация. Задание ей было: преградить финнам подвоз к фронту боеприпасов и снаряжения, то есть вывести из строя железную дорогу, разбомбить мосты и расстрелять паровозы с самолетов. Тактически это, конечно, правильно. Столько мостов там

²⁶¹ МЕРЕЦКОВ Кирилл Афанасьевич (1897–1968) – из крестьян, рабочий, член РСДРП с 1917 г., красногвардеец, в Красной Армии с 1918 г., участник Гражданской войны, занимал ответственные штабные, политические и командные должности, участник национально-революционной войны в Испании с 1936 г., в описываемое время командовал на Карельском перешейке 7-й армией, которая прорывала «линию Маннергейма», затем командующий войсками Ленинградского ВО, начальник Генштаба, заместитель наркома обороны СССР, в 1941–1945 гг. командовал армиями, а также войсками Волховского, Карельского и 1-го Дальневосточного фронтов, до 1955 г. командующий войсками ряда военных округов, затем помощник министра обороны СССР по высшим военно-учебным заведениям; член ЦРК в 1956–1961 гг., с 1964 г. Генеральный инспектор группы генеральных инспекторов МО СССР, т. е. в почетной отставке. Маршал Советского Союза с 1944 г.

²⁶² Севернее действовали: на Карельском перешейке 13-я армия (командующий Владимир Давыдович Грендаль), на Ладжско-Онежском перешейке 15-я армия (Михаил Прокопьевич Ковалев, затем Владимир Николаевич Курдюмов), еще севернее 8-я армия (Григорий Михайлович Штерн), 9-я армия (Михаил Павлович Духанов, затем Василий Иванович Чуйков) и 14-я армия у Мурманска (Валериан Александрович Фролов).

разбили, столько паровозов вывели из строя, что, казалось бы, финнам одни лыжи остались. Но нет, подвоз средств у них продолжается».

Наконец запросили финны перемирия. Начались переговоры. Договорились о прекращении войны, а потом подписали мирный договор. Отодвинулись финны от Ленинграда и еще уступили нам базу на полуострове Ханко, в Финском заливе. Тут мы стали анализировать причины того, почему мы оказались плохо подготовлены к войне и отчего она стоила нам таких больших жертв. Не знаю точно, сколько тысяч бойцов полегло там, но думаю, что очень много. Мне об этой войне подробно рассказывал Тимошенко. Выявилось, что говорили неправду о нашей разведке, будто она плохая и потому не сообщила нужных данных, так что мы не знали обстановку. Все это оказалось ложью. Наша разведка оказалась на должной высоте. Все доты, которые были построены финнами, вся «линия Маннергейма» – все это было хорошо известно и нанесено на карты. Видимо, просто допустили беспечность. Я даже не представляю себе, как это могло случиться. Ведь данные разведки – святая святых при разработке любой операции. Прежде всего изучается местность, на которой будут развернуты военные действия. А тут не просто местность, а укрепленный район. Сколько лет финны строили там эти железобетонные гранитные укрепления. Там и естественные условия для обороны хороши: леса, холмы, много озер и болот, мало дорог. Местность труднодоступна для транспорта, и там легко воздвигнуть оборонительный пояс. Тем более что буквально на месте и лес, и гранит для строительства полевых оборонительных сооружений. Финны хорошо это использовали. Вот почему победа стоила нам крови многих тысяч людей.

Я бы сказал здесь, что Финляндская война на деле обошлась нам, может быть, даже в миллионы жизней. Почему я так думаю? Потому что если бы мы финнов не тронули и договорились как-то без войны, то о нас имелось бы за рубежом иное представление. Ведь если Советский Союз еле-еле справился с Финляндией, с которой Германия расправилась бы очень быстро, то что останется от СССР, если на него двинутся немецкие войска, вышколенные, отлично организованные, имеющие хороших командиров, сильную боевую технику и большие массы военнослужащих? Гитлер рассчитывал, что расправится с СССР в два счета. Так родился курс на молниеносную войну и план «Барбаросса», основанные на самоуверенности. Питала эту самоуверенность в немалой степени злополучная, неудачно проведенная нами финляндская кампания. А вот если бы мы провели эту кампанию по-другому, как нужно, то дальнейшее развитие исторических событий могло пойти по-иному. Конечно, СССР как бы обманул Гитлера своими поступками в этой кампании, так что немецкая самоуверенность дорого обошлась Германии. Но мы же не притворялись нарочно зимой 1939/40 года, так как не знали заранее, чем все кончится и как потом развернутся события. А миллионы людей в войне с Германией потеряли.

Наши предположения до 1941 года, что правительство Финляндии в случае «большой войны» предоставит свою территорию нашим врагам, оправдались. Еще до Великой Отечественной войны мы знали, что Гитлер концентрирует свои войска в Финляндии у наших границ. Можно, конечно, сказать, что финны пошли на это, потому что были озлоблены и хотели вернуть потерянное ими путем войны вместе с Германией против Советского Союза. Такое понимание дела тоже не будет лишено здравого смысла. Напоминаю о том, как мы с (покойным теперь уже) Куусиненом узнали на квартире у Сталина, что первые выстрелы уже совершены именно с нашей стороны. Куда от этого денешься?

Что касается Финляндии, то я впоследствии не раз бывал в ней, встречался с финнами. У меня были самые хорошие отношения с президентом Кекконеном и его предшественником Паасикиви²⁶³. Это был «хороший буржуа», который искренне хотел мира с нами. Он, соб-

---

²⁶³ Юхо Кусти ПААСИКИВИ (1870–1956) был президентом в 1946–1956 гг., а КЕККОНЕН Урхо Калева (1900–1986) был президентом Финляндии в 1956–1981 гг.

ственно говоря, и подписал мир, поскольку был инициатором дела и как бы посланцем от финляндского правительства к нам во время Второй мировой войны. В результате переговоров, которые он вел с нами, было достигнуто необходимое соглашение, и Финляндия вышла из войны против СССР. Это была важная победа, только она стоила много пролитой крови. Возникает опять вопрос: можно ли было обойтись без советско-финляндской войны? Не берусь делать окончательный вывод. Если же говорить о Сталине, который решал эти вопросы, то он начинал в 1939 году войну не для того, чтобы захватить Финляндию. Мы же ее не захватили, и когда фактически разгромили финляндскую армию в 1944 году, Сталин проявил здесь государственную мудрость. Территория Финляндии с ее населением не могла решить коренных задач нашей внешней политики: маленький народ, чья страна небогата естественными ресурсами, а подписание договора о перемирии с Финляндией, которая затем сама объявила войну Германии, – хороший пример для других сателлитов гитлеровской Германии. Выгода для нас от этого была большей, чем от оккупации. К тому же такой наш шаг оставил хороший след в видах на будущее.

Помню такой случай. Как-то приехал я с Украины в Москву, был у Сталина. Молотов рассказывал, как он пригласил Шуленбурга, посла Германии в СССР. Шуленбург являлся сторонником укрепления мирных отношений Германии с Советским Союзом и был решительным противником войны с СССР. Недаром 23 августа 1939 года, при заключении советско-германского пакта о ненападении, Шуленбург, с которым Молотов решал попутные вопросы, буквально сиял от радости и говорил: «Сам Бог нам помог, сам Бог!» Тогда мы отнеслись к его словам как к дипломатической игре. Но потом история показала, что это у него было искреннее настроение: он понимал желательность улучшить отношения Германии и СССР, положить их на мирную основу. Он докладывал позднее о том же Гитлеру, но на его слова не обратили внимания. А во время заговора против Гитлера летом 1944 года в него был вовлечен и Шуленбург. Заговор провалился, в числе казненных оказался и Шуленбург.

Вернусь к рассказу Молотова. Проходя коридорами Наркоминдела, Шуленбург увидел, что на радио у нас сидят стенографистки и записывают нужные передачи. Он в удивлении спросил: «Как? У вас стенографистки ведут запись?» И тут же осекся. Молотов доложил о том Сталину. Наши решили, что, видимо, у немцев имеются технические средства записи. Записывают не стенографистки, а аппараты. Только после войны мы узнали, что существуют магнитофоны. Раньше мы об этом ничего не знали. Немцы же имели еще до войны магнитофоны. Поэтому радиоразведку они вели более организованно. Передача секретных радиотелеграмм осуществляется на больших скоростях, и почти никакая стенографистка записать их не успеет. Тем более когда они кодированы. Магнитофон же может записать, а потом работать медленнее: можно все прослушать, чтобы подобрать ключ к коду. Мы это делать еще не умели, так как у нас не было соответствующих технических средств. По таким деталям фашисты тоже судили о нашем военно-техническом уровне, нашей военной оснащенности, чувствовали нашу слабость, и это укрепляло их желание поскорее развязать войну. Но они эту слабость преувеличивали.

Итак, после зимы 1939/40 года в стране было сравнительно мало людей, которые по-настоящему знали, как протекали и к чему политически привели военные действия против Финляндии, каких жертв потребовала эта победа, совершенно несоизмеримых с точки зрения наших возможностей, каково реальное соотношение сил. Сталин же в беседах критиковал военные ведомства, Наркомат обороны, а особенно Ворошилова. Он порою все сосредоточивал на личности Ворошилова. Я, как и другие, был тут согласен со Сталиным, потому что действительно в первую голову отвечал за это Ворошилов. Он много лет занимал пост наркома обороны. В стране появились «Ворошиловские стрелки» и тому подобное. Ворошиловская хвальба усыпляла народ. Но виноваты были и другие. Помню, как один раз Сталин во время нашего пребывания на его ближней даче в пылу гнева остро критиковал Ворошилова. Он очень

разнервничался, встал, набросился на Ворошилова. Тот тоже вскипел, покраснел, поднялся и в ответ на критику Сталина бросил ему обвинение: «Ты виноват в этом. Ты истребил военные кадры». Сталин ему соответственно ответил. Тогда Ворошилов схватил тарелку, на которой лежал отварной поросенок, и ударил ею об стол. На моих глазах это был единственный такой случай. Сталин в первую голову чувствовал в нашей победе над финнами в 1940 году элементы поражения. Очень опасного поражения, которое укрепляет наших врагов в уверенности, что Советский Союз – колосс на глиняных ногах. Международные политические последствия могли оказаться самыми неблагоприятными.

Кончилась критика тем, что Ворошилов был освобожден от обязанностей наркома обороны, а вместо него был назначен Тимошенко. Вскоре он стал Маршалом Советского Союза. Не помню сейчас, какой новый пост был дан Ворошилову, но долгое время он находился как бы на положении мальчика для битья.

Но одной констатации дела и гнева, оправданного, я бы сказал, гнева, в связи с ходом войны 1939–1940 годов было недостаточно. Следовало сделать должные выводы. Выводы же должны были заключаться не только в освобождении Ворошилова от должности и назначении другого лица на пост наркома. Нужно было иметь в виду, что «большая война» неизбежна. Требовалось срочно наверстать упущенное, найти в нашей экономике те бреши, в результате которых мы несли потери, выше поднять боеспособность Красной Армии и, самое главное, занять новые кадры.

Мне довелось познакомиться с Кирпоносом²⁶⁴, когда он командовал войсками КОВО. Очень хороший командир и честный человек. И погиб он, как истинный гражданин Советского Союза. В Финляндскую кампанию он командовал дивизией, отличился в боях, получил потом генеральское звание и стал Героем Советского Союза. КОВО стоял примерно на том же по значению месте, как и Белорусский Особый военный округ (БОВО). Если БОВО грудью заслонял Москву от вражеского нападения с запада, то КОВО тоже находился на направлении главного удара. Там имелись благоприятные рельефные и почвенные условия для развития наступления механизированными войсками с запада на киевском направлении: хорошие дороги, почти нет болот. За границей писали, что это танкодром, что там можно, развернув танковые соединения, показать, на что они способны. Оценка оказалась правильной. В Великую Отечественную войну так и произошло. Назначив сюда Кирпоноса, считали, что он подходит по моральным качествам. Это было верно. Но у него не было опыта руководства таким огромным количеством войск. Видимо, других, более подходящих командиров, после кровавой мясорубки 1937–1938 годов, просто не осталось. Отсутствие же опыта потом сказалось на организации боев в ходе столкновений с гитлеровскими войсками. Кирпонос был далеко не Якир!

После Финляндской кампании требовалось сейчас же посмотреть еще раз, как мы обеспечены вооружением и боевой техникой, тут же приступить к перестройке промышленности, переводя ее на военный лад, чтобы полностью быть готовыми к войне. Хотя мы и не знали, какое время нам дано для передышки и когда на нас нападет враг, считаю, что реально делалось очень мало нового по сравнению с мирным временем. Это было страшное упущение, и потом мы за это поплатились, когда в первые месяцы войны у нас катастрофически не хватало вооружения и боевой техники. Сталин, как я полагаю, ожидал, что развернутся затяжные сражения английских и французских войск против немецких. Они истощат Гитлера. Таким образом окажутся сорванными его планы сначала разбить Запад, а потом Восток, то есть рухнет стратегия, заложенная им в идею подписания договора 1939 года с СССР о ненападении.

²⁶⁴ КИРПОНОС Михаил Петрович (1892–1941) – член РКП(б) с 1918 г., занимал различные командные должности, в том числе перед Финляндской кампанией был начальником Казанского военного училища, во время Финляндской кампании командовал 70-й дивизией, атаковавшей Выборг, потом – войсками Ленинградского и Киевского Особого ВО, в 1941 г. – Юго-Западного фронта, погиб в 1941 г. в окружении под Киевом.

В тот период и Сталин, и Гитлер выполняли (а иногда делали вид, что выполняют) обязательства, взятые по августовскому договору и согласно сентябрьскому договору о дружбе и границе. Молотов часто докладывал: «Вот Шуленбург сказал... Шуленбург передал...» Согласно договору о дружбе мы должны были поставлять Германии зерно, нефть и мн. др. Все это мы пунктуально выполняли, гнали железнодорожные эшелоны в Германию. Со своей стороны Гитлер должен был нам предоставить крейсер. Он был уже на плаву. Его доставили в Ленинград, и там было организовано окончание корабельных работ. Гитлер прислал своих специалистов, которые помогали в постройке этого крейсера²⁶⁵. Я узнал об этом так. Крупный немецкий военно-морской начальник приехал в Ленинград для консультации. Ему отвели соответствующее помещение, создали необходимые условия, а потом возник скандал. Скандал устроили немцы, причина же была такой. Наша разведка обставила квартиру этого специалиста подслушивающими и фотографирующими аппаратами; кроме того, он оказался любителем женского пола, и разведка подбросила ему девицу. В одну из ночей его сфотографировали вместе с нею, чтобы уличить в непристойном поведении. Но наша техника, видимо, была плохая, и он услышал шум – щелчки работавшего аппарата. Стал искать, в чем дело, и нашел. На стене висела большая картина, в ней искусно было вырезано окно и вставлен фотоаппарат. Он заявил протест. Немцы оказались безразличны к его встречам с девицей, а наши-то чекисты думали, что фотографии дадут возможность завербовать его. Сталин тогда критиковал Берию за неудачу. Так я и узнал про это событие. Чем закончилось дело, не знаю. Крейсер же так и стоял у нас до конца войны недостроенным. Гитлер, посылая нам недостроенный корабль, вероятно, полагал, что успеет разбить нас, а потом вернет крейсер Германии.

Мы имели соглашение с Чехословакией, с фирмой «Шкода», которая должна была поставить нам зенитные пушки. Наши 85-мм зенитки, с которыми мы потом воевали, изготовлялись во многом по образцам, купленным у «Шкоды». Кроме того, мы получали у «Шкоды» и другие орудия. Но фирма не успела выполнить заказ до того, как Чехословакию захватил Гитлер. А теперь он дал указание, и «Шкода» выполнила прежний заказ, поставив нам какое-то количество крупнокалиберных орудий. Что касается зениток, то мы их использовали и как зенитные орудия, и как противотанковые. Итак, Гитлер делал все, чтобы создать видимость, будто Германия выполняет обязательства, взятые по договору с СССР.

Как же выглядели в тот период наши взаимоотношения с Германией с позиций Украины? Мы имели границу непосредственного соприкосновения с Германией. После ликвидации Польского государства Гитлер сначала держал у советской границы войска, укомплектованные солдатами возрастов не первого призыва. Это были воинские части не первого эшелона. Но мы видели также, что фашисты усиленно работают по укреплению границы. Если провозглашена дружба, то зачем такие усиленные работы? Это выглядело подозрительно. Конечно, командование КОВО докладывало Сталину. Сталин тоже понимал неснятую угрозу СССР, но вроде бы не обращал внимания на доклады и давал в ответ свое объяснение, которое нас в Киеве вовсе не укрепляло в смысле надежды избежать войны с Германией. Одновременно стали нагнать украинские националисты, начавшие конкретно действовать. К нам попали неопровержимые документы, уличавшие их в том, что они переметнулись к Берлину, получали оттуда деньги и инструкции: тоже одно из веских доказательств того, что Гитлер готовится напасть на нас и использует националистов как свою агентуру. Он хотел, рванув на Украину, иметь националистический «украинский прожектор», который освещал бы обстановку в разведывательных целях и стал немцам первоначальной опорой. Как раз эти функции и взяла на себя националистическая свора Западной Украины.

²⁶⁵ Это был немецкий крейсер «Лютцов», в СССР получивший название «Петропавловск», а с 1944 г. – «Таллин». Во время Великой Отечественной войны он функционировал как многоорудийная плавучая батарея.

Стали мы перешивать железнодорожную колею Западной Украины с узкой на широкую, то есть с европейской на советскую. А немцы, бывавшие у нас в Прикарпатье, под каким-то предлогом попросили (через контакты своих органов безопасности с нашими органами) не делать этого. Серов сообщил мне об этом. Тогда я сказал Сталину: «Они считают, что прежняя железная дорога вскоре им пригодится. Это же по размерам их колея, и они просят не перешивать ее». Сталин выругался и приказал: «Перешить!» Правда, во время войны переделывать линию заново вовсе не долго. Строители идут вслед за войсками, и если рельсы на месте, шпалы на месте и не разрушено железнодорожное полотно, то им остается только раздвинуть рельсы, вынув старые костыли, и забить новые.

Дела предвоенные

В 1940 году нами была проведена операция по освобождению Бессарабии от румынских войск. Это тоже вытекало из августовского договора 1939 года, который был подписан с немцами. Но, кроме того, тут мы хотели вернуться к исторической правде, которая была нарушена румынским королевским правительством после Октябрьской революции. Румыны были союзниками России против Германии в Первой мировой войне. Однако когда после Октябрьской революции они почувствовали нашу слабость, то двинули свои войска, оккупировали Бессарабию и удерживали ее до 1940 года.

Я, будучи членом Военного совета Киевского Особого военного округа, принимал активное участие в организации освобождения Бессарабии. В это время командовал войсками КОВО Жуков. Тимошенко к тому времени стал наркомом обороны СССР. Был детально разработан план продвижения наших войск и занятия исходных позиций, намечены переправы, созданы ударные группы. Одним словом, все, что нужно сделать для того, чтобы успешно провести эту операцию, было планом предусмотрено. Вопрос заключался только в том, окажут ли сопротивление румынские войска. На границе они держали себя очень плохо. Они часто совершенно без всякого повода стреляли по пограничникам, которые несли охрану нашей границы, по колхозникам. Эта граница не считалась у нас спокойной. Румыны проявляли враждебность к нам, хотя мы ничего не позволяли себе в отношении румынской границы и румынских пограничников. Поэтому мы не знали, как румынские войска будут вести себя.

Предъявили мы ультиматум, и наши войска стали готовиться к переправе через Днестр. Румыны не оказали сопротивления и стали отходить. Я не помню сейчас, какие дипломатические переговоры велись, как они протекали и чем завершились, но мы стали переправляться на правый берег Днестра, а румынские войска стали отходить от границы. Мы переправлялись совершенно беспрепятственно. В это время мы с маршалом Тимошенко были на тираспольском направлении. Как только переправились на правый берег Днестра, сразу же соприкоснулись с населением. Оно нас встречало радушно, даже очень радушно. В тот же день Тимошенко предложил полететь на самолете в глубь Бессарабии за линию румынских войск и сесть на лугу около деревни Фурманка²⁶⁶. Он хотел, конечно, повидать своих близких, брата, сестру. Почти у всякого человека набирается много родственников, особенно если родственник занимает такое высокое положение, как тогда Тимошенко – нарком обороны великой страны. Он уверял, что мы спокойно сядем на самолете: там хороший луг недалеко от его деревни, а потом мы дойдем или сбегутся люди и довезут нас. Это было немножко рискованно, потому что румыны перемещались в этом районе к Пруту и за Дунай, а мы должны садиться на территорию, которая еще не освобождена от румынских войск.

Полетели мы, сделали круг. С воздуха Тимошенко узнал свою Фурманку и показал мне в окно: вот озеро, какая там охота! Начались тут всякие воспоминания о его детстве и юности. Он не был в Фурманке с начала Первой мировой войны, как его призвали в армию. Его, естественно, тянуло в родные места, где он провел свое детство. Сели мы на лугу, сейчас же со всех сторон сбегались люди; кто пешком, кто верхом на лошади или в запряжке. Сейчас же самоорганизовался митинг. Помню, выступал какой-то бородатый крестьянин. Мне говорили, что он старообрядец. Одно не подтверждало, что он старообрядец: уж очень он отборно ругался в адрес румынских офицеров. Я давно не слышал такой отборной, неповторимой русской ругани. Он это делал публично на большом митинге, а ругал он их даже за то, что румынские офицеры красят губы, и сравнивал их с непутевыми женщинами (но он применил другое выражение).

---

²⁶⁶ Впоследствии Фурмановка Килийского р-на Одесской области.

На этом митинге оказался и священник. Потом он подошел к нам и расцеловался с Тимошенко. Позже я узнал, что этот человек стал священником во времена оккупации Бессарабии Румынией и что он выходец из семьи, состоящей в родственных связях с Тимошенко. Дали нам, кажется, лошадей, и поехали мы к Фурманке. Фурманка нас встретила очень хорошо. Говорю – нас, потому что я тоже там был, но это была торжественная встреча их земляка Тимошенко. Сейчас же нас пригласил к себе брат Тимошенко, потом приехала его сестра.

Началось угощение. Стали приходиться знакомые. Дело уже близится к ночи. Вижу, воспоминаниям, беседам и вину нет конца. Каждый, кто приходил, обязательно приносил огромный сулей (так называют там большие бутылки вина). Тогда я сказал: «Вы тут родственники и знакомые, ведите беседу, а мне разрешите удалиться». Я ушел в большой сарай и спал там. Утром встал я рано, но уже рассвело. «Как, – спрашиваю, – маршал? Спит или встал?» – «Маршал еще и не ложился». Я зашел в дом, а они еще продолжали сидеть за столом и вели беседу. Кончилось тем, что к нам прибежал посыльный от Жукова с донесением, что Москва очень беспокоится и ищет Тимошенко.

Из этой Фурманки мы вылетели тем же самолетом и полетели в Черновицы. Там, около Кишинева или в Черновицах, был организован штаб и имелся телефон ВЧ, по которому можно было поговорить со Сталиным. Прилетели мы туда и поговорили с Москвой, доложили, что все хорошо и наши войска вышли на новую границу, то есть на Прут и Дунай. Так мы заняли территорию, которая после Октябрьской революции была отторгнута румынами, воспользовавшись военной слабостью молодой Советской республики. Наши войска вышли на ту границу, которая была до Первой мировой войны, но с некоторым исправлением в районе Черновцов и Тернополя: эти территории до Первой мировой войны входили в состав Австро-Венгерской монархии. Здесь исправления были сделаны в нашу пользу, и это исторически оправданно, потому что эти земли населяли украинцы. Следовательно, украинцы, проживавшие на этой территории, воссоединились со всем украинским народом и вошли в единое Советское государство. Я считаю, что и юридические, и моральные права, безусловно, были на стороне Советского правительства, на стороне ВКП(б), на стороне действий, которые осуществлял тогда от имени партии, от имени нашего государства Сталин.

Спустя какое-то время после разгрома войск Англии и Франции в 1940 году, захвата немцами Парижа и капитуляции Франции у нас упорно носились слухи, а западная печать открыто писала, что немцы направляют свои войска в Румынию. Поэтому занятие нами Бессарабии еще больше толкнуло Антонеску²⁶⁷ в объятия Гитлера. Антонеску правил страной от имени короля, он определял там политику. Это был человек профашистских взглядов. Следовательно, надо было учитывать, что этот участок границы тоже должен быть под строгим наблюдением и надо что-то делать, чтобы укреплять там наши новые рубежи. Однако на советско-румынской границе по линии Прут – Дунай мало что делалось. Можно даже сказать, что ничего не делалось. Мы только ввели свои войска и расположили их в соответствующих местах. Каких-то работ по созданию укреплений на границе не производилось. И когда началась война, граница там оказалась очень слабой.

Итак, уже закончился период «странной войны» Франции и Англии против Германии, когда война была объявлена, войска сосредоточены, но активных военных действий не велось. Эта «странная война» вселяла некоторую тревогу в руководство Советского Союза. Мы опасались, не закончится ли она сговором между Англией и Францией, с одной стороны, и гитлеровской Германией – с другой, в результате чего гитлеровскую военную машину направят на восток, то есть против СССР? Это было вполне реально, хотя некоторые у нас этого и в мыслях не допускали. Никакого особого противоречия не было в таком сговоре, потому что

---

²⁶⁷ АНТОНЕСКУ Йон (1882–1946) – с 1938 г. министр обороны, с сентября 1940 г. премьер-министр Румынии, маршал Румынии с 1941 г., организатор войны против СССР, казнен как военный преступник.

и та и другая стороны стояли на капиталистических основах; и та и другая стороны ненавидели марксистско-ленинское учение и наше государство, которое было единственным островом социализма в капиталистическом окружении.

Наконец на Западе начались активные военные действия. Это была весна 1940 года. Точного числа я уже не помню, но каждый грамотный человек может отыскать его в справочниках. Немцы перешли в наступление, и перешли в таком месте, где их меньше всего ожидали. Главные силы Франции были сосредоточены на «линии Мажино». Я не изучал специальную литературу и не могу сказать, насколько эта линия была неприступной. Но печать твердила об этом и во время ее строительства, и после. Поэтому в ответ на постройку «линии Мажино» Гитлер построил «линию Зигфрида». Таким образом, и с той и с другой стороны вроде бы были неприступные валы, как их называли. Это успокаивало, обнадеживало французов и ослабляло их волю к должной организации войск, мешало им предусмотрительно относиться к другим возможностям, которые могут использовать немцы против Франции и Англии.

Немцы ударили через Голландию и Бельгию. Сопротивление этими странами было оказано слабое, и немцы вышли на территорию Франции. Там они без больших затруднений разгромили французско-английские войска и двинулись в глубь страны. В районе Дюнкерка они устроили большой разгром войск противника, и англичане сразу же приступили к эвакуации своих войск на Британские острова, они успели вывезти много своих войск. Все говорило о том, что Великобритания отказалась от борьбы против немцев на территории Франции. Тогда в печати очень много писали о применении немцами нового метода ведения войны: выброска воздушного десанта в тылу противника. Десант наводил буквально панический страх на французов и обращал их в бегство. Немцам был открыт путь на Париж.

В это время я случайно (не помню, у меня ли имелись какие-то вопросы или Сталин меня вызвал) был в Москве. Я видел, что Сталин очень озабочен развитием военных событий на Западе. Но он не распространялся по этому поводу и не высказывал своей точки зрения. В ходе обмена мнениями он говорил только, что французы и англичане оказались очень слабыми, не сопротивляются немцам, и те наступают, реализуя свои замыслы... Было получено известие по радио, что немцы вступили в Париж, французская армия капитулировала. Вот тут Сталин нарушил свою замкнутость и очень нервно выругался в адрес правительств Англии и Франции за то, что они допустили разгром своих войск.

Сталин тогда очень горячился, очень нервничал. Я его редко видел таким. Он вообще на заседаниях редко сидел на своем стуле, а всегда ходил. Тут он буквально бегал по комнате и ругался, как извозчик. Он ругал французов, ругал англичан, как они могли допустить, чтобы их Гитлер разгромил. В это время у него был как раз я и еще присутствовал, наверное, Молотов. Он всегда бывал у Сталина. Редко, когда я был у него, не было там Молотова или Берии. Жданов бывал тоже часто, но реже. Почему Сталин так реагировал на падение Парижа? Теперь немцы выполнили свои цели на Западе, вынудили Францию капитулировать, создали там прогерманское правительство во главе с Петеном²⁶⁸. Для них это был конец войны во Франции. У немцев оставалась одна цель – принудить капитулировать Англию и организовать вторжение на Британские острова. Победа немцев во Франции – это уже был сигнал, что угроза войны против Советского Союза возросла. На Западе силы, враждебные немцам, разбиты; следовательно, у них остается главная задача – сокрушить Советский Союз, который привлекал немцев с давних времен и богатствами, и своей территорией. Но главным было столкновение идей. Ведь Гитлер взял на себя священное обязательство быть освободителем Европы и мира от марксизма. Поэтому главный враг, враг № 1 – это марксистско-ленинские идеи, а главный носитель этих

²⁶⁸ ПЕТЕН Анри Филипп (1856–1951), маршал Франции с 1918 г., главнокомандующий французской армией с 1917 г., был с 16 июня 1940 г. по апрель 1942 г. премьер-министром Франции и одновременно с июля 1940 г. по август 1944 г. президентом в Виши, где находилось прогитлеровское коллаборационистское правительство, с 1945 г. находился в заключении как изменник родины.

идей и претворитель их в жизнь – народы Советского Союза. Война против нас была неизбежна. Она уже была объявлена в книге Гитлера «Майн кампф». Этот момент приближался, и Сталин тревожился.

Он тревожился еще и потому, что уже понимал, что наша армия не так сильна, как об этом писали в газетах и говорили на митингах. Свою слабость Красная Армия показала в войне с финнами, где были большие потери и с трудом решались поставленные задачи. В результате Финляндской войны произошла смена в руководстве Наркомата обороны: Ворошилова заменил Тимошенко.

Легкий, без особых усилий со стороны немцев разгром англо-французских войск еще больше пугал Сталина. Правда, во Франции нашлись люди, которые не признали капитуляции, бежали из страны и организовали свое движение. Возглавил его де Голль²⁶⁹. Мы были уверены, что французская компартия тоже все сделает для того, чтобы организовать борьбу против оккупантов. Но для этого требуется время, а немцы, конечно, используют все возможности, чтобы поскорее достичь своей конечной цели на Западе – разгрома Англии то ли путем вторжения, то ли путем дипломатических переговоров. Все это развязывало немцам руки на Западе, обеспечивало их тыл и давало возможность двинуть свои войска против Советского Союза.

С приходом маршала Тимошенко работа в Наркомате обороны, по моим наблюдениям, зашевелилась. Это были довольно слабые, разрозненные наблюдения. Я только что слышал другой раз, как докладывает Тимошенко Сталину или Сталин звонит Тимошенко по военным вопросам. В то время все искали возможности создания лучшего стрелкового оружия. После Финляндской войны встал вопрос о создании автоматического скорострельного оружия для вооружения пехоты. В это же время началось внедрение в войска новой, облегченной и скорострельной винтовки с большим количеством патронов в обойме. По этим вопросам много спорили. Часть военных резко высказывалась против внедрения в войска автоматического оружия, аргументируя свою точку зрения тем, что уменьшится кучность стрельбы и, следовательно, эффективность огня. Понадобилась Финляндская война, в которой финны успешно применяли немецкие автоматы, чтобы решить этот спор.

Всеми этими вопросами Сталин занимался сам, и больше никто к этому не был допущен. Так же и с танками. Помню, мне Сталин сказал в 1940 году: «Вы обратите внимание, в Харькове на бывшем паровозостроительном заводе создается дизель большой мощности. Это очень интересный, впервые создаваемый в Советском Союзе дизель. Я имею в виду, что, может быть, его возможно будет использовать на тяжелых бомбардировщиках». Сталин считал, что если дизель поставить на самолет, то будет меньше расход горючего, увеличится дальность полета. Это тоже характерно: он сказал мне, что на этом заводе делается дизель, который необходим для военных целей, а я, секретарь Центрального Комитета КП(б)У, этого не знал. И неудивительно: надо было знать порядок, который тогда сложился. К военным заводам у нас допуска совсем не было. Туда партийных работников не пускали. Хотя там, на заводе, была партийная организация, я и не знал о разработке дизеля, мне не докладывали. Что там производили паровозы, мне было известно, а что там делали дизель, я не знал. На заводе был отгорожен цех, он охранялся, проход туда был с особыми пропусками, и никто не имел права совать нос в эти дела. Знали лишь Сталин и те, кто имел прямое отношение к организации этого производства.

---

²⁶⁹ Де ГОЛЛЬ Шарль (1890–1970) – военнослужащий. С 5 июня 1940 г. заместитель министра национальной обороны, а с 18 июня, находясь в Англии, стал там основателем движения «Свободная Франция» (с 1942 г. «Сражающаяся Франция»), с 1941 г. руководил Французским национальным комитетом (с 1943 г. Французским комитетом национального освобождения), в 1944–1946 гг. глава Временного правительства, основатель партии «Объединение французского народа», в 1958 г. премьер-министр, в 1959–1969 гг. президент Франции.

И только когда мне позвонил Сталин, я поехал на этот завод и познакомился с конструктором дизеля тов. Чупахиным²⁷⁰. Дизель был очень интересный. Я не мог сделать заключение, может ли он быть пригодным для установки на бомбардировщике. Но для танка (а Чупахин его строил для танка) это был хороший дизель. Парторгом ЦК на этом заводе тогда был Епишев. Он только что, по-моему, закончил Военную академию и был назначен парторгом ЦК, то есть не выбирался партийной организацией, а был утвержден Центральным Комитетом ВКП(б) и не был подотчетен местным партийным организациям.

Я установил связь с заводом и стал наблюдать за ходом работ. Не помню, в каком месяце, но это было летом, мне позвонили, что такого-то числа под Харьковом, на Северском Донце будет испытываться танк Т-34. Это был новый, многообещающий танк. Я сейчас же выехал в Харьков: хотел посмотреть, как работает дизель и что это за танк. Прибыл я в Харьков и в тот же день выехал на полигон на поле, восточнее Харькова. Место для испытания танка было очень хорошо выбрано: там сыпучие пески и там же сильно заболоченные места около озера. Я наблюдал, стоя на возвышенности, как буквально бегают танк, преодолевая препятствия и в песках, и в болотах.

Помню, еще произошел тогда такой инцидент. Я его много раз вспоминал, когда позднее встречался с этими товарищами. Рядом со мной на испытаниях стояли люди, которых я не знал лично. Один из них, красивый мужчина лет тридцати восьми, может быть, сорока, в синем, ладно сшитом, чистеньком комбинезоне, спрашивает меня: «Товарищ Хрущев, как вы оцениваете танк? Хороший танк?» Я говорю: «Видимо, танк очень хороший, действительно, грозой будет для наших врагов. Но танк-то танком, танк – это вроде телеги, а сердце танка – двигатель. Раз двигатель хорош, поэтому он и бегают». Он, человек умный и с юмором, глянул на меня и говорит: «Вы, видимо, товарищ Хрущев, ошиблись. Вы считаете, что я конструктор дизельного двигателя, то есть Чупахин, а я не Чупахин, я Кучеренко²⁷¹, один из группы инженеров, которые создают этот танк. Танк – это вам не телега!» – и улыбнулся. Я извинился и говорю: «Вы правильно определили, я действительно принял вас за Чупахина. У меня такое вот мнение, не знаю, насколько оно правильно, но я все-таки оцениваю по двигателю силу и маневренность танка». Он, как инженер-конструктор, стал мне объяснять достоинства конструкции этого танка. Потом я на практике убедился, что он был прав. Эти танки действительно оказались очень грозным оружием Красной Армии, но, к сожалению, к началу войны их было еще очень мало.

После разговора со Сталиным я часто приезжал на этот завод и довольно подробно знакомился с производством, с организацией завода. Тогда Сталин поставил задачу расширения завода, запуска дизеля в серию и организации широкого производства танков Т-34.

Война неумолимо надвигалась. Хотя при встречах Сталин беседовал по этому вопросу очень редко, даже избегал этой темы, замыкался, но было заметно, что он очень волнуется и его это очень беспокоит. Это было заметно и по тому, что он к тому времени стал пить, и довольно много пить, причем не только сам, но и стал спаивать других. Обязательно, если он вызывает, у него бывает очень много народа. Он собирал как можно больший круг людей. Я думал, что он так волнуется потому, что начинает, оставаясь один, плохо себя чувствовать, поэтому ему нужна большая компания с тем, чтобы в этой компании как-то отвлечься от мыслей, которые его беспокоят. А мысли эти: неизбежность войны, а главное (о чем он, видимо, думал), что в этой войне мы потерпим поражение. Войны-то в былые времена он не боялся. Наоборот, счи-

²⁷⁰ ЧУПАХИН Тимофей Петрович (1896–1966). Инженер, конструктор дизельных двигателей, в том числе В-2, для танка Т-34. Окончил техническое училище во Франции и Московский авиационный институт. Работал в ЦИАМ, а в 1937–1941 гг. на Харьковском паровозостроительном заводе, главный конструктор по дизелям. В 1941–1946 гг. главный конструктор завода № 76, Уралмашзавода. Далее на научной работе.

²⁷¹ КУЧЕРЕНКО Николай Алексеевич (1907–1976) – член ВКП(б) с 1942 г., инженер-полковник с 1945 г.; один из конструкторов советских танков Т-24, БТ-2, БТ-5, БТ-7, БТ-7М, Т-34, Т-44 и других образцов бронетанковой техники.

тал, что война принесет нам победу и, следовательно, расширение территории, где будут установлены новые, социалистические порядки, будет развеяться победоносное революционное марксистско-ленинское знамя. Но в тот период он так уже не думал, а, наоборот, видимо, беспокоился о том, что если начнется война, то мы можем потерять то, что завоевали под руководством Ленина.

После капитуляции французов немцы обнаглели. Наглость эта проявлялась в бесперечности перелетов разведчиками их воздушных сил границы Советского Союза. Они углублялись до Чернигова, а однажды мы засекли, как они летали над Шосткой. Видимо, разведывали пути бомбежки Шосткинского порохового завода. Бывали случаи, когда немцы совершали вынужденную посадку. Помню, в районе Тернополя сел самолет, и крестьяне буквально захватили в плен немецких летчиков. Кончилось это тем, что этих летчиков отпустили, исправили самолет, и все это прошло тихо, даже, по-моему, протеста не было. Это еще больше вызывало уверенность фашистов в их безнаказанности.

На границе мы видели, что немцами уже стягиваются войска, что они готовятся и что война неизбежна. Естественно, мы беспокоились не меньше Сталина. Помню, мы с командующим войсками КОВО обратились с письмом к Сталину. Я, как секретарь ЦК КП(б)У, предложил написать Сталину, рассказать, что делается у нас на границе со стороны немцев. Чтобы мы не были застигнуты врасплох, нам надо произвести кое-какие работы по укреплению границы. Там велись работы по созданию долговременных железобетонных укреплений с артиллерийскими и пулеметными установками. Это дело двигалось очень медленно, и было видно, что мы не успеем закончить эти работы. Поэтому я предложил командующему написать такое письмо. Он согласился.

Мы обратились к Сталину с просьбой разрешить нам временно мобилизовать 150 тыс. или больше колхозников, вывести их на границу, сделать противотанковые рвы и другие земляные работы по укреплению границы. Мы считали, что это нужно сделать. Мы понимали, что немцы будут видеть все, да немецкая агентура в западных областях Украины была довольно широкой. Поэтому скрытно ничего сделать было нельзя. Но и немцы открыто вели работы по укреплению своей границы. Поэтому нам нужно было чем-то ответить. Но Сталин запретил это делать, сказав, что это может послужить причиной провокаций. Очень нервно он нам ответил. Немцы продолжали свои работы, а мы ничего не делали. Следовательно, наша граница осталась совершенно открытой для противника, чем он потом и воспользовался.

Чем я объясняю такое поведение Сталина? Думаю, что он тоже все видел и понимал. Когда был подписан договор с Риббентропом, Сталин сказал: «Ну, кто кого обманет? Мы обманем Гитлера!» Он все брал на себя. Это была его инициатива, он решил, что обманет Гитлера. А когда мы уже получили урок в войне с финнами, и не в нашу пользу, когда немцы легко разгромили войска французов и англичан и довольно успешно вели воздушные операции против англичан, бомбили города и промышленность Англии, тут он уже по-другому рассматривал возможный исход войны и боялся ее. В результате этой боязни он и не хотел ничего делать, что могло бы обеспокоить Гитлера. Поэтому он нажимал, чтобы аккуратно вывозили в Германию все, что по договору было положено: нефть, хлеб и я не знаю, какие еще товары.

Возможно, он думал, что Гитлер оценит, как аккуратно выполняем мы свои обязательства, вытекающие из этого договора. Может быть, он думал, что Гитлер откажется от войны против нас? Но это нелепость. Она была продиктована неуверенностью, а может быть, даже и трусостью. Трусость вытекала, как я уже говорил, из того, что мы показали свою слабость в войне с финнами, а немцы показали свою силу в войне с англичанами и французами. Эти события и породили вот такое состояние Сталина, когда он как-то потерял уверенность, потерял оперативность в руководстве страной.

К 1940 году у нас накопилось много спорных вопросов с Гитлером. После длительных переговоров договорились о том, что Молотов должен съездить в Берлин. Он выехал туда поез-

дом²⁷². Я приехал в Москву уже после его поездки. Это было, кажется, в октябре или ноябре 1940 года. Я услышал тогда в руководстве разговор, который мне не понравился. Видимо, у Сталина возникла потребность спросить о чем-то Молотова. Из вопросов Сталина и ответов Молотова можно было сделать вывод, что поездка Молотова еще больше укрепила понимание неизбежности войны. Видимо, война должна была разразиться в ближайшем будущем. На лице Сталина и в его поведении чувствовалось волнение, я бы сказал, даже страх. Молотов, сам по характеру человек молчаливый, характеризовал Гитлера как человека малоразговорчивого и абсолютно непьющего. В Берлине во время официального обеда подавали в узком кругу вино. Но Гитлер не брал даже бокала, ему ставили чай, и он поддерживал чаем компанию пьющих. Я не знаю конкретно тем деловых разговоров, которые велись в Берлине, по каким вопросам и какие у нас были с немцами расхождения. Это было очень трудно понять.

У нас сложилась такая практика: если тебе не говорят, то не спрашивай. Считалось, что эти вопросы знать не обязательно. Это, конечно, неправильный подход. Это верно в отношении чиновников. Но в отношении членов правительства и членов Политбюро – руководящего органа партии и страны – это нарушение всех правил, которые должны быть в партии, если она является действительно демократической. А наша партия, ленинская, имела именно такой характер. Но ограничение и отбор информации, которая давалась членам Политбюро, определялись Сталиным. Если говорить об уставном праве, то такого уставного права не существовало и существовать не может. Это уже результат сложившегося произвола, который приобрел какую-то «законность» при Сталине.

Молотов говорил, что во время поездки были приняты очень строгие меры по безопасности продвижения поезда от границы до Берлина: буквально в зоне видимости стояли солдаты. Он рассказывал, что во время деловых разговоров вдруг пришли и сказали, что англичане делают налет и сейчас самолеты появятся над Берлином. Предложили пойти в убежище. Пошли в убежище, и Молотов понял, что уже сложилась частая практика пользоваться убежищем. Это говорило о том, что англичане довольно основательно беспокоили Берлин и Гитлеру со своей компанией приходилось прибегать к использованию убежища.

Спустя несколько месяцев после поездки Молотова в Берлин произошел такой инцидент: Гесс²⁷³ улетел в Англию, выбросился там с парашютом и приземлился. Гесс – бывший летчик, поэтому он легко мог воспользоваться этим способом. Немцы пустили «утку», что он бежал. Но было видно, что здесь что-то кроется, не вяжутся концы с концами в версии о бегстве Гесса. Возникало сомнение, что это было бегство. Когда Молотов во время войны был в Лондоне, то ему предложили встретиться с Гессом, но Молотов отказался. А я тогда спросил Сталина: «Не является ли бегство Гесса выполнением особой миссии по поручению Гитлера? Он взял все на себя с тем, чтобы ничем его не связывать, а на самом деле является посыльным Гитлера. Он не бежал, а фактически полетел туда по поручению Гитлера с тем, чтобы договориться с Лондоном о прекращении войны и развязать Гитлеру руки для похода на восток». Сталин выслушал меня и сказал: «Да, это так и было. Вы правильно понимаете этот вопрос». Он не стал развивать дальше эту тему, а только согласился со мною. Сталин очень сильно переживал начало войны. В первые ее дни, как известно, был совершенно парализован в своих действиях и мыслях и даже заявил об отказе от руководства страной и партией.

После поездки Молотова в Берлин не было никакого сомнения в том, что будет война. Но полагали, что эта война может быть оттянута во времени. Гитлер готовится, война будет развязана в ближайшее время, а в какое, мы, конечно, не знали. Думаю, что и Сталин не знал. Это

²⁷² Эта поездка в Берлин состоялась с 9 по 14 ноября 1940 г.

²⁷³ ГЕСС Рудольф (1894–1987) – личный секретарь Адольфа Гитлера с 1925 г. и его заместитель по партии с 1933 г. После войны был приговорен к пожизненному тюремному заключению, как один из главных нацистских военных преступников.

невозможно знать, потому что каждая страна скрывает от своего противника начало войны, даже если она приняла решение начать войну.

Однажды я приехал в Москву зимой в конце 1940 или в начале 1941 года. Как только приехал, сейчас же раздался звонок. Передали, что Сталин просит заехать к нему на Ближнюю дачу, а сам он нездоров. Я приехал к нему. Сталин лежал одетый, на кушетке, и читал. Мы обменялись приветствиями. Сталин сказал, что чувствует себя плохо. Тут же стал рассказывать мне о военных делах. Это был единственный раз, когда он заговорил со мной об этом. Видимо, он нуждался в собеседнике. Его очень тяготило, что он один. Так я думаю. Обычно у него не появлялось внутренней потребности обменяться с кем-либо мнениями по вопросам военного характера. Он был далек от этого, потому что, видимо, очень высоко ценил свои способности и низко оценивал их у других.

Он говорил тогда, что проходит совещание военных²⁷⁴, а он лишен возможности принять участие. На этом совещании было принято решение в пользу какого-то оружия. Это возмутило Сталина, и он тут же начал звонить по телефону, кажется, Тимошенко, который был наркомом обороны. Он стал ему что-то выговаривать, придавая особое значение артиллерии и критикуя принятое решение. Видимо, совещание было широким, в нем участвовали все командующие войсками военных округов. Я говорю это к тому, что в то время уже принимались меры, чтобы подготовиться к нашествию гитлеровских полчищ на Советский Союз.

Внешние проявления глубоких переживаний, волнения Сталина мною воспринимались по-человечески, потому что, действительно, такая прорва нависла над нашей страной. Гитлеру удалось покорить европейские страны, непосредственно подойти к границам Советского Союза и расположить свои войска в соприкосновении с нашими войсками. Их разделяла только граница, созданная после краха Польского государства. Угроза была, я бы сказал, самой реальной за всю историю существования СССР. Смертельная угроза нависла над Советским Союзом. Крупные страны: Германия, Италия и Япония – объединились против него. Ну, а другие? Америка слишком от нас далека. Было неизвестно, какую она займет позицию при нападении немцев на Советский Союз. Англия находилась в состоянии войны с Германией и сохраняла еще независимость, которая тоже висела на волоске. Английская сухопутная армия была слабой. Выдержит ли Англия, сможет ли она отразить попытки гитлеровской Германии высадить на Британских островах десант, это было еще неизвестно.

Поэтому вполне понятно волнение Сталина. Он чувствовал, что надвигается угроза. Справится ли наша страна? Справится ли наша армия? Опыт Финляндской войны показал ее слабость. Это еще больше давало повода для волнений. Не случайно же, что в результате лишь такого состояния армии мы понесли тогда огромные потери! В ответ было заменено военное руководство: смещен Ворошилов с поста наркома обороны и назначен новый нарком, Тимошенко. Все это надо представить себе, потому что отношения между Сталиным и Ворошиловым были мало сказать дружескими: я всегда видел их вместе, они были неразлучны. Если Сталин пошел на это, то можно себе представить, как был он поражен слабостью нашей армии в войне с финнами!

Помню, однажды Сталин в беседе сказал, что Гитлер по закрытым каналам обратился к нему с просьбой оказать услугу: немецкие войска оккупировали Францию, и он хотел, чтобы Сталин, как авторитет в коммунистическом мире, оказал ему помощь, то есть повлиял на французскую компартию, чтобы она не встала во главе движения Сопротивления немецкой оккупации. Сталин возмущался этой наглостью. Тут даже не было вопроса о том, какой дать ответ. Гитлер шел не только на гнусность, но и на пакость. Как мог он допустить, что Сталин пойдет на сделку такого характера? Низкую сделку. Оказать содействие фашизму через Французскую коммунистическую партию?!

²⁷⁴ Совещание руководящих кадров РККА в декабре 1940 г.

Еще такой инцидент. Когда немцы вели бои за Данциг, то эта операция проводилась как спектакль. У немцев там была заранее установлена киносъемочная аппаратура. Эти бои и с моря, и с суши были засняты. Этот кинофильм они старались пошире продвинуть во все страны мира. Видимо, Гитлер преследовал цель показать мощь и неотразимость фашистских войск с тем, чтобы заставить дрожать своих будущих противников и парализовать их волю. Гитлер обратился к Сталину с предложением взять эту картину и пустить ее через нашу киносеть. Одним словом, показать нашему зрителю, как немцы расправляются с Данцигом, с Польшей, со всей Европой. Вот такая диверсия была задумана Гитлером против нашего народа.

Сталин поставил свои условия. Он сказал: «Если вы возьмете нашу картину (в ней были показаны очень хорошо организованные маневры, которые производили сильное впечатление), то мы возьмем ваш фильм». Гитлер, конечно, не мог согласиться с таким обменом. Тем самым Сталин парировал диверсию со стороны Гитлера, которую тот предпринял, предлагая демонстрировать картину о разгроме польских войск. И все же эта картина была прислана немцами, и мы ее просматривали со Сталиным. Она действительно производила удручающее впечатление, особенно на тех людей, которые ожидали, что это оружие может быть повернуто против них. А мы были именно такой стороной. У нас в то время шел спектакль «Ключи от Берлина»²⁷⁵. Это тоже рассматривалось как психологическая подготовка страны и войск к войне. В истории уже были случаи, когда русские войска брали Берлин и получали ключи от его ворот. Это, конечно, раздражало немцев. Это была психологическая закалка наших людей против фашистов. Они трубили, что все на Земле будет им подвластно и что они могут разбить любую армию. А здесь было показано, что русские войска бивали немцев, вступали в Берлин в результате их разгрома.

Картина неизбежности войны вырисовалась значительно раньше, чем началась война, и даже значительно раньше, чем был подписан договор между Советским Союзом и гитлеровской Германией. Было известно от самого Гитлера: если фашисты придут к власти, то будет война против Советского Союза. Он написал книгу «Майн кампф», в которой излагал свои агрессивные планы и свое человеконенавистническое мировоззрение. Он прежде всего ставил задачу разгрома Советского Союза, уничтожения коммунизма. Оплот коммунизма – это Советский Союз. И когда Гитлер пришел к власти, то он сейчас же начал готовить к этому свою армию. Это не было секретом. Шумные военные парады в немецких городах, угрожающие речи против нас... Но, видимо, Сталин находился тогда под впечатлением, что в нашей стране все в порядке и армия с ее вооружением у нас на должном уровне, как и ее командный состав, и настроение народа. И действительно, настроение народа свидетельствовало о его монолитности и сплоченности вокруг партии.

Фашисты, как и все буржуазные идеологи, рассчитывали, что поскольку Советский Союз многонационален, то поэтому при первом же столкновении он развалится, как колосс на глиняных ногах: возникнет национальная рознь, не будет монолитности и сплоченности народа, а следовательно, и Вооруженных Сил. Но это оказались бредни тех, кто хотел, чтобы случилось так. Мудрая ленинская национальная политика после Октябрьской революции за годы Советской власти все перевернула. Конечно, были шероховатости. Потребуются еще десятилетия, чтобы все это изжить. Но основное было уже сделано. Разные народы страны, рабочие, крестьяне, интеллигенция чувствовали, что только в единении сила. Не в розни наша сила, не в розни народов, а в их единстве и монолитности. Война убедительно подтвердила это и разбила иллюзии, которые питали наши враги.

Военные парады и маневры, которые проводились, играли большую положительную роль. Но они играли и отрицательную роль в том смысле, что расхолаживали волю и успокаивающе действовали на всех, скрывая недостатки, которые имелись в Красной Армии. Видимо, Сталин эту сторону недооценил. Он неправильно оценивал боеспособность нашей армии, нахо-

²⁷⁵ Пьеса Константина Яковлевича Финна (1904–1975) и Михаила Семеновича Гуса (1900–1984).

дьясь под впечатлением кинокартин, в которых показывали парады и военные маневры. Сталин давно почти ничего живого не видел. Он не выезжал никуда из Москвы. Из Кремля выезжал только на дачу и в Сочи, а больше никуда. Соответствующую информацию получал только через Ворошилова. Тот, конечно, докладывал, как он сам понимал, а он тоже переоценивал Красную Армию. Считал, что она находится на высоком уровне и может легко отразить гитлеровское нашествие. Поэтому перед войной многое так и не было сделано.

Разве можно было тогда думать, что дело обстоит иначе? Вот я беру себя. Я был членом Политбюро, вращался в кругу Сталина, правительства. Разве мог я думать, что у нас буквально в первые дни войны не будет даже достаточного количества винтовок и пулеметов? Это элементарно. Даже у царя, который готовился к войне с Германией, оказались большие запасы винтовок: у него только в 1915 году или 1916 году не хватало винтовок, а у нас винтовок и пулеметов не хватило на второй день войны. А ведь наши возможности в смысле экономики были несоизмеримо выше, чем у царского правительства.

Я был поражен. Как же так, никто не знал? Я не знаю, знал ли об этом Сталин до войны. Наверное, тоже не знал. Но Ворошилов не мог не знать. Что же тогда наркому еще знать, если не это, то есть состояние вооруженности и накопление на случай войны резервов, боеприпасов, артиллерийского и пехотного вооружения? А оказалось, что не знает. Это преступление! Люди, которые за это были ответственны, с них как с гуся вода. Улыбаются перед фотоаппаратами и перед киноаппаратами... Если бы Сталин это знал! Надо было поднять на ноги нашу партию с тем, чтобы сейчас же мобилизовать промышленность на работу для войны, выделить для этого заводы, которые занимались бы производством артиллерии, винтовок, автоматического оружия, зенитных пулеметов, противотанковых орудий и боеприпасов. Не говорю уже о танках и самолетах.

Но говорю не потому, что недооцениваю их как главный вид вооружения Красной Армии, а потому, что эти виды вооружения более наглядны и находились в сфере внимания Сталина. Поэтому наша авиация была подготовлена лучше. Наши танки были не хуже, а Т-34 превосходил все танки мира. Но этого вида оружия количественно было недостаточно. Надо было сделать больше таких танков. Не хочу сейчас говорить о танке Т-34, потому что тут, может быть, мы и запоздали с его конструированием, отстало созревание технической мысли. Но думаю, что после того, как этот танк был создан, прошел испытания и на испытаниях показал свои прекрасные качества, что-то можно было сделать. Его испытания проходили в Харькове, кажется, летом 1940 года. У нас еще был целый год. Если бы мы сразу, по-военному, взялись за внедрение этого танка в производство, создали несколько заводов и организовали широкую их кооперацию, мы бы очень многое сделали. А что наш народ, наша техника и наши инженеры способны на это, показала война.

В условиях войны, более тяжелых, чем предвоенные, мы быстро организовали производство Т-34 совершенно на чистом месте, в том смысле, что завод, который это делал, никогда прежде не занимался производством танков. А стал выпускать танки Т-34, и довольно большое количество. Следовательно, технические и материальные возможности, людские, научно-технические, конструкторские силы у нас были. Если бы мы правильно оценили обстановку и поставили задачу, мы не имели бы того провала, с которым встретились по артиллерийскому, танковому и авиационному вооружению в первые дни войны. Потом, во время войны, пришлось наверстывать. Были сделаны героические усилия, и они оправдались. Наша армия победила в войне против гитлеровских полчищ, получив такое вооружение.

За слабую подготовку Красной Армии по вооружению я обвиняю прежде всего Ворошилова. Он был наркомом обороны, и, следовательно, это входило в его обязанности. Он должен был ставить эти вопросы. Не знаю случая, чтобы Сталин отказывал, когда возникали вопросы вооружения. Мы ассигновывали на вооружение большие средства. Следовательно, эти вопросы были недооценены теми лицами, которые непосредственно отвечали за это дело. Слабость была

еще и в следующем. Я не знаю, что больше подорвало нашу армию, – недостаток вооружений или слабость кадров. Безусловно, и то и другое. Что в большей степени, сейчас трудно сказать, потому что и умному командиру без танков, без артиллерии, без пулеметов трудно управлять войсками и добиваться, чтобы они выполняли задачи, которые ставятся перед ними. Но если армия, даже с самым лучшим вооружением, не имеет достаточно квалифицированных, образованных и подготовленных кадров, эффект от применения этого вооружения очень снижается.

А слабость в кадрах всем известна, и причины ее известны. Кадры были перебиты как «враги народа». Теперь этим «врагам народа», которых тогда «прорабатывали» по всей стране, ставят памятники. Если бы эти люди находились во главе армии, когда Гитлер готовился напасть на нас и еще значительно раньше, чем он напал, то их ум, их энергия были бы использованы для подготовки армии, обучения ее и накопления средств ведения войны. Особенно успешно занимался этим Тухачевский. Я убежден, что если бы он не был казнен, а продолжал бы свою деятельность как заместитель наркома обороны, то такого положения в начале войны с вооружением не было бы. Он любил, понимал и ценил военные новинки.

Если взвешивать на аптекарских весах, чья вина здесь больше – Ворошилова или Сталина, я бы сказал: здесь равная вина и Ворошилова, и Сталина. Может быть, с перевесом в большую сторону вина Сталина. Хотя Ворошилов очень отстаивал людей и спорил со Сталиным, но другой раз и сам поддавал жару настроениям Сталина по истреблению кадров. Считаю, что и тот и другой виноваты. А в отдельности каждый из них виноват не меньше, чем другой.

Что можно сказать о других членах Политбюро и правительства? Ближе всего к Сталину, в смысле принимаемых по тому или другому вопросу решений, стоял Молотов. Но это не его область. Молотова, собственно, здесь винить трудно. Его можно обвинять в том, что он не сдерживал, а подталкивал Сталина на истребление кадров. Здесь вина Молотова, может быть, больше, чем Ворошилова. На вопросы вооружения и подготовки Красной Армии он влияния почти не оказывал.

Повторяю, если бы мы правильно оценили ситуацию и поставили нашу промышленность на службу армии, защиту Родины, для чего мы эту промышленность и создавали, многое было бы по-другому. Каждый рабочий, инженер, служащий и крестьянин буквально не щадили своих сил, отрывали последнее у своей семьи и отдавали в фонды обороны. Организовывали жертвования на производство танков и самолетов. Общественностью поднимался вопрос о том, чтобы выпустить облигации займа. Это была демонстрация идей, непонятных буржуазным историкам и идеологам. Советские люди, отдавая свои сбережения, думали о стране, о ее обороне, о будущем и во имя будущего не жалели буквально ничего, даже своей жизни.

Поэтому если бы этот вопрос, вопрос обороны, вопрос перестройки промышленности на военный лад был поставлен и в результате этого надо было бы несколько подтянуть пояса, то никто бы и упрека не сделал. Люди тогда понимали значение угрозы фашистской Германии Советскому Союзу, правильно чувствовали и оценивали. Но, к сожалению, это не было правильно оценено руководством и не были сделаны выводы. Думаю даже, что это произошло в результате незнания истинного положения дел с вооружением и состоянием армии, с ее кадрами. Потому что и по кадрам можно было бы очень многое сделать, если бы своевременно было обращено внимание.

Если бы все это было правильно оценено и был сделан правильный вывод о том, как перестроиться и подготовиться к войне, создать запасы, резервы, правильно эти резервы географически распределить, а не исходить из ложных лозунгов, которые, не знаю кем, даны были в бытность Ворошилова наркомом обороны – «ни пяди своей земли не отдадим», «воевать только на территории противника»... Отсюда и расположение баз снабжения непосредственно у границы. А надо было бы их отодвинуть на большую глубину с тем, что если во время войны наши войска вынуждены будут отойти, эти базы не попадут сразу же в руки противника.

Да что говорить о базах, когда сумасбродный Мехлис, пользовавшийся безграничным доверием Сталина, став начальником Главного политуправления РККА, подбросил Сталину идею о том, что нужно разрушить старые оборонительные рубежи: Киевский укрепленный район и другие. Надо, потому что военные ориентируются здесь защищать страну и мало делают и думают о том, как разбить противника на новых границах. Эти железобетонные доты были разрушены, артиллерия и пулеметы извлечены из них. Это же нужно дойти до такого! Потом, когда немцы пришли под Киев, нам приходилось искать буквально все, что можно было всадить в эти самые доты, чтобы организовать его оборону.

Я хочу, чтобы меня правильно поняли. То, о чем я сейчас говорю, не требует доказательств. И говорю я для будущих поколений как свидетель, который находился в гуще народа и стоял рядом со Сталиным и другими руководителями партии и народа. Надо себе представить, как мы могли использовать промышленность и что могли сделать за короткий срок! Но, к сожалению, этого мы не сделали, и пришлось нам отступать к Сталинграду и Махачкале, отдать почти весь Северный Кавказ... Ужасное бедствие постигло наши народы. А этого можно было бы избежать. Я не знаю, кто знал тогда из членов правительства и Политбюро, кроме Сталина, о состоянии вооружения РККА, его качестве и количестве. Знал ли Сталин все? Думаю, что, наверное, и сам Сталин хорошо этого не знал.

Помню такой эпизод. Когда я бывал в Москве, Сталин всегда меня вызывал. А вызывал он меня чуть ли не каждый день. Иногда я бывал один, но чаще вместе с другими членами Политбюро. Помню, что кто-то из военных, наверное Тимошенко, сказал Сталину, что у нас не хватает зенитных пулеметов. Сталин посмотрел на нас и сказал, что надо организовать их производство. Это естественно: если чего-то не хватает, то надо наладить производство, выделить для этого заводы или хотя бы новые цеха. Вдруг у Сталина возникла мысль: надо построить новый завод крупнокалиберных пулеметов в Киеве. Он сказал мне: «Беретесь вы построить этот завод?» Говорю: «Будет решение, будем строить». – «Так стройте завод!» Тут же было принято решение, определили место строительства на левом берегу Днепра, напротив Киева в районе Дарницы. Там пески, и на них стали строить завод. Это было в 1940-м, а может быть, в начале 1941 года. Что-то там сделали, какое-то количество бетона заложили в фундаменты. К тому времени, когда немцы захватили Киев, там еще ничего не было построено.

Упустили время. Не знаю, как решались другие подобные вопросы, но самое главное, что царила бездеятельность и, я бы сказал, какой-то моральный упадок. Потому что я Сталина знал не таким. Зачем нам было сейчас, когда идет война на Западе и вот-вот начнется война против нас, когда нам нужны пулеметы, без которых нельзя вести войну в современных условиях при действии мощной авиации противника, строить новый завод? У нас столько заводов. Нужно было взять какой-то завод (или заводы) и организовать на них производство пулеметов, как это и было сделано, когда началась война. Мы бы быстро освоили их производство. А тут был сделан вид, что что-то делается, успокаивались совесть и нервы: начали строить завод. Год надо его строить, а потом еще осваивать производство. Да за год еще и не построишь хороший завод. Зачем это делать, когда имелись неотложные требования вооруженных сил? Надо было перестроить существующие заводы. А этого сделано не было, и это очень существенно сказалось в первые дни войны. Мы оказались действительно без пулеметов, без зенитного прикрытия и даже без винтовок.

В первую голову это упущение Наркомата обороны. Как же мы готовились к войне, если не подготовили производство, не создали нужного резерва и необходимого вооружения? У нас не хватало легкого оружия, нами давно освоенного, – такого, как пулеметы и винтовки. Не говорю уже, что не было противотанковых ружей и прочего.

Я объясняю это провалом воли Сталина, его деморализацией победами, которые Гитлер одержал на Западе, и нашей неудачей в войне с финнами. Он стоял уже перед Гитлером, как кролик перед удавом, был парализован в своих действиях. Это сказалось и на производстве

вооружения, и на том, что мы не подготовили границу к обороне. Мы боялись, что наши работы будут замечены со стороны немцев и это может вызвать войну. Так же нельзя мыслить! Война была уже неизбежна. Когда мы подписывали договор с Гитлером, то вопрос стоял только об очередности, мы выигрывали время. Война начиналась не на востоке, а на западе. Но мы знали, что война неизбежно придет к нам. Думаю, что, когда Сталин подписывал договор, он это понимал, а потом вдруг утратил способность правильно оценивать события. Думаю, что он был деморализован, был парализован в своих действиях, и вот результат: мы не использовали всех тех возможностей, которые имели.

А мы имели тогда мощную промышленность на Украине, в Москве, Ленинграде, других частях Советского Союза, имею в виду европейскую часть Союза, где была самая крупная промышленность. Потом Белоруссия и Украина были оккупированы, Ростов оккупирован, промышленность Сталинграда разрушена. Все можно было использовать для создания нужного большого резерва вооружений с тем, чтобы встретить врага во всеоружии. Я не помню, какую долю в общем производстве занимала Украина, но основная металлургия страны была сосредоточена там. Мне рассказывали люди, которые оставались на оккупированной территории, что когда немцы пришли в Донбасс, заняли Мариуполь, то они вызвали своих инженеров, осматривали заводы и все повторяли: «Рур, Рур!» Они сравнивали Донбасс с Руrom, а всем известно, что Рур – крупнейшая промышленная база немецкого государства.

Повторяю, что в моральном отношении Сталин был просто парализован неизбежностью войны. Он, видимо, считал, что война приведет к неизбежному поражению СССР. Потом я скажу, как Сталин вел себя в первый день войны и что он сказал тогда. Об этом мне потом рассказывали Берия, Маленков, Микоян и другие товарищи, которые в это время были вместе со Сталиным.

Хочу сказать несколько слов о своей беседе со Сталиным о танковых войсках. Это, помоему, было в 1940 г., когда я приехал в Харьков посмотреть на испытания танка Т-34 и познакомиться с конструктором Чухахиным, создателем двигателя, и с одним из создателей танка, Кучеренко. Не помню фамилию главного конструктора (главный конструктор Т-34 Кошкин М.И. Он принимал участие в испытании танка, представлял его в Кремле И.В. Сталину. Во время перехода на танках от Харькова до Москвы простудился и в конце 1940 года умер от воспаления легких. – С.Х.). Но хорошо знал Кучеренко. Это не тот Кучеренко, который был президентом Академии строительства и архитектуры²⁷⁶, а его брат, тоже талантливый человек, один из соавторов конструкции танка Т-34. Этот танк испытывал сам начальник Автобронетанкового управления РККА Павлов²⁷⁷, прославленный человек, герой войны в Испании. Там он выделился как боевой танкист, бесстрашный человек, успешно владевший танком. В результате Сталин назначил его командовать автобронетанковыми войсками.

Я любовался, как он на этом танке буквально летал по болотам и пескам в районе Северского Донца, восточнее Харькова. Затем он вышел из танка, подошел к нам (мы стояли на горочке, наблюдали). Я с ним беседовал. И он беседовал с конструкторами, хвалил этот танк. А на меня он произвел удручающее впечатление, показался мне малоразвитым человеком. Я просто удивился, как человек с таким кругозором и с такой слабой подготовкой может отвечать за состояние автобронетанковых войск РККА, сумеет ли он охватить и охватывает ли все, может ли поставить задачи, которые необходимы, чтобы сделать этот вид вооружения действительно основой мощи Красной Армии? Это подвижные бронетанковые войска. Мы знали, что Гитлер делает упор на танковые войска. Нам надо было срочно создавать противотанковую

---

²⁷⁶ То есть не Владимир Алексеевич Кучеренко (1909–1963) – заместитель Председателя Совета Министров СССР с 1955 г. Президентом Академии строительства и архитектуры, о чем упоминает Хрущев, он был с 1961 г.

²⁷⁷ ПАВЛОВ Дмитрий Григорьевич (1897–1941) – видный военачальник, член РКП(б) с 1919 г., участник национально-революционной войны в Испании с 1936 г., генерал армии в 1941 г. Он командовал войсками Западного Особого ВО перед Великой Отечественной войной, в начале войны был расстрелян за неудачи войск руководимого им Западного фронта.

артиллерию, авиацию и бронетанковые войска, чтобы они у нас занимали высокое положение и чтобы можно было парировать удар врага теми же средствами, которыми он хочет поразить Советский Союз.

Меня все это очень беспокоило. Вскоре после испытаний я приехал в Москву и, естественно, рассказывал Сталину, как испытывался танк: о его достоинствах, как конструкторы докладывали мне о его ходовых качествах, как он ходил по пескам и болотам. Это я сам видел. Но стойкость брони – это уже вопрос испытаний, которые были проведены. Танк – замечательный! Это был лучший танк. Действительно, в войне он отлично показал себя и вынудил наших врагов признать этот танк лучшим в мире. И все-таки я решил высказать Сталину свои сомнения относительно способностей командующего автобронетанковыми войсками Павлова. Я должен был высказать их с большой осторожностью, потому что мои встречи с Павловым были кратковременны и не давали мне права настойчиво доказывать Сталину, что он не годится для своей должности. Я хотел только высказать свои сомнения, хотел ими насторожить Сталина, чтобы он лучше присмотрелся к Павлову и принял соответствующие меры.

Иначе я не мог поступить, потому что я мало знал этого человека. И нельзя же мне было сразу утверждать, что он непригоден и т. п. Поэтому я сказал: «Товарищ Сталин, знаете ли вы хорошо Павлова?» – «Да, хорошо знаю». – «На меня он произвел отрицательное впечатление». И тут я рассказал, что мне он кажется довольно ограниченным человеком, который хорошо владеет танком, но хватит ли у него ума, чтобы создать автобронетанковые войска, правильно их вооружить и использовать? Сталин очень нервно реагировал на мое замечание и произнес: «Вы его не знаете». – «Я и раньше вам сказал, что я его мало знаю». – «А я его знаю. Знаете, как он показал себя в Испании, как он воевал там? Это знающий человек. Он знает, что такое танк, он сам воевал на танке». Говорю: «Я просто хотел сказать вам, что у меня сложилось впечатление не в его пользу. Хотел бы высказать вам тогда и другое мое сомнение. За все артиллерийское вооружение отвечает маршал Кулик (его я наблюдал больше и видел, что он очень неорганизованный человек, но очень самоуверенный и волевой). Не знаю, справляется ли он со своими задачами. Война надвигается, он отвечает и за артиллерию, и за стрелковое вооружение. На нем лежит очень большая ответственность, и, зная его характер, я сомневаюсь, что он может все обеспечить». Сталин тут реагировал еще более бурно: «Вот вы говорите о Кулике, а вы Кулика не знаете. А я его знаю по Царицыну, по Гражданской войне. Он командовал там артиллерией. Это человек, знающий артиллерию». Говорю: «Товарищ Сталин, я не сомневаюсь, что он знает артиллерию как артиллерист и что он хорошо там командовал. Но сколько у него там было пушек? Две, три. А тут ведь целая страна. В новых условиях требуются другие качества человеку, который должен обеспечить вооружением нашу Красную Армию». Он махнул тут на меня рукой. Был раздражен, что я сую нос не в свои дела. Я это предвидел, когда ставил этот вопрос, потому что знал, как нетерпимо Сталин относится, если делается замечание по каким-нибудь вопросам вооружения и строительства Красной Армии, потому что он считал, что это его детище и что он один компетентен принимать решения. И он принимал их.

К сожалению, мои сомнения подтвердила жизнь. Павлов, командовавший автобронетанковыми войсками, был освобожден от своей должности, но не потому, что непригоден, а потому, что ему дали более ответственный военный пост: его назначили командующим войсками Западного Особого военного округа²⁷⁸, то есть на главном, центральном направлении на Москву со стороны запада. Это был самый сильный участок нашей обороны, с большим количеством войск. На втором месте тогда был Киевский Особый военный округ, а на третьем – Одесский. Это понятно, потому что из Минска – прямой путь на Москву, а Киев – это юг, житница Советского Союза, Украина с мощной металлургической промышленностью, маши-

²⁷⁸ В июле 1940 г. Белорусский Особый военный округ получил наименование Западного ОВО.

ностроением и большими людскими ресурсами. Так что Украина занимала очень важное стратегическое и экономическое положение. Враг ее правильно оценивал, нацеливаясь на нее.

Когда командующим в войска Белоруссии был назначен Павлов, я даже не знал о такой перестановке, что тоже характерно, хотя был членом Политбюро. Но ни у кого Сталин не спрашивал совета и ни перед кем не отчитывался. Он отчитывался только перед своей совестью. А чем это кончилось, всем известно. Павлов в первые дни войны потерял управление войсками. Он совершенно не подготовил свои войска к гитлеровскому вторжению и потерял сразу технические средства: авиация была уничтожена на аэродромах, это мы знали. Как немцы разгромили войска Западного Особого военного округа, видно и из немецких документов, которые сейчас опубликованы в книге «Совершенно секретно!». Я познакомился с нею. Не все прочел, но познакомился с книгой. Там об этом много пишется. Сталин осудил Павлова и его начальника штаба²⁷⁹. Эти люди были расстреляны в первые дни войны. Но фронт развалился, и немцы двинулись без всякого сопротивления в глубь нашей страны, пока мы не подтянули войска, которые находились в тылу. Такие люди, как Павлов, появились у руля Вооруженных Сил, потому что были уничтожены кадры, которые были закалены и воспитаны в Гражданской войне, а потом получили образование и накопили опыт. Они были уничтожены, начиная с Тухачевского сверху и до командиров рот внизу.

А Кулик? Кулик тоже (правда, уже после войны) был арестован, хотя уже во время войны он показал себя совершенно ничемным военным деятелем, и Сталин разжаловал его из маршалов в генерал-майоры²⁸⁰. Я столкнулся с Куликом в 1943 г., когда он пришел к нам на Воронежский фронт во главе гвардейской армии. Членом Военного совета у него был Шепилов²⁸¹. Мы с Ватутиным поставили эту армию на направлении Полтавы. Кулик сам был из какого-то села под Полтавой²⁸² и просил дать ему это направление. Это совпадало и с военной целесообразностью. Мы с Ватутиным бывали в этой армии. Помню, раз мы с ним приехали и слушали доклад Кулика. Это просто не передать словами! Это материал для фельетонистов, как он докладывал и как он командовал. Совершенно непригодный командир! И мы вынуждены были поставить вопрос перед Сталиным, что нужно Кулика освободить от должности и назначить нового командующего, иначе он загубит армию. Сталин сопротивлялся, и Кулик действительно растрепал эту армию, понес большие потери и не решил задач, которые стояли перед ним. Тогда Сталин вынужден был согласиться с нами, освободил Кулика, отозвал и прислал вместо него нового командующего.

Новый командующий (это я попутно говорю), как только приехал и направился в армию, не доехав до штаба, подорвался на mine²⁸³. Сталин устроил мне тогда большой скандал, главным образом за то, что мы не бережем командующих армиями. У нас как раз перед этим подо-

²⁷⁹ Начальником штаба Западного фронта был генерал-майор Владимир Ефимович Климовских.

²⁸⁰ Маршал Советского Союза КУЛИК Г.И. (1890–1950), разжалованный в марте 1942 г. в генерал-майоры, с апреля по сентябрь 1943 г. командовал 4-й гвардейской армией. Потом находился в распоряжении Главного управления кадров РККА, работал заместителем начальника Главупра формирования и укомплектования войск и занимал должности в различных военных округах, в 1947 г. арестован и в 1950-м – расстрелян. В 1956 г. посмертно реабилитирован.

²⁸¹ ШЕПИЛОВ Дмитрий Трофимович (1905–1995) – член ВКП(б) с 1926 г., с 1935 г. на партийной и научной работе, в 1941 г. ушел добровольцем на фронт, сначала – рядовой, но вскоре произведен в полковники, с 1945 г. генерал-майор, с 1946 г. преподавал, в 1952–1956 гг. главный редактор газеты «Правда», в 1955–1957 гг. секретарь ЦК КПСС, в 1956–1957 гг. министр иностранных дел СССР, за участие в антипартийной группе внутри ЦК КПСС в 1957 г. переведен на низовую работу, член ЦК КПСС в 1952–1961 гг.

²⁸² Он родился на хуторе Дудниково Полтавской области.

²⁸³ Это был Алексей Иванович ЗЫГИН (1896–1943). В Красной Армии с 1918 г. В 1938 г. арестован, в 1939 г. освобожден. Начал войну 29 июня под Полоцком командиром 174-й стрелковой дивизии. Попал в окружение, за выход из него произведен (1941 г.) в генерал-майоры. Далее воевал под Москвой командиром дивизии, а затем, в 1942–1943 гг., на ржевском направлении, командовал 58-й и 39-й армиями, 4-й гвардейской армией. Генерал-лейтенант (1943). 22 сентября 1943 г. принял от генерала Г.И. Кулика командование 4-й гвардейской армией, участвовавшей в битве за Днепр. 26 сентября прилетел в район Полтавы и по пути на командный пункт подорвался на mine.

рвался еще один командующий армией, я забыл его фамилию. Очень хороший командующий был, уже в летах, по национальности белорус. Он тоже ехал в машине, наехал на мину и подрывался. Я Сталину потом доказывал: «Это же война идет, мы наступаем, освобождаем территорию от врага. Земля находилась под оккупацией, поэтому там имеется довольно основательная “начинка”, и нет никакой гарантии, когда едешь или идешь, что не подорвешься на mine. Вы предлагаете беречь командующих. А как беречь? Командующий должен ездить в войска и командовать ими. А для этого надо передвигаться. Совершенно случайно машина наехала на мину и подрывалась».

Вот так, буквально за одну неделю, погибли два командующих. Кулик после этого уже, по-моему, не возвращался к прямому командованию, находился в распоряжении Главного управления кадров и замещал начальника Главного управления формирования и укомплектования войск. Помню, как еще до того, в 1941 году, ему было поручено заниматься укреплением Ростова-на-Дону. Он долго там сидел, долго работал. Ростов, видимо, неплохо был укреплен, потому что там были инженеры, саперы, которые проводили эту работу. Но Ростов пал, и эти работы не сыграли никакой роли, но это уже не вина Кулика и тех саперов, которые проводили эти работы. Я позже объясню, почему почти без выстрела пал Ростов, когда немцы обошли его с севера.

После смерти Сталина и после XX съезда партии, когда выявились злоупотребления властью со стороны Сталина и началась реабилитация невинно казненных и посаженных в тюрьмы, военные подняли вопрос о реабилитации Павлова и других генералов, которые были осуждены и казнены за развал фронта в первые дни войны. Это предложение было принято, и они были реабилитированы. Я тоже был за это, хотя и с оговоркой: если рассматривать вопрос с точки зрения юридической и фактической, на чем основывался суд, когда выносил приговор, то основания к осуждению были налицо. Почему же я, занимая такой пост, на котором мог оказывать влияние в ту или другую сторону при решении важных вопросов, согласился на их реабилитацию? Я согласился потому, что в основе-то виноват был не Павлов, а Сталин. Павлов был совершенно не подготовлен, и я увидел его неподготовленность, когда познакомился с ним. Я сказал об этом Сталину, а он, вместо того чтобы сделать соответствующий вывод и подобрать более подготовленного человека на этот пост, передвинул его с повышением. Считаю, что пост командующего войсками ЗОВО был более ответственным, чем пост командующего автобронетанковыми войсками РККА. А к вопросу истребления Сталиным кадров я еще вернусь.

В конце 1940 года и в начале 1941 года мы чувствовали, что движемся к войне. Сталин в моем присутствии ни разу не поднимал вопроса о том, что война неизбежна, но видно было по его настроению, по его поведению, что он чувствует это и очень встревожен. Какие были внешние признаки? В чем они выражались? В былые времена, когда я приезжал в Москву из Киева, он сейчас же вызывал меня на квартиру или на дачу. Чаше на дачу, он там больше жил. В те времена с ним всегда приятно было встречаться, послушать, что нового он расскажет, доложить ему. Он всегда рассказывал что-либо подбадривающее или разъяснял то или другое положение. Одним словом, выполнял свои функции руководителя и вождя, беседовать с которым каждому из нас (я, во всяком случае, говорю о себе) было приятно. Я всегда стремился к этому.

Когда начала надвигаться война, Сталин стал совершенно другим. Раньше за обедом водка и вина ставились на стол и давались участвующим в обеде: можешь себе налить, можешь не наливать. Никакого понукания и принуждения не было. Помню, приехал я однажды с Украины, и сейчас же Сталин пригласил меня к себе. Это было летом 1938 или 1939 года. Он обедал один на открытой веранде своего домика. «Садитесь». Я сел за стол. «Хотите кушать?» Обед у него был простой: картофельный суп, стоял графинчик с водкой, рюмки. «Хотите выпить?» — «Нет». Я отказался, а он ничего не сказал. Очень мне это понравилось. Помимо приближе-

ния войны на жизнь нашего коллектива очень большое влияние оказало появление в Москве Берии. Когда он явился в Москву, то жизнь Сталина и коллектива, который сложился вокруг него, приобрела совершенно другой характер. Когда я один на один беседовал со Сталиным, он мне иногда высказывал даже свое недовольство: «Когда у нас не было Берии в Москве, у нас как-то по-другому проходили встречи, по-другому проходили обеды и ужины. А сейчас он обязательно вносит какую-то страсть, соревнование, кто больше выпьет. Создается атмосфера, когда люди выпивают лишнее и нарушается тот порядок, который был у нас».

Я полностью был согласен со Сталиным, но должен сказать, что уже тогда относился с недоверием к таким его заявлениям, я видел, что Сталин иной раз, грубо говоря, провоцирует разговор на ту или другую тему с тем, чтобы выявить настроение того, с кем он беседует. Я видел, что Сталин и Берия очень дружны между собой. Насколько эта дружба была искренна, мне тогда было неизвестно. Но, во всяком случае, я видел, что не случайно Берия был назначен заместителем наркома внутренних дел, а в скором времени, когда Ежов был смещен, арестован и казнен, Берия стал властелином этого наркомата. Он приобрел решающее влияние в нашем коллективе. Я видел, что окружающие Сталина люди, занимавшие более высокие посты и в партии, и в государстве, вынуждены были считаться с Берией и несколько заискивать, лебезить, подхалимничать перед ним, особенно Каганович.

Я не замечал такого нехорошего, подлого подлизывания только со стороны Молотова. Он производил на меня в те времена впечатление человека независимого, самостоятельно рассуждающего, имел свои суждения по тому или другому вопросу, высказывался и говорил Сталину, что думает. Было видно, что Сталину это не нравится, но Молотов все-таки настаивал на своем. Это, я бы сказал, было исключением. Мы понимали причины независимого положения Молотова. Он был старейшим приятелем Сталина. Сталин знал Молотова, и Молотов знал Сталина еще по подпольной работе. Молотов много лет играл свою роль в возвышении Сталина и в борьбе Сталина с оппозицией Молотов был его опорой. Поэтому оппозиционеры называли его дубинкой Сталина. Он выпускался Сталиным тогда, когда нужно было наносить удары по тому или другому члену Политбюро, который становился в оппозицию к Сталину.

Об этом я еще скажу позже, когда буду говорить о Сталине более позднего периода, когда передо мной раскрылись возможности глубже понять Сталина. Особенно после его смерти и даже не после смерти: после смерти я по-другому смотрел и оплакивал смерть Сталина. А вот перед XX съездом, когда уже был арестован Берия, состоялся суд над ним и мы получили возможность, вскрыв прошлое, проанализировать, чем вызывались аресты и казни. Тогда в нас зародились сомнения, действительно ли правильно объяснялись партии и народу аресты борьбой с врагами народа? Об этом более подробно я тоже скажу позже. Возвращаясь к тому, что Сталин перед войной стал как бы мрачнее. На его лице было больше задумчивости, он больше сам стал пить и спаивать других. Буквально спаивать! Мы между собой перебрасывались словами, как бы поскорее кончить этот обед или ужин. А другой раз еще до ужина, до обеда говорили: «Ну, как сегодня – будет вызов или не будет?» Мы хотели, чтобы вызова не было, потому что нам нужно было работать, а Сталин лишал нас этой возможности. Обеды у него продолжались иногда до рассвета, а иной раз они просто парализовали работу правительства и партийных руководителей, потому что, уйдя оттуда, просидев ночь «под парами», накачанный вином человек уже не мог работать. Водки и коньяка пили мало. Кто желал, мог пить в неограниченном количестве. Однако сам Сталин выпивал рюмку коньяка или водки в начале обеда, а потом вино. Но если пить одно вино пять-шесть часов, хотя и маленькими бокалами, так черт его знает, что получится! Даже если воду так пить, то и от нее опьянеешь, а не только от вина. Всех буквально воротило, до рвоты доходило, но Сталин был в этом вопросе неумолим.

Берия тут вертелся с шутками-прибаутками. Эти шутки-прибаутки сдабривали вечер и питье у Сталина. Берия и сам напивался, но я чувствовал, что он делает это не для удоволь-

ствия, что он не хочет напиваться и иной раз выражался довольно резко и грубо, что приходится напиваться. Он делал так из угодничества к Сталину и других принуждал: «Надо скорее напиться. Когда напьемся, скорее разойдемся. Все равно так он не отпустит». Я понимал, что такая атмосфера создавалась в результате какого-то вроде бы упаднического настроения. Сталин видел надвигающуюся неумолимую лавину, от которой нельзя уйти, и уже была подорвана его вера в возможность справиться с этой лавиной. А лавиной этой была неотвратимая война с Германией.

Гитлер пожинал плоды побед своего оружия. Вся западная печать трубила о его победах. Я читал тассовские сводки, в которых печатались высказывания из буржуазных газет. Там злобно говорилось о том, что на просторах Украины танки Гитлера смогут развернуться во всю свою мощь; что ландшафт Украины, как танкодром, и поэтому немецкие танки могут врезаться в тело Советского Союза, как врезается нож в сливочное масло. Я запомнил это выражение из какой-то английской газеты. Сталин, конечно, все это читал. Бывало, приедешь в Москву, и очень долго Сталин задерживает тебя у себя. Рвешься назад, спрашиваешь: «Можно уехать?» Отвечает: «Ну, что вы спешите? Побудьте здесь. Дайте возможность вашим товарищам поработать без вас. Пусть они окрепнут, пусть набираются сил». Вроде аргументы, действительно заслуживающие внимания: надо дать другим товарищам, которые работают без тебя, привыкнуть к самостоятельности, к самостоятельному решению вопросов и т. п. Все это хорошо. Но я видел, что не в этом дело. Сидишь ведь другой раз у него и ничего не делаешь, а просто присутствуешь на всех этих обедах, которые стали противными, подрывали здоровье, лишали человека ясности ума и вызывали болезненное состояние головы и всего организма.

Сталин, думаю, страдал тогда болезнью одиночества, боялся пустоты, не мог оставаться один, и ему обязательно нужно было быть на людях. Его голову, видимо, все время сверлил вопрос о неизбежности войны, и он не мог побороть страх перед нею. Он тогда сам начинал пить и спаивать других с тем, чтобы, как говорится, залить сознание вином и таким образом облегчить свое душевное состояние.

Это мое впечатление. Но я думаю, что оно правильное, потому что раньше я подобного за ним не замечал. Я бывал на обедах у Сталина, когда работал еще секретарем Московского городского комитета партии. Это были семейные обеды, именно семейные, на которые приглашались я и Булганин. Сталин всегда говорил в шутку: «Ну, отцы города, занимайте свои места». Это был действительно обед. Было там и вино, и все прочее, но в довольно умеренном количестве. И если человек говорил, что не может пить, то особенного принуждения и не было. А в предвоенный период если кто-либо говорил, что не может или не хочет пить, то это считалось совершенно недопустимым. И потом завели такой порядок, что если кто-нибудь не поддержит объявленный тост, то ему полагается в виде «штрафа» еще дополнительно бокал, а может быть, и несколько бокалов. Были и всякие другие выдумки. Во всем этом очень большую роль играл Берия, и все сводилось к тому, чтобы как можно больше выпить и всех накачать. И это делалось потому, что этого хотел именно Сталин.

Меня могут спросить: «Что же, Сталин был пьяница?» Можно ответить, что и был, и не был. То есть был в том смысле, что в последние годы не обходилось без того, чтобы пить, пить, пить. С другой стороны, иногда он не накачивал себя так, как своих гостей, наливал себе в небольшой бокал и даже разбавлял его водой. Но, Боже упаси, чтобы кто-либо другой сделал подобное: сейчас же следовал «штраф» за уклонение, за «обман общества». Это была шутка. Но пить-то надо было всерьез за эту шутку. А потом человека, который пил «в шутку», заставляли выпить всерьез, и он расплачивался своим здоровьем. Я объясняю все это только душевным состоянием Сталина. Как в русских песнях пели: «Утопить горе в вине». Здесь, видимо, было то же самое.

После войны у меня заболели почки, и врачи категорически запретили мне пить спиртное. Я Сталину сказал об этом, и он какое-то время даже брал меня, бывало, под защиту. Но

это длилось очень непродолжительное время. И тут Берия сыграл свою роль, сказав, что у него тоже почки больные, но он пьет, и ничего. И тут я лишился защитной брони (пить нельзя, больные почки): все равно, пей, пока ходишь, пока живешь! Но и в эти годы нельзя было отказать Сталину в том, что, когда, бывало, приезжаешь к нему с вопросом, он внимательно выслушивал и вмешивался, если нужна была поддержка с его стороны.

Работая до войны на Украине, я неоднократно проявлял инициативу в вопросах улучшения руководства сельским хозяйством и изменения налоговой политики в сторону смягчения административно-податной системы. За основу я всегда брал интересы увеличения производства, поэтому предлагал ввести за его рост дополнительную оплату, принять новую систему поставок мяса и молока. Раньше брали определенное количество молока с хозяйства. Хозяйство, которое имело 10 коров, получало скидку, а хозяйство, которое их не имело, совсем молока не поставляло. Не знаю, как назвать такую систему, но она существовала. Я внес предложение принять погектарный метод поставок молока за плату. Она была ниже себестоимости молока, и таким образом колхозы платили дань в пользу государства, потому что не получали полной оплаты за продукты, которые сдавали. Но была именно такая система поставок. Те колхозы, которые не имели скота, получали льготу, но у них была земля, они ею пользовались, но уже неравноценно получали за поставки по сравнению с колхозами, у которых имелись все отрасли сельского хозяйства, в том числе животноводство и птицеводство.

Когда я в первый раз внес такое предложение, а потом собрался в Киев, Сталин вызвал меня и говорит: «Вот вы докладывали свои предложения, я хотел бы, чтобы дело было ускорено. Вы не уезжайте, а кончайте дело здесь, нам надо скорее принять решение». Это было еще в 1939 году. Когда я ему представил предложения, он их подписал и сказал: «Жаль, что вы не сделали этого три года назад». Он видел, что надвигается угроза гитлеровского вторжения и у нас нет уже времени, чтобы использовать это прогрессивное законодательство.

Как-то разработал я предложения по вопросам поставок шерсти и кожи и прислал их Сталину. Он вызвал меня и говорит: «Вы, кажется, что-то новое предложили?» – «Да, – говорю, – предложил вот то-то». – «Ну и что же?» Отвечаю: «Разослали по всем областям и краям запросы, чтобы учесть их мнения». Я считал, что это в порядке вещей. Этими вопросами занимался в Совнарком Микоян, и это его было предложение – разослать. Я не видел тут никакого противоречия. Действительно, перед тем, как принять такое решение, надо запросить мнение людей, которые работают на местах, знают местные условия и которым придется выполнять постановление.

Сталин же воспринял это по-другому. Он был нездоров, вскочил с постели, начал ругаться, вызвал Микояна и накричал на него. На завтра этот проект был утвержден. А мне он сказал: «Вот разослал он ваше предложение, а о своих проектах, которые он проводит, ни у кого мнения не спрашивает. Эти проекты, которые вы сейчас внесли, прогрессивные. Но они же идут в отмену тех решений, которые были разработаны и приняты по предложению Микояна». Я не думаю, что у Микояна были какие-то задние мысли. Я с большим уважением отношусь к Анастасу Ивановичу. У всех у нас есть свои недостатки, ни один человек не лишен слабостей. Имел их и Анастас Иванович. Но это честный, хороший, умный, способный, много сделавший полезного для нашей партии, для нашего государства человек. Микоян, видимо, не руководствовался желанием затормозить или опрокинуть мое предложение, а действительно хотел проверить его. Возможно, что он чувствовал, что мои предложения идут на смену закону, который разрабатывался под его руководством.

Сталин всегда поддерживал то, что было полезно для государства и партии. Работая на больших постах, я имел возможность вносить, с моей точки зрения, много нового и прогрессивного. В этих вопросах чаще всего встречал поддержку Сталина, хотя другой раз этой поддержки и не получал. Но чаще это случалось уже после войны, обычно это получалось в резуль-

тате влияния Берии и Маленкова. Я убежден, что с их стороны такое негативное отношение возникало из зависти.

Во время войны Маленков поднялся. Его значение возросло. Он вошел в состав Политбюро²⁸⁴. В своей основе это совершенно бесплодный человек, типичный канцелярист-писака. Он мог хорошо написать проект решения сам или же имел таких людей, которые быстро работали и составляли хорошие резолюции. Но его бумаги отражали то, что уже имелось на практике, и не делали ни шагу дальше. С дорожки, проторенной сегодняшней действительностью, он не сворачивал. Считаю, что такие люди не только бесплодны, но и опасны. Они закалились сами и умертвляют все живое, если оно выходит за пределы, которые уже обозначились. Позже я вернусь к некоторым конкретным мыслям по этому вопросу.

Я немного вышел за рамки задачи, которую поставил перед собой: оставить свои воспоминания о пути, пройденном мною вместе с партией, со Сталиным и под его руководством, отметить все положительное в Сталине (хочу быть совершенно объективным) и беспощадно заклеить и осудить то, что считаю вредным для партии. И сейчас еще давит нас эта вредная практика, которую внедрил Сталин. Она вредна не только потому, что было истреблено много лучших людей в партии, она еще вредна и потому, что отложила какой-то пласт в сознании людей, в их умах, особенно у ограниченных людей. Она создала какие-то шоры, что вот, мол, другого пути не было, что только так можно было победить при построении социализма, создании индустрии, в перевооружении армии и создании условий для разгрома гитлеровской Германии.

Это довольно примитивное понимание. Я бы сказал, рабское: обязательно должен кто-то стоять с хлыстом и бить этим хлыстом направо и налево. Только тогда рабов можно заставить делать что-то, а иначе они взбунтуются. Это просто поразительная, рабская психология! Если встать на такую позицию, на которой стоят некоторые ограниченные люди, то окажется, что репрессии, которые были применены Сталиным, были исторически неизбежны; что победы, которые одержал народ, оправдывают эту кару. Как же тогда верить в народ? Выходит, не народ является творцом истории, а какая-то личность? Только она может достичь поставленной цели. Это неверие в народ, неверие в рабочий класс, неверие в партию. Не знаю, как назвать такое понимание. Ему противостоит вся наша советская практика, история нашего народа.

Октябрьская революция была совершена не из-под хлыста Ленина, а по призыву его разума. Народ пошел за Лениным, потому что поверил ему. Поверил, потому что Ленин понял чаяния народа. Поэтому неграмотные люди – крестьяне, рабочие – слушали Ленина и в его рассуждениях и призывах чувствовали отражение своих чаяний. Поэтому они шли за Лениным до конца. Контрреволюция организовывала восстания, контрреволюция организовала Гражданскую войну, во главе контрреволюции стояли генералы, офицеры, капиталисты. Все капиталистические страны оказывали поддержку этой контрреволюции, посылали войска в поддержку контрреволюции, и все-таки народ под руководством Ленина победил. В чем же была причина? Я уже об этом говорил. Ленин понял чаяния народа, выражал его мысли, и поэтому массы шли за ним, и никто не смог увлечь их на другой путь.

²⁸⁴ С февраля 1941 г. Г.М. МАЛЕНКОВ был кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б).

Часть II. Великая Отечественная война

Тяжелое лето 1941 года

Итак, мы приблизились вплотную к войне. То есть не мы шли к ней, а она на нас надвигалась. Мы говорили об этом и делали все для того, чтобы враг нас не застал врасплох, чтобы наша армия была на надлежащем высоком уровне по организации, вооружению и боеспособности, чтобы наша промышленность имела соответствующий уровень развития, который обеспечивал бы удовлетворение всех нужд армии по ее вооружению и боевой технике, если будет начата война, если на нас нападут враги. И вот война неумолимо надвинулась на нас. Что делалось в армии, конкретно сказать сейчас не могу, потому что не знаю. Не знаю, кто из членов Политбюро знал конкретную обстановку, знал о состоянии нашей армии, ее вооружения и военной промышленности. Думаю, что этого, видимо, никто не знал, кроме Сталина. Или знал очень ограниченный круг людей, да и то не все вопросы, а те, которые касались их ведомства или ведомства, подшефного тому либо другому члену Политбюро. Перемещение кадров, которое имело большое значение для подготовки к войне, тоже осуществлялось Сталиным.

На кадрах «сидел» Щаденко²⁸⁵, человек, известный своим характером. Злобный у него был характер в отношении к людям. Потом на кадрах «сидел» Голиков²⁸⁶, оттуда он перешел в разведку. Сейчас точно не могу припомнить, но он тоже был приближен к Сталину и занимался этими вопросами. Очень сильное влияние на Сталина имел Мехлис, но главным образом в вопросах политработы. Он был начальником Главного политуправления РККА, однако часто выходил за рамки своих функций, потому что своим пробивным характером очень нравился Сталину. Он много давал советов Сталину, и Сталин считался с ним. Видимо, это было не на пользу армии.

Незадолго до Великой Отечественной войны Тимошенко покинул Киевский Особый военный округ и стал наркомом обороны. Меня беспокоило, чтобы с уходом Тимошенко не ослабла военная работа. Я очень высоко оценивал деятельность Тимошенко как командующего войсками КОВО. Он человек волевой и пользовался авторитетом среди военных, имел твердый характер, который необходим каждому руководителю, особенно военному. Авторитет у него был большой: герой Гражданской войны, командир одной из дивизий²⁸⁷ Первой конной армии, – и прочная слава, и заслуженная.

После Тимошенко в КОВО пришел Жуков²⁸⁸. Я был доволен, даже очень доволен Жуковым. Он радовал меня своей распорядительностью и своим умением решать вопросы. Это меня успокаивало: хороший командующий, как мне казалось. Война подтвердила, что он действительно хороший командующий. Я так и считаю, несмотря на резкие расхождения с ним в последующий период, когда он стал министром обороны СССР, к каковому его назначению я приложил все усилия и старания. Но он неправильно понял свою роль, и мы вынуждены были освободить его с поста министра и осудили его замыслы, которые он, безусловно, имел и кото-

---

²⁸⁵ В описываемое время генерал-лейтенант Е.А. ЩАДЕНКО возглавлял Управление по командному и начальствующему составу РККА.

²⁸⁶ Генерал-лейтенант Ф.И. ГОЛИКОВ ведал кадрами РККА в промежутке между осенью 1939 г., когда он командовал 6-й армией, и июлем 1940 г., когда он, будучи заместителем начальника Генерального штаба, возглавил Главное разведывательное управление.

²⁸⁷ Двух дивизий: с октября 1919 г. – 6-й кавалерийской и с августа 1920 г. – 4-й кавалерийской.

²⁸⁸ Генерал армии Г.К. ЖУКОВ командовал войсками КОВО с июня 1940 г. Начальником Генштаба он стал в январе 1941 г., сменив на этом посту генерала армии К.А. МЕРЕЦКОВА, который в августе 1940 г. сменил на том же посту Маршала Советского Союза Б.М. ШАПОШНИКОВА.

рые мы пресекли. Однако как военного руководителя во время войны я его очень высоко оценивал и сейчас ни в коей степени не отказываюсь от этих оценок. Я говорил об этом Сталину и во время войны, и после войны, когда Сталин уже изменил свое отношение к Жукову и Жуков был в опале.

Итак, у нас на Украине в 1940 году командовал войсками Киевского Особого военного округа Жуков. В начале 1941 года Жукова переместили, назначив начальником Генерального штаба, а нам прислали Кирпоноса.

Генерала Кирпоноса я совершенно не знал до его назначения к нам. Когда он прибыл и принял дела, я с ним, конечно, познакомился, потому что был членом Военного совета КОВО. Но я ничего не мог тогда сказать о нем, ни хорошего, ни плохого.

До Жукова и до Мерецкова начальником Генерального штаба был Борис Михайлович Шапошников. Это – безусловный авторитет для военных, высокообразованный военный человек, который очень ценился на своем посту. В то время в Генеральном штабе работали также Соколовский и Василевский²⁸⁹, два способных специалиста. Но тогда среди военных шла молва, что это – бывшие офицеры старой армии, и к ним относились с некоторым недоверием. В то время я лично еще не знал ни Соколовского, ни Василевского и поэтому своего мнения о них не имел, но прислушивался к доброму о них голосу старых бойцов Красной Армии, участников Гражданской войны и относился к ним с доверием. Когда же сам узнал их во время войны, то никакого политического недоверия к этим людям у меня, конечно, уже не было, да и никогда не возникало. Я относился к ним очень хорошо – и к Василевскому, и к Соколовскому.

С Василевским у меня произошел, однако, случай в 1942 году, который не может изгладиться из моей памяти. Это было в связи с операцией, которую мы проводили в начале 1942 года под Харьковом, у Барвенково²⁹⁰. Я дальше отдельно буду говорить об этой операции и там, безусловно, не смогу обойти своего разговора с Василевским. Он произвел на меня тогда очень тяжелое впечатление. Я считал, что катастрофы, которая разыгралась под Барвенково, можно было бы избежать, если бы Василевский занял позицию, какую ему надлежало занять. Он мог занять другую позицию. Но не занял ее и тем самым, считаю, приложил руку к гибели тысяч бойцов Красной Армии в Харьковской операции.

Не знаю, как развернул свою новую работу в Наркомате Тимошенко, но думаю, что она была организована лучше, чем до него. Я не говорю о том, насколько глубоко Ворошилов знал военную работу и военное дело. Но шла слава о нем как о человеке, который больше позировал перед фотообъективами, киноаппаратами и в мастерской художника Герасимова²⁹¹, чем занимался вопросами войны. Зато он много занимался оперным театром и работниками театрального искусства, особенно оперного, завоевал славу знатока оперы и давал безапелляционные характеристики той или другой певице. Об этом говорила даже его жена. Как-то в моем присутствии зашла речь о какой-то артистке. Она так вот, не поднимая глаз, и говорит: «Климент Ефремович не особенно высокого мнения об этой певице». Это считалось уже исчерпывающим заключением. Какие к тому имелись у него данные и почему появились такие претензии, трудно объяснить. Правда, Климент Ефремович любил петь и до последних своих дней, когда я с ним еще встречался, всегда пел, хотя уже плохо слышал. Пел он хорошо. Он рассказывал мне, что прошел школу певчего: как и Сталин, в свое время пел в церковном хоре.

Перед самой Великой Отечественной войной, за 3–4 дня до ее начала, я находился в Москве и задержался там, буквально томился, но ничего не мог поделать. Сталин все время

---

²⁸⁹ Генерал-лейтенант Василий Данилович СОКОЛОВСКИЙ стал заместителем начальника Генштаба в феврале 1941 г. Генерал-майор Алексей Михайлович ВАСИЛЕВСКИЙ работал зам. начальника Оперативного управления Генштаба с мая 1940 г. Впоследствии, в разные годы, оба занимали должность начальника Генерального штаба.

²⁹⁰ Барвенково-Лозовская наступательная операция в январе 1942 г.

²⁹¹ Речь идет об авторе картины «И.В. Сталин и К.Е. Ворошилов в Кремле» Александра Михайловича ГЕРАСИМОВА, за которую он получил в 1941 г. Сталинскую премию.

предлагал мне: «Да останьтесь еще, что вы рветесь? Побудьте здесь». Но я не видел смысла в пребывании в Москве: ничего нового я от Сталина уже не слышал. А потом опять обеды и ужины питейные... Они просто были мне уже противны. Однако я ничего не мог поделать.

Конечно, я не знал, что начнется война 22 июня, но в воздухе уже чувствовался треск разрядов предвоенного напряжения. Я понимал, что вот-вот начнется война. Я не знал, что докладывала разведка, потому что Сталин никогда не говорил о результатах ее работы. Вообще никаких заседаний на этот счет, никаких обсуждений готовности страны к войне не было. Это тоже было большим недостатком и, я бы сказал, большим злоупотреблением со стороны Сталина: он брал все на свои плечи и все решал сам. А решал он, как показало начало войны, плохо.

Я видел, что делать мне в Москве нечего, а Сталин меня не отпускает потому, что боится одиночества, хочет, чтобы вокруг него было как можно больше людей.

Наконец, в пятницу 20 июня я обратился к нему: «Товарищ Сталин, мне надо ехать. Война вот-вот начнется и может застать меня в Москве или в пути». Я обращаю внимание «в пути», а ехать-то из Москвы в Киев одну ночь. Он говорит: «Да, да, верно. Езжайте».

Я сейчас же воспользовался согласием Сталина и выехал в Киев. Я выехал в пятницу и в субботу уже был в Киеве. Это говорит о том, что Сталин понимал, что война вот-вот начнется. Поэтому он согласился, чтобы я уехал и был бы на месте, в Киеве, в момент начала войны. Какие же могут быть рассуждения о внезапном нападении? Для кого и во имя чего сейчас создана и укрепляется эта версия? Это нужно только, чтобы оправдать себя. Эти авторы сами несут ответственность.

Обстановка у нас была очень нервная, предвоенная. Стояло жаркое лето, парило, как парит перед грозой. Приехал я в Киев утром, как всегда. Сразу же пошел в ЦК КП(б)У, проинформировал работников о положении дел и вечером ушел домой. Вдруг мне в 10 или 11 часов вечера позвонили из штаба КОВО, чтобы я приехал в ЦК, так как есть документ, полученный из Москвы. В сопроводительной к нему сказано, чтобы с этим документом был ознакомлен секретарь ЦК КП(б)У Хрущев. Приехал я опять в ЦК. Туда же пришел не помню точно кто: или начальник штаба КОВО Пуркаев²⁹², или его заместитель. Мне кажется, что Пуркаев был в то время в Киеве, потому что командующий войсками несколькими днями раньше выехал на командный пункт под Тернополем. Там начали строить командный пункт, и, хотя он был не закончен, пришлось выехать, потому что чувствовалось, что война вот-вот разразится. Там же находились оперативный отдел штаба, начальник оперотдела Баграмян²⁹³ и командующий войсками Кирпонос.

Пуркаев (или его заместитель) прочитал документ. В нем говорилось о том, что надо ожидать начала войны буквально днями, а может быть, и часами. Сейчас точно не помню содержания этого документа, помню только одно – тревожность его содержания и предупреждение. Тогда считалось: все, что нужно сделать, чтобы подготовить войска, уже сделано. Вплоть до того, что командующий выехал с оперативным отделом на командный пункт. Следовательно, мы к войне готовы. Потом позвонили с командного пункта из Тернополя и сообщили, что на нашем направлении перебежал немецкий солдат. Он заявил, что он был коммунистом, да и сейчас считает себя коммунистом; что он антифашист; что он против военной авантюры, которая затевается Гитлером, и предупредил, что завтра в три часа утра начнется наступление немецких войск. Это совпадало со сведениями, которые только что были сообщены нам из Москвы в упомянутом документе. Я не помню только, назывался ли в нем день и час. Видимо, назывался. Одним словом, это была для нас уже не новость, а более реальное, конкретное ее подтверждение.

---

²⁹² Генерал-лейтенант ПУРКАЕВ Максим Алексеевич.

²⁹³ Иван Христофорович БАГРАМЯН, полковник. Впоследствии Маршал Советского Союза.

Солдат перебежал с переднего края. Его допрашивали, и все называвшиеся им признаки, на которых он основывался, когда говорил, что завтра в три часа начнется наступление, описывались логично и заслуживали доверия. Во-первых, почему именно завтра? Солдат сказал, что они получили трехдневный сухой паек. А почему именно в три часа? Потому что немцы всегда избирали в таких случаях ранний час. Не помню, говорил ли он, что было сказано солдатам именно о трех часах утра или они узнали это по «солдатскому радио», которое всегда очень точно определяло начало наступления. Что нам оставалось делать?

Командующий был в Тернополе, штаб тоже находился там. Войска были на месте, готовые встретить врага. Из этого мы и исходили. Я не возвращался домой и остался в ЦК ожидать упомянутого часа.

И действительно, с рассветом около трех часов утра мы получили сообщение, что немецкие войска открыли артиллерийский огонь и предпринимают наступательные действия с тем, чтобы форсировать пограничную водную преграду²⁹⁴ и сломить наше сопротивление. Наши войска вступили в бой и дают им отпор. Не помню, в какое время, но было уже светло, когда вдруг из штаба КОВО сообщили, что немецкие самолеты приближаются к Киеву. В скором времени они были уже над Киевом и сбросили бомбы на городской аэродром. Бомбы попали в ангар, начался пожар. В этом ангаре оставались только несколько самолетов У-2. Потом, во время войны, они использовались как связные, а тогда – как сельскохозяйственные. Боевой авиации на аэродроме не имелось, она вся была подтянута к границе, рассредоточена и замаскирована.

Немцы не достигли первым налетом намеченной цели, не смогли вывести из строя наши аэродромы и самолеты, уничтожить их. Наши самолеты и танки целиком нигде не были уничтожены с первого удара. В КОВО (хотя, может быть, от меня что-нибудь и скрывали; но так докладывали мне тогда, а я верил и сейчас верю, что это была правдивая информация) немцы нигде не смогли использовать полностью внезапность для нанесения удара по авиации, танкам, артиллерии, складам, другой военной технике. Позже нам сообщили, что немецкая авиация бомбила Одессу, Севастополь, еще какие-то южные города.

Когда мы получили сведения, что немцы открыли огонь, из Москвы было дано указание не отвечать огнем. Это было странное указание, а объяснялось оно так: возможно, там какая-то диверсия местного командования немецких войск или какая-то провокация, а не выполнение директивы Гитлера. Это говорит о том, что Сталин настолько боялся войны, что сдерживал наши войска, чтобы они не отвечали врагу огнем. Он не верил, что Гитлер начнет войну, хотя сам не раз говорил, что Гитлер, конечно, использует ситуацию, которая у него сложилась на Западе, и может напасть на нас. Это свидетельствует и о том, что Сталин не хотел войны и поэтому уверял себя, что Гитлер сдержит свое слово и не нападет на Советский Союз. Когда мы сообщили Сталину, что враг уже бомбил Киев, Севастополь и Одессу, что не может быть и речи о локальной провокации немецких военных на каком-то участке, а что это действительно начало войны, то только тогда было сказано: «Да, это война, и военным надо принять соответствующие меры». Да ведь так или иначе, но раз в них стреляют, они вынуждены отвечать.

Война началась. Но каких-нибудь заявлений Советского правительства или же лично Сталина пока что не было. Это производило нехорошее впечатление. Потом уже, днем в то воскресенье, выступил Молотов. Он объявил, что началась война, что Гитлер напал на Советский Союз. Говорить об этом выступлении сейчас вряд ли нужно, потому что все это уже описано и все могут ознакомиться с событиями по газетам того времени. То, что выступил Молотов, а не Сталин, – почему так получилось? Это тоже заставляло людей задумываться. Сейчас-то я знаю, почему Сталин тогда не выступил. Он был совершенно парализован в своих действиях

---

²⁹⁴ Река Западный Буг.

и не собрался с мыслями. Потом уже, после войны, я узнал, что, когда началась война, Сталин был в Кремле. Это говорили мне Берия и Маленков.

Берия рассказал следующее: когда началась война, у Сталина собрались члены Политбюро. Не знаю, все или только определенная группа, которая чаще всего собиралась у Сталина. Сталин морально был совершенно подавлен и сделал такое заявление: «Началась война, она развивается катастрофически. Ленин оставил нам пролетарское Советское государство, а мы его про.....». Буквально так и выразился. «Я, – говорит, – отказываюсь от руководства», – и ушел. Ушел, сел в машину и уехал на ближнюю дачу. «Мы, – рассказывал Берия, – остались. Что же делать дальше? После того как Сталин так себя показал, прошло какое-то время, посовещались мы с Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым (хотя был ли там Ворошилов, не знаю, потому что в то время он находился в опале у Сталина из-за провала операции против Финляндии). Посовещались и решили поехать к Сталину, чтобы вернуть его к деятельности, использовать его имя и способности для организации обороны страны. Когда мы приехали к нему на дачу, то я (рассказывает Берия) по его лицу увидел, что Сталин очень испугался. Полагаю, Сталин подумал, не приехали ли мы арестовать его за то, что он отказался от своей роли и ничего не предпринимает для организации отпора немецкому нашествию? Тут мы стали его убеждать, что у нас огромная страна, что мы имеем возможность организовать, мобилизовать промышленность и людей, призвать их к борьбе, одним словом, сделать все, чтобы поднять народ против Гитлера. Сталин тут вроде бы немного пришел в себя. Распределили мы, кто за что возьмется по организации обороны, военной промышленности и прочего».

Я не сомневаюсь, что вышесказанное – правда. Конечно, у меня не было возможности спросить Сталина, было ли это именно так. Но у меня не имелось никаких поводов и не верить этому, потому что я видел Сталина как раз перед началом войны. А тут, собственно говоря, лишь продолжение. Он находился в состоянии шока.

На участке КОВО в первые дни войны сложилось тяжелое, но отнюдь не катастрофическое положение.

Не помню сейчас, на какой, первый или второй, день войны позвонил мне Сталин. Он сказал: «К вам прилетит Жуков, и вам следует вместе с Жуковым выехать к войскам, в штаб». Я ответил: «Хорошо, жду Жукова». Жуков прилетел в тот же или на следующий день. Я, конечно, очень обрадовался. Я знал Жукова и с большим доверием относился к его военному таланту. Я познакомился с ним, когда он был командующим войсками КОВО, и мне импонировало, что он приедет. Когда он прилетел в Киев, мы с ним решали, как нам лучше добраться в штаб? Лететь ли на самолете? Железной дорогой – очень медленно, к тому же противник бомбит и разрушает ее. Этот путь вообще отпадал. Или же ехать автомашинами? И тот и другой вид транспорта был небезопасен. Самолетами мы подлетали буквально к сфере фронтового огня и активного действия авиации противника. Тогда очень много говорили, что вокруг действуют парашютные десанты противника, что он высыпает их, как горох, и перерезает все коммуникации. Была опасность, что мы можем стать жертвой какого-нибудь военного десанта.

А путь был далеким. Из Киева нужно было добираться до Тернополя несколько часов. В это время года пшеница и рожь стоят высокие, противнику на полях легко можно укрыться, поэтому диверсанты и террористы могли, сколько им угодно, использовать заросли. Тем более что нам нужно было от старой границы ехать до Тернополя к районам, которые отошли к нам в 1939 году, после разгрома Польши. Местное население было сильно засорено украинскими националистами, которые сотрудничали с немцами. Мы это уже тогда знали. Но иного выбора не было, поэтому решили ехать автомашиной. Поехали. Много было тревоги, когда мы, проезжая, останавливались и расспрашивали, чтобы получить информацию о положении дел. В конце концов к вечеру приехали на командный пункт. Он находился северо-западнее Тернополя, но близко от него, в какой-то деревушке. Посмотрел я, что же это за командный пункт? Была выкопана огромная яма и насыпана по ее краям вынутая земля. Больше почти ничего не

было сделано. Работники штаба и канцелярия размещались в крестьянских хатах. Командующий войсками КОВО ютился в маленькой крестьянской халупе. Там же стояли средства связи, туда приходили люди и докладывали.

Положение тогда на нашем участке фронта было следующим: пока что никакой катастрофы! Если взять направление на Перемышль и южнее, то положение было даже хорошим. Южнее Перемышля противник ничего не предпринимал. Там у нас тянулась граница с венграми, а те пока себя никак не проявляли. На самый Перемышль противник предпринимал довольно упорные атаки, но наши войска (там располагалась 99-я дивизия) дали отпор, выбили противника из тех районов, которые были им заняты в результате начальной атаки, и заняли прочное положение в городе. Об этой дивизии много потом писали, и заслуженно. Она первой из дивизий в войну за свои боевые действия получила орден Красного Знамени, буквально в первые же дни войны. Не могу умолчать о том, что этой дивизией командовал до самой войны Власов²⁹⁵, тот, кто потом стал предателем, изменником Родины. Он оказался очень способным командиром. В боевых соревнованиях соединений Красной Армии его дивизия занимала первое место, а уже перед самой войной Власов получил корпус, командовал корпусом, а дивизию сдал своему начальнику штаба²⁹⁶. Под его командованием она и проявила свой героизм и вошла в историю войны как самая боевая дивизия.

Развернулись упорные бои вдоль шоссе в направлении на Броды. Как теперь известно из документации гитлеровского командования, это было направление главного удара немецкой группы армий «Юг». На этом направлении она пробивалась к Киеву. Никак нельзя сказать, что гитлеровцы при первом же соприкосновении разбили там наши войска и обратили их в бегство. Вовсе нет! Наши войска упорно сражались и отбивали многочисленные атаки. Мне очень понравилось, что, когда мы туда приехали, Жуков сразу же принял «на себя» информацию из войск и доклады руководства, стал давать указания. Было приятно смотреть, как умело и со знанием дела все это он осуществлял. Наше положение мы расценивали тогда даже как хорошее, считали, что можем дать должный отпор немцам.

Не помню, сколько пробыл Жуков у нас: день, два или три. Потом был получен звонок из Москвы. Жуков сказал мне, что его вызывает Сталин: «Приказал все оставить и срочно прибыть в Москву». Правильные он нам давал тогда советы. Должен сказать, что в те дни у него вид был бодрый, уверенный. Еще он сказал мне тогда, что командующий войсками у нас слабоват. «Но что делать? Лучших нет. Надо его поддерживать». Я ему тоже откровенно сказал: «Очень жалею, что ты уезжаешь (мы с ним были на “ты”). Сейчас я не знаю, как у нас пойдет дело при таком положении и с таким командованием. Но другого выхода нет». Распрощались, и он уехал.

Вскоре у нас развернулись очень тяжелые события, опять же в районе Броды. Там наступали гитлеровские танковые войска. На этом направлении мы выдвинули помимо тех войск, которые там стояли еще перед войною, механизированный корпус, которым командовал Рябышев²⁹⁷. Не помню его номера. Хороший корпус, он имел уже и новые танки КВ, несколько штук, и имел также несколько штук танков Т-34. И еще один мехкорпус²⁹⁸, забыл фамилию командира этого корпуса. В тех боях он был контужен, и я не знаю, какое потом участие он принимал в войне. Это был тоже хорошо себя показавший командир корпуса. Вот эти два мехкорпуса мы выдвинули туда, считая, что их достаточно для того, чтобы сломить наступление противника и преградить путь его дальнейшему продвижению. Мы не знали об истинной концентрации

²⁹⁵ Генерал-майор ВЛАСОВ Андрей Андреевич.

²⁹⁶ Генерал-майор ДЕМЕНТЬЕВ Николай Иванович.

²⁹⁷ Генерал-лейтенант РЯБЫШЕВ Дмитрий Иванович, командовал 8-м механизированным корпусом.

²⁹⁸ 22-й механизированный корпус (командовал генерал-майор Семен Михайлович КОНДРУСЕВ, затем генерал-майор Владимир Степанович ТАМРУЧИ). Но там же действовал еще 15-й мехкорпус (командовал генерал-майор Игнатий Иванович КАРПЕЗО, затем полковник Георгий Иванович ЕРМОЛАЕВ).

войск противника, не знали, что тут у него было главное направление удара на юге, хотя он наступал здесь несколько меньшими силами, чем в центре фронта на Москву. Это естественно. В Белорусском Особом военном округе и наших войск было больше, чем в Киевском. Правильно было определено, что главное направление, главная опасность – по дороге через Минск на Москву, хотя Сталин думал иначе.

Но и в направлении Киева все-таки немцы сосредоточили много войск. Основное, что инициатива была у них. На этом направлении мы получили резервную армию. Командовал ею Конев²⁹⁹. Я его лично не знал, но перед войной однажды встретился с ним в Москве. Конев служил ранее где-то в Сибири. У него сложились плохие отношения с тамошним секретарем обкома партии. Отношения настолько обострились, что Сталин вызвал к себе руководство обкома и Конева и сам разбирался в этом конфликте, возникшем по каким-то бытовым вопросам. Тогда-то я и увидел Конева первый раз в жизни.

Прибыл Конев в КОВО, его армия разгрузилась, мы были очень обрадованы, что получили резерв. Эту армию мы сейчас же нацелили в направлении на Броды. Но, как только его армия вошла в соприкосновение с противником, последовал звонок от Сталина: «Немедленно погрузить армию Конева и содействовать скорейшей отправке этих эшелонов в распоряжение Москвы». Тут я стал упрашивать оставить армию Конева нам – у нас было тяжелое положение – и сказал: «Если армия Конева останется, то у нас есть уверенность, что мы стабилизируем положение на направлении Броды и тем самым заставим противника перейти к обороне. А может быть, нам удастся его и разбить». Да, мы думали тогда вскоре разбить немцев. Это было не просто желание, мы верили в это, хотя соотношение сил на нашем участке было бы и при наличии армии Конева, видимо, все-таки в пользу противника. Сталин выслушал меня и ответил: «Хорошо, оставляем резервную армию, но оставляем именно для нанесения удара». А спустя некоторое время – опять звонок от Сталина: «Немедленно погрузите армию Конева». Она уже вела боевую операцию, но дан приказ, и она убыла.

Мы, таким образом, остались с тем, что имели у себя к началу войны. А перевес уже наметился в пользу противника, возникла тяжкая угроза в направлении на Броды и Ровно. А это значит в направлении Киева. Наш левый фланг оставался, таким образом, в тылу врага. Стало видно, что немцы рвутся клином на юг, на Киев, оставляя нашу Карпатскую группировку за собой и не ведя против нее боев. Там стояла 6-я армия, а Карпаты занимала, кажется, 12-я армия. Нависала угроза (уже виден был замысел) окружения врагом этих войск. Но я сейчас по этому вопросу специально высказываться не буду, а хочу осветить неприятный для нас эпизод, который произошел с членом Военного совета КОВО.

Когда у нас сложились тяжелые условия в районе Броды, мы с командующим войсками приняли меры для перегруппировки войск и уточнения направления нашего удара против войск противника, который наступал на Броды. Чтобы этот приказ был вовремя получен командиром мехкорпуса Рябышевым и командиром другого корпуса, фамилию которого я забыл, мы решили послать члена Военного совета КОВО, чтобы он сам вручил приказы, в которых было изложено направление удара. Этот член Военного совета выехал в корпус³⁰⁰. Я знал этого человека мало. Он прибыл к нам из Ленинграда перед самой войной и производил хорошее впечатление, да и внешность у него была такая, знаете ли: молодой еще человек, очень подтянутый, элегантный, одевался со вкусом и приковывал к себе внимание. Ну, и характер у него тоже имелся. Мне говорили военные, что он человек с претензиями. Рассказывали, что он низко оценивал командующего войсками КОВО и считал, что сам он выше него и мог бы с большей пользой, чем тот, выполнять функции командующего. Конечно, вряд ли он кому-

²⁹⁹ 19-я армия генерал-лейтенанта Ивана Степановича КОНЕВА.

³⁰⁰ Вероятно, в 4-й и 8-й мехкорпуса. Но еще оставались 9-й мехкорпус (командовал генерал-майор Константин Константинович РОКОССОВСКИЙ) и 19-й мехкорпус (командовал генерал-майор Николай Владимирович ФЕКЛЕНКО).

нибудь про это говорил. Это было умозаключение людей, работавших в штабе. Ну, мало ли что бывает и какие у него появляются желания. Это было его личное мнение. А пока он занимался своим делом. Я присматривался к нему: он был неглупый человек, поэтому ничего плохого я против него не имел, да и не мог иметь.

Перед отъездом в мехкорпуса он зашел вечером ко мне. Так как у нас очень плохо обстояло дело с помещением, то наши с командующим войсками рабочие и бытовые места были в одной комнате вместе с местами дежурных офицеров. Мы спали на ходу или сидя. Никакого дневного распорядка времени у нас еще не выработалось, мы еще не втянулись в военную обстановку. И когда член Военного совета зашел ко мне, то попросил меня выйти из комнаты, так как иначе нельзя было вести доверительный разговор. Я вышел. Он говорит мне: «Считаю, что вам надо немедленно написать товарищу Сталину, что следует заменить командующего войсками Киевского округа. Кирпонос совершенно непригоден для выполнения функций командующего». Я был поражен и удивлен. Только началась война, а член Военного совета, военнослужащий профессионал, ставит вопрос о замене командующего. Отвечаю: «Не вижу оснований для замены, тем более что война только началась». – «Он слаб». Говорю: «Слабость и сила проверяются у людей на деле. Поэтому полагаю, что надо проверить, слаб ли он».

Командующего я тоже знал не лучше, чем члена Военного совета. Знал по фамилии и в лицо, но о деловых качествах не имел представления. Прибыл новый человек и занял такой большой пост. Но я не хотел сразу же при первых выстрелах заниматься чехардой, сменой командного состава. Говорю далее: «Это произведет очень плохое впечатление, да я и не вижу оснований, я против». Потом спросил: «Кого же вы считаете тогда лучшим? Кого можно было бы назначить вместо Кирпоноса?» Он отвечает: «Начальника штаба генерала Пуркаева». Я был очень хорошего мнения о Пуркаеве, однако говорю: «Я Пуркаева уважаю и высоко ценю, но не вижу, что изменится, если мы Кирпоноса заменим на Пуркаева. К умению принимать решения относительно ведения войны чего-либо не добавится, потому что Пуркаев – начальник штаба и тоже принимает участие в разработке тех решений, которые принимаются (напомню, что начальник штаба входил в состав Военного совета КОВО). Знания и опыт генерала Пуркаева мы уже полностью используем и будем использовать далее. Я против».

Член Военного совета уехал в войска, а вернулся рано утром и опять пришел ко мне. Вид у него был страшно возбужденный, что-то его неимоверно взволновало. Он пришел в момент, когда в комнате никого не было, все вышли, и сказал мне, что решил застрелиться. Говорю: «Ну что вы? К чему вы говорите такие глупости?» – «Я виноват в том, что дал неправильное указание командирам механизированных корпусов. Я не хочу жить». Продолжаю: «Позвольте, как же это? Вы приказы вручили?» – «Да, вручил». – «Так ведь в приказах сказано, как им действовать и использовать мехкорпуса. А вы здесь при чем?» – «Нет, я дал им потом устные указания, которые противоречат этим приказам». Говорю: «Вы не имели права делать это. Но если вы и дали такие указания, то все равно командиры корпусов не имели права руководствоваться ими, а должны выполнять указания, которые изложены в приказах и подписаны командующим войсками фронта и всеми членами Военного совета. Другие указания не являются действительными для командиров корпусов» – «Нет, я там...»

Одним словом, вижу, что он затевает со мной спор, ничем не аргументированный, а сам – в каком-то шоковом состоянии. Я думал, что если этого человека не уговаривать, а поступить с ним более строго, то это выведет его из состояния шока, он обретет внутренние силы и вернется к нормальному состоянию. Поэтому говорю: «Что вы глупости говорите? Если решили стреляться, так что же медлите?» Я хотел как раз удержать его некоторой резкостью слов, чтобы он почувствовал, что поступает преступно в отношении себя. А он вдруг вытаскивает пистолет (мы с ним вдвоем стояли друг перед другом), подносит его к своему виску, стреляет и падает. Я выбежал. Охрана ходила по тропинке около дома. Позвал я охрану, приказал срочно взять

машину и отправить его в госпиталь. Он еще подавал признаки жизни. Его погрузили в машину и отправили в госпиталь, но там он вскоре умер³⁰¹.

Потом мне рассказывали его адъютант и люди, вместе с которыми он ездил в корпуса: когда вернулся с линии фронта, то был очень взволнован, не отдыхал, часто бегал в туалет. Полагаю, что он делал это не в результате жизненной потребности, а, видимо, хотел там покончить жизнь самоубийством. Бог его знает. Не могу сейчас определить его умонастроение. Ясно, что он нервничал. Потом пришел ко мне и застрелился. Однако перед этим разговаривал с людьми, которые непосредственно с ним соприкасались, и они слышали его слова. Он считал, что все погибло, мы отступаем, все идет, как случилось во Франции. «Мы погибли!» – вот его подлинные слова. Полагаю, что это и завело его в тупик, и единственный выход, который он увидел, покончить жизнь самоубийством. Так он и поступил.

Потом я написал шифровку Сталину, описал наш разговор. Существует документ, который я сейчас воспроизвожу по памяти. Думаю, что говорю точно, за исключением, возможно, порядка изложения. Самую же суть описываю, как это и было тогда в жизни. Вот, даже член Военного совета, который занимал столь высокое положение, дрогнул. Не физически струсил, нет, он морально дрогнул, потерял уверенность в возможности отразить гитлеровское нашествие. К сожалению, это был тогда не единственный случай. Происходили такие случаи и с другими командирами. Вот какая была обстановка. А мы ведь еще и десяти дней не находились в состоянии войны.

Возвращаясь к ситуации, о которой говорил перед описанием случая с членом Военного совета. Итак, мы увидели, что против 6-й армии Музыченко и 12-й армии Понеделина почти никаких активных действий со стороны противника не ведется³⁰². Было явное игнорирование нашего левого фланга со стороны немцев. Но они надеялись после вклинения танковыми войсками повернуть направо, окружить наши войска и уничтожить эти две армии. Поэтому мы с командующим решили вывести 6-ю армию, штаб которой находился во Львове, а сама она располагалась на границе, севернее Перемышля. Ее войска стали отходить. Не помню, на сколько километров они отошли, но противник их даже не преследовал. И вдруг мы получаем резкое указание из Москвы – нахлобучку за то, что отвели войска. Поступил приказ – вернуть войска, чтобы они заняли линию границы, как занимали ее раньше. Мы ответили: «Зачем же ее защищать? Ведь не ведется военных действий против этих двух армий. Противник сосредоточил главные силы на направлении Броды, уже виден его замысел. Он может окружить наши войска, и они потом не смогут выйти из-под флангового удара». Но нам приказали вернуть армии, и мы это сделали. Мне было очень обидно и горько так поступать. У меня сложилось впечатление, что эти две армии могут погибнуть. Они будут драться в окружении, но уже не будут использованы с тем эффектом, как если бы мы расположили их на направлении главного удара врага. Однако ничего не поделаешь, приказ есть приказ, и мы его выполнили.

Я полагал тогда (сейчас не помню, не сам ли Жуков звонил из Москвы по этому вопросу?), что Жуков тут не прав. Я носил при себе свою мысль все годы, и когда Жукова освобождали от должности в 1957 году, а я выступал с критикой его деятельности, то вернулся к этому моменту первых дней войны, к запрещению отвести армии из района Перемышля и Львова. В результате 6-я армия погибла потом в окружении, как погибла и 12-я армия. Я сказал: «Вот такой способный военачальник, как Жуков, а тоже совершил ошибку». Он ответил: «Это не моя инициатива, это было указание Сталина». Сейчас я не могу вступить с ним в спор, было ли это указание Сталина. Возможно, конечно, что так и было, но на основе доклада Жукова, потому что Жуков только что прибыл в Москву с нашего фронта и, думаю, был в этом

³⁰¹ Корпусной комиссар ВАШУГИН Николай Николаевич.

³⁰² Генерал-майор ПОНЕДЕЛИН Павел Григорьевич (12-я армия) и генерал-лейтенант МУЗЫЧЕНКО Иван Николаевич (6-я армия).

вопросе главным советчиком. Если бы он сказал, что приказ Военного совета КОВО верен, то Сталин, во избежание окружения этих армий, может быть, и не дал бы своего указания возвратить армии назад. А сейчас я не знаю конкретного инициатора того приказа и, следовательно, реального виновника гибели этих двух армий, попавших затем в окружение.

Можете ли вы представить себе то тяжелое для нас время, когда Гитлер двинул против нас полнокровные высокомеханизированные соединения, а мы лишились такой солидной силы, как две армии, 6-я и 12-я? Они потом отступали, немцы на них наседали и в конце концов в районе Умани окружили их. Обе они со штабами и командующими попали в плен. Если бы 6-ю армию мы могли раньше использовать, то могли бы взять часть ее дивизий, чтобы организовать удар во фланг врагу в районе Броды. Неизвестно, что произошло бы. Если бы даже мы не задержали его полностью и не разбили эту группировку, то во всяком случае мы бы значительно ее обескровили и задержали на какое-то время. Сложилась бы совершенно другая обстановка на нашем направлении. Но мы были лишены такой возможности. Почему тут я это говорю? Мало к нам было доверия. Частым оказывалось вмешательство сверху, и не всегда оно было разумным. Вмешательство, которое стоило многих жизней и большой крови. Тут – первый случай, но дальше я приведу еще много таких случаев, которые тоже стоили тысяч и тысяч жертв, совершенно ненужных, которых можно было бы избежать, если бы больше было доверия к командующим фронтами и их Военным советам.

Через несколько дней³⁰³, опять не по своей инициативе, а по указанию из Москвы, мы снялись со своего командного пункта. Нам приказали перенести штаб в Проскурров, то есть мы отходили на большую глубину. Мы были удивлены, так как на нашем направлении обстановка была еще не такая плохая, которая вынуждала бы принимать такие меры: отойти и расположить штаб в большой глубине за нашими войсками. Но это было указание из Москвы. Не помню, ссылались ли на имя, но все считали, что раз звонят из Москвы, значит – указание Сталина. Снялись мы с места и стали перемещаться. Это была ужасная картина.

Сотни машин двигались от линии фронта в тыл с семьями офицеров. Имелось много семей офицеров во Львове, Дрогобыче, Перемышле. Вместе с ними двигались беженцы. Но крестьян среди них не было. Западноукраинские крестьяне не уходили от немцев. Видимо, тут сказался результат агитации украинских националистов, которые ожидали немцев с другими чувствами, чем мы. Крестьяне были обмануты обещанием того, что Гитлер несет освобождение Украине. Так морочили голову крестьянам Западной Украины националисты, бандеровцы.

Как только мы прибыли в Проскурров и развернули штаб, тут же позвонил Сталин. Я разговаривал с ним. Сталин говорит: «Вы сейчас же переезжайте в Киев и в Киеве немедленно организовывайте его оборону». Мы так и сделали, хотя не знали, что делается у нас на правом фланге фронта в целом. Каково положение на Западном фронте, нам было неизвестно. Прибыли мы в Киев, а противник двигался за нами буквально следом, только по другому шоссе: мы – по Тернопольскому, а он, разбив наши силы на направлении Броды – Ровно – Коростень, продвигался севернее на большой скорости. И под Киевом сложилось буквально безнадёжное положение.

Когда отошли мы к Киеву, то немцы сожрали остатки наших войск. Мы потеряли артиллерию и танки, у нас не было пулеметов. Основные наши силы – два механизированных корпуса – были разбиты, главным образом с воздуха. Немцы летали безнаказанно, и у нас не было ничего, чем можно было бы защищаться. Войска 6-й и 12-й армий, когда противник вплотную взялся за них, стали отступать неорганизованно. Он все время держал их в полукольце, и они не имели маневренности. А это – самое главное для войск. Но эти армии, конечно, не распались. Они защищались и даже нанесли удар противнику в направлении на Броды. Они отступали южнее Киева, в район южнее Умани. Там их окружили. Сошлись два штаба: Понеделина

³⁰³ Три с половиной дня.

и командующего 6-й армией. Командующий 12-й армией был ранен. Когда подъехали немцы, Понеделин вышел из помещения и сказал, что он сдается в плен. В то время мы еще не знали фашистов и зачастую пытались вести войну «по всем правилам».

Это была, конечно, глупость, что фронт лишили инициативы в использовании войск по своему усмотрению. Вмешательство Генерального штаба получилось таким же, как у бравого солдата Швейка: все было хорошо, пока не вмешался генеральный штаб. Вот так и погибли наши войска. Постепенно стали выходить из окружения генералы. Пришел Попель³⁰⁴. Пришел небезызвестный Власов, с кнутом, без войск. Попель вернулся недели через две или через три. Он прошел лесами Полесья, там немцев еще не было, они шли большими дорогами. Попель даже вывез раненого полковника и вывел из окружения небольшое количество войск.

Сейчас не могу сказать, какой тогда был день войны. Войск у нас фактически не имелось, фронт был прорван. Противник вырвался вперед подвижными войсками, а наши войска остались далеко в его тылу и там вели бои. Противник подошел вплотную к Киеву, вышел на Ирпень. Река Ирпень – небольшая, но заболоченная. Перед этой рекой еще в 1928–1930 годах был сооружен Киевский укрепленный район. Там имелись железобетонные доты с артиллерией, но я уже говорил, что они были разрушены по предложению Мехлиса. Сталин приказал разоружить их с тем, чтобы наше командование не оглядывалось назад, а устремило свои взоры на укрепление новой границы, которую мы получили в результате разгрома немцами Польского государства. А теперь, когда нам так был бы нужен этот укрепленный район, он разоружен. Железобетонные сооружения сохранились, но оружия в них не было: ни артиллерии, ни пулеметов и не было войск. Поэтому мы начали собирать буквально все, что только могли: винтовки, пушки и прочее с тем, чтобы как-то построить оборону.

Назначили командовать этим участком генерала Парусинова³⁰⁵. Сейчас я о нем ничего не знаю. Он уже тогда был в летах. У меня сложилось о нем хорошее впечатление. Но он занимался в тот момент тылами. Я не помню, как называлась тогда его должность. По-моему, начальник тыла фронта, но не уверен. Но у нас другого человека не было, и мы назначили его. Он как-то распределял то, что мы имели и что собирали, и строил оборону города. А немцы расположились на западном берегу реки Ирпень. Никаких попыток перейти Ирпень они не предпринимали. Мост там был такой паршивенький, деревянный. Мы его взорвали, конечно. Думаю, что немцы прорвались все же небольшими передовыми танковыми частями, но пехоты у них не имелось, и форсировать эту преграду (я бы сказал, не реку, а болото) они не стали. Отложили на более позднее время.

Обстановка у нас была тяжелейшая. Шутка ли сказать, противник подошел к Киеву, вышел на Ирпень! В городе началась паника. Это естественно. Помню, как ночью (я сидел на лавочке) ко мне подошел командующий воздушными силами КОВО генерал Астахов³⁰⁶. Очень порядочный, добросовестный человек, внешне степенный и тучный. Он своей внешностью как бы олицетворял само спокойствие. Говорит: «Лишились мы в этих боях почти всей авиации. А сейчас противник не дает нам и носа показать». И разрыдался. Мимо проходили военные, и я его начал успокаивать, а потом прикрикнул на него: «Успокойтесь, товарищ Астахов! Посмотрите, ходят люди, увидят, что генерал в таком состоянии. Нам воевать надо и, следовательно, надо владеть собой». На него это как-то подействовало, но он долго еще не мог прийти в себя. Астахов вел себя так вовсе не из-за трусости. Нет, это был кадровый военный и очень знающий свое дело человек. Но прежде он был уверен, как и все другие, что мы неприступны, что наша граница «на замке», как в песнях пели, и что воевать мы будем на чужой территории. И вдруг

³⁰⁴ Бригадный комиссар ПОПЕЛЬ Николай Кириллович.

³⁰⁵ Генерал-лейтенант ПАРУСИНОВ Филипп Алексеевич.

³⁰⁶ Генерал-лейтенант авиации АСТАХОВ Федор Алексеевич.

мы оказались через несколько дней с начала войны под Киевом³⁰⁷. Оказались в таком положении, что Киев и держать нечем, нет сил: ни вооружения, ни солдат.

Все, что могли, мы направили на организацию обороны Киева. Не сдать Киев! Дать отпор врагу! Строили оборону с запада по течению Днепра левее Киева, то есть на левом фланге, выше города. А к югу от Киева было довольно большое пространство, которое занимали наши войска. Прежде всего, в этом направлении отступали 6-я и 12-я армии. Они уже попали в окружение, но вели бои и наносили противнику довольно большой урон. Мы стали организовывать дело так, чтобы с востока разорвать кольцо и помочь этим армиям выйти из окружения. Уже в ходе отступления штабы этих двух армий объединились.

Для защиты Киева мы решили создать новую армию и назвали ее 37-й³⁰⁸. Стали искать командующего. Нам с Кирпоносом предложили ряд генералов, которые уже потеряли свои войска и находились в нашем распоряжении. Среди них очень хорошее впечатление производил Власов. И мы с командующим решили назначить именно Власова. Отдел кадров КОВО тоже его рекомендовал и дал преимущественную перед другими характеристику. Я лично не знал ни Власова, ни других «свободных» генералов, даже не помню сейчас их фамилий. Если обратиться к свидетелю, то у меня есть свидетель, который сейчас жив, здоров и желаю, чтобы он жил еще тысячу лет, – Иван Христофорович Баграмян. Он был тогда в звании полковника начальником оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта. Очень порядочный человек, хороший военный и хороший оперативный работник, сыгравший большую роль в организации отпора гитлеровскому нашествию на тех участках, где ему поручали заниматься этим делом.

И все-таки я решил спросить Москву. Мы находились тогда под впечатлением того, что везде сидят враги народа, а особенно в Красной Армии. И я решил спросить Москву, какие имеются документы о Власове, как характеризуется он, можно ли доверять ему и назначить на пост командующего армией, которая должна защищать Киев. Войск-то нет, их еще надо собрать, и все это должен делать новый командарм. Позвонил Маленкову, больше звонить было некому. Но так как Маленков занимался в ЦК кадрами, то это был вопрос и к нему тоже. Правда, он сам ничего о Власове не знал, но люди, которые в Генеральном штабе занимались кадрами, должны были сказать ему свое мнение. Я спросил его: «Какую характеристику можно получить на Власова?» Маленков ответил: «Ты просто не представляешь, что здесь делается. Нет никого и ничего. Ни от кого и ничего нельзя узнать. Поэтому бери на себя полную ответственность и делай, как сам считаешь нужным».

При таком положении дел, хотя у нас никаких данных на Власова не имелось, мы знали, что военные рекомендовали именно его. Поэтому мы с Кирпоносом решили назначить его командовать 37-й армией. Он начал принимать бойцов из отступающих частей или выходящих из окружения. Потом пополнение получили кое-какое. Вскоре прибыл целый пехотный корпус³⁰⁹ под командованием генерала Кулешова. Этот корпус пришел с Северного Кавказа. Хороший корпус, но неподготовленный. Морально он не был подготовлен, не обстрелян, что естественно, ведь война только началась. Мы вывели его в Киевский укрепленный район и поставили на самый угрожаемый участок – защиту Голосеевского леса, непосредственных подступов к Киеву с юга³¹⁰. Мы ожидали удара не с севера. Там трудные природные условия, мы прикрывались Ирпенем.

Потом тут была 5-я армия в довольно хорошем состоянии. Ею командовал генерал Потапов.

³⁰⁷ К 7 июля 1941 г. (т. е. на 16-й день войны).

³⁰⁸ Окончательно сформирована к 8 августа 1941 г.

³⁰⁹ 64-й стрелковый корпус (командовал генерал-майор Александр Демьянович КУЛЕШОВ).

³¹⁰ У леса южнее дер. Голосеево, при шоссе на Васильков.

Его соседом по фронту был командарм-6 Музыченко. На Музыченко лежала перед войной тень: не является ли он предателем в рядах Красной Армии? В результате чего так думали? Перед войной он выехал в войска, то ли проводить учения, то ли просто проинспектировать свои части на границе. Штаб 6-й армии стоял во Львове. Дома осталась у него одна жена. И еще у него была домработница. Какой-то молодой человек ухаживал за ней, и тут ничего такого противоестественного не было. Видимо, так же относились к этому Музыченко и его жена. Но, как оказалось, это ухаживание было не простым увлечением.

Здесь преследовались политические, разведывательные цели. Этот «ухажер» выбрал момент, когда Музыченко выехал в войска (а к тому времени он уже завоевал себе право приходить в дом и приучил домашних положительно относиться к его появлению), и появился ночью. Жена Музыченко спала. Вдруг открывается дверь, заходит он в спальню и требует ключи от сейфа. Она испугалась. Потом она так вспоминала: «Я спала. Раздетая была. Он подошел, бесцеремонно сел на постель и в довольно вежливом тоне, как бы играючи, начал вести разговор. Никаких поползновений на мою честь он не проявлял и разговаривал любезно, но требовал ключи. Я сказала ему, что ключей у меня нет. Командующий никогда ключей не оставляет, тем более у меня, он берет их всегда с собой или же сдает. Куда, мне неизвестно. Я же никакого отношения к ключам не имею и никак не могу выполнить ваше требование. Он долго и настойчиво требовал ключи, хотя пересыпал разговор шутками и игривой беседой, чтобы не запугать, а может быть, расположить к себе с тем, чтобы я отдала ключи. Кончилось тем, что он ушел».

Подробно это описано, видимо, в архивах органов госбезопасности: жена Музыченко давала показания. Сбежала и девушка-домработница. Тогда стало ясно, что домработница была подослана украинскими националистами. Она-то и привела этого агента немецкой разведки, который хотел завладеть ключами, но не получил их. Когда Сталин узнал об этом случае, то спрашивал меня насчет Музыченко. Я ответил, что у нас нет абсолютно никаких данных для недоверия к генералу. Я опрашивал многих военных, и все дают ему очень положительную характеристику и как военному, и как человеку, и как члену партии. Здесь, видимо, налицо просто наглость чужой разведки. Жена его тоже не может быть агентом. Никаких данных к этому нет. Люди, знающие ее, тоже говорят, что она женщина порядочная. Это просто имела место доверчивость. Вопрос о Музыченко стоял на острие ножа: оставить его или освободить от командования армией? Долго обдумывали и все-таки решили оставить его на месте. Музыченко продолжал командовать 6-й армией. Ему было оказано полное доверие, и хотя этот инцидент, безусловно, оставил свой след, но на службе, я думаю, это не отразилось. Я, например, к нему относился после этого по-прежнему с доверием.

Теперь его армия сражалась южнее Киева. Главная опасность для Киева была как раз с юга, со стороны Белой Церкви. Развернулось и тут строительство обороны. Через какое-то время немцы подтянули свои войска и приступили непосредственно к операции по захвату Киева. Помню, что, когда сложилась тяжелая обстановка в направлении Белой Церкви, мы с Кирпоносом решили выехать в войска, оценить обстановку и принять меры к тому, чтобы наши войска не бежали. В это время командный пункт фронта находился в Броварах, то есть на восточном берегу Днепра, километрах в 25 от Киева в направлении Чернигова. Железобетонный командный пункт, который был фундаментально сделан в мирное время для штаба КОВО в Святошино, занимал теперь штаб 37-й армии. Я сейчас не помню имени начальника штаба армии³¹¹, но он на меня тоже произвел хорошее впечатление.

Приехали мы в штаб армии вместе с Кирпоносом и встретились сперва с начальником штаба. Почему-то отсутствовал командующий армией Власов. Потом и он приехал. Власов доложил обстановку, говорил довольно спокойно, и мне это понравилось. Тон у него был вселивший уверенность, и говорил он со знанием дела. Мы предложили сейчас же поехать в Голо-

³¹¹ Генерал-майор МАРТЪЯНОВ Александр Алексеевич.

сеевский лес, где был расположен прибывший к нам стрелковый корпус из трех дивизий. Мы и раньше выезжали в корпус Кулешова. При первой встрече с войсками противника солдаты этого корпуса показали себя очень плохо. Началась паника, корпус отступил. Возникла опасность, что люди разбегутся. Тогда мы выехали туда, чтобы восстановить порядок. Был поставлен на ноги военный трибунал. Развернуты заградительные отряды. Приняты все меры, которые принимались в таких случаях для восстановления порядка и дисциплины. Строгие меры! Имели место суды на поле боя. Тут же приводились в исполнение суровые приговоры, которые необходимы только в такой тяжелой обстановке. Мы увидели, что Кулешов плохо управляет войсками. Может быть, тогда мы погорячились, потому что у него не было опыта, как и у его солдат. Он был тоже необстрелянный человек. Но, так или иначе, мы его освободили и назначили нового командира корпуса. Сейчас не помню его фамилию, по национальности он был еврей.

Когда мы приехали туда во второй раз, то командовал корпусом уже этот, новый командир. Приехали мы с Власовым. Обстановка была такой: немцы вели артиллерийско-минометный огонь и бомбили этот район с воздуха. Когда мы подошли к командиру, он сидел на каком-то полевом стуле, а стол перед ним был накрыт кумачом. Стоял телефон. Тут же была отрыта щель-убежище. С ним были какие-то люди. Он стал докладывать нам обстановку. В это время немцы обстреливали нас из минометов и строчили их пулеметы, но их самих не было видно, только шел гул по лесу. Бомбили и с самолетов. Потом усилился орудийный огонь. Власов держался довольно спокойно (я поглядывал на него). У него была вырезана трость из орешника. Он этой тростью похлопывал себя по голенищу. Потом он предложил, во избежание неприятностей, залезть в щель. Нас мог поразить какой-нибудь осколок. Мы послушались его совета, залезли в щель. Там заслушали комкора. Командир корпуса произвел на меня очень хорошее впечатление своим спокойствием, уверенностью и знанием обстановки. Мы уехали, пожелав ему успеха.

Буденный приехал к нам в ходе упорных боев за Киев. Я спросил: «Что делается на других фронтах? Я ничего не знаю, никакой информации мы не получаем. Вы, Семен Михайлович, из Москвы. Ведь вы знаете?» – «Да, – говорит, – знаю и расскажу вам». И он, один на один, рассказал мне, что Западный фронт буквально рухнул под первыми же выстрелами и расчленился. Там не сумели организовать должного отпора противнику. Противник воспользовался нашим ротозейством и уничтожил авиацию фронта на аэродромах, а также нанес сильный урон нашим наземным войскам уже 22 июня, при первом же ударе. Фронт развалился. Сталин послал туда Кулика, чтобы помочь комплектованию. Но от маршала Кулика нет пока никаких сведений. Что с ним, неизвестно. Я выразил сожаление: «Жалко, погиб Кулик». Буденный же сказал: «А вы не жалеете его». И это было сказано таким тоном, который давал понять, что Кулика считают в Москве изменником, что он, видимо, передался противнику. Я знал Кулика, считал его честным человеком и поэтому сказал, что мне его жалко. «Ну, вы не жалеете его, не жалеете», – повторил Буденный. Я понял, что, видимо, он имел какой-то разговор об этом со Сталиным.

Зачем Буденный приехал, трудно сказать. Пробыл у нас недолго. А вечером спросил: «Где мы будем отдыхать? Давайте вместе ляжем спать». Я согласился. «А где? У вас? Где вы отдыхаете?» Говорю: «Вот тут я и отдыхаю». Вышли из дома. Снаружи была разбита палатка, и в ней набросано сено. «Вот здесь, в палатке я и сплю». – «Да вы что?» Я объяснил ему: здесь, где наш штаб, – болото, нельзя рыть щели, появится вода. Поэтому я спасаюсь при авиабомбежке в палатке. Буденный: «Ну ладно. Раз вы здесь, то я тоже с вами». И мы легли, поспали несколько часов, отдохнули. Рано утром нас разбудила немецкая авиация. Самолеты на бреющем полете летали над поселком и бомбили его. Наши зенитки вели огонь. Никакого попадания в самолеты в поле зрения не было видно. А наши самолеты не появлялись. Я рассердился и возмущился этим. Обращаюсь к Астахову: «Ну что же это такое? Почему они безнаказанно летают и бомбят, а мы не можем ничего сделать?». Немцы уже отбомбились и улетели. Аста-

хов докладывает: «Столько-то самолетов было сбито». Я спросил: «А где сбитые? Я не видел, чтобы они падали». – «А они упали за Днепром». – «Ну если они упали за Днепром, то можно докладывать, что сбито их даже больше». Думаю, что Астаховым был взят грех на душу. Может быть, и сбили что-то, но меня очень обескуражило его заявление, и я сказал: «Бойцы видят, как безнаказанно летают немцы, а мы не наносим противнику урона».

Буденный вскоре уехал от нас. В войска он не ездил, вернулся в Москву. С какими заданиями приезжал (а иначе и быть не могло – это же не экскурсия), мне было неизвестно, он мне этого не сказал. Просто поговорили с ним, он заслушал обстановку, заслушал командующего войсками и начальника оперотдела штаба Баграмяна. Его беседа с Баграмяном произвела на меня тяжелое впечатление. Я ее хорошо запомнил и до сих пор не могу забыть. Дело было после обеда. Буденный слушал Баграмяна, который докладывал об обстановке. Баграмян – очень четкий человек, доложил все, как есть, о всех войсках, которые у нас тогда были: их расположение, обстановку. Тут Буденный насел на Баграмяна. Отчего, не знаю конкретно. Я особенно не придавал тогда значения этой беседе. На военном языке это означает: разбираться в обстановке. Начальник оперативного отдела штаба докладывал обстановку Маршалу Советского Союза, присланному из Москвы.

Помню только, что закончился разбор обстановки такими словами: «Что же у вас такое? Вы не знаете своих войск». – «Как не знаю, я же вам доложил, товарищ маршал», – отвечает Баграмян. «Вот я слушаю вас, смотрю на вас и считаю – расстрелять вас надо. Расстрелять за такое дело», – таким писклявым голосом говорит Семен Михайлович. Баграмян: «Зачем же, Семен Михайлович, меня расстреливать? Если я не гожусь начальником оперативного отдела, вы дайте мне дивизию. Я полковник, могу командовать дивизией. А какая польза от того, что меня расстреляют?» Буденный же в грубой форме уговаривал Баграмяна, чтобы тот согласился на расстрел. Ну, конечно, Баграмян никак не мог согласиться. Я был даже удивлен, почему Семен Михайлович так упорно добивался «согласия» Баграмяна. Конечно, надо учитывать, что такой «любезный» разговор происходил между Маршалом Советского Союза и полковником после очень обильного обеда с коньяком. И все-таки, несмотря на это обстоятельство, форма разговора была недопустимой. Он велся представителем Ставки Верховного Главнокомандования и, конечно, никак не отвечал задачам, которые тогда стояли, и не мог помочь делу и нашим войскам. Это тоже свидетельствует о том, какое было состояние у людей. Семен Михайлович совершенно вышел тогда за рамки дозволенного. Но мы просто посмотрели тогда на этот разговор несерьезно. Хотя он и касался жизни человека, однако обошелся без последствий. Семен Михайлович уехал, а мы остались в прежнем тяжелом положении, которое после его приезда не улучшилось и не ухудшилось.

Люди и события летом – осенью 1941 года

Сегодня – 23 февраля 1968 года. Это великий день, славный юбилей нашей Советской Армии, всех наших Вооруженных Сил, которые были созданы под руководством Ленина и одержали победы в первые же годы революции над белогвардейцами, нашими классовыми врагами. Позднее выдержали фашистское нашествие, удар против Советской страны и народа. Все выдержали с честью, разбили всех наших врагов и высоко держат Красное Знамя, наше знамя, обогренное кровью рабочего класса в борьбе с врагами. Большой путь прошли Советские Вооруженные Силы, и я горжусь этим. Горжусь тем, что мне тоже довелось быть в составе наших славных Вооруженных Сил – Красной Армии.

Я находился в Красной Армии в самые тяжелые времена для нашей молодой Советской республики, с января 1919 года. Мне в ее рядах довелось пройти тяжелые испытания и длинный путь, пришлось служить в составе 9-й стрелковой дивизии, которая сначала отступала с боями за Орел, под Мценск; потом с этой же дивизией проделал путь наступления. Мы промаршировали, буквально гоня противника. Рождество 1920 года мы встречали уже в Таганроге. Говорю – в Таганроге, потому что наша стрелковая дивизия в это время была придана 1-й Конной армии, которой командовал, как всем известно, Буденный. 1-я Конная наступала на Ростов, мы же пошли на Таганрог. Это очень длинный путь из-под Орла. Но белые так быстро отступали, что нам надо было буквально поспевать за ними.

В 1920 году мне довелось в составе той же дивизии проделать иной маршрут: 1 марта мы наступали на селение Кошкино (оно имело двойное название: Кошкино-Крым). У меня отложилось в памяти, что именно Кошкино-Крым. В начале апреля мы дошли до Черного моря, заняли Анапу и торжествовали победу, с полным разгромом белогвардейцев. Мы их там сбросили в Черное море. Зимой была создана кавалерийская группа для преследования белых. Мы мобилизовали лошадей у кубанских казаков и посадили на коней наших бойцов, потом участвовали в освобождении Новороссийска. Но не вся дивизия была там: часть ее заняла Анапу и остановилась. Спустя пять дней отдыха, проведенных в Анапе, двинулись на Таманский полуостров и заняли его в том же апреле, а 1 Мая праздновали уже в Тамани. Ну, это – лирическое отступление в моих воспоминаниях. Действительно, воспоминания есть воспоминания, даже если, к сожалению, они излагаются непоследовательно. Впрочем, это не имеет особого значения.

Возвращаюсь к тому, как из-под Киева уехал от нас Буденный. В июле 1941 года меня вызвали в Москву. Мне было интересно приехать именно тогда в Москву, проинформироваться и узнать истинное положение вещей. В каком состоянии находится наша страна? Какие соображения имеет Сталин относительно задержания наступления противника, а потом нашего перехода в наступление? Мы не могли даже занять твердую оборону, находились в стадии отступления, в стадии поражений на фронте. В это время Сталин нигде «не вылезал» со своей фамилией как Верховный Главнокомандующий, каковым он вскоре был назначен³¹². Распоряжения отдавались Ставкой. Нигде не говорилось – Командующий (или Главнокомандующий) Сталин. Это тоже свидетельствует об определенном настроении Сталина, который не хотел, видимо, связывать свое имя с поражениями наших войск.

Итак, меня вызвали в Москву, но не сказали, по каким вопросам. Думаю, что Сталин вызвал меня, чтобы узнать, как я оцениваю положение дел на нашем участке фронта. Я занимался тогда только территорией Киевского Особого военного округа³¹³, то есть северной

---

³¹² И.В. СТАЛИН был назначен Верховным Главнокомандующим 8 августа 1941 г.

³¹³ До 10 сентября 1941 г. КОВО функционировал, находясь в оперативном подчинении у Юго-Западного фронта и обеспечивая его ресурсами.

частью Украины. Южная часть Украины – это Южный фронт. Он был создан на основе Одесского военного округа. На те войска я никакого влияния не имел.

Когда я приехал в Москву, мне сказали, что Сталин находится на командном пункте. Москву тогда бомбили очень часто, и штаб был перенесен к Кировским воротам, в помещение Наркомата легкой промышленности СССР. Это помещение было занято под штаб, а для Сталина и руководства партии был организован командный пункт Ставки там же, на станции метро «Кировская». Когда я встретился со Сталиным, он произвел на меня удручающее впечатление: человек сидел как бы опустошенный и ничего не мог сказать. Он даже не смог сказать мне несколько подбадривающих слов, а я в этом нуждался, потому что приехал в Москву, прибыл к Сталину, в центр, к руководству страной и армией. И вот я увидел вождя совершенно морально разбитым. Он сидел на кушетке. Я подошел, поздоровался. Он был совершенно неузнаваем. Таким выглядел апатичным, вялым. Лицо его ничего не выражало. На лице было написано, что он во власти стихии и не знает, что же предпринять. А глаза у него были, я бы сказал, жалкие какие-то, просящие.

Сталин спросил: «Как у нас дела?» Я ему откровенно обрисовал обстановку, которая у нас сложилась. Как народ переживает случившееся, какие у нас недостатки. Не хватает оружия, нет даже винтовок, а немцы бьют нас. Собственно говоря, мне и не требовалось ему рассказывать, потому что он сам знал по докладам, которые делал Генеральный штаб: армия бежала, немцы превосходили нас и на земле, и в воздухе, у нас не хватало вооружения, а к этому времени уже не хватало и живой силы. Все рассказал, в каком мы находимся положении.

Помню, тогда на меня очень сильное и неприятное впечатление произвело поведение Сталина. Я стою, а он смотрит на меня и говорит: «Ну, где же русская смекалка? Вот говорили о русской смекалке. А где же она сейчас в этой войне?» Не помню, что ответил, да и ответил ли я ему. Что можно ответить на такой вопрос в такой ситуации? Ведь когда началась война, к нам пришли рабочие «Ленинской кузницы» и других заводов, просили дать им оружие. Они хотели выступить на фронт, в поддержку Красной Армии. Мы им ничего не могли дать. Позвонил я в Москву. Единственный человек, с кем я смог тогда поговорить, был Маленков. Звоню ему: «Скажи нам, где получить винтовки? Рабочие требуют винтовок и хотят идти в ряды Красной Армии, сражаться против немецких войск». Он отвечает: «Ничего я не могу тебе сказать. Здесь такой хаос, что ничего нельзя разобрать. Я только одно могу тебе сказать, что винтовки, которые были в Москве у Осоавиахима (а это винтовки с просверленными патронниками, испорченные), мы приказали переделать в боевые, велели заделать отверстия, и все эти винтовки отправили в Ленинград. Вы ничего не сможете получить».

Вот и оказалось: винтовок нет, пулеметов нет, авиации совсем не осталось. Мы оказались и без артиллерии. Маленков говорит: «Дается указание самим ковать оружие, делать пики, делать ножи. С танками бороться бутылками, бензиновыми бутылками, бросать их и жечь танки». И такая обстановка создавалась буквально через несколько недель! Мы оказались без оружия. Если это тогда сказать народу, то не знаю, как отреагировал бы он на это. Но народ не узнал, конечно, от нас о такой ситуации, хотя по фактическому положению вещей догадывался. Красная Армия осталась без должного пулеметного и артиллерийского прикрытия, даже без винтовок. Под Киевом мы на время немцев задержали. Уверенности, что выдержим, однако, не было, потому что у нас не было оружия, да не было еще и войск. Мы собрали, как говорится, с бору по сосенке, наскребли людей, винтовок и организовали очень слабую оборону. Но и немцы, когда они подошли к Киеву, тоже были слабы, и это нас выручило. Немцы как бы предоставили нам время, мы использовали его и с каждым днем наращивали оборону города. Немцы уже не могли взять Киев с ходу, хотя и предпринимали довольно энергичные попытки к его захвату. Я сказал Сталину, что Киев еще наш и мы твердо держимся, построив прочную оборону. Это были первые серьезные достижения в создании обороны. Против наших войск неоднократно предпринимались атаки, и мы их с успехом отбили. И я ему сказал: «Сейчас у

нас есть уверенность, что наступление на Киев в лоб вряд ли будет иметь успех». Вот я говорю сейчас: «Вряд ли». Думаю, что для людей, которые имеют хоть какое-то понятие об обстановке в то время, это «вряд ли будет иметь успех» – слишком оптимистическое заявление.

В Красной Армии тогда, к сожалению, больше рассказывали, как мы бежали, а не как давали отпор. Хотя в процессе бегства наши войска останавливались и наносили довольно чувствительные удары по врагу. Это я теперь ясно вижу, когда прочел книгу «Совершенно секретно! Только для командования! Немецкие документы о Второй Мировой войне» (М.: Наука, 1967). В ней для меня особенно интересны были подлинные документы из стана врага. С комментариями в книге я не во всем согласен: они недостаточно глубоки и недостаточно объективны. Дальше, видимо, я выскажу свое мнение, в чем конкретно я считаю их недостаточно глубокими и недостаточно объективными. Но вражеские документы доставили мне, я бы сказал, наслаждение. Запоздалое по времени, но наслаждение.

Я читал эту книгу и видел, как этот бесноватый Гитлер корчился, как извивался он под ударами наших доблестных советских войск и на тех направлениях, где я был членом Военного совета (ни в какой степени я не приписываю этот факт своим личным качествам. Упоминаю об этом, чтобы меня никто не подозревал или тем более не обвинял в нескромности). Сейчас, объективно делая выводы на основе заключений врага, вижу, что наибольшее сопротивление оказывали и наибольший урон наносили немецким войскам именно мы, на Юге. В первые дни войны я был в КОВО, затем в Военном совете Юго-Западного фронта, затем Южного фронта, потом Сталинградского и Юго-Восточного, затем опять Южного, далее Воронежского, потом 1-го Украинского фронта. Мне было приятно читать.

Сейчас мы перешагнули 20 с лишним лет после разгрома гитлеровских войск. Документы, которые были совершенно секретны, стали доступны всем, кто желает познакомиться с тем, как организовывалась и как протекала эта великая борьба народов против фашистской чумы, против гитлеровских сумасбродных идей господства нацизма над всем миром и прочих бредней, которые Гитлер высказывал и в которые верил. Нужно прямо сказать, что Гитлер увлек немецкий народ. Изображать, что его никто не поддерживал, глупо. Если бы Гитлер не имел опоры в немецком народе, то не смог бы добиться того, чего достиг. Он обманул немцев, это верно. Но все-таки даже рабочие поддерживали его. Я это знаю по допросам пленных. Да и внутренней широкой антигитлеровской борьбы рабочих и крестьян в Германии не чувствовалось. Если бы это было, то, видимо, такой стойкости, которую показали немецкие войска во Второй мировой войне, не проявилось бы. Если бы немецкая армия, которая состояла из рабочих и крестьян, если бы эти люди выступали против нацизма и против Гитлера, то они не проявили бы такой стойкости. Поэтому-то нам и приходилось каждую пядь земли брать с боем и проливать очень много крови.

Все наши военные знают, что когда мы готовились к наступлению, то место для удара выбирали наиболее выгодное в стратегическом отношении, которое отвечало бы нашим стратегическим замыслам: не с немецкими солдатами, а румынскими или итальянскими. Эти войска были малоустойчивы к нашим ударам. При первом же ударе оборона, которую занимали эти войска, разваливалась. Иное положение складывалось на тех участках, где в обороне находились мадьяры. Мадьяры оказывали очень упорное сопротивление. Видимо, я несколько отвлекся, так как то, что я говорю, скорее всего, должно относиться к заключительной части моих воспоминаний. Поэтому возвращаюсь к беседе со Сталиным. Сталин меня расспрашивал, и я рассказал ему о положении на нашем участке фронта. Его голос и выражение лица были не сталинскими. Я привык видеть его уверенность, твердое такое выражение лица и глаз. А здесь был выпотрошенный Сталин. Только внешность Сталина, а содержание какое-то другое.

Я уже говорил, что меня неотвязно преследует его упрек в отношении русского народа. Он сказал: «Ну вот, говорили: русская смекалка! Где же это сейчас русская смекалка? Где она? Почему не проявляется?» Не помню, что ответил ему. Наверное, ничего. Потому что ответить

я ничего не мог. Русскую смекалку из кармана не вытащишь. Я был внутренне возмущен. Когда уехал из Москвы, меня просто распирало. Как же так? Он возлагает сейчас ответственность на всю русскую нацию. Русские, дескать, не проявляют смекалки... Так как же ты можешь так думать о людях, русских ли, украинцах, белорусах, узбеках или других народах нашей великой Родины? Обвинять их в том, что они не проявили смекалки в то время, когда первая смекалка – вооружение, вооружение и еще раз вооружение! Вот что прежде всего, а потом уже проявление смекалки в том, как правильно и более эффективно использовать это вооружение.

Наши войска твоей волею, именно твоей, Сталин, были поставлены в такие условия, когда они не имели даже достаточного количества винтовок. Я уже не говорю о противотанковой артиллерии; не говорю, что мы сначала и понятия не имели о противотанковых ружьях. Не было у нас и автоматического оружия. Потом появились автоматы ППШ. Эти автоматы были изобретены нашими конструкторами-оружейниками вскоре после Финляндской войны, но не изготавливались. В Финляндии мы на практике познакомились с этим оружием. Финнами оно широко применялось против наших войск, и мы несли очень большой урон. Несмотря на это, такого оружия у нас не было в начале Великой Отечественной войны. В то время рассуждали так, что это оружие неприцельное и очень расточительное по количеству употребляемых боеприпасов. Этот вопрос – святая святых Сталина, он был тут судья. Поэтому в Красной Армии оставили винтовку.

Но жизнь показала обратное. Мы вынуждены были вернуться к этому оружию. Быстро и в достаточном количестве стали делать автоматы и снабжать ими нашу армию. А если бы это сделали раньше? Если бы это правильно было оценено? Кто в этом виноват? Сталин виноват. Сталин и Сталин! Могут сказать: не Сталин же занимался вопросами вооружения. Именно Сталин! Я уже раньше говорил, что старался несколько раз приоткрыть глаза Сталину на маршала Кулика, чтобы он более трезво оценил его. А он все-таки не стал меня слушать. Наоборот, упрекнул меня, что я не знаю этого человека, а он его знает. Такая самоуверенность в оценке людей и, следовательно, в знании дела вот к чему теперь привела. Стоила стольких жизней, такой крови советским людям... Вот какой промах был допущен по вине Сталина.

Сегодня утром мне звонили многие товарищи и поздравляли с днем 50-летия Советских Вооруженных Сил. Звонил мне и мой товарищ, давний друг Сердюк. Я его знаю много лет как партийного работника. Он вместе со мною уехал из Москвы на Украину, стал потом вторым секретарем Киевского городского партийного комитета, а я был избран первым. Мы жили и работали с ним вместе. Когда началась война, я порекомендовал его членом Военного совета 6-й армии. Он был утвержден в должности, а потом оставался членом Военного совета армии до полного разгрома немцев под Сталинградом. Там он был членом Военного совета 64-й армии, которой командовал Шумилов – замечательный генерал и замечательный человек³¹⁴. Он сейчас находится на пенсии.

Я уже говорил, что 6-я и 12-я армии отступили после того, как немцы зашли глубоко во фланг этим армиям, а потом они их окружили и разгромили где-то в районе Умани. Эти две армии попали в плен. И их штабы попали в плен вместе с командующими Музыченко и Понеделиным. Вот тогда снова возник в моей памяти довоенный инцидент с Музыченко, но уже, как говорится, последствий никаких не было. Допускали только, что мы, видимо, прозе-вали, и он, может быть, действительно был нечестным человеком, хотя его поведение и управление войсками оставались до конца безупречными. 12-я и 6-я армии, борясь в окружении, наносили, как теперь известно по немецким документам, довольно большой урон немецким войскам и дрались до последнего. Музыченко был взят в плен раненым; кажется, он лишился

³¹⁴ Генерал-майор (затем генерал-лейтенант) ШУМИЛОВ Михаил Степанович (1895–1975) командовал 64-й армией с августа 1942 г. вплоть до ее преобразования в 7-ю гвардейскую в апреле 1943 г., а затем командовал последней по май 1945 г. (с 1943 г. – генерал-полковник).

ноги. Музыченко попал в такой переплет, который вроде бы давал все основания верить, что он нечестный человек, что он немецкий агент. Это было умозаключение, которое не подтвердилось. Хотя косвенные показатели вроде бы имелись.

Эти генералы, попав в плен, числились у нас как предатели. Тогда все, попавшие в плен, считались по приказу Сталина предателями, а семьи их подлежали высылке в Сибирь. Это было применено, конечно, и против семей Музыченко и Понеделина. Потом эти люди вернулись домой. Я даже помню, что Музыченко возвратился на какую-то работу в ряды Советской Армии, Понеделин – тоже. Потапов тоже попал в плен и тоже вернулся. Он потом занимал какую-то командную должность в Советской Армии. Вот в такие сложные переплеты попадали порой наши командиры³¹⁵.

Хотел бы рассказать еще о таком случае. Думаю, что организовал эту подлость Сергиенко³¹⁶. Сергиенко был наркомом внутренних дел УССР. Такой длиннющий и хитрый человек. Оборотистый человек. Потом оказалось, что это был очень нечестного склада, коварный человек. В Киеве сложилась тяжелая обстановка, и мы вынуждены были перенести штаб Юго-Западного фронта в Бровары. Мы сделали это вместе с командующим войсками. И вдруг я получаю телеграмму от Сталина, в которой он несправедливо обвинял нас в трусости и угрожал, что «будут приняты меры». Обвинял в том, что мы намереваемся сдать врагу Киев. Сталин верил своим чекистам, считал, что они безупречные люди. В телеграмме, конечно, ссылки на них не было. Но я убежден, что никто не мог сделать это, кроме Сергиенко. Это была подлость!

А когда Киев был немцами обойден, он остался в их тылу и выбрался из окружения, переодевшись в крестьянскую одежду. После этого случая я его не уважал и ему не доверял. Рассматривал его как подлого человека, способного на клевету. Чтобы выставить себя героем, он мог других людей обвинить в самых смертных грехах. Но теперь история знает, что мы не только не намеревались сдавать Киев, а нанесли немецким войскам очень большой урон и отбили у них охоту атаковать город в лоб. Киев пал не в результате того, что он был оставлен нашими войсками, которые его защищали, а в результате обходных маневров, предпринятых немцами с севера и с юга, из районов Гомеля и Кременчуга. Это я просто попутно припомнил неприятный эпизод, который глубоко переживал.

---

³¹⁵ МУЗЫЧЕНКО Иван Николаевич, вернувшись из плена, служил в Советской Армии по 1947 г.; ПОТАПОВ Михаил Иванович – по 1965 г. (в 1961 г. стал генерал-полковником).

³¹⁶ СЕРГИЕНКО Василий Тимофеевич – нарком внутренних дел УССР с июня 1941 по 1943 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.